Роман Глушков
Бешеный мир

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Заряжайте свои дробовики, ибо привычный нам мир летит в тартарары! Человечество раскололось на два вида: тех, кого поразила загадочная болезнь под названием «Зов» и тех, до кого она еще не добралась. Первых за их звериную кровожадность не мудрствуя лукаво назвали зомби. Вторые пытаются выжить в царящем повсюду хаосе, но с каждым днем их становится все меньше, а зомби – все больше. Потерявший всю свою семью, бывший артист циркового родео Степан Четвертаков и его напарник, беглый зек по кличке Ананас – наемники, очищающие мир от бандитов и зомби. Бизнес наемников шел неплохо до тех пор, пока однажды они не спасли от смерти незнакомца из Индии, что разыскивал в России свою превратившуюся в зомби сестру. Что и стало началом свалившихся на них затем крутых неприятностей…

- Роман Глушков
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

Роман Глушков
Бешеный мир

«Как ужасно не знать, кто вечером будет живой, а кто – мертвый».

Астрид Линдгрен

Глава 1

Капитан псковского гвардейского десантно-штурмового батальона Александр Ураганов был очень крутым парнем. Даже сам юго-западный склон Эвереста не мог бы сравниться с ним в крутизне, поскольку, я уверен, у Сашки хватило бы сил и упорства покорить сей легендарный альпинистский маршрут. Единственное, что еще могло считаться круче Урагана, так это вареные яйца. Но он в конце концов обставил в этом плане и их! Жаль, только радоваться победе не пришлось ни ему, ни мне. Потому что когда в одно далеко не прекрасное утро в голове Ураганова прозвучал Зов, мозги капитана тут же сварились вкрутую, и он превратился в зомби. Со всеми вытекающими отсюда проблемами. И самой главной из них было обуявшее Сашку, нестерпимое желание сожрать своего напарника…

…То есть меня!

С чем я, разумеется, категорически не согласился. И оказал яростное сопротивление сашкиной попытке позавтракать мною.

Мы проработали на пару с Ураганом полтора года – достаточный срок для того, чтобы называться не только деловыми партнерами, но и настоящими товарищами. Мы столько раз вытаскивали друг друга изо всяких передряг, что даже перестали говорить друг другу за это спасибо. Хотя, говоря начистоту, Сашка спасал меня чаще, чем я его, ведь он, влипая в неприятности, всегда имел больше шансов выпутаться из них, не дожидаясь подмоги. Что, впрочем, было в порядке вещей для человека, способного убить за раз голыми руками, а также ногами, полдюжины врагов-людей или двух-трех простых зомби-копателей. Я же – сорокапятилетний цирковой артист, – не мог похвастаться такой физической мощью. С моими силенками и одного-то зомби в рукопашном бою не одолеть. А кидаться с кулаками на такого свирепого зомби, в которого вдруг превратился капитан Ураганов, было и вовсе равносильно самоубийству…

А началось то злополучное утро вполне обыденно. Как об этом зачастую пишут в книгах: ничто не предвещало грозу. Кроме разве что обычной майской грозы – той самой, которую так любил поэт Тютчев. Однако сверкающие зарницами, тяжелые тучи ползли по горизонту не к нам, а на запад, к Самаре, и, по всем признакам, должны были обойти нас стороной. Мы же с Сашкой проснулись по привычке с первыми лучами солнца и, прежде чем возобновить наш путь, уселись завтракать.

Я не сомневался, что сегодня мы наконец-то настигнем банду

Дырокола, за которой гонялись вот уже вторую неделю. Так что перед финальным этапом нашей погони было необходимо хорошенько подкрепиться. Еще неизвестно, доведется ли нам пообедать, а я не испытывал удовольствия охотиться за негодяями на голодный желудок.

Мы торопились. Но пять минут, потраченные мной на умывание и мытье посуды, нам погоды не делали. Так, по крайней мере, я тогда думал. И думал неправильно. Потому что, пока я ходил к реке и обратно, в нашем маленьком лагере успели произойти судьбоносные перемены.

Вернувшись к машине с вымытыми мисками, ложками и кружками, я обнаружил, что напарник все еще не загасил костерок и не собрал вещички, чем он вроде бы хотел заняться в мое отсутствие. Напротив, то, что он творил, было не упаковкой наших нехитрых пожитков, а их распаковкой. Сидя на коленях у костра, Сашка рвал полиэтиленовый пакет, содержимое которого высыпалось перед ним на землю. И тем не менее он продолжал кромсать пакет в клочья, как будто именно это, а не сворачивание лагеря, интересовало его сейчас больше всего.

– Какого черта ты делаешь? – раздраженно спросил я, остановившись позади занятого ерундой товарища. – Опять, что ли, психуешь из-за того, что Дырокол удрал от нас под Бобровкой?

Вместо ответа Сашка сунул себе в зубы обрывок пакета и, рыча, затряс головой – ни дать, ни взять хищник, поймавший и треплющий мелкую добычу.

Все это напоминало глупую и неуместную шутку. Вот только капитан Ураганов был не тем человеком, который стал бы валять передо мной дурака. Потомственный офицер в четвертом поколении, он сохранял достоинство, даже играя со своими детьми; жена и дети Сашки проживали неподалеку от Саратова, в фортеции Красный Яр. А выходя на тропу войны и почуяв запах врага, Ураган являл собой прямо-таки воплощение серьезности и целеустремленности. И всегда смотрел на меня – циркача, потомка таких же циркачей, – с неодобрением, когда я, бывало, откалывал ради куража один из своих аренных трюков.

Что же вдруг ни с того ни с сего нашло на Сашку? Тут напрашивался лишь один ответ – самый нежелательный и самый страшный.

Проклятый Зов, сгубивший к этому дню едва ли не половину населения планеты, все же дотянулся до моего напарника. И теперь он, лишенный разума и превращенный в зомби-копателя, начисто забудет обо всем, что еще пять минут назад было для него дороже всего на свете. Забудет и пошагает отсюда прямиком

на северо-запад – в Москву, к Котловану. Туда, куда стремятся все до единого зомби, и где сегодня царит такой кромешный ад, который не пригрезился бы в безумных фантазиях самому Иерониму Босху. И любому, кто встанет на пути зомбированного Урагана, грозила скорая и неминуемая расправа.

А первым таким кандидатом на уничтожение – или, вернее, на пожирание живьем, – предстояло стать мне – его другу, соратнику и деловому партнеру.

Вообще-то, будь на то моя воля, я бы не стал мешать Сашке. И отпустил бы его с миром, постаравшись уйти от него как можно незаметнее. Но дело в том, что спасаться бегством было поздно. Едва я подал голос, как все внимание Урагана сразу переключилось на меня. А что бывает, когда зомби-копатель замечает вблизи от себя нормального «чисторукого» человека, всем известно. И никаких исключений из правил тут не было, нет и быть не может в принципе.

Отшвырнув растерзанный пакет, новоиспеченный копатель вскочил на ноги и, продолжая утробно рычать, вперил в меня остекленевшие глаза с ненормально расширенными зрачками. Лицо Сашки также ненормально побледнело и сделалось как у трехдневного покойника – пепельно-серым, цвета папиросной бумаги.

Уже по этим двум признакам можно почти безошибочно диагностировать одержимость человека Зовом. Третьей такой особенностью являлись его движения – неестественные, словно бы механические. Они могли быть как дерганными, так и заторможенными, но за их нескладностью всегда скрывалась огромная смертоносная сила.

В случае с Ураганом зомбирование могло усугубиться тем, что оно не затронуло его отточенные до автоматизма, боевые навыки. Такое порой случалось, когда под воздействие Зова попадали настоящие профессионалы своего ремесла, использующие его на уровне инстинктов. И тогда обычный с виду копатель становился гораздо опаснее. Особенно, если в своей прошлой жизни он имел дело с оружием, взрывчаткой или огнеопасными веществами.

– Только не профи! – пробормотал я, осторожно развернувшись и попятившись к автомобилю. Посуда в моих руках легонько дребезжала, выдавая охватившее меня, нервное напряжение. – Только не профи, мать твою! Только не профи, чтоб тебя!..

Черта с два! Фортуна никогда не считала меня своим любимчиком, что в очередной раз и доказала.

То, что из Сашки получился зомби-профи, было абсолютно

предсказуемо – с его-то десантно-штурмовой подготовкой! Я понял это еще до того, как он на меня набросился – по тому, как он весь подобрался перед броском, уподобившись взведенной пружине автоматного затвора. Точно также он вел себя перед боем со своими прежними врагами. И так он повел себя сейчас, готовясь свернуть мне шею одним сильным и молниеносным движением. Или проломить мне ударом кулака височную кость. Или выдрать кадык, что давалось Урагану с той же легкостью, с какой я срывал с ветки яблоко. А, может, он хотел прикончить меня другим смертоносным приемом, которых в его арсенале насчитывалось предостаточно. Это уже не имело для меня значения, так как, повторюсь, в рукопашном бою с Сашкой мои шансы на победу были нулевые.

В данный момент при мне был только нож – жалкий защитный контраргумент против ветерана-десантника, и я не удивлюсь, если в итоге мой же нож воткнется мне же в глотку. Чтобы вооружиться чем-то посерьезнее, мне следовало добежать до автомобиля. В его багажнике хватало огнестрельного добра, способного остановить зомби. А еще на водительском сиденье лежал мой пояс с револьверами, который я держал под рукой всю ночь, но перед завтраком убрал в машину. Ее и меня разделял всего десяток шагов. Небольшое расстояние, если бы речь шла об обычной драке. И – довольно существенное в стычке с копателем-профи. Во время бегства я волей-неволей повернусь к Сашке спиной, а это верная гибель. Вдобавок мне еще надо открыть автомобильную дверцу и вытащить оружие. Это тоже займет считанные секунды, вот только противник не даст мне даже такой малой форы.

Боевая пружина, в которую превратился Ураган, недолго держалась на взводе. И выстрелила, едва помутившийся взор напарника засек движущуюся цель. Мгновение, и копатель устремляется ко мне с животным рыком, при этом взгляд его остается остекленевшим, а лицо – мертвенно-бледным, ничуть не багровея от злобы.

Изо рта Сашки торчит обрывок полиэтилена, похожий на пену, что вылетает из пасти бешеной собаки. Что читает сейчас у меня на лице Сашка, неизвестно, но точно не злость и не ярость. Я все еще растерян и не знаю, как мне поступить. Но жребий брошен, и теперь мне так или иначе придется защищаться, чем бы ни обернулся для меня этот неравный поединок…

От брошенной мною в лицо Урагана, железной посуды тот отмахнулся, будто от стаи назойливых мух. Но одна из мисок таки попала ему в лоб и отвлекла от цели. Всего лишь на мгновение, но этого мне хватило, чтобы броситься несущемуся на

меня противнику под ноги.

Реакция у профи оказалась на высоте – заметив краем глаза мой маневр, он моментально подпрыгнул. И перескочил бы через меня, если бы я не успел схватить его за лодыжку.

Удержать Сашку у меня, конечно, не получилось, но сбить его с ног вполне удалось. Разогнавшись, он не успел сгруппироваться, чтобы обезопасить падение. И шмякнулся ниц с такой силой, что будь он все еще нормальным человеком, то отшиб бы себе о землю внутренности. Но зомби на мелочи вроде ушибов, вывихов и сотрясений внимания не обращают, а сломать Урагану ногу мне не повезло. Упав, он тут же перевернулся на спину, сделал кувырок назад и, оттолкнувшись руками, снова вскочил на ноги – натуральный ванька-встанька весом в центнер с гаком!

Впрочем, пока он занимался акробатикой, я тоже не сидел… вернее, не лежал сложа руки. Мне не было нужды кувыркаться, поэтому я очутился на ногах раньше противника. После чего воспользовался отыгранной форой и, уронив с головы шляпу, бросился к водительской дверце машины.

Добраться до револьверов можно было быстрее, чем до арсенала в закрытом багажнике. Правда, лишь в теории, поскольку Сашка вновь налетел на меня, когда я ухватился за ручку дверцы. Мне следовало бы развернуться к нему лицом, чтобы не заработать удар в спину, но я все же рискнул и распахнул дверцу. А затем нырнул в кабину, на передние сиденья, отчего вражеский кулак угодил мне не в основание черепа, куда изначально метил Ураган, а промеж лопаток. Что было уже не фатально, но все равно больно, и у меня на миг перехватило дыхание.

Наш «гранд чероки» – или Большой Вождь, как мы его любя называли, – был просторной машиной, но не настолько, чтобы устраивать у него салоне драку. Это понимал даже зомби. Он не стал запрыгивать в джип следом за мной, а ухватил меня за сапоги и потащил наружу. Да так резко, что я едва успел схватить пояс с револьверами и прижать подбородок к груди. Не сделай я последнего, то стукнулся бы затылком о порог кабины, когда мгновением позже вылетел из нее. А так я лишь ударился о землю уже ушибленной спиной, что тоже было не фатально, но по-прежнему чертовски больно. Но как бы то ни было, за время моего короткого падения я выхватил из кобуры один из револьверов – им оказался Бедлам, – и взвел боек…

Вот только стрелять как назло было не в кого! Не угасшие в Сашке инстинкты подсказали ему, что раз в моих руках появился ствол, то переть на меня врукопашную лучше не стоит. Отпустив мои ноги, он моментально ушел с линии огня: вскочил на капот

и, перекатившись по нему, спрыгнул на землю по другую сторону джипа.

Попасть в него, стреляя из лежачего положения, стало невозможно, и мне пришлось срочно менять позицию.

– Да пропади ты пропадом! – выругался я, с кряхтением поднимаясь на ноги. Отбитая спина болела так, что каждое движение давалось мне с трудом. Отчего со стороны я, наверное, и сам напоминал теперь неуклюжего зомби.

Профи действуют на уровне одних лишь инстинктов, а иначе Сашка вспомнил бы, где он тоже может раздобыть оружие. Но капитан напрочь утратил память и логическое мышление. Вместо того, чтобы вытащить из багажника дробовик или винтовку, он повел себя как дикий зверь, нарвавшийся на способную дать отпор жертву. То есть сменил прямолинейную тактику на более коварную и осторожную. И когда я, поднявшись с земли, снова хотел взять Урагана на мушку, тот успел скрыться в густых прибрежных кустах.

Свежих следов, примявших траву, в ней не наблюдалось. Не иначе, противник удрал от меня по тропинке, которую мы протоптали, когда ходили в кусты по нужде. Но расстреливать их наугад являлось бессмысленно – Сашки там уже явно не было. Он мог улизнуть оттуда под прикрытием зарослей куда угодно, и ни один сучок не хрустнул бы при этом у него под ботинком.

Мог ли он теперь оставить меня в покое? Да, если я прямо сейчас прыгну в джип и, ударив по газам, умчусь прочь, подальше от этого места. Память у зомби короткая, как ствол ружейного обреза. Они быстро забывают тех, кому повезло от них убежать, и преследуют несостоявшихся жертв лишь до тех пор, пока те не скроются с их глаз. А за оставшимися вещами можно вернуться позже – когда Сашка успокоится и, всецело подчинившись Зову, уйдет отсюда в направлении Москвы.

Ураган являлся тем редким копателем, которого я был готов пощадить, пусть даже он мог натворить немало бед на пути к Котловану. Но лучше я скажу его жене и сыновьям, что он остался жив – хотя бы в таком плачевном виде, – нежели сообщу им куда более трагичную новость. Миллионы людей, чьих близких постигла та же беда, продолжают верить, что однажды Зов умолкнет, и все копатели, очнувшись от наваждения, вернутся домой, к своим семьям. И это в любом случае куда лучше, чем жить вообще безо всякой надежды. Вот и пусть сашкины родные надеются на чудо, а не уподобляются мне – человеку, знающему, что никакие чудеса уже не вернут ему то, что он когда-то потерял.

Я похлопал себя по карманам, ища ключи от зажигания. Как

назло, они остались в куртке, которую я бросил возле костра, когда пошел мыть посуду. Что ж, деваться некуда: без ключей Большого Вождя не завести, а, значит, хочешь не хочешь придется за ними вернуться.

Суматошно оглядевшись и не обнаружив подкрадывающегося ко мне, двуногого хищника, я подбежал к костру, схватил валявшуюся на земле куртку и сей же миг рванул обратно к машине.

Вне всяких сомнений, моя беготня была замечена прячущимся в кустах Сашкой. Но револьвер, который я все время держал на виду, должен был отвадить его от нападения. Хорошо, что замыкание в мозгах Урагана не убило в нем страх нарваться на пулю. А судя по тому, как шустро он от меня скрылся, можно было предположить, что у меня получится отпугнуть его повторно. Если не демонстрацией взведенного Бедлама, так выстрелом в воздух.

Перебросив револьвер в левую руку, правой я вытащил ключи из кармана куртки и вставил их в замок зажигания. Сам я при этом поостерегся садиться за руль и остался снаружи. Пока «гранд чероки» не будет готов тронуться с места, я должен быть ежесекундно готов к отражению атаки, с какой бы стороны она ни последовала. А при стрельбе с водительского сиденья мой сектор обстрела заметно сужался. Да и решетить джип изнутри пулями тоже не хотелось.

Двигатель завелся с первой попытки, и я подумал, что все-таки разойдусь с бедолагой-напарником бескровно, но увы – Сашка имел на сей счет иное мнение.

Не успел я порадоваться урчанию мотора, как позади меня возникла стремительно движущаяся ко мне тень. Если бы она не отразилась в стекле открытой дверцы, сам бы я ее точно не увидел. И не успел бы отреагировать на ее появление. Несмотря на то, что я пребывал настороже, Ураган все равно застал меня врасплох. И, выгадав момент, приблизился ко мне так, что еще секунда, и я гарантированно стал бы трупом.

Гвардейского капитана-десантника подвела не выучка – она как всегда оказалась на высоте, – а звериная одержимость зомби. Он не смог оставить в покое свою жертву, даже когда нападать на нее стало небезопасно. За что и поплатился, как бы я ни хотел избежать такого конца.

У Сашки были свои защитные инстинкты, а у меня свои. И хоть мы оттачивали их в разное время, в разных местах, в совершенно разных условиях и с разными целями, нынешние смутные времена показали, что и я, и Сашка, сами того не подозревая, неплохо к ним подготовились.

Когда я засек несущуюся ко мне сзади, бесшумную смерть, то без малейших колебаний развернулся и выстрелил навскидку. После чего, продолжая давить пальцем на спусковой крючок Бедлама, еще дважды ударил по собачке бойка правой ладонью, выпустив в противника три пули всего за секунду. Так, как учили меня корифеи американской цирковой школы, где я в свое время отучился три года. Так, как затем я семнадцать лет проделывал это на арене бродячего цирка «Легенды Дикого Запада», колесившего по России вплоть до воцарившегося сначала в ней, а потом и в остальном мире хаоса…

Когда я спустил курок, Ураган находился от меня примерно в восьми шагах. Он уже занес для удара подобранную им в кустах, увесистую палку, собираясь размозжить ею мне череп. Но в итоге сам лишился головы, разнесенной в клочья экспансивными пулями сорок пятого калибра, и рухнул навзничь, вмиг превратившись из зомби-копателя в обычного мертвеца.

Чтобы остановить врага, даже такого живучего, мне хватило бы и одного точного попадания ему в голову. Второй и третий выстрел были сделаны мною лишь потому, что я пребывал на нервах и из опасения промахнуться, стрелял в навскидку дрожащей рукой.

Не промахнулся…

При взгляде на мертвого и отныне безвредного Урагана я ощутил неимоверную усталость и душевное опустошение. И потому где стоял, там и уселся на землю, привалившись спиной к колесу и продолжая держать в руке револьвер.

Вообще-то, расслабляться было еще рано, ведь стрельба грозила привлечь сюда других копателей, что могли околачиваться неподалеку. Прежде чем переводить дух, мне требовалось удостовериться, что в округе нет другой опасности. Но я так и не сумел побороть охватившую меня апатию. Слишком неподъемный моральный груз внезапно обрушился мне на плечи. И я всерьез засомневался, что смогу вынести его, не сломавшись под его тяжестью.

В эти суматошные минуты я не задумывался над тем, чем обернется для меня утрата напарника. Не дать себе подохнуть – единственное, что волновало меня, пока я отражал его атаки. Но теперь, когда передо мной замаячила перспектива объясняться с женой Сашки и смотреть в глаза его осиротевших детей, моя победа над ним стала выглядеть совсем в ином свете.

Я поймал себя на мысли, что отчаянно ищу повод, который позволит мне отвертеться от поездки в Красный Яр в качестве скорбного вестника. Ну да ладно – съезжу, не рассыплюсь. Гораздо неприятнее было другое: что теперь делать с бандой

Дырокола, которую мы с Ураганом нанялись уничтожить. Без него один я с этими отморозками вряд ли справлюсь. А на поиски другого напарника (вернее, даже двух, учитывая, какого матерого бойца я только что потерял) уйдет много времени. Так много, что Вован Дырокол успеет натворить новых мерзостей и скроется куда-нибудь за Урал, где ищи-свищи его потом, как вошь на медвежьей шкуре. И тогда все его зверски убитые и изнасилованные жертвы останутся неотомщенными. А я не только лишусь положенной мне награды, но еще и останусь в убытке, ведь не поеду же я к сашкиной семье с пустыми руками. Мне надо будет обеспечить ее на пару-тройку месяцев продуктами и иными необходимыми вещами, которые при таком раскладе придется взять из собственных, тоже не слишком богатых запасов.

В общем, впору было хвататься от досады за голову… Хотя, если обмозговать дальнейшую стратегию моей охоты с учетом новых обстоятельств, можно провернуть ее и в одиночку. Да, это будет трудно, но теоретически такое выполнимо.

Вован Дырокол и его кореша – самые обычные зеки, что сбежали из тюрьмы и, опьянев от свободы, куролесили теперь на полную катушку. Они не строят планов на будущее и не изобретают хитроумных тактик своих действий. Все, что они делают, это катаются по здешним краям и творят беспредел: грабят, убивают и насилуют всех, кто попадается им на пути и не может дать отпор. Обычные двуногие шакалы, которых сегодня в России тысячи. И которых нашими с Ураганом стараниями становилось пусть ненамного, но меньше. Так что если за сегодня, пока я занимаюсь похоронами Сашки, меня осенит идея, как загнать Дырокола в западню, можно сказать, что на этом полдела будет сделано.

– Спешите видеть и не говорите потом, что не видели! На арене нашего цирка – великий и неподражаемый Стэнли Квадро, самый виртуозный стрелок Дикого Запада из восточного полушария планеты! – горько усмехнувшись, подытожил я свои раздумья дежурной речью конферансье, что когда-то предваряла мой выход на цирковую арену. – Сегодня вы станете свидетелями того, о чем будете вспоминать до конца своих дней! Двадцать четыре выстрела из четырех револьверов за шесть секунд – и ни одного промаха! Встречайте, дамы и господа – достойный хранитель традиций легендарных стрелков Уайта Эрпа и Дикого Билла Хикока – Стэнли Квадро и четыре его молниеносные пушки! Ваши аплодисменты!.. Тьфу!

Я сплюнул, словно хотел избавиться от мерзкого привкуса во рту, пускай воспоминания о прошлом давно не вызывали у меня никаких эмоций: ни светлой грусти по ушедшим денькам, ни

желания начисто забыть все то, чем это славное времечко в итоге закончилось…

Глава 2

С чего начинается апокалипсис?

Надо полагать, не с картинки в твоем букваре, а с чего-то жуткого и зловещего: глобального катаклизма, смертоносной пандемии или тотального иссякания каких-нибудь жизненно важных ресурсов. Апокалипсис нынешней земной цивилизации, который длится вот уже четыре года и который давно называют так в прямом, а не в переносном смысле, начался с мелкого и несуразного происшествия. Это потом про него вспомнили и занесли его задним числом в анналы истории. А поначалу тот случай даже не попал в новостные сводки – настолько он был малозначителен на фоне других тогдашних новостей.

И действительно, какой интерес для широкой публики может представлять обычный псих, что одним погожим мартовским днем прорвался в недостроенную часть станции московского метрополитена «Трубная». Конечно, если бы он кого-то убил или начал выкрикивать провокационные лозунги, о нем непременно сообщили бы в СМИ. Но все, что он натворил – начал, ломая ногти, одержимо скрести руками пол в тоннеле. А когда психа попытались оттуда вывести, он устроил потасовку с рабочими и охраной. Но как бы он ни сопротивлялся, его все равно скрутили и отправили по назначению – в одну из городских психбольниц.

Работники «Трубной» могли бы забыть об инциденте уже на следующий день – чего только ни происходит ежедневно в огромном столичном метро! Но, к их удивлению, назавтра в тот же самый тоннель прорвались уже три психа! И все трое также приступили к царапанью пола голыми руками. Причем это была вовсе не одна компания сумасшедших. Каждый из них прибыл туда сам по себе: один утром и двое – после обеда. Всех их, разумеется, тоже отловили и спровадили вслед за вчерашним копателем, однако дело принимало серьезный оборот. Чем бы ни объяснялось загадочное паломничество безумцев к этому ничем не примечательному месту, впредь подобное было недопустимо. И потому все входы в технические помещения станции были взяты под охрану. Которая также была усилена в вестибюле и на перроне – на всякий случай.

И действительно, повышенные меры предосторожности оказались не напрасны. На протяжении всей ближайшей ночи еще несколько агрессивных безумцев, разбивая двери станции, проникали внутрь и устремлялись к известной лишь им одним цели. Никто из них ее, правда, не достиг, но ситуация уже не лезла ни в какие ворота. Особенно после того, как выяснилось,

что атаки психов вовсе не думают прекращаться. Напротив, их интенсивность лишь усилилась, и происходили они теперь едва ли не ежечасно.

Администрация «Трубной» забила тревогу. К месту неординарного ЧП были стянуты наряды полиции и скорой помощи. И только теперь в теленовостях и в Интернете вовсю заговорили о странном нашествии психов на отдельно взятую станцию Люблинско-Дмитровской линии метро. А они штурмовали ее уже со всех направлений: как с «Цветного бульвара» – по подземному переходу, – так и со станций «Достоевского» и «Сретенский бульвар». В последних двух случаях атакующие прыгали с перронов на пути и бежали по тоннелю в нужную сторону, подвергая себя смертельному риску и нарушая график движения поездов.

К вечеру третьего дня этого локального безумия начальник метрополитена распорядился полностью закрыть «Трубную».

На четвертый день были закрыты также «Цветной бульвар», «Достоевского» и «Сретенский бульвар». На остальных ближайших станциях были введены беспрецедентные меры безопасности. Также, как на расположенных на поверхности, технических объектах метрополитена – тех, через которые можно было пробраться на блокированную «Трубную».

А психи все продолжали и продолжали прибывать. Хуже того, к ним присоединился кое-кто из сотрудников метрополитена и дежурящих на станциях полицейских. На их внезапное сумасшествие поначалу не обратили внимания, но когда их застукали скребущими пол в том самом тоннеле, все сразу стало ясно. А вот причина, помутившая рассудок всем этим бедолагам, увы, совершенно не поддавалась объяснению.

Ушлые журналисты быстро выяснили личности упеченных в психушки граждан, счет которых шел уже на десятки. И сразу обнаружили вторую общую для них странность: еще четыре дня назад никто из них не являлся душевнобольным. Даже подозрительных симптомов, и тех не проявлял. Редкий копатель – кажется, тогда и вошел в обиход этот термин, – ранее обращался к психологу, психиатру или неврологу. А на психиатрическом учете состоял всего один из них, да и тот был лишь безобидным шизофреником. Все копатели являлись обычными гражданами – и коренными москвичами, и приезжими, – не знакомыми друг с другом, представителями разных слоев общества. И если бы не полицейские кордоны, все они в итоге оказались бы там, где был пойман первый псих, и куда затем неудержимо влекло его последователей.

Люди сходили с ума совершенно спонтанно и без видимых

причин. Один из копателей ехал после работы домой, к семье, но вдруг остановил машину прямо посреди Крымского моста и отправился через полгорода пешком на северо-восток, к «Трубной». Другой гулял в парке с шестимесячным сыном, а потом вдруг напрочь забыл о коляске с ребенком и решительно пошагал в том же направлении. Многие просто покидали службу в разгар рабочего дня. Некоторые из них, кого начальство или коллеги попытались остановить, без разговоров вступали в драку. И дрались с таким остервенением, словно это был для них ни много ни мало вопрос жизни и смерти.

Тема психической московской эпидемии взорвала Интернет. Она быстро и надолго обосновалась на ведущих местах новостных рейтингов и в топах сетевых блогов. Да и с чего бы ей было утратить популярность, если сенсационные новости с «Трубной» приходили ежедневно, а то и ежечасно? В психиатрических больницах Москвы не хватало мест, чтобы принимать больных, которых с каждым днем привозили туда все больше. Довольно скоро их число доросло до критического, что обернулось бунтами и массовыми побегами. Правда, все копатели бежали в одном, легко предсказуемом направлении, где их снова ловили и возвращали в клиники. А впоследствии – в развернутые по всей Москве и Московской области, специальные карантинные центры. Там феномен неизвестного науке, прогрессирующего массового психоза взялись изучать светила российской и мировой психиатрии. И не только они, но и эксперты в других медицинских областях, что могли иметь хоть какое-то отношение к возникшей проблеме.

Впрочем, гипотеза о вирусной причине данного заболевания была почти сразу отвергнута. На это не указывал ни один признак, и вирусологи лишь развели руками. К тому же, если бы маниакальная страсть к раскопкам в метро была заразной, эпидемия распространялась бы очаговым способом, как и любая другая. Чего в Москве вовсе не наблюдалось. И все же кое-какая закономерность там присутствовала. Первые жертвы психоза были охвачены им в непосредственной близости от «Трубной». Но с каждым днем это происходило все дальше и дальше, а спустя десять дней копатели потянулись к ней не только из столицы, но и из пригорода. Затем – из области, а вскоре – и из соседних областей.

Сотни людей с остекленевшими глазами брели напролом к заветной цели, отделенной от них тогда десятками километров. И ладно бы просто брели, никого не трогая, никуда не вторгаясь и не мешая дорожному движению! К несчастью, все происходило с точностью до наоборот, и копатели превратились в серьезную

проблему далеко за пределами Москвы. Особенно, когда во время пути их одолевал голод. Тогда они уже не останавливались ни перед чем. И разграбления ларьков, магазинов, кафе и ресторанов были лишь самыми безобидными их злодеяниями. Потому что когда психи не могли добраться до обычной еды, они без малейшего зазрения совести прибегали к убийствам и каннибализму. Правда, пока это были лишь единичные случаи. Но по мере увеличения числа зомби такие инциденты фиксировались все чаще.

Кстати о зомби. С подачи Интернета, где копателей, не мудрствуя лукаво, сразу нарекли этим голливудским прозвищем, в конце концов их стали называть так повсеместно. И никого, даже теледикторов и репортеров, не волновало, что настоящие зомби должны быть прежде всего мертвецами. Не говоря об иных качествах, присущих этому виду нечисти, вроде заразных укусов, после которых покусанный зомби человек вскоре сам превращался в одного из них. После укусов копателей, которые несмотря ни на что продолжали оставаться живыми людьми, человек мог заразиться разве что столбняком или СПИДом. Но как бы то ни было, однажды прилипшее к ним вроде бы не самое удачное прозвище так за ними и закрепилось.

Охваченная беспорядками территория в центре Москвы разрасталась, словно огромная гноящаяся язва. Трубная площадь, Цветной бульвар, прилегающие к ним участки Бульварного кольца и улицы Неглинной, а также ближайшие кварталы превратились в натуральный театр боевых действий. Копателей стало так много, что они начали сбиваться в стаи и прорывать заградительные укрепления. Они делали это столь жестоко и упорно, что у полиции и солдат не осталось выбора кроме как стрелять в самых кровожадных зомби на поражение. Но их не останавливали даже пули! На возводимые у них на пути бетонные и стальные стены копатели отвечали быстро растущей численностью своего воинства. Которое, несмотря на свою неорганизованность, рвалось к единой цели и потому обладало напором, способным сокрушить любые заслоны.

Через три недели работники карантинных центров расписались в своем бессилии и перестали отлавливать копателей в эпицентре беспорядков. Это было разумное и своевременное решение. С некоторых пор на Трубной площади и в ее окрестностях все перевернулось с ног на голову: не санитары охотились на психов, а психи гоняли явившихся по их души санитаров. Зомби были невосприимчивы к слезоточивому газу и холодной воде из водометов, а резиновые пули отскакивали от них, как от стенки горох. К тому же все чаще среди них

попадались индивидуумы, обладающие нехарактерной даже для буйных психопатов силой и агрессией. Это были как правило молодые копатели крепкого телосложения, которые до своего помешательства активно занимались спортом или тяжелым физическим трудом. Если такая ходячая машина смерти подбиралась к своей жертве на расстояние удара, ту не спасало даже огнестрельное оружие. «Берсерки» – так впоследствии обозвали этих копателей, – продолжали драться, даже заполучив в грудь целый автоматный магазин или потеряв пару конечностей. Да что там – даже лишившись головы, тело берсерка еще какое-то время рвало и метало вокруг себя все, что попадало ему под руку. А окончательно умирало лишь после того, как теряло всю кровь или его разрывало на части.

За нескончаемыми атаками на полицейские укрепления было не сразу замечено, что многие зомби стали заниматься тем, что им запрещали делать, не пуская в метро. А именно – рыть землю голыми руками. При той неистовости, с которой копатели взялись за работу, немудрено, что она начала у них спориться. Когда же на это обратили пристальное внимание, Трубная площадь (которую в Сети уже окрестили Трупной) и бульварные аллеи были покрыты глубокими рытвинами. А также кровью тех, кто ковырял асфальт своими изувеченными пальцами. Но для зомби это были сущие пустяки. По крайней мере, в дальнейшем история не знала ни одного копателя, скончавшегося от подобных ран или заражения крови.

Всем наблюдающим за московскими событиями было очевидно: падения полицейских заслонов на Трубной – всего лишь вопрос времени. Причем самого ближайшего.

Так оно и случилось. Ежедневно усиливающийся натиск зомби вынудил защитников станции отступить. Но прежде чем они сдали позиции и эвакуировали последних обитателей близлежащих зданий, все входы на «Трубную» были залиты бетоном. И когда орда безумцев заполонила отданную ей на поругание площадь, а также окрестные кварталы, бульвары и улицы, она наткнулась на внушительный бетонный саркофаг. Его уродливый серый купол возвышался на месте некогда стоявшего там памятника. И этот барьер копатели при всем старании не смогли бы ни своротить, ни разбить, ни тем более процарапать ногтями.

А отступившая полиция сформировала новое кольцо укреплений в радиусе примерно трехсот метров от саркофага. Только оно было сооружено уже с другими целями и являлось, так сказать, односторонне-проницаемым. Все рвущиеся к Трубной зомби пропускались через защитный периметр совершенно

беспрепятственно. Но если они вдруг решали вырваться обратно – например, в поисках еды, – их либо отлавливали, либо, в случае особо дерзких и опасных прорывов, уничтожали.

Прорывы случались даже несмотря на то, что копатели не испытывали нехватку в продовольствии. Оно, а также бутылки с водой, доставлялось им ежедневно на специальных бронированных грузовиках. Те регулярно въезжали в карантинную зону и сгружали автокранами поддоны, на которых стояли контейнеры с продовольствием. Которое тут же растаскивалось вечно голодными от усердной работы безумцами. И хоть его, на первый взгляд, хватало на всех, включая новоприбывших, многие зомби все равно не утрачивали желания добыть себе пищу самостоятельно. Что им уже категорически воспрещалось, и ничем хорошим это для них не оборачивалось.

Разумеется, что ни о каком свидании зомби с родственниками не могло быть и речи. Некоторые вконец отчаявшиеся граждане убедились в этом на своем горьком опыте, проникнув за ограждение, дабы увидеться со своими обезумевшими близкими. Увы, ни разу великая сила любви не сокрушила барьер безумия, отделяющий копателей от их психически нормальных жен, детей, родителей, братьев и сестер. Редко кому из этих безутешных родственников посчастливилось убежать от набросившихся на них психов и вернуться обратно целыми и невредимыми. Психи всегда безошибочно определяли в своей среде «чисторуких» чужаков и не питали к ним ни капли жалости или сострадания.

Все благоразумные люди из числа ищущих свою родню довольствовались информацией, которую получали в созданном для них, специальном справочном центре. Военные фиксировали на видеокамеры пересекающих периметр копателей и потом устанавливали их личности. А, установив, предоставляли их родственникам бесплатные гостиницы, где они могли проживать неограниченное время на полном соцобеспечении. Само собой, что если зомби не добирался до Трубной, пропадая без вести по дороге к ней, то жилплощадь и бесплатное питание его родне в Москве уже не предоставлялись.

Исчезнувших копателей также насчитывалось немало. Чем дальше они проживали от Москвы, тем длиннее и труднее был их путь к ней. Путь, на котором их поджидали не только естественные преграды – реки, горы, леса и болота, – но и враги: люди, готовые сами защищать себя и свои семьи от агрессивных безумцев. И чем дальше, тем таких людей становилось все больше. Потому что ни армия, ни полиция были не в состоянии взять под охрану каждый дом. А тем более – каждого человека,

ведь в группе риска заболеть этой болезнью находились все без исключения граждане, от мала до велика…

Но почему?

Да, это был, пожалуй, самый актуальный на тот момент вопрос! Спустя месяц с начала безумия на Трубной, когда стало понятно, что оно не намерено сходить на нет, паника началась не только в России, но и в Европе. Радиус зоны аномального поражения расширялся, и в Москву уже шли зомби из Санкт-Петербурга, Тамбова, Пензы, Вологды, Воронежа, Курска… И не только оттуда, но и из восточных районов Украины и Беларуси. Что автоматически превращало кризис в международный, ведь копатели не признавали государственных границ и создавали пограничникам уйму трудностей. Нам чужие психи были не нужны – своих хватало с переизбытком. Однако, сбиваясь в стаи, те все чаще прорывались на нашу территорию, что требовало дополнительных мер для их сдерживания. Как от России, так и от ее соседей. На что последние шли не слишком охотно. И предпочитали перекладывать заботу о своих вырвавшихся за кордон, невменяемых гражданах на ту страну, куда они столь одержимо рвались. Чем избавлялись от необходимости строить у себя карантинные центры и выделять немалые средства на их содержание.

А пока политики спорили и искали виноватого в нетипичной массовой миграции, ученые в поте лица продолжали биться над загадкой ее природы. Ни на йоту не приблизившись к истине, они возложили свои последние надежды не на копателей, а на гипотетическую цель, к которой те стремились. Ради чего спустились под землю – в тоннели закрытой станции «Трубная», – прихватив с собой уйму всяческого научно-поискового оборудования.

Царящее наверху безумство ученых не беспокоило, хотя зомби уже содрали вокруг саркофага практически весь асфальт и теперь столь же усердно ковыряли глинистый слой под ним. По ходу работы среди них даже возникло разделение труда: одни копатели углубляли котлован, другие перебрасывали вырытые ими землю и камни к его краю. Наблюдающие за этой вакханалией, стражи периметра заметили еще кое-что. Примерно дюжина копателей не желала пачкать руки, а вела себя подобно надсмотрщикам или бригадирам. Вполне возможно, что упорядочивание процесса копки было как раз их заслугой.

Оставалось неясно, как эти начальники управляют своей рабочей силой. Зомби умели издавать звуки, но между ними отсутствовало какое-либо звуковое общение, даже примитивное. Тем не менее перемещающиеся из конца в конец котлована

«бригадиры» совершенно точно не были бездельниками. Издали их можно было даже принять за нормальных людей, которых зомби по какой-то причине не замечали и не трогали. Хотя при взгляде на них в бинокли помощнее эта иллюзия моментально пропадала. Остекленевшие глаза, мертвенно-бледная кожа и неестественность движений не оставляли сомнений в том, что «бригадиры» – такие же копатели, как и сотни окружающих их собратьев по несчастью.

Несмотря на то, что зомби не прекращали свое круглосуточное рытье, саркофаг над «Трубной» защищал от них работающую на станции, научную экспедицию. Которая тоже трудилась день и ночь напролет. Но если копатели, скорее всего, имели представление о цели своих поисков, то ученые вели разведку недр под станцией фактически наугад, понятия не имея, что конкретно они ищут. Тем более, что все недра столицы, в особенности под ее центральными районами, были давным-давно прозондированы и картографированы.

Оставался один путь: бурить и опускать геологоразведочные зонды глубже исследованных ранее горизонтов. Туда, куда до сей поры еще ни одному геологу не удалось заглянуть.

Впрочем теперь, когда за изысканиями этой команды напряженно следил весь мир, она не испытывала недостатка в финансировании, специалистах и самой современной технике. Поэтому вскоре дорогостоящие лазерные буры исследователей преодолели глубинный предел, который когда-либо достигали в этих местах буровики. А спустя еще какое-то время они наткнулись на нечто такое, что и вправду стало самым грандиозным археологическим открытием, сделанным в Москве со времен ее основания.

Вот только радоваться этому открытию никому, включая самих ошарашенных открывателей, и в голову не пришло. Наоборот, многие из них были бы рады, если бы оно вообще никогда не свершилось. Ни в Москве, ни в любом другом уголке нашей планеты. Увы, но нельзя было повернуть время вспять и оставить зловещие тайны прошлого покоиться под толщей земли, где они доселе хранились тысячелетиями. И откуда им неведомо почему было суждено наконец-то вырваться…

Глава 3

Многие думают, будто нет сегодня в мире двуногих существ отвратительнее и кровожаднее, чем копатели. И эти люди сильно заблуждаются. Человек, который изуверски насилует женщин и девочек-подростков, а перед тем, как их убить, протыкает им уши, носы и щеки люверсным дыроколом – вот настоящая мерзость, рядом с которой даже зомби-берсерк выглядит почти святым. Ибо последний не виноват в том, что стал таким. Он творит зло неосознанно, повинуясь лишь животным инстинктам. В то время как звери вроде беглого зека Вована Дырокола бесчинствуют, находясь в ясном рассудке (настолько ясном, насколько таковым можно считать рассудок махрового садиста), исключительно ради собственного удовольствия.

Являются ли Вован и его подручные психами? Скорее, нет, чем да. Они – всего-навсего продукт той гнилой социальной среды, в которой им не повезло родиться, расти и воспитываться. Что, впрочем, не оправдывает чинимое ими беззаконие. Бешеных собак не перевоспитывают – их пристреливают. И язык пуль – единственное средство общения с конченными отбросами, за чьими головами я сегодня охотился.

Охотился в одиночку, поскольку внезапно превратившийся в зомби, мой напарник Сашка Ураган получил от меня три пули в голову и уже сутки как покоился в сырой земле. Его похороны задержали меня у той речушки, дав преследуемому мной Дыроколу фору еще в несколько часов. Которые, к несчастью, он и его банда провели с максимальной для себя пользой. И пополнили список своих жертв еще пятью несчастными переселенцами, на которых Вован обожал охотиться пуще всего. Почему? Да потому что они являли собой как правило чужаков в чужом краю. А, значит, с высокой вероятностью здесь никому до них нет дела, и никто не пустится за Дыроколом в погоню по горячим следам с целью отомстить.

Разграбленный «уазик» с прицепом, и пять валяющихся вокруг него трупов…

По всей видимости – муж, жена и трое их разновозрастных детей: юноша лет пятнадцати, мальчонка лет пяти и девочка, которой можно было дать от силы двенадцать-тринадцать…

Все они мертвы – можно даже не проверять. Многочисленные отметины, оставленные на их лицах люверсным дыроколом, служили гарантийной меткой, что здесь не осталось выживших. А разорванная в клочья одежда на женщине и младших детях свидетельствовала о том, что их смерть выдалась отнюдь не

скорой и безболезненной.

Эта мрачная, но заурядная по сегодняшним меркам картина предстала моим глазам неподалеку от деревеньки Узюково, что находилась северо-восточнее Тольятти. Если бы не моя вчерашняя задержка, этой трагедии наверняка бы не случилось. Да только кто же тут виноват? Не я и уж точно не Ураган, а, разумеется, Зов – главная и единственная первопричина всех нынешних земных бед. Впрочем, как бы цинично это ни звучало, имелся здесь и свой плюс. По всем признакам (еще теплое кострище, разбросанные повсюду объедки и бутылки из-под выпивки), банда развлекалась со своими жертвами всю ночь напролет. А, значит, в данный момент Дырокол находился от меня гораздо ближе, чем я предполагал. После столь лихого загула ублюдкам было необходимо передохнуть и отоспаться, так что далеко они не ушли.

Я снял шляпу, пригладил рукой волосы и осмотрелся. Куда бы я направился отсюда на месте бандитов? Точно не на юг, в сторону Волги. В окрестностях Тольятти полным-полно зомби, и вряд ли там получится спокойно отдохнуть. А вон тот лесок на горизонте для этой цели вполне сгодился бы. Стало быть, его и надо осмотреть в первую очередь.

Оставив несчастное семейство не упокоенным – хорони я всех попадающихся мне на пути мертвецов, то давно надорвался бы от такой неблагодарной работы, – я продолжил путь по полевой дороге на запад. Она имела множество развилок, и мне нужно было глядеть в оба, чтобы не сбиться со следа Дырокола. Он и его банда передвигались на легком грузовике, отпечатки чьих покрышек я хорошо запомнил. И мог отличить их от множества других, хотя на безлюдных проселках таковых попадалось мало.

После утраты напарника мне приходилось еще внимательнее следить за дорогой. А вернее за теми встречными, кто мог подвернуться мне на пути. Прежде, наткнувшись на копателей, Сашка обычно доставал пулемет, а я жал педаль газа в пол. И добивал тараном-рассекателем джипа тех противников, которых Ураган не успевал скосить пулями. Теперь же, без огневого прикрытия, таран стаи зомби, особенно крупной, был бы слишком рискованным. Те из них, кто не угодит под колеса, могут уцепиться за Большого Вождя и запрыгнуть в салон через окна. Поэтому в местах, где впередилежащая дорога просматривалась плохо, я сбавлял скорость, дабы в случае чего успеть быстро развернуться и рвануть на попятную. А иногда, когда меня одолевали сильные сомнения, я и вовсе останавливался и выходил из машины. После чего либо прислушивался – стаи зомби не умели передвигаться беззвучно, – либо поднимался на

придорожную возвышенность и изучал округу в бинокль.

Это надо было сделать и перед тем, как соваться в лес, на подъезде к которому как раз возвышался холм. Остановив машину так, чтобы холм заслонял ее от глаз вероятных наблюдателей, что могли засечь меня из-за деревьев, я, пригибаясь, взобрался на вершину. Где и залег в траве с биноклем, собираясь хорошенько изучить раскинувшийся передо мной пейзаж – живописный, но наверняка таящий немало опасностей.

Правда, за пять минут слежки я так и не высмотрел ничего подозрительного. Деревья, покачивающие кронами, да пролетающие над ними птицы – вот и все движение, которое мне удалось обнаружить. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо, потому что сталкиваться с копателями сейчас, когда я подобрался совсем близко к Дыроколу, было бы нежелательно.

Решив покинуть наблюдательную позицию, я зачехлил бинокль, как вдруг на выходящей из лесу дороге показались две человеческие фигуры. Меня и их разделяло метров четыреста. Но даже с такого расстояния было заметно, что эти двое сильно торопятся, то и дело переходя с быстрого шага на бег и обратно. Поскольку обе фигуры двигалась неуклюже, я решил, что это – два голодных зомби, преследующие мелкую добычу. Ту, что я не могу рассмотреть в траве – белку, суслика или одичалую кошку. Но, вновь поднеся к глазам бинокль, я понял, что ошибся. Это все-таки оказались не копатели, а обычные люди. Один из них был перепачкан кровью и припадал на левую ногу, чье бедро было перебинтовано наложенной прямо поверх штанины, грубой повязкой, тоже успевшей насквозь пропитаться кровью Второй выглядел менее потрепанным, хотя тоже хромал. Правда, по иной причине – на нем не было обуви, и долгий бег босиком не пошел его ступням на пользу.

Убегать, растеряв в суматохе оружие и обувь, а также невзирая на раны и истертые в кровь ноги, человек может лишь от одной угрозы: стаи зомби (бандиты давно настигли бы этих двоих на своем грузовике). Поэтому я не усомнился в том, что вскоре увижу и копателей – беглецы драпали слишком медленно, чтобы суметь оторваться от них. Тем не менее, время шло, а они так и не появлялись. Что было довольно странно, учитывая, в какой спешке эта парочка ковыляла по дороге.

Но еще страннее это стало выглядеть, когда я разглядел беглецов получше. И понял, что напрасно им сопереживаю. Более того, теперь мои симпатии переметнулись на сторону тех, кто выгнал этих двоих из леса. Выгнал и, как хотелось надеяться, вот-вот их настигнет.

– Ах вы, сукины дети! – процедил я сквозь зубы, разглядев на беглецах тюремные наколки. Очень похожие на те, которые описал мне наниматель, видевший нательную роспись бандюг Дырокола собственными глазами. – Полагаю, один из вас – Юрок-Хлыщ, а второй – Жека Рваные Уши! Отлично, вы-то мне и нужны! Только где же ваши кореша и сам гребаный Дырокол, позвольте полюбопытствовать? Неужто их сожрали зомби, и мне можно идти открывать по такому случаю шампанское?

Озвученная мной самому себе версия выглядела правдоподобно. Если банда Вована и в самом деле напоролась на копателей и не сумела дать им отпор, двое из семи бандитов могли под шумок задать деру, пока зомби пожирали их приятелей. Так оно было или нет, но насчет шампанского я, конечно, преувеличил. Пока я не удостоверюсь, что Дырокол мертв, и не добуду доказательство его смерти (голова, кусок кожи с бандитской татуировкой, либо драгоценности, которые он отобрал у убитых им родственников нанимателя), мне рано праздновать победу.

А где я могу разузнать последние новости о судьбе Вована? Ну, разумеется, у тех его подручных, что спешили сейчас мне навстречу!

Они растеряли не все свое оружие. Когда босоногий Жека Рваные Уши оглянулся в сторону леса, я заметил у него револьвер, засунутый сзади за ремень. Возможно, что револьвер или пистолет был и у хромоногого Юрка – носимая им навыпуск рубаха не позволяла определить это издали. Но, судя по торчащим из-под ее полы, большим ножнам, Хлыщ тоже убегал не с голыми руками. Несмотря на потрепанный вид обоих бандитов, мне не стоило недооценивать их как противников. Поэтому я не полезу на рожон, а сделаю все возможное, чтобы наша неминуемая встреча огорчила лишь их, но не меня.

Пока я спущусь с холма, они наверняка успеют заметить Большого Вождя. И насторожатся. А, значит, с возвращением к машине придется повременить. Поступлю иначе: не стану омрачать мерзавцам радость, которую они испытают при виде автомобиля, и позволю им к нему приблизиться.

Сбежав вниз по противоположному от дороги склону холма, я обогнул его таким образом, чтобы он заслонял меня от противника. И чтобы, когда бандиты надумают осмотреть брошенный джип, я смог объявиться позади них. Поначалу они, конечно, начнут озираться, ища хозяина машины с еще не остывшим мотором. Но поскольку хозяин не встретил их выстрелами и вообще не давал о себе знать, Юрок и Жека решат, что он попросту испугался и схоронился от незнакомцев в траве

где-то неподалеку. После чего они осмелеют и ослабят бдительность. Что мне, собственно, от них и требовалось.

Огибая холм, я на какое-то время выпустил эту парочку из виду. А когда вновь увидел ее, высунувшись украдкой из придорожных кустов, она как раз приближалась к Большому Вождю с оружием наизготовку. Я был прав: у Юрка также оказался при себе пистолет, который он не потерял в суматохе бегства. И который он, как и Жека, без колебаний пустит в ход, если хозяин автомобиля рискнет показаться бандитам на глаза.

Я не мог допустить, чтобы они забрались в автомобиль. Потому что тогда мне придется стрелять в них через лобовое стекло, а дырявить его мне не хотелось. Вдобавок когда бандиты не найдут в замке ключи от зажигания, они наверняка попытаются запустить двигатель с помощью ножа, раскурочив при этом замок или повредив проводку. Короче говоря, если я не желаю Большому Вождю зла – а я, естественно, этого не желал, – мне придется позаботиться о том, чтобы он не пострадал в моих разборках с подручными Дырокола.

Не опуская оружия, парочка разошлась. Рваные Уши направился вдоль правого борта машины, а Хлыщ – вдоль левого. Оба продолжали на ходу о чем-то переговариваться – очевидно, выражали удовольствие от столь ценной и, главное, своевременной находки.

При мне были все четыре револьвера. Хаос и Бедлам как всегда находились в набедренных кобурах. Террор и Фатум – в тех, что крепились к ремню за спиной крест-накрест – затем чтобы максимально упростить быстрое выхватывание второй пары стволов. В прошлом это помогало мне при исполнении на арене моего коронного трюка «24 выстрела из 4 револьверов за 6 секунд!». Теперь я ходил, обвешанный ими, всего лишь по привычке. А она у старого циркача вроде меня являлась не просто блажью, а практически вторым инстинктом самосохранения. И если любой другой наемный стрелок никогда не выбрал бы себе в качестве основного оружия револьвер, со мной все обстояло с точностью до наоборот. И все потому что в моих руках – руках профессионального револьверного трюкача и жонглера, – тот был намного скорострельнее и смертоноснее полуавтоматического пистолета. А на короткой дистанции – метче и безотказнее любого пистолета-пулемета или автомата.

А что вы хотели? Двадцать лет усердных, практически ежедневных тренировок, свыше двух миллионов выпущенных пуль и несколько десятков изношенных револьверов – это вам не шутки. И хоть не всегда эти пули были свинцовыми (на арене и на тренировках наш брат-трюкач использует безопасные восковые

пули с добавлением особого защитного компонента, дабы воск не плавился при выстреле), долгая и регулярная практика не прошла для меня даром.

Любопытный парадокс: в наши дни большинство не затронутых Зовом людей стреляло из огнестрельного оружия гораздо чаще, нежели в былые спокойные времена. А вот я, напротив, делал это сегодня значительно реже. И потому что патроны теперь ценились слишком дорого, чтобы транжирить их на неживые мишени, и из-за того, что мне стало попросту некогда тренироваться. Да и незачем. Нынешняя работа не требовала от меня сложных трюков и сверхскоростной пальбы по целям. Но как бы то ни было, она позволяла мне оставаться в форме и периодически доказывать, что гуляющие обо мне слухи не лгут.

Доходили ли эти слухи до ушей бандита Жеки Рваные Уши, мне неизвестно. Но если доходили, и он в них верил, надеюсь, я его не разочаровал. Впрочем, после того, как Хаос вышиб и разбросал по дороге его невеликие мозги, это перестало иметь для Жеки значение. Выскочив из кустов в пятнадцати шагах от джипа, я без лишних разговоров сократил количество своих противников до одного. А поскольку мне было без разницы, кого их них допрашивать, так вышло, что первым под мой выстрел угодил именно Рваные Уши.

Хлыщ уже был ранен в ногу. Но поскольку это не мешало ему бегать и размахивать пистолетом, его следовало наградить дополнительной пулей в руку. Для страховки. И для облегчения допроса – редко кто из моих врагов играл со мной в молчанку, когда я бередил ему свежую пулевую рану горячим револьверным дулом. И быть бы Юрку подстреленным сразу после Жеки, кабы не досадное недоразумение. В смысле, досадное для меня, а не для Хлыща, которому оно чудом помогло увернуться от пули.

Жека и Юрок заметили меня почти одновременно, но отреагировали по-разному. Первый вскинул револьвер и хотел выстрелить, только я его опередил. Второй, видимо, вздрогнул от неожиданности и отпрянул от автомобиля. Но резкое движение заставило его раненую ногу подкоситься, отчего Хлыщ утратил равновесие и, взмахнув руками, шмякнулся на дорогу. Моя пуля опоздала всего на долю секунды. И вместо того, чтобы прошить Юрку плечо, она пронеслась мимо, не задев его.

Делать третий выстрел из этой же позиции было бессмысленно – «гранд чероки» полностью заслонил от меня упавшего Хлыща. Пригнувшись, я перебежал через дорогу, чтобы успеть всадить в него пулю прежде, чем он начнет отстреливаться. Но меня ожидало повторное разочарование. Юрок не стал разлеживаться там, где он упал, а сразу же скатился

в кювет. После чего с поразительной для раненого шустростью пополз на четвереньках в поле. И лишь колышущаяся над ним, высокая трава выдавала сейчас его местонахождение.

Стрелять наугад в траву тоже являлось неразумно. Хлыщ интересовал меня живым и способным вести конструктивный разговор. Поэтому я должен был сначала увидеть его и лишь затем подранить, не задев жизненно важных частей его тела. Пришлось волей-неволей пускаться за Юрком в погоню. Разумеется, ни на миг не забывая об осторожности. Упав возле машины, он не выронил пистолет, а, значит, тот все еще был у него в руке.

Трусоватый бандит полагал, что стоит ему выпрямиться, и его неминуемо постигнет участь кореша, вот и предпочитал такой способ бегства. Я следовал за ним, пригнувшись и ориентируясь на колышущуюся траву. Но еще до того, как я разглядел в ней задницу улепетывающего Юрка, эта трава неожиданно взяла и перестала колыхаться.

– Дьявол! – чертыхнулся я и плюхнулся на живот. Почему Хлыщ остановился, было совершенно очевидно. Быстро ползти на четвереньках и одновременно отстреливаться являлось несподручно, а тем более для раненного. Вот он и решил задержаться, чтобы послать мне навстречу несколько пуль – авось да удастся сделать то, что не удалось Жеке.

И впрямь удалось бы, не смекни я, в чем дело, и не упади ничком в траву. Испуганный Юрок разрядил в моем направлении целый магазин своего восьмизарядного ПМ. После чего, судя по донесшимся до меня, характерным звукам и брани, взялся перезаряжать оружие, явно желая продолжить стрельбу.

Хлыщ палил не целясь и довольно высоко, но парочка пуль все равно едва не сбила мне шляпу. А, значит, не исключено, что следующие его выстрелы окажутся удачнее и продырявят мне не только ее, но и голову. Но если с порчей шляпы я смирюсь и найду себе новую, то запасную голову мне взять уже негде. Поэтому, Юрок, извини и не обессудь на меня за то, что на твой свинцовый привет ты получишь точно такой же ответ.

Лежа в густой траве, я видел лишь вспышку стреляющего в меня ПМ, но не самого стрелка. Повисшее над тем местом, облачко порохового дыма и стало для меня ориентиром, на который я навел ствол Хаоса. Если повезет, то я попаду, куда изначально хотел: в руку или плечо Хлыща. Если не повезет…

И брань, и возня, с какой Юрок перезаряжал оружие, прекратились после первого же моего ответного выстрела. Вместо них до меня стали долетать громкие хрипы и булькающие звуки. Настолько красноречивые, что можно было даже не проверять – я

и так знал, что подстрелил Хлыща. Вот только это смертельное попадание во врага считалось не удачей, а, наоборот, грубым просчетом. Однако, пока бандит не отбросил копыта, он еще мог мне что-нибудь выболтать. А не захочет – я сделаю так, что его отход в мир иной станет намного мучительнее, чем сейчас.

Револьверная пуля пробила Хлыщу грудь рядом с сердцем и, продырявив легкое, застряла в лопатке. Я понял это, не обнаружив под своей жертвой лужи крови, что непременно натекла бы из выходного отверстия в спине, имейся оно там. Шансов на выживание у Юрка не было никаких. Кровь лилась у него изо рта, а сам он часто и хрипло дышал, трясся в агонии и сучил конечностями по земле.

М-да, облом… Такой без пяти минут труп хоть пытай, хоть не пытай – ему уже все равно. Но в мутнеющем взоре бандита теплилась жизнь, и, вероятно, он еще мог связать несколько слов.

– Где Дырокол?! Кто на вас напал?! – схватив умирающего за грудки, вопросил я. Громко и четко – так, чтобы до него дошел смысл моих слов. И для пущей доходчивости встряхнул его. Грубо, но не настолько, чтобы до срока вытрясти из него последний дух.

Хлыщ закашлялся, обдав меня вылетевшими у него изо рта, кровавыми брызгами, но, вопреки моим ожиданиям, снизошел-таки до ответа.

– Тыв… варь! – не сказал, а, скорее, выхаркнул Юрок вместе с кровью. – Пзырн!.. Кырс!.. Вылк!.. Крыс!.. Волк!.. Акх-х-р-р!.. – И, прокашлявшись, повторил гораздо отчетливее: – Крысиный… волк! Позорная… ссученная тварь! В натуре… падаль конченная!.. Валит всех… без разбору, сука! Акх-х-р-р!..

И, закатив глаза, изверг из горла последний булькающий звук. После чего обмяк и запрокинул голову назад, так и отставив рот открытым.

– Крысиный волк? Это еще что за чудище такое? – переспросил я, хотя видел, что испустивший дух Хлыщ мне уже не ответит.

Бросив покойника на землю, я обшарил у него карманы, надеясь, что это прольет свет на заданную мне им, предсмертную загадку.

Никаких зацепок. В карманах бандита было шаром покати, если не считать обычного сора.

Тогда я разрезал ножом повязку и распорол брючину на раненой ноге Хлыща. Как знать, возможно, характер ранения скажет мне о том, кто и чем его нанес?

Бандитская ляжка была продырявлена не пулей, как я думал, а двумя крупными ружейными картечинами. Судя по всему, этот

выстрел предназначался не Юрку, которого зацепило лишь краем разлетевшегося дробового снопа. Что опять-таки ничего не объясняло. В Юрка могли с равным успехом попасть и враги, и свои, когда банда отстреливалась в суматохе от накинувшихся на нее зомби.

Осмотр тела Жеки дал мне еще меньше полезной информации. У него карманах обнаружились сигареты, зажигалка и мешочек с тремя золотыми кольцами и двумя парами сережек, возможно, снятыми с последних жертв Дырокола. Но к той задаче, которую я решал в настоящий момент, все это не имело отношения.

– Крысиный волк, стало быть… – задумчиво повторил я, стряхивая со шляпы налипшие к ней, сухие травинки. – И что ты, паскудник, хотел мне этим сказать?

Я вновь обвел взглядом опушку леса, откуда выбежали Юрок и Жека. Там по-прежнему царило безмолвие и не наблюдалось никаких волков. Ни крысиных, ни обычных, которые также за последние годы расплодились, осмелели и местами являлись такой же напастью, как зомби.

Ну ладно, так тому и быть – отправлюсь дальше и сам разведаю, что почем. Какая бы зараза ни поджидала меня за теми деревьями, у Дырокола в любом случае стало двумя подручными меньше. Это благоприятствовало выполнению моей работы, бросать которую сейчас было и подавно негоже. Особенно, когда некий крысиный волк грозил сожрать банду – или ее останки, – и лишить меня трофеев, необходимых для получения награды за ее уничтожение…

Глава 4

Эволюция зомби, которой они подверглись за время своего существования на планете, разделила их на несколько видов. Но о копателе, которого называли бы «крысиным волком», мне слышать не доводилось. Хотя о самих так называемых «крысиных волках» я слыхал и не однажды. Вот только в живую их не видел, поэтому и не могу утверждать, существуют ли они на самом деле.

Ходят слухи, что если закрыть в железной бочке десятка два крыс, они с голодухи начнут пожирать друг друга. И когда в конце концов там останется последняя крыса, она якобы больше не захочет питаться ничем иным, кроме как мясом своих сородичей. Поэтому, если выпустить такую крысу – того самого «крысиного волка», – на свободу, она тут же начнет охоту на других крыс. И будет убивать их до тех пор, пока не изведет в округе всех особей своего вида. Или пока они не сообразят, что к чему, и совместными усилиями не разорвут ренегата-каннибала на части.

Разумеется, Юрок боялся вовсе не такого крысиного волка, которого он при необходимости смог бы раздавить каблуком. И не зомби. Да, с голодухи они часто пожирали друг друга, но сделать из них «зомбячьего волка» – к примеру, заперев их надолго в тесной комнате, – было невозможно. Поведение пережившего такой эксперимент копателя ничем не отличалось бы от поведения прошедшего через это же испытание, обычного человека. Вновь обретя свободу, они отправились бы на поиски привычной пищи. А к каннибализму вернулись бы только в крайнем, безвыходном случае.

Я терялся в догадках, кому была адресована предсмертная брань Хлыща. Хотя, говоря начистоту, мне не хотелось бы столкнуться с этим монстром, кем бы он ни был. Но, как говорится, волков бояться – в лес не ходить. А бояться входить… вернее, въезжать в лес, держа под рукой взведенные револьверы и пушки помощнее – пулемет «Хеклер-Кох 221» и четырехзарядный 40-мм гранатомет «ГМ-94», – было бы для меня тем паче несолидно.

Следы бандитского грузовика привели меня к очередному холму. Он был со всех сторон окружен лесом, но на его склонах росли лишь трава да мелкий кустарник. Дорога, на которую я свернул на очередной развилке, не огибала холм, а вела на его вершину – к вышке сотовой связи, что там находилась. Грузовик поднялся туда же, и вскоре я смог его разглядеть. Он стоял за вышкой, а чуть дальше за ней имелось небольшое строение –

щитовой домик. Судя по установленному вокруг оборудованию, это была метеостанция – видимо, соседство с вышкой связистов не мешало дежурившим на ней в свое время метеорологам.

Я чертыхнулся: мне не забраться туда незамеченным ни на джипе, ни пешком. Если Дырокол и его люди все еще живы, они наверняка следят за подступами к холму и его склонами. Если же бандиты мертвы, мне надо в этом сначала убедиться. Но как разглядеть с подножия холма тела, валяющиеся на его вершине? Хотя, возможно, я смогу заметить того, кто их убил. В том случае, если он не заметит меня первым и не спрячется так, что я не смогу его обнаружить.

Не выходя из-под сени деревьев, я дотошно осмотрел в бинокль вышку и метеостанцию. Пребывая в дурном настроении, я тем не менее слегка воспрянул духом, когда заметил там кое-что любопытное. К одной из нижних перемычек вышки были подвешены за связанные в запястьях руки три человека. Кто они такие – зомби, бандиты или кто-то еще, – снизу рассмотреть не удавалось. Все они были привязаны к северной стороне опоры, спинами ко мне, а я глядел на холм с юга. Дорога также шла по его южному склону. Поэтому, если я отважусь подняться по ней, лица этих людей откроются мне лишь тогда, когда я окажусь на вершине.

Пока я изучал в бинокль висящие на перекладине фигуры, ни одна из них не пошевелилась. Если это зомби, значит, они висят там очень давно. Копатели обладают феноменальной живучестью. Угодив в такую ловушку, они могут трепыхаться неделями, прежде чем умрут от истощения. Разве только кто-то – возможно, те же бандиты, – не упражнялись в стрельбе или метании ножей, используя пойманных копателей в качестве мишеней.

Если это были обычные люди, все складывалось еще интереснее. Не встреть я по дороге Юрка и Жеку, то не усомнился бы, что гляжу сейчас на пленников Дырокола, которых он подверг пыткам. Но убегавшая со всех ног бандитская парочка наводила меня на другую мысль: к вышке были привязаны сами бандиты. Те, что в отличие от Хлыща и Рваных Ушей, не успели сбежать от «крысиного волка» и были им пойманы. Кстати, темные пятна, что виднелись на спинах этих неудачников, могли оказаться не грязью или синяками, а воровскими татуировками.

Мои часы показывали полдесятого утра. Дожидаться ночи – самого безопасного времени для восхождения на холм, – было слишком долго. Да и отсиживаясь в лесу, я подвергал себя не меньшему риску. В этих краях, рядом с Волгой, встречалось множество бредущих с востока на запад зомби. Большинство из них пускалось через реку вплавь. Но иногда среди них

попадались профи-строители и поводыри. Первые брались за сооружение примитивных плотов, вторые сгоняли к этим плотам пассажиров. Вот почему в прибрежных районах, где безумным паломникам приходилось волей-неволей делать остановку, их скапливалось значительно больше, чем в других местах. И пусть сейчас я их здесь не наблюдал, наверняка в течение дня через лес пройдет не одна стая копателей. А среди деревьев и кустов они могут подобраться ко мне слишком близко, прежде чем я их замечу. И мне сильно повезет, если их окажется полдесятка, а не полсотни или даже сотня.

В общем, куда ни кинь, везде есть угроза нарваться на крупные неприятности. Но в стычке с бандитами я хотя бы знаю, что они не попрут на меня толпой, игнорируя летящие в них пули. Так что стоит рискнуть и въехать на гору, воспользовавшись фактором внезапности. В любом случае, мое внезапное появление там, где меня не ждут, вызовет какую-нибудь активность. И враги, что, вероятно, пока скрываются от моих глаз, занервничают, забегают и рассекретят себя. Ну а я в случае чрезмерной опасности ударю по тормозам, развернусь и, усмирив гордость, удеру обратно в клубах пыли.

Да, хреново работать без напарника, что ни говори. Опытный в «разведывательно-штурмовых» делах Сашка стопроцентно предложил бы мне сейчас грамотный тактический план. Который мы на пару с ним аккуратно, без лишней суеты осуществили бы. Проворачивать же такие дела в одиночку было той еще морокой, и мне приходилось выкручиваться по мере своих сил и возможностей.

Взобраться на холм для Большого Вождя не составило труда. Поддав газу, я быстро достиг вершины, не встретив никакого огневого сопротивления. За двигатель и радиатор я не волновался. Их защищали усиленные броневыми щитами капот и таран-рассекатель. Эти штуковины были непробиваемы для пистолетных и ружейных пуль, а также выдерживали касательные попадания винтовочных. А вот лобовое стекло джипа являлось самым обычным. И пока он вез меня в гору, я сидел за рулем пригнувшись. И уповал на то, что среди беглых зеков не отыщется снайперов. По крайней мере, проведшие всю свою жизнь в тюрьмах, Дырокол и его подручные уж точно не были асами в стрельбе, особенно по движущимся целям.

Никто в меня так и не выстрелил и не показался мне на глаза. Въехав на территорию метеостанции – вышка была построена здесь явно позже, – я сразу развернул джип на сто восемьдесят градусов. Затем чтобы в случае чего быстро задать деру. Хотя, если бы кто-то и вправду желал меня подстрелить, он

сделал бы это еще на склоне. Как бы то ни было, но я продолжал соблюдать осторожность. И, покинув кабину, занял такую позицию, чтобы джип загораживал меня от вероятного противника. После чего снова внимательно осмотрелся. Только на сей раз без бинокля, поскольку отсюда вершина холма просматривалась уже целиком.

При моем появлении привязанные к вышке люди задергались и стали пытаться рассмотреть, кто это сюда пожаловал. Не будь их рты заклеены скотчем, наверняка они стали бы кричать. Только проку от их криков все равно бы не было. Теперь я отчетливо видел, кто они такие. И не стал освобождать бы их, даже если бы они слезно умоляли меня об этом.

Впрочем, Вован Дырокол, Леха Чалый – его я опознал по приметной седой пряди в его растрепанных черных вихрах, – и Мотя Дрищ никогда бы не опустились до слез и мольбы. При всей их гнусности и аморализме, они придерживались своего воровского кодекса чести, так как продолжали считать себя блатными. По крайней мере, друг перед другом они точно не стали бы выказывать страх и неуверенность.

Еще одного их кореша, однорукого калеку Яшку Клешню, я нашел возле постройки. Он не был связан, но лишь потому, что лежал на земле с наполовину снесенным черепом, а мертвецы, как известно, не умеют воскресать даже в эпоху зомби. Вторая половина яшкиной башки была разбрызгана по стене, которую также испещряли дыры от ружейной картечи. Кровь на желтой облицовке домика успела побуреть и запечься – свидетельство того, что Клешня проиграл свой последний бой как минимум пару часов назад. Тогда же, очевидно, были связаны и развешаны «на просушку» Дырокол, Чалый и Дрищ.

Последнего члена их шайки, Стасика Балабаса я нигде не обнаружил. Ни живым, ни мертвым. Но если он все-таки был жив, то вряд ли находился где-то здесь. В этом случае везунчик Стасик должен был драпать отсюда по примеру Хлыща и Рваных Ушей. Только в другом направлении, раз уж я не встретил его на дороге.

– Так-так! Вот это, я понимаю, расклад: джокер и два туза сразу в одной руке! – произнес я, рискнув наконец-то выйти из-за машины. Говорил я громко – так, чтобы выжившие бандиты меня слышали. – Неплохо сработано, пропади я пропадом! Вот только где они, эти герои, перед которыми я должен снять шляпу?!

Возможно, герои тоже меня слышали, но они предпочли не отзываться и остались в своем укрытии. Зато Дырокол и его соседи по «вешалке» начали дружно мычать заклеенными ртами и выразительно вращать глазами.

Общаться с ними мне не хотелось. Но что поделаешь, если ни

с кем другим здесь было не поговорить.

– Слышь, братан, – обратился ко мне Дырокол, едва я отлепил с его губ полоску скотча, – ты это… нас с кем-то попутал! Я и мои кореша – честные бродяги, вот те крест! Та паскуда, которую ты ищешь – это все ее рук дело! Слышь, ты это… давай без понтов, лады? Лучше развяжи нас, а то крыса, которая нас тут закуканила, где-то поблизости ползает. Того и гляди, вернется, а у нее тоже есть ствол! Да ты сам видишь, как она нашего братана наглухо порешила!

И Вован указал кивком на распластавшегося неподалеку, практически обезглавленного Яшку Клешню.

– Да будет тебе, Дырокол, прикидываться честным бродягой, – отмахнулся я, держа все же руку на рукоятке револьвера. – Я отлично знаю, кто ты такой и с какой цирковой программой здесь гастролируешь. Чтобы между нами не было недопонимания, скажу тебе откровенно: когда ты связан, твоя голова оценивается намного больше, чем когда ты бегаешь на свободе. Так что не мечтай – я свою выгоду упускать не намерен.

– А-а-а, так вот что ты за гость! – презрительно скривился Вован. – Ты – тот самый борзый мокрушник в шляпе, что дядю Борю завалил ни за хрен собачий!

– Если ты имеешь в виду старого пердуна, который с ватагой дерзких малолеток разорял фермы в окрестностях Саратова, то да – он погиб от моей руки, – не стал я этого отрицать. – Только погиб твой дядя Боря исключительно по своей глупости. Он, как и ты, тоже был обо мне наслышан. И знал, что выиграть у меня в игре «Кто быстрее достанет из кобуры пушку» у него нет ни единого шанса. Так что извини, Дырокол: твоя претензия насчет дядюшки, или кем он там тебе приходился, не принимается. И вообще, некогда мне тут с тобой лясы точить. Тебя уже давно заждались в одном обиженном тобой поселке. И раз уж ты попался мне живьем, я не стану переводить на тебя пулю, а доставлю тебя клиентам в наилучшем виде, румяного и не протухшего. Такого, что еще сможет орать, когда они посадят тебя на кол.

Вместо ответа Дырокол вдруг нервозно сглотнул и, набычившись, уставился полными ненависти глазами куда-то мне за спину. На его скулах заиграли желваки, но он при этом не проронил ни слова, что было на него вовсе не похоже.

– Не так быстро, ковбой! – раздался позади меня голос. Настолько грубый, что можно было подумать, будто ко мне обратился обученный говорить медведь. – Нехило ты, смотрю, губу раскатал! И с какого перепугу я должен дарить тебе отбросы, которые сам могу вышвырнуть на помойку?

– Ковбой?! – переспросил я, не оборачиваясь. То, что этот человек не станет в меня стрелять, если я не дам ему такой повод, было очевидно. А иначе он уже прикончил бы меня безо всякого повода и ненужной болтовни. – Где ты тут видишь ковбоя, приятель? Разве я пригнал с собой коровье стадо или прискакал сюда на испачканной навозом лошади?

– Где ты тут видишь приятеля, ковбой? – прорычал в ответ человек-медведь, хотя его беспардонность была понятна и простительна. И я бы на его месте возмутился, осмелься какой-нибудь наглец заявить права на мои охотничьи трофеи.

– Где вижу? Да прямо позади меня, – ответил я, медленно оборачиваясь. – Подумал, что раз мы с тобой стреляем в одних и тех же ублюдков, то наверняка можем…

И прикусил язык, увидев наконец того, с кем говорю.

Воистину, тут было с чего утратить дар речи! Уже по голосу становилось понятно, что меня держит на прицеле человек внушительных габаритов. Но когда я взглянул на него воочию, сразу выяснилось, что мои прогнозы были явно занижены. Сам я тоже отнюдь не низкорослый – скорее, умеренно высокий, – но этот тип обгонял меня в росте на целую голову. Да и в ширине плеч превосходил изрядно. Отчего даже громоздкий полуавтоматический карабин «Вепрь-Молот» двенадцатого калибра смотрелся в его ручищах словно игрушка.

Я бы дал громиле на вид лет тридцать, однако в действительности он мог быть и старше, и моложе. Определить его возраст наверняка не позволяло его жутковатое лицо. Я повидал множество изуродованных шрамами лиц, но такое видел впервые. Шрамов на физиономии громилы было так много, что они сливались в одну сплошную сетку, покрывающую ему щеки, скулы, лоб и частично – нос. Было очевидно, что он заполучил их не в бою и не упав спьяну мордой в битое стекло. Такие отметины могли возникнуть лишь в процессе жестокого истязания или пытки. В их взаиморасположении даже наблюдался некий порядок, хотя наносили их далеко не с хирургической аккуратностью.

Первое сравнение, что пришло мне на ум при взгляде на это изобилие шрамов – из-за них кожа на загорелом лице громилы напоминала шкурку ананаса. Такое же сравнение явно приходило на ум и самому громиле. А иначе как объяснить, что он соорудил себе на макушке прическу, напоминающую пучок листьев, торчащих из этого фрукта? Если бы не нацеленный на меня «Вепрь», желание его хозяина придать себе сходство с ананасом вызвало бы у меня улыбку. Самоирония – хорошая и о многом говорящая черта характера. А самоирония в адрес собственного

уродства свидетельствует о том, что этот парень являлся оптимистом по жизни. И не особо переживал насчет издевательств, которым он был когда-то подвергнут.

– Ну, чего заткнулся, ковбой? Пытаешься выдумать про меня какую-нибудь шутку? – поинтересовался ананасообразный человек, без труда прочтя мои мысли. Что, впрочем, было не так уж сложно. – Ну давай, выкладывай – посмеемся вместе!

– Я бы с радостью, только боюсь показаться неоригинальным, как и ты со своим «ковбоем», – ответил я. – К тому же я не имею привычки смеяться над людьми, что в одиночку вяжут целую банду. Ну, или не целую, если быть точным – троих бандитов ты все-таки упустил.

– Двоих, – поправил меня мордоворот. – Тот, кого эти твари называли Балабасом, валяется вон там. – Он кивнул на брешь в огораживающем метеостанцию, невысоком заборчике.

Действительно, прямо в дыре лежало тело последнего дырокольца, которого можно было разглядеть в высокой траве лишь хорошенько приглядевшись. Да и сама дыра, кажется, образовалась по вине Стасика. Удирая от двуногого хищника с дробовиком, Балабас получил в спину заряд картечи и, упав на хлипкий заборчик, проломил его. После чего так и остался валяться и истекать кровью в его обломках.

– Отлично: вот теперь все в сборе, – удовлетворенно заключил я и пояснил: – Насчет сбежавших Юрка и Жеки тоже можешь не беспокоиться. Я встретил их в паре километров отсюда, и мы не сошлись во мнении по поводу того, кому из нас жить, а кому умирать.

– Эй, протри-ка зенки: разве похоже, будто меня что-то беспокоит? – огрызнулся громила. – Или хочешь, чтобы я сказал тебе спасибо за эту пустяковую услугу? Ну, спасибо, раз такое дело! Доволен? А теперь будь добр, сделай мне еще одно одолжение – проваливай отсюда, пока мы по-настоящему не разругались.

– По-моему, из нас двоих ворчишь только ты, а я веду себя исключительно любезно, – напомнил я. – Да убери ружье-то, а то негоже вести деловой разговор, размахивая друг перед другом пушками.

– А разве нам с тобой есть, что обсуждать? И что значит – «друг перед другом»? Ты что, ковбой, ослеп: это я держу тебя на мушке. А ты стоишь передо мной и треплешь языком вместо того, чтобы свалить отсюда подобру-поздорову, пока я добрый.

– Вышиби ему мозги, Квадро! – подал голос отмаливавшийся до сей поры Дырокол. – Тебе же это раз плюнуть, хренов мокрушник! Не хочешь меня отпускать, так выполни хотя бы

последнюю просьбу приговоренного к смерти! Убей «крысиного волка» и – век мне воли не видать! – я замолвлю за тебя словечко в аду перед дьяволом!

– Квадро?! – переспросил громила, недоверчиво прищурившись. – Так ты, ковбой, и есть тот самый Квадро, о котором болтают в здешних краях? А неплохо ты болтаешь по-русски для американца.

– Разумеется, неплохо, – усмехнулся я, – ведь я родился неподалеку от этих мест. И вообще, никакой я не американец, если на то пошло, а русский. Ну, разве что еще самую малость татарин и еврей, но для русского это вполне допустимая погрешность. А тебя как звать-величать, большой и суровый человек с ружьем? Дырокол обозвал тебя «крысиным волком», но, готов поспорить, он говорил так со зла, и на самом деле твое имя звучит намного добрее.

– В этих краях меня не знают. – Собеседник не спешил раскрывать передо мной карты, но карабин все-таки опустил. После чего полез в карман и, вынув оттуда пачку сигарет с зажигалкой, закурил. – Да и в других краях я не слишком известен. Но меня это вполне устраивает, ведь я не ношу пижонских шляп и не гоняюсь за дешевой славой. Вот пускай оно и дальше так остается.

– Разумная позиция. Уважаю и отчасти даже завидую, – пожал я плечами, пропуская мимо ушей очередную грубость. – Хотя на переговорах с тобой все-таки настаиваю. Уверен, что будучи двумя практичными людьми, мы быстро придем к взаимовыгодному соглашению.

– Не видишь что ли – я тут немного занят, – пробурчал громила, отставляя «Вепрь» и доставая из поясных ножен устрашающих размеров оружие – нечто среднее между мачете и абордажной саблей, чья гарда являла собой вдобавок шипастый кастет. – Хотя можешь рассказать мне о своем предложении, пока я буду работать. Раз уж на то пошло, тебя в любом случае будет приятнее слушать, чем верещание этих животных.

Увидев приближающегося к ним мордоворота с тесаком, бандиты задергались, а Дырокол, с чьего рта я отклеил пластырь, взялся орать в его адрес проклятья. Такие, какие я доселе никогда не слышал, поскольку был плохо знаком с блатным жаргоном. Судя по отчаянию, что также звучало в этом крике, Вован ничуть не усомнился в серьезности кровожадных намерений человека-«ананаса». А, значит, он и правда обнажил тесак не с целью попугать своих пленников.

– Что это ты затеял, позволь тебя спросить?! – спохватился я, стараясь перекричать вопли Дырокола.

– А сам-то как думаешь? Довожу дело до конца, вот что, – как ни в чем не бывало ответил громила, не вынимая сигарету изо рта, и деловито проверил пальцем остроту лезвия. – Ты бы, конечно, просто разнес им черепушки из своих пукалок. Но я, видишь ли, человек небогатый и привык экономить патроны. Да и не заслужили эти трое быстрой смерти. Будет справедливее дать «покайфовать» им напоследок хотя бы полчаса… Тебя не напрягает этот шум? Могу, если хочешь, перерезать Вовану голосовые связки, чтобы он не мешал тебе слушать пение птиц, шелест листвы и все такое…

Как и ожидалось, человек-«ананас» оказался не лишен чувства юмора. Вот только желания смеяться над его шутками у меня не возникло. Ситуация вот-вот грозила выйти из-под моего контроля. Требовалось принимать срочные меры, чтобы довезти до нанимателя хоть какие-то доказательства гибели банды Дырокола. Хотя бы его голову. Этот же садист грозил оставить меня ни с чем, ведь голова с изуродованным лицом не стоила ни гроша, поскольку не годилась для опознания.

– Погоди, не спеши! – обратился я к громиле. Тот как раз встал напротив мычащего и дергающегося Моти Дрища и прикидывал, какую бы часть его тела отрезать в первую очередь. – Зачем понапрасну рубить на гуляш того, за кого в цельном виде тебе отстегнут хорошую награду?

– Награда меня не интересует, – помотал головой этот несговорчивый бессребреник. – Есть на свете вещи, ковбой, которые надо делать безо всякой награды. И даже не за спасибо, а просто так, от души. Хотя тебе, охотнику за головами, который забесплатно пальцем о палец не ударит, этого не понять…

М-да, тяжелый случай. Тяжелый и по нынешним меркам исключительный.

И ладно бы, своди живодер с Дыроколом личные счеты – тогда его альтруизм был бы еще объясним. Но, насколько я понял, ничем таким в их разборке и не пахло. Громила вел себя абсолютно невозмутимо и даже пытался шутить. Иными словами, вел себя совсем не так, как мститель, добравшийся до своих заклятых врагов. И на махрового садиста, пьянеющего от вида и запаха крови, он не походил. Кажется, будто для него это было всего-навсего привычное хобби. Такое, которое его давно не возбуждало, но которое по-прежнему оставалось для него интересным.

– Ну хорошо, – заключил я и решил зайти с другого бока. – А обязательно кромсать этих подонков здесь и сейчас? Разве нельзя предать их мучениям в каком-нибудь другом, более подходящем месте? Так, чтобы их смерть вошла в легенды и послужила

уроком другим подонкам, когда они снова сюда нагрянут?

Мордоворот отвлекся от Дрища и, нахмурившись, пристально посмотрел на меня.

– А ты, гляжу, все никак не уймешься, ковбой, – хмыкнул он, покачав головой. – Похвальное упрямство. Только тебе уже известен мой ответ: я не поручаю кому-то убирать за собой мусор, который могу убрать сам.

– Вот и прекрасно! Лучше не придумаешь! – Я подмигнул ему и показал большой палец. – Там, куда я направляюсь, нет палача, способного причинить Дыроколу те страдания, которые он действительно заслуживает. Так что твоя помощь пришлась бы тем людям весьма кстати. Можешь даже надеть маску, если не хочешь, чтобы тебя запомнили. Сам посуди, от чего больше пользы: от казни бандита в глуши, или от казни, совершенной на глазах у пары сотен зрителей. Многие из которых, между прочим, потеряли по его вине друзей и родственников и даже не надеялись на то, что однажды их гибель будет отмщена.

Палач ответил не сразу. Некоторое время он в молчании переводил свой тяжелый взор с меня на пленников и обратно, но, похоже, его мысли заработали в правильном направлении. Когда садист отвлекается от своего любимого занятия и призадумывается, можно быть уверенным – он отнесся к твоим словам со всей серьезностью.

– Что именно натворили эти животные в том месте, куда ты меня приглашаешь? – поинтересовался мордоворот спустя примерно минуту. – Только предупреждаю: говори правду, потому что я нутром чую, когда мне вешают на уши лапшу!

– Хочешь знать правду, значит, ее и получишь, – заверил я его. И поведал ему о том, о чем мне рассказали мои наниматели из деревни Лопатино. В их истории хватало душераздирающих подробностей, способных пронять даже такого непрошибаемого головореза, как этот малый. А если я где-то что-то и приукрасил, то совсем чуть-чуть. Не настолько, чтобы погрешить против истины и дать моему слушателю изловить меня на лжи.

По ходу моего рассказа лицо истязателя становилось все мрачнее и мрачнее. Несмотря на его звериные наклонности, кое-что человеческое в нем все-таки оставалось. Самая малость, но этого было достаточно, чтобы мы с ним пришли-таки к компромиссу.

– Ладно, твоя взяла, – буркнул громила. И, вернув тесак в ножны, с досадой посмотрел на получивших отсрочку от смерти бандитов. – Так и быть, прокачусь с тобой до той дыры, покажу тамошним слюнтяям, что почем, раз у них самих для этого кишка тонка. У тебя в багажнике найдется еще веревка, чтобы связать

добычу покрепче?

– Разумеется! И не только веревка, но и кандалы найдутся – без них в моей работе не обойтись… Так как прикажешь тебя называть? Не Крысиным же Волком, в конце концов. Не спорю, крутое имечко, но какое-то оно все же неправильное. Да и обидное, если на то пошло.

– Я – Панкрат, – не слишком охотно признался мой временный компаньон и попутчик, – но можешь, если хочешь, называть меня Ананасом. И еще ты должен кое-что обо мне знать. На самом деле я – один из них… – Он указал на Дырокола и его подручных. – В смысле, не из их банды, а тоже из беглых зеков. Понимаю, что такие чистоплюи, как ты, не верят на слово выродкам вроде меня, но все равно скажу: я с бандитской жизнью давно завязал. Окончательно и бесповоротно. И к тухлому блатному миру всяких там Дыроколов и ему подобных больше не принадлежу. А иначе, сам посуди, с чего бы эти твари называли меня «крысиным волком»?

– Считай, Панкрат Ананас, что я – неправильный чистоплюй, и, так уж и быть, приму твои слова на веру, – кивнул я. – Ну а зовут меня Степан. Степан Иванович Четвертаков, а не Стэнли Квадро, хотя в здешних краях я более известен под своим цирковым псевдонимом. Кстати, тебе тоже не помешает взять кое-что на заметку. А именно: раз уж мы с тобой договорились отправить этих троих на честный суд, я не допущу, чтобы по дороге ты нанес кому-то из них увечья. Настанет время – увечь их сколько влезет. Но до той поры чтоб ни-ни, окей?

– Это будет нелегко, но я попробую, – проворчал Ананас. – Ладно, Иваныч, тащи свои кандалы, а я пока приберу вещички этой гопкомпании. Негоже оставлять здесь столько полезного добра. Я за наградами не гоняюсь, но от трофеев не имею привычки отказываться. Не знаю, как тебя, а меня в тюрьме не обучали питаться одним святым духом…

Глава 5

Как известно, кладбища – не самые удачные площадки для строительства на них чего бы то ни было.

Все это, конечно, обычные суеверия и предрассудки. В каждом крупном городе Земли, особенно в городах с многовековой историей, есть кварталы, стоящие на местах старых захоронений. И что? Да ничего. Проживающие там люди заняты повседневными делами и в большинстве своем понятия не имеют, что буквально ходят по костям сотен или даже тысяч истлевших человеческих тел. Ничего не поделаешь – города неминуемо разрастаются вширь. И вот уже на тех их окраинах, где прежде располагались кладбища, бьет ключом жизнь: высятся дома, ездят по улицам машины, зеленеют парки, работают фабрики, шумят рынки…

Впрочем, если бы ученые, буравшие четыре с лишним года назад недра под злополучной станцией метро «Трубная», наткнулись на обычное кладбище, вряд ли это так взбудоражило бы планету. Скорее всего, о такой находке сегодня никто и не помнил бы. Но ученым повезло: их открытие наряду с их именами вошло в историю. Вошло, даже несмотря на то, что вскоре после этого наш мир рухнул в тартарары, и та история – история нашей цивилизации, – возможно, подошла к своему концу. Однако пока в ней не была поставлена финальная точка, мы еще не забыли о том, с чего началась ее финальная глава. И что творилось тогда в Москве и в остальном мире.

Открытие тех бурильщиков произвело фурор не только в научных, но и в других кругах, причем весьма далеких от науки. Также оно подлило масла в огонь страстей, что бушевали в Интернете после вспышки московской зомби-лихорадки. И хоть связь между нею и находкой ученых была чисто умозрительной, никто – ни высоколобый профессор, ни простой обыватель, – не сомневались: они наблюдают не разрозненные явления, а звенья одной цепи.

А как иначе было назвать орду копателей, роющих землю над гигантским могильником, площадь которого не удавалось вычислить даже приблизительно?

Возраст человеческих костей, которыми был завален могильник, равнялся примерно полутора миллионам лет. Это удалось определить по самим костям, а не по геологическим слоям, в которых они залегали. Со слоями поначалу возникла неразбериха – те оказались гораздо старше, чем обнаруженные в них останки. Но когда с помощью зондов была разведана

истинная глубина могильника, многое встало на свои места.

Многое, но не все. И главными вопросами, оставшимися без ответа, были «Что за причина согнала сюда этих людей и умертвила их?», «Как это было сделано?» и «У кого в ту эпоху хватило сил, чтобы вырыть столь исполинскую могилу?».

На то, что яма для могильника имела искусственное, а не природное происхождение, указывал характер ее дна. Его испещряли окаменелые следы, которые при внимательном изучении оказались следами человеческих рук и примитивных орудий труда. Отсюда и возникло несоответствие: древние люди углубились в еще более древние земные слои, где и похоронили то ли других людей, то ли самих себя. Причем больше походило на второе – кости верхних конечностей почти всех исследованных скелетов имели повреждения. Такие же, какие сегодня получали копатели-зомби, роющие голыми руками землю на Трубной площади и в ее окрестностях.

Точные границы могильника установить не удалось. Зонды, опущенные в скважины, что были пробурены за пределами карантинной зоны, наткнулись на тот же слой из спрессованных окаменелых скелетов. Их залегало под северными районами центральной Москвы десятки миллионов – и это только по самым грубым и приблизительным подсчетам! Неудивительно, что такая новость лишь усугубила страх ее жителей, и без того напуганных усиливающимся день ото дня, наплывом копателей.

Среди костей были обнаружены не до конца разложившиеся артефакты той эпохи: пуговицы, инструменты, предметы быта и другие мелкие вещи или их обломки. Судя по качеству их изготовления, в могильнике покоились представители довольно развитой цивилизации – однозначно, самой древней из всех открытых нами, цивилизаций наших предтеч. Лишь единственная версия объясняла эту находку и связывала ее с копателями: обитатели Земли уже сталкивались с подобным явлением. И в прошлый раз предотвратить катастрофу не удалось – она разразилась в невиданных масштабах. Таких, что напрашивались самые неутешительные догадки: после того, как ее жертвы очутились в одной братской могиле, та цивилизация прекратила свое существование. А если кто-то из ее представителей выжил, он не только не возродил ее заново, но и не смог сохранить ее наследие.

И вот история повторялась. Вопреки крылатой поговорке – не в виде фарса, а, возможно, в еще более катастрофическом масштабе. К этому имелись все предпосылки: количество вероятных жертв, стягивающихся к новому вероятному могильнику, постоянно увеличивалось. А сам он становился все

глубже и шире, даже несмотря на то, что зомби продолжали рыть его руками. Лишь изредка в руках какого-нибудь копателя-профи можно было увидеть лопату, кирку или тачку, что, разумеется, никак не отражалось на производительности здешнего труда.

Вести полноценные исследования супермогильника из тоннелей метро было невозможно по техническим причинам. А наверху этому препятствовали орды зомби. Они продолжали собственные раскопки, уничтожая оккупированный ими район столицы. Подрывая фундаменты, они обрушивали здания себе же на головы и гибли десятками. Но на место погибших приходили новые копатели. С упорством, достойным лучшего применения, они разгребали завалы, не обращая внимания на засыпанных камнями мертвецов и корчившихся раненых. Последние не кричали от боли и не взывали о помощи, а продолжали грести руками землю до тех пор, пока не испускали дух. После чего их, как и прочих мертвецов, съедали другие копатели. Что уже никого не удивляло. Каннибализм стал среди них обыденным явлением, ведь рост их численности опережал темпы поставок им гуманитарного продовольствия.

Через год после начала массового безумия на «Трупной площади» военное положение было введено не только в Москве и во всех российских городах от Калининграда до Сибири, но и в странах Европы, Скандинавии, на Кавказе, на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Появляясь то здесь, то там, копатели сбивались в стаи и двигались к Москве, разоряя все на своем пути. Государственные институты в пораженных эпидемией странах пока с грехом пополам функционировали, и законная власть еще имела в них авторитет. Но во многих местах уже царили хаос и анархия.

Беспорядки чинили не только зомби, но и те, кто решил половить рыбку в мутной воде: бандиты, анархисты, мародеры… Мировую экономику лихорадило. Деньги обесценивались. Долгие перебои с энергоснабжением стали привычным делом. Транспортное сообщение и связь работали из рук вон плохо. В армиях начались разброд и повальное дезертирство. Границы из-за постоянных прорывов зомби почти не охранялись. Навстречу копателям двигались беженцы. Те, которые насмотрелись на их бесчинства и решили, пока не поздно, убраться подальше от расползающегося очага московской аномалии. И все же этот мир оставался привычным нам миром, дающим надежду, что однажды корень нынешнего зла будет найден и уничтожен. После чего кризис сойдет на нет, безумцы-копатели очнутся от наваждения, и к нам снова вернутся спокойствие и порядок.

Нормальные люди объединяли усилия в борьбе с

нарастающей угрозой, возводили укрепления, вооружались всем, чем только могли. Но никто из них не был застрахован от того, что рано или поздно у него в голове прозвучит Зов – так за неимением иного объяснения стали называть этот феномен. Зов выбирал свои жертвы по принципу рулетки и мог разразиться в голове у любого. И горе друзьям и близким такого бедолаги, которые оказывались поблизости от него и не успевали вовремя обнаружить угрозу. Новоиспеченный копатель был подобен неразорвавшейся гранате. В лучшем случае он мог подчиниться Зову и, не разбирая дороги, отправиться в сторону Москвы. В худшем – отправиться в сторону Москвы после того, как прикончит одного или нескольких человек, которые, по его мнению, стояли между ним и его заветной целью.

За год не затронутое Зовом население Европы, Ближнего Востока и половины Азии поголовно заразилось другой болезнью – паранойей. Мужья теперь боялись засыпать рядом с женами, матери – с малолетними детьми, а в домах накрепко запирали на ночь не только входные двери, но и комнатные. Ночевать вдвоем или втроем в одной комнате стало таким же рискованным занятием, как курение рядом с открытой пороховой бочкой. Прежде чем новые правила безопасности вошли в привычку везде и всюду, немало людей погибло от рук тех, от кого, казалось бы, им в последнюю очередь стоило ожидать удара в спину. Впрочем, даже тщательное соблюдение мер предосторожности не гарантировало, что они остановят объявившегося среди вас копателя. А если тот вдобавок ко всему оказывался берсерком или профи…

День, когда набирающая обороты катастрофа докатилась лично до меня, я помню фрагментами. Есть среди моих воспоминаний того дня четкие, есть смутные, а есть и пробелы, что начисто стерлись из памяти. Тем не менее последние я тоже считаю важными деталями этой мозаики, без которых она для меня не склеивалась. И которую, будь на то моя воля, я бы никогда не склеивал. К сожалению, вышибить те воспоминания из моей головы могла лишь пуля – вместе с мозгами и жизнью. Но, видимо, я был чересчур малодушен, чтобы раз и навсегда разобраться со всеми моими проблемами столь радикальным способом.

Это случилось незадолго до того, как в Москве, а следом за нею в других местах, было введено военное положение. Надвигалась зима, и наш цирк «Легенды Дикого Запада» возвращался с гастролей в Ярославль – город нашей постоянной прописки. Полагаю, можно не уточнять, что те гастроли выдались не слишком удачными. Особенно во второй половине лета и

начале осени. Людям становится не до цирковых шоу, когда вокруг творится нечто зловещее и необъяснимое. А тем более, если кто-то из их родных, друзей или знакомых внезапно лишается разума, становится агрессивным и уходит из дому в неизвестном направлении… Точнее, в известном – в Москву. Но поскольку копатели шли туда не разбирая дороги, их безутешным родственникам было трудно отыскать и поймать такого безумца по пути в столицу.

С грядущей зимой многие, в том числе и я, связывали наши надежды на лучшее. Трудно объяснить, почему. Но лично мне тогда казалось, что морозы должны затормозить распространение психической эпидемии. А уж до весны ученые наверняка отыщут источник заразы и уничтожат его. Не могли не отыскать, ведь место, куда стремились все психи, красноречиво указывало на то, где сокрыт корень этого зла.

Наш оптимизм выглядел наивно, но в те дни думать так было нормально. Тем более, что в нашей цирковой труппе никто пока не сошел с ума, и вообще мы не сталкивались еще ни с одним копателем. Жонглеры, эквилибристы, трюкачи, вольтижеры, дрессировщики, фокусники, клоуны, а также униформисты, костюмеры, конюхи, водители и прочий служебный персонал – все мы во время гастролей жили одной дружной семьей. Были среди нас и обычные семьи. Сам я, к примеру, жил в гражданском браке со своей ассистенткой Аленой, у которой был сын Антошка – не мой, но для меня это не имело значения, поскольку я относился к нему, как к родному. В тот год ему как раз исполнилось шесть лет, и в будущем году он должен был пойти в школу. А пока Антошка – бойкий и непоседливый мальчуган, – колесил вместе с мамой и всеми нами по России, что ему безмерно нравилось. И о чем Антошка наверняка станет скучать после того, как останется у бабушки в Ярославле, где ему предстояло учиться.

Оглядываясь сегодня назад, я понимаю, что никогда не был для Антошки хорошим отцом. Да и просто отцом тоже вряд ли был, к чему я не особо и стремился. Потому что настоящий отец на моем месте проявил бы себя гораздо более осмотрительным человеком. И подготовился бы ко встрече с опасностью, о которой твердили в каждом выпуске теленовостей. И которая была намного ближе, чем мне тогда виделось. Но я оказался к ней совершенно не готов. Хуже того – когда она нагрянула, я валялся пьяный после попойки, что мы устроили в автобусе по дороге домой, празднуя окончание гастролей. И в тот момент, когда я был нужен Алене и Антошке больше всего на свете, меня не оказалось рядом. А когда я очнулся, понял, что происходит, и

поспешил к ним на помощь, было уже слишком поздно…

Можно представить, что думал обо мне Антошка в последние, самые жуткие секунды своей жизни. Можно представить – но я стараюсь делать это как можно реже, поскольку большего позора в своей жизни мне испытывать не доводилось. Человек, которым Антошка искренне восхищался и считал его чуть ли не сказочным супергероем, не пришел к нему на помощь. И не перестрелял злобных гадов, что напали на него и на его маму. А ведь этот парнишка был моим самым горячим и верным поклонником. Он не расставался с ковбойской шляпой и игрушечными револьверами, даже когда ложился спать – они всегда лежали на стуле рядом с его кроваткой. И так уж вышло, что в ту злополучную ночь Антошка схватил свое оружие раньше, чем я – свое. После чего всерьез пытался отстреляться от зомби, потому что когда я нашел его растерзанное тело, те пластмассовые револьверчики были все еще зажаты у него в руках…

Впрочем, не буду забегать вперед, а расскажу обо всем по порядку, как бы ни было тошно мне от этого рассказа.

Итак, наша автоколонна выехала из Кирова и двигалась по направлению к Котельничу, а я и мои собутыльники, изрядно пьяные, дрыхли в одном из автобусов мертвецким сном. Сухой закон, который мы безукоризненно соблюдали в гастрольном туре, был теперь отменен. И те из нас, для кого работа была окончена – то есть артисты, – получили наконец-то возможность расслабиться. Чем и пользовались, поскольку не было лучшего способа убить скуку во время долгого пути домой.

Алена в том праздновании не участвовала, поэтому они с Антошкой ехали в другом автобусе. И тоже спали, поскольку было уже далеко за полночь. Знакомая дорога не предвещала сюрпризов, но предчувствия нас обманули. На подъезде к Котельничу фары головного автобуса колонны неожиданно высветили в темноте два разбитых автомобиля: столкнувшиеся лоб в лоб маршрутку и грузовик.

Наши водители допустили фатальную ошибку, когда остановились узнать, что стряслось, и не нужна ли кому-нибудь медицинская помощь. И все же несправедливо обвинять их в том, что они поступили так, а не промчались, не притормозив, мимо. На их месте я повел бы себя также. Но мое поведение в ту ночь не заслуживало вообще никакого оправдания. Так что кому и судить их за их благородный поступок, то точно не мне.

Что стало причиной той аварии – выскочившие на дорогу копатели или обычная человеческая халатность, а копатели примчались туда на шум – мы не выяснили. Едва наша колонна остановилась, и водители автобусов поспешили к разбитым

маршрутке и грузовику, наша судьба была предрешена. И изменить ее отныне не представлялось возможным.

Все могло обернуться не так трагично, нарвись мы на стаю обычных зомби. По идее, от них еще можно было спастись – они атакуют беспорядочно и порой мешают сами себе, путаясь друг у друга под ногами. Но, как назло, на нашем пути оказалась стая, ведомая поводырем, а это в корне меняло дело. И, увы, меняло не в нашу пользу.

О копателях-поводырях в то время было известно крайне мало. На «Трупной площади» они вроде бы играли роли прорабов, внося в царящую там неразбериху пусть простейшую, но организацию. Каким образом? Возможно, с помощью телепатии, потому что, в отличие от обычных копателей, поводыри вообще не издавали звуков, даже мычания. За пределами Котлована эта разновидность зомби встречалась тогда крайне редко. Но те, кто с ними сталкивался, утверждали, будто ведомые ими стаи действуют гораздо осмысленней: ищут мосты или переправы вместо того, чтобы пересекать реки вплавь; пытаются не штурмовать, а обходить крутые возвышенности; не суются в болота и иные гиблые места… Но самое главное – в столкновениях с нормальными людьми эти копатели не прут на рожон, а используют тактику. Само собой, примитивную, но для них это уже считалось гигантским достижением.

Вожак стаи, напавшей на нас под Котельничем, похоже, использовал дорожную аварию как приманку. А иначе как объяснить, что отсиживающиеся в придорожных кустах зомби бросились в атаку лишь тогда, когда из автобусов на дорогу высыпали все не спящие в тот час пассажиры? И атакованы они были сразу со всех сторон, что моментально отрезало их от единственных доступных им укрытий. После чего копатели приступили к привычной для них бойне, растерзывая людей на части руками и зубами.

Стая оказалась не только организованной, но и крупной. Рычание десятков зомби слились с криками и визгом их жертв, а также ржанием напуганных лошадей (их мы перевозили на тягачах в специальных трейлерах). Этот душераздирающий ор вмиг разбудил тех, кто продолжал спать в автобусах. Я тоже проснулся, хотя в пьяном состоянии меня обычно не добудишься и пушкой. Еще какое-то время мне потребовалось, чтобы продрать глаза и осознать, что творящаяся вокруг дикость мне не снится. Но окончательно я пришел в себя лишь тогда, когда во мраке на меня навалилась рычащая туша, от которой смердело, как от выгребной ямы. Тут же весь хмель из меня как ветром выдуло, и я стал защищаться изо всех сил, какие только остались во мне

после вечерней попойки.

Мое оружие и патроны находились в этом же автобусе, но были спрятаны в сейфе. Между которым и мной как раз стояла эта тварь – первый зомби, с которым я столкнулся буквально нос к носу. И которого при всем желании не мог назвать человеком, хотя и был «знаком» с ним лишь несколько секунд. Схватив первое, что подвернулось под руку – настольную лампу, – я взялся молотить ею копателя по голове и отбрыкиваться, а он столь же яростно пытался дотянуться до моего горла.

И дотянулся бы, остановись я хотя бы на мгновение. Но каждый мой удар мешал ему сосредоточиться на цели и причинял ей урон. Какими бы живучими ни были зомби, удары в висок тяжелыми предметами для них также смертельны. С той лишь разницей, что для этого их надо нанести как минимум дюжину в одно и то же место.

Хорошо, что в тот раз я столкнулся не с берсерком или профи. Покусившийся на меня, безумный толстяк был силен, но нерасторопен. Разбив ему левую половину черепа, я сумел в конце концов от него отделаться. А потом перепрыгнул через агонизирующее тело и бросился к сейфу, нашаривая в кармане ключи липкими от чужой крови руками.

Никого кроме меня в автобусе уже не было, но по пути к сейфу я запнулся еще за чье-то тело. Кому оно принадлежало, во тьме было не разобрать. Кажется, это был кто-то из моих собутыльников, не сумевших отбиться от зомби-толстяка. Проверять, жив этот бедолага или нет, я не стал. Все мои мысли были обращены к находящимся в другом автобусе Алене и Антошке, чьи крики я, кажется, сейчас слышал. А, может быть, это кричали не они – поди разбери в таком шуме и суматохе. Но так или иначе, над ними нависла такая же угроза, как над остальными. Ведь если копатели добрались до меня, с той же легкостью они доберутся и до Алены с Антошкой, а женщина и ребенок от них не защитятся.

Еще один ворвавшийся в автобус копатель захотел помешать мне добраться до сейфа. Не останавливаясь, я саданул ему ногой в грудь. Вылетев обратно из дверей, он врезался спиной в следовавших за ним зомби, повалил их на асфальт и сам грохнулся навзничь поверх их дергающихся тел.

Падение не причинило им вреда, но позволило мне беспрепятственно открыть сейф, достать пояс с револьверами и зарядить два из них. Прежде я проделывал это несметное количество раз, но сейчас мои руки дрожали от волнения, что сказывалось на моей расторопности. И все же я успел вооружить до того, как мои сбитые с ног противники поднялись и снова

вторглись в автобус. Вот только они меня там уже не застали. Не желая связываться с ними, я высадил пинком стекло и, не забыв сунуть в карман куртки пару пачек патронов, выпрыгнул из автобуса, что едва не стал для меня смертельной ловушкой.

Патроны! Тоже мне аргумент против зомби: безобидные восковые пули, вставленные в гильзы с неполной навеской пороха… Проще было убить медведя утиной дробью, чем уложить такой пулей копателя. Правда, в моем случае шансы повышался, ведь на арене я попадал навскидку с двадцати шагов в рублевую монету. А, значит, смогу попасть и в глаз зомби – единственное уязвимое место у него на теле, угодив в которое, восковая пуля его укокошит.

Проблема в том, что здесь была не арена, и что раньше я никогда не стрелял в человека. Но беспокойство за судьбу тех, кто был мне дорог, помогло мне переступить через этот психологический барьер. Я преодолел его, пусть даже темнота и паника плохо этому способствовали. И когда в конце концов мне удалось добраться до Алены и Антошки, на моем счету было три мертвых копателя. Которых, правда, на моем месте уложил бы каждый, поскольку я стрелял по ним практически в упор. И если бы вовремя не спускал курки, эти зомби сами бы натыкались глазами на стволы моих револьверов.

«Ругер Вакуэро» – лучшее оружие, из которого мне доводилось стрелять. А я – один из лучших стрелков, что когда-либо нажимали на спусковые крючки этих револьверов. Вот только все это оказалось совершенно бесполезным, когда дело коснулось защиты моей семьи. В ту безумную ночь я спешил к Алене и Антошке как мог. Но, к несчастью, пирующая повсюду смерть меня опередила. И когда я добежал до них, все было кончено. Копатели убили их внутри автобуса, а потом вышвырнули истекающих кровью мать и ребенка на дорогу, где еще какое-то время продолжали терзать их тела.

К моменту моего появления их уже оставили в покое, но я не смог взглянуть в последний раз на дорогие мне лица. Копатели изодрали их настолько, что они превратились в сплошное кровавое месиво. Рядом с Аленой валялся кухонный нож, которым она пыталась защитить Антошку. А у него, как я уже говорил, все еще был зажат в руке игрушечный револьвер – последняя надежда мальчишки на спасение, раз уж мои легендарные револьверы оказались на это не способны.

От осознания случившегося и бессилия что-либо изменить руки мои опустились, ноги подкосились и я упал на колени, а потом…

Остаток той ночи я помню очень смутно и фрагментарно.

Я все же нашел в себе силы встать с колен и поднять оружие до того, как меня постигла бы участь жены и сына. Чтобы хоть как-то искупить самую чудовищную ошибку в моей жизни, я спешил на крики о помощи, всаживая пули в глаза попадающихся мне навстречу зомби. Кажется, мне и впрямь удалось кого-то спасти. Но это были не те люди, которых я хотел бы видеть сейчас живыми, и потому никто из них мне не запомнился.

Также понятия не имею, как я очутился в автобусе, на котором из кромешного ада вырвались те немногие из нас, кому посчастливилось уцелеть. Если мне не изменяет память, нас насчитывалось не более пятнадцати человек – десятая часть от всей нашей гастрольной труппы! Возможно, еще двум-трем счастливчикам повезло ускакать оттуда верхом. В разгар заварухи мимо меня то и дело проносились сбежавшие из трейлеров, напуганные лошади, которых кто-нибудь мог затем оседлать. Прочие же наши друзья и родственники все до единого пали жертвами зомби. И на утро следующего дня цирк «Легенды Дикого Запада» прекратил свое существование. Он ушел в историю, как и многое другое, что уничтожили копатели до и после этой трагедии.

Последнее, что запомнилось мне, прежде чем наш автобус умчался прочь – высокий беловолосый человек. Он стоял на обочине дороги, в стороне от разыгравшейся бойни. Фары высветили его ненадолго, но этого хватило, чтобы определить: он не из наших. К тому же он был инвалидом – у него отсутствовала левая рука, ампутированная по самое плечо. Однако на зомби этот дылда тоже не походил. Он был совершено спокоен, в то время, как копатели толпой бежали за автобусом, не собираясь так просто отпускать нас отсюда.

Загадочный однорукий блондин не сдвинулся с места, когда автобус промчался мимо него, и наши взгляды на миг встретились. Что он мог увидеть в моих глазах, понятно: смертельную ярость и беспросветное отчаяние. Что я увидел в его глазах? Трудно сказать, но злобой они точно не горели. Да и других эмоций в них не прослеживалось. Это был взгляд равнодушного ко всему созерцателя, но разве можно остаться равнодушным, глядя на бесчинствующих зомби?

Можно – в том случае, если ты сам являешься одним из них и способен повелевать ими…

О том, что это был копатель-поводырь, я узнал позднее – когда этих тварей стали замечать повсеместно. Но тогда я ни о чем подобном не догадывался. Что, возможно, было и к лучшему, ведь иначе я остался бы, дабы поквитаться с главным виновником убийства Алены, Антошки и прочих моих товарищей. До которого

я, впрочем, все равно не добрался бы. Потому что либо свернул бы себе шею, прыгая из мчащегося автобуса, либо был растерзан бегущими за ним зомби. Ну а так мы – горстка выживших, – доехали до Котельнича, где перевязали раны и, предавшись скорби по погибшим, поведали миру обо всем, что с нами стряслось…

Вернее, рассказывать эту историю моим товарищам пришлось уже без меня. Еще до того, как мы прибыли в Котельнич, я не выдержал и сломался. Не сказав никому ни слова, я осушил от беспросветной тоски подвернувшуюся под руку бутылку водки и позорно сбежал сразу, как только наш автобус остановился. При мне были лишь револьверы с остатком патронов, документы, да бумажник с деньгами, выплаченными мне нашим импресарио после финального представления.

Какие у меня были дальнейшие планы? О, самые что ни на есть грандиозные! Сначала – купить и выпить еще одну бутылку водки, поскольку одной мне показалось мало. А потом – найти укромный уголок и пустить себе пулю в глаз. То есть свести счеты с жизнью тем же способом, которым я так ловко убивал зомби. И который, к моему великому сожалению, не помог мне убить тех зомби, кого я должен был остановить в первую очередь.

С первым пунктом плана трудностей не возникло, а вот со вторым… Застрелиться после убойной доли алкоголя у меня не вышло – я отключился еще до того, как смог настроиться на самоубийство. А когда проспался и, обнаружив себя в каком-то придорожном мотеле, привел мысли в относительный порядок, то понял, что у меня вдруг пропала всяческая охота умирать. Малодушие не позволило мне остаться с выжившими – теми, кому предстояла тяжкая, скорбная работа: опознавать и хоронить останки наших товарищей. И это же малодушие не давало мне присоединиться к погибшим, рядом с которыми, говоря начистоту, и было сегодня мое место. Куда ни кинь, везде я повел себя недостойно. И не мог осмелиться на настоящий поступок даже в память о своих погибших близких.

В тот день было еще не поздно встать на любой из этих двух путей. Но я опять смалодушничал и в итоге выбрал третий путь: отправился куда глаза глядят к неведомой мне пока цели. Вернее, это был даже не путь, а, скорее, направление, подобное тем зигзагам, которыми добираются до Москвы копатели. И пусть в моей голове не звучал Зов, в данный момент я немногим отличался от зомби. А именно – меня не тянуло на «Трупную площадь», и вся моя жгучая ненависть была направлена лишь на самого себя.

Неприкаянный, я уходил в долгое странствие по миру,

досадуя, что моя жизнь перевернулась в одночасье с ног на голову. Однако не прошло и года, как подобной жизнью зажил не только я, но и весь остальной мир! А то, что виделось мне поначалу ненормальным, постыдным или диким, вскоре повсюду стало нормой. И горе тому, кто был не готов к переменам или отказывался признавать жестокие законы новой реальности. Новый мир – мир Копателей, – был нетерпим к ретроградам, которые в нем попросту не выживали. Несмотря на то, что мы называли себя чисторукими, нам, чтобы выжить, тоже приходилось частенько марать свои руки. Причем не только в грязи, но и в крови, которая и у нас, и у зомби по-прежнему была одного и того же цвета…

Глава 6

– Читал я, помнится, в тюрьме одну книжку, – заметил Ананас, попыхивая сигареткой и рассовывая по карманам разгрузочного жилета снаряженные магазины от «Вепря». – Толстую такую книжку и до изжоги многословную, что я даже удивлялся, как у автора хватило терпения ее до конца дописать. Одно мне в той книжке безумно нравилось: она была про море. А море от зека, который пожизненный срок по строгачам мотает, находится еще дальше, чем звезды. Их я хоть иногда сквозь решетку по ночам видел, а море – только во сне. Ну или воображал его в мыслях, когда мне такие книжки порой в руки попадали.

– С чего это вдруг ты заговорил о литературе? – удивился я. Мы готовились к вот-вот предстоящей нам работе, поэтому выбранная моим новым напарником тема для беседы была довольно странной.

– Да вот с самого утра вспоминал, как та книжка называется, и только сейчас вспомнил, – пояснил Панкрат. И, подняв вверх указательный палец, доложил мне о результатах своего умственного труда: – «Моби Дик»! Там про похожего на тебя фраера с причудами рассказывается. Да ты, Иваныч, тоже, небось, этого «Дика» читал. Вы, артисты, народ образованный и тащитесь от таких толстых и умных книжек.

– Я был цирковым артистом, – напомнил я. – А от циркачей требуется ловко шевелить руками, а не мозгами, так что читать нам книжки было недосуг… Хотя ты угадал: как раз эту книжку я в свое время осилил. И понимаю, куда ты клонишь. Хочешь сказать, что я – как тот одноногий капитан Ахав, который свихнулся на поисках искалечившего его, белого кашалота. Только я годами охочусь на более мелкую и сухопутную тварь – белобрысого однорукого поводыря, так?

– Угу, – буркнул Ананас. Закончив с магазинами, он повесил «Вепрь» за спину на ремень, и взялся заряжать пулеметную ленту в «Хеклер-Кох-221». – Так и есть! Что тот Ахав, что ты – почти одного поля ягоды. С той лишь разницей, что ты пока не на всю голову долбанутый, и у тебя обе ноги на месте.

– Ну спасибо тебе за откровенность, друг сердешный! – Я шутливо приподнял над головой шляпу. – Но спорить не буду: все-таки есть в твоем сравнении доля истины. И если кто-то однажды сообщит мне, что видел поблизости того самого поводыря, вряд ли я устою перед искушением отстрелить ему вторую руку, а затем и башку. Да только глупо на это надеяться.

Больше трех лет с той поры миновало, а копатели так долго не живут.

– Вот тут, Иваныч, не скажи, – возразил Панкрат. – Поводыри себя физическим трудом не изнуряют, да и вообще в земле не роются. А, стало быть, запросто могут прожить и три года, и больше. Разве только однорукий гад ушел в столицу и стал «прорабом» в Котловане – вот тогда ты можешь о нем навсегда забыть. Но если он по сию пору работает у зомби проводником вдали от Москвы, то я бы на твоем месте и правда почаще прислушивался, о каких тварях народишко в фортециях болтает…

В словах беглого зека с исполосованным шрамами лицом имелся резон. Давно замечено, что не всякий поводырь, который доводит до Москвы стаю копателей, остается с нею до конца. Иногда зомби-лидеры поворачивали обратно и удалялись от столицы на сотни, или даже тысячи километров, чтобы собрать новую стаю и тоже повести ее к Котловану. Следуя своей загадочной логике, поводыри никогда не ходили одними и теми же дорогами. Если, например, один из них доставлял бригаду копателей с юга, то сразу после этого он мог без видимых причин отправиться на север, запад или восток. Поэтому я имел все основания предполагать, что виновный в гибели моей семьи, однорукий поводырь действительно мог быть еще жив.

Главная моя проблема состояла не в том, как его убить. Сначала его требовалось отыскать. Что было ой как непросто, так как сегодня он мог находиться где угодно: на Дальнем Востоке, в Сибири, в Индии, в Китае, на Аравийском полуострове, на Кавказе, в Европе… или даже в каком-нибудь полукилометре от меня! Короче говоря, изловить моего «белого кита» являлось посложнее, чем Моби Дика. Капитан Ахав хотя бы знал пути миграции китов и их повадки. А я помнил лишь несколько особых примет своего обидчика, не более. Да и те за три года, что миновали с нашей злополучной встречи, могли измениться. Кроме, пожалуй, отсутствующей левой руки. Пусть копатели и живучее чисторуких, но оторванные конечности у них, как и у нас, заново не отрастают.

Для бывшего уголовника-рецидивиста Ананас рассуждал на удивление здраво и всегда прислушивался к чужому мнению. И это при том, что ко многим обыденным вещам проведший треть жизни за решеткой Панкрат относился прямо-таки с детской наивностью. Это всякий раз давало ему повод для самоиронии, что в свою очередь ломало мои стереотипы о закоренелых преступниках. По крайней мере, до Ананаса я не сталкивался со столь практичными и необидчивыми представителями уголовного мира.

Прошло три месяца с тех пор, как мы с Ананасом привезли в Лопатино насильника и убийцу Дырокола, а также двух его подельников. Там Панкрат разделался с ними уже окончательно, благо, лопатинцы не возражали насчет того, что убийц казнит заезжий палач, а не они. Да и с чего бы им было возражать? Одного взгляда на свирепого громилу хватало, чтобы понять: сегодня Вовану отольются слезы не только его недавних жертв, но и прочих несчастных, кого он еще загубил в своей жизни. Включая убитых в детстве из рогатки голубей и замученных соседских кошек.

И Ананас лопатинцев не разочаровал! Я не люблю смотреть на публичные истязания, даже если те являют собой заслуженную кару за преступления. Поэтому, пока мой временный компаньон орудовал в поте лица тесаком на возведенном для Дырокола эшафоте, я сидел неподалеку в трактире. И расслаблялся после многотрудной работы более цивилизованным способом: выпивал, поминая заодно павшего от моей руки Сашку Урагана и обдумывая свои дальнейшие планы.

Спокойного отдыха, правда, не получалось. Умирающие в муках бандиты оглашали поселок дикими воплями. Столпившийся на площади народ тоже вопил, только его крики были исполнены презрения и злорадства. Меня их гвалт изрядно раздражал. Но поскольку другого трактира здесь не было, приходилось, скрипя зубами, терпеть это неудобство.

Награду Ананас, как и обещал, не взял. Зато не отказался от предложения бесплатно отужинать в трактире и провести такую же дармовую ночь в публичном доме. Это стало для беглого зека своеобразным откровением. Как выяснилось впоследствии, такая шикарная лафа, да к тому же законная, ему еще ни разу в жизни не выпадала. И потому, как бы ни чтил Панкрат свой персональный кодекс чести, там не нашлось пункта, запрещающего ему предаваться мелким радостям жизни. В особенности, когда за них с Ананаса не требовали плату.

– Ну что, оценил преимущества настоящего бизнеса перед той любительской самодеятельностью, на которую ты почем зря растрачиваешь свои таланты? – поинтересовался я у него, когда на следующее утро подсел к нему в трактире за завтраком. И без того жуткая рожа громилы опухла после всенощного кутежа, но вид у него был несказанно довольный.

Не отрываясь от еды, Панкрат пробурчал в ответ что-то неразборчивое, хотя его тон все же был неагрессивным. «Не сочти за грубость, Иваныч, но не пойти ли тебе лучше нахрен!» – видимо, как-то так расшифровывался этот набор рычащих звуков.

– Чего тебе еще от меня надо? – снова огрызнулся Ананас,

когда прожевал кусок бифштекса и, к своему разочарованию, понял, что я не намерен оставлять его в покое.

– Нет желания заняться делом на профессиональном уровне? – спросил я его напрямую, не став больше ходить вокруг да около. – Парень ты толковый, слово свое держишь, пьешь в меру, мирных жителей не задираешь и с дамами ведешь себя по-джентльменски. Как по мне, ты просто создан для этой работы. А то, что тебя не интересует вознаграждение, так и вовсе прекрасно – значит, нам не придется ругаться при его дележе! Я буду забирать себе награду, ты получаешь все трофеи, какие только соберешь – вполне честная сделка.

– Есть одна серьезная проблема, Иваныч. – Ананас поморщился. – Ты убиваешь копателей, а я – нет. Копатели – больные люди. Их надо лечить, а не убивать.

– Раскрой глаза, Панкрат! – горько усмехнулся я, выругавшись про себя в адрес этого наивного садиста с гуманистическими заскоками. – Возможно, пару лет назад зомби и правда еще можно было вылечить от безумия. Но сегодня искать средство от этой болезни попросту некому. А даже если такие люди и остались, у них банально нет технических возможностей, чтобы решить столь глобальную проблему.

– А как же парни из «черных колонн»? – осведомился громила, затянувшись между делом лежащей на пепельнице, зажженной сигаретой. – Разве они – не ученые, что колесят по миру в поисках нужного нам лекарства?

– Мне доводилось слышать обратное, – ответил я. – Поговаривают, будто те, кто ездит в «черных колоннах», и есть виновники всего этого тотального безумия. И будто катаясь по миру, они делают что-то такое, что еще больше усугубляет проблему. Так оно или нет, на самом деле никому не известно. Известно лишь то, что никто еще не обнаружил от «черные колонн» ни пользы, ни вреда. Само собой, что тебе, мне и прочим чисторуким всей душой хочется надеяться на первое. Но надежды – это одно, а реальность – совсем другое. И единственное ныне существующее лекарство от этой болезни – я и такие, как я. Мы не трогаем копателей ровно до тех пор, пока они не начинают напрямую угрожать жизням нормальных людей. А также жизням их детей, которые и без этой угрозы ежесекундно рискуют угодить под воздействие Зова и оставить своих родителей в безутешном горе. Понимаешь теперь, Ананас, чем именно мы занимаемся и какую пользу приносим? Мы убиваем раковые клетки, что расплодились в организме под названием Человечество, чтобы те не убивали его здоровые клетки, и он продолжал жить. Пусть даже такой дерьмовой жизнью, но уж

лучше она, чем смерть, верно?

– Красиво излагаешь, Иваныч. Сразу видать – артист! Мне так вовек не сказать, даже если я все умные книжки в мире прочту… – Панкрат большим глотком ополовинил кружку с пивом и, утерев рукавом губы, сытно рыгнул. Потом проводил глазами зашедшую в трактир, одну из бордельных шалав, с кем он, возможно, развлекался ночью, и полюбопытствовал: – А такая вот честная халява у вас – она только в этой дыре за работу положена или везде?

– Везде, где хозяева могут позволить себе подобную роскошь. – Я не стал чересчур обнадеживать Ананаса, поскольку он умел отличать искренность от фальши. – Хотя во многих местах, где я бывал, это считается правилом хорошего тона… Ну так что ты решил? Ударим по рукам или разойдемся восвояси?

– Я еще ничего не решил, – поправил меня громила, затушив в пепельнице сигаретный окурок. – И не решу, пока окончательно не протрезвею. Дело серьезное, а, значит, его надо хорошенько обмозговать. Приходи сюда в обед, тогда и отвечу на твой вопрос, а сейчас – извини…

Тяжко жить на белом свете бандиту, навсегда порвавшему с преступным миром. Приходиться накладывать на себя массу всяческих табу, сильно усложняющих жизнь бывшему любителю творить произвол. К тому же повсюду рыщут другие беглые зеки, жаждущие поквитаться с Ананасом за былые обиды. И у них, в отличие от него, руки не связаны никакими ограничениями! И еще добавьте сюда его типично бандитскую рожу, придать которой добродушие не могла даже самая широкая и искренняя улыбка. Человеку с такой рожей чертовски трудно вызвать к себе доверие у незнакомых людей, и ему жизненно необходим авторитетный друг, готовый всегда за него поручиться.

Панкрат был парень не промах и умел за себя постоять. Но выживать в одиночку, наслаждаясь свободой и не нарушая закон, было куда сложнее, чем выживать так, как предлагал Ананасу я. Работая со мной, он не только ничего не терял, но и приобретал массу преимуществ. И мог получать от жизни гораздо больше радости, чем прежде. Потому что отныне было кому замолвить за него словечко и подтвердить: да, этот человек – не бандит с большой дороги, а честный малый, который чтит законы, и которому можно доверять…

Короче говоря, Панкрат сделал правильный выбор. И спустя сутки мы с ним уже ехали на юг, в фортецию Красный Яр, чтобы доставить скорбные вести семье Сашки Урагана и снабдить ее на ближайшие месяцы всем необходимым. А спустя еще какое-то время мы уже трудились в поте лица над нашим первым

совместным делом, поскольку спрос на наши услуги был постоянный и не спадал даже зимой.

…Но до зимы было еще далеко, и это радовало. Все-таки летом нашу суетливую, грязную и потную работу делать было намного проще и приятнее…

– Не забудь, о чем нас с тобой настоятельно просили: главное, не повредить технику, – напомнил я Ананасу, когда мы с ним во всеоружии приблизились к оккупированному копателями хлебозаводу. – Прежде, чем спускать курок, подумай о местных детях! Из-за тебя они могут больше никогда не отведать свежих булочек, если ты ненароком разнесешь пулями хлебопекарное оборудование.

– К черту оборудование! – огрызнулся Панкрат, не вынимая изо рта сигарету. – Я, между прочим, тоже люблю булочки. И тоже больше никогда не поем их, ежели меня сожрут зомби, в которых я не стану стрелять, беспокоясь о какой-то дерьмовой технике. Там, где летают пули, всегда остаются дырки – так уж у нас заведено. Хотят без дырок, пусть нанимают казаков с шашками, а мы пойдем поищем себе другую, более приличную работенку!

Ворчал он, разумеется, чисто по привычке. В действительности я не сомневался в том, что Панкрат будет стрелять очень аккуратно. Настолько, насколько это вообще будет возможно, когда на нас попрет толпа зомби.

Объект, который нам поручили от них освободить, находился западнее Ульяновска, в селе Подлесное. Окружив село крепкостенными баррикадами, его жители успешно отражали атаки зомби. А вот построенный на отшибе хлебозавод отстоять не сумели. Постоянно витающий над округой, аромат свежего хлеба однажды привлек к заводу слишком крупную стаю копателей. Она прорвала заводскую оборону, вынудив рабочих и охрану спасаться бегством. Героическая попытка сельчан отбить стратегический объект, естественно, потерпела неудачу. Во-первых, у них имелся опыт лишь оборонительной войны, а не наступательной. А, во-вторых, потеряв в битве за хлебозавод нескольких человек, они не захотели плодить у себя в поселке новых вдов и сирот. И поступили разумно: наняли для этой опасной работы заезжих головорезов. Тех, по кому никто в Подлесном уже не станет скорбеть и плакать.

Копателей называли зомби, но повадками они не напоминали своих киношных собратьев. Копатели были умнее их, и больше походили на хищных животных, чем на безмозглых ходячих мертвецов. Доверять сведениям, полученным нами от напуганных крестьян, было нельзя, но, кажется, они не ошиблись: мы имели дело с обычной стаей, не возглавляемой поводырем. Однако как

минимум два берсерка и один профи в ней наличествовали. Сбежавшие охранники завода упоминали о зомби с оружием в руках, а также о чересчур агрессивных и прыгучих зомби.

Врываться на захваченную территорию и палить во все, что рычит и движется – метод голливудских киногероев, борцов с медлительными зомби, но никак не наш. Мы действовали более продуманно: занимали со всем нашим вооружением господствующую высоту и уже оттуда начинали расстрел сбегающихся на выстрелы копателей. После чего спускались на землю и планомерно зачищали здания. То есть добивали тех тварей, кто из-за глухоты или по иной причине не отреагировал на наше вторжение сразу. Эта методика была не раз опробована мной и Ураганом на практике и в случае с обычными зомби работала безотказно.

– Выпускай приманки! – велел я Панкрату, когда мы подступили к воротам хлебозавода. Они стояли распахнутыми – их запоры не выдержали натиска зомби и сломались, – но нам вторгаться туда нахрапом было неразумно. Сначала на завод должен был вторгнуться наш четвероногий «авангард», а уже потом наступал черед меня и Ананаса.

Самой лучшей и дешевой приманкой для зомби служили кролики, которых мы обычно приобретали у наших же нанимателей. Не кормленные пару суток, эти зверьки выпускались на нужную территорию и быстро разбегались по ней в поисках травы и прочего подножного корма. А копатели при виде припрыгавшей к ним, свежей мясной пищи вмиг забывали обо всем и дружно бросались ее ловить. Как правило, им это удавалось. Но за время, что они вели охоту на кроликов, мы успевали, не привлекая к себе внимания, выйти на нужную позицию.

Панкрат выпустил из мешка в открытые ворота хлебозавода сразу полдюжины таких ушастых камикадзе. Учуяв запах растущей на заводском дворе травы, голодные кролики тут же рванули к ней, не подозревая, сколь жестокая участь им уготована.

Примерно минуту наш «авангард» спокойно грыз последний в своей жизни обед. Но как только первый кролик был замечен копателями, ему и его собратьям стало уже не до еды. Наименее шустрый из них был быстро пойман, но стоило лишь другим зверькам услышать его предсмертное верещанье, и они стремглав пустились наутек от накинувшихся на них отовсюду зомби. Которым в свою очередь приходилось бороться не только с шустрой добычей, но и друг с другом, ведь делиться трофеями или уступать их сопернику без драки озверелые копатели не

привыкли.

Дождавшись, когда они войдут в азарт и устроят между собой потасовку, мы с Ананасом прошмыгнули в ворота и бросились к водонапорной башне, стоящей в северо-восточном углу двора. Это была обычная железная колонна высотой около десяти метров с резервуаром, верхушка которого могла послужить нам площадкой для ведения кругового обстрела. Взбираться на нее предстояло по лестнице из приваренных к водокачке, металлических скоб. Копатели умели пользоваться лестницами не хуже нас. Но поскольку иным способом подняться наверх было нельзя, им придется делать это под градом наших пуль. К чему мы и стремились, ибо нет проще способа разделаться с врагами, когда те лезут к тебе в один ряд друг за дружкой, будучи не в силах увернуться от твоих выстрелов.

Панкрат бежал первым с тесаком наголо. Я следовал за ним, неся на плече пулемет. Открывать стрельбу по дороге к водокачке было рано, но добежать туда незамеченными у нас все равно не получилось бы. Два копателя, что отстали от собратьев, обнаружили наше присутствие и, забыв о кроликах, устремились к нам. И если бы мы открыли по ним огонь, остальные противники не оставили бы это без внимания.

Первоначальное нежелание Ананаса убивать зомби вскоре прекратило травить ему душу, и сегодня мы с ним были полностью солидарны в этом вопросе. Каждый копатель являл собой реальную угрозу для представителей вымирающего рода чисторуких. В том числе для нас с Панкратом. И потому, едва бегущая к нам, бешеная парочка очутилась от него на расстоянии удара, он без колебаний раскроил копательские головы тесаком, проделав это в своей грубой, но эффективной манере. Когда требовалось, Ананас мог истязать врагов часами. Но копателям он всегда старался даровать мгновенную и легкую смерть.

Маневр удался. Когда мы достигли водонапорной башни, зомби во дворе все еще гонялись за последними кроликами и вырывали друг у друга ошметки тех, которых они уже поймали. Несмотря на свои габариты, водокачка задрожала и начала покачиваться, когда мы стали подниматься по лестнице. Но я полагал, что вряд ли она рухнет под нами, порадовав копателей освежающим душем и двумя свеженькими трупами.

Впрочем, раскачивать ее больше необходимого мы не собирались. Установив пулемет и разложив остальное оружие – снайперскую винтовку, дробовик и мои револьверы, – мы без лишней суеты распределили между собой сектора обстрела, настроили прицелы и приступили к работе.

В бытность свою скитальцем-одиночкой Панкрату не

доводилось таскать с собой пулемет. Тем не менее пулеметчик из него вышел, надо сказать, заправский. «Хеклер-Кох-221» весил вместе с лентой почти полтора десятка килограммов. Но в ручищах моего нового напарника хватало мощи, чтобы укротить это оружие и вести из него не только беглый, но и прицельный огонь. А полезная привычка беречь патроны удерживала Ананаса от безрассудной пальбы, хотя достать сегодня пулеметные боеприпасы всех видов и калибров не представляло особой сложности.

Выкосив короткими очередями всех перепачканных свежей кровью, охотников на кроликов, Панкрат замер в ожидании, когда во двор выбегут новые копатели. Я тем временем осмотрел в бинокль территорию завода и попробовал заглянуть через окна в цеха. Мы заняли самую высотную точку в округе и могли вести огонь даже по крышам, но зомби на них не поднимались. Все они околачивались на складах и в цехах, грызя заплесневелые буханки и запихивая в рот прокисшее тесто; страсть к поеданию разной вонючей гнили и отбросов также роднила их с животными.

Грохот пулемета должен был отвлечь от еды большинство тварей и выманить их наружу. А чтобы их поторопить, я поймал в оптический прицел «Хеклер-Коха-28» маячащий за грязным стеклом ближайшего склада силуэт и выпустил в него пулю.

Насколько метким оказался мой первый выстрел, судить трудно. Когда осколки выбитого мной стекла выпали из рамы, в окне промелькнуло как минимум два десятка бегущих к выходу, взбудораженных копателей. Примерно столько же высыпало их из ворот соседнего склада. И Панкрат вновь открыл огонь, стараясь выкосить противников на дальних подступах к водокачке, пока те не сообразили, откуда в них летят пули.

Сообразили они, разумеется, почти сразу. И когда обе стаи зомби объединились и устремились к нам, мы начали палить по ним уже без передышки. Пулемет и самозарядная «снайперка» того же калибра – хорошие инструменты, чтобы прореживать толпу врагов на большом расстоянии. Но эта толпа двигалась слишком быстро, и нам при всем старании было не перебить ее всю прежде чем она достигнет водокачки.

Первым возле нее очутился крепыш, который еще на бегу дал понять, что он – один из тех берсерков, насчет которых нас предупреждали сельчане. Двигаясь зигзагом, он метался из стороны в сторону быстрее, чем мы успевали взять его на мушку, и потому шутя прорвался через наш огневой заслон. На бегущих рядом собратьев берсерку было наплевать. Он беспардонно расталкивал их, а кого-то и вовсе сбивал с ног.

Отстреливайся мы от зомби на земле, этот монстр заставил бы нас серьезно понервничать. Но поскольку прыгать вверх на десять метров он все же не умел, ему было так и так не миновать лестницы. А на ней особо не распрыгаешься и от пули не увернешься.

– Не отвлекайся! – крикнул я припавшему к пулемету Ананасу. – Я займусь «толстяком»!

Отложив винтовку, я схватил «Вепрь» и подбежал с ним к лестнице в тот момент, когда «толстяк» уже заскочил на нее. Отягощенные оружием и боеприпасами, мы с Панкратом взбирались на водокачку не меньше минуты. Двигающийся налегке, берсерк мог проделать это за считанные секунды. И проделал бы, кабы не прилетевшая ему в лицо, ружейная картечь. Правда, за миг до выстрела он попытался увернуться и, держась за ступеньку, качнулся на руках в сторону, словно обезьяна на ветке. Поэтому в него угодил не весь картечный заряд, а лишь половина.

Вместо того, чтобы лишиться головы, прыгун поплатился только нижней челюстью и левой щекой. Это были не фатальные повреждения даже для обычного копателя, а для берсерка подавно. Более того, я даже не смог замедлить скорость его подъема. Качнувшись обратно, он вновь подбросил свое тело вверх и одним махом преодолел еще несколько ступенек. И оказался так близко от меня, что через пару таких рывков смог бы ухватиться за ствол моего оружия.

Но тем и хорош полуавтоматический дробовик, что он за три секунды выпускает весь свой магазин и пробивает в мишени почти сотню дырок. Обрушивать на берсерка свинцовый дождь мне, к счастью, не потребовалось – хватило и двух выстрелов. Враг хотел использовать свой финт еще раз, но я усвоил урок и вместо того, чтобы стрелять ему в голову, выстрелил по рукам. И когда он решил ухватиться за очередную ступеньку, то не смог этого сделать, поскольку обе его кисти были растерзаны в клочья. Беспомощно замахав руками и разбрызгивая кровь, берсерк хотел в отчаянной попытке зацепиться ими за ступеньки, но тщетно. И в итоге, перевернувшись вверх тормашками, грохнулся на землю.

Любого другого падение вниз головой с такой высоты прикончило бы в момент. Тем не менее я не раз наблюдал, как берсерки кидались в бой со свернутой или наполовину перерубленной шеей. Этот копатель тоже наверняка был весьма живуч. Хотя я не стал это проверять и, прицелившись получше, снес ему начисто башку третьим выстрелом. Но даже после такого урона его обезглавленное тело поднялось на ноги и бросилось к лестнице… правда, лишь затем чтобы рухнуть у ее

подножия и больше не подняться.

Впрочем, оно бы упало в любом случае. Едва я окончательно угомонил его, как к лестнице подбежали зомби, которых Панкрат не успел расстрелять на подходе к водокачке. И которые втоптали в землю агонизирующего берсерка столь же безжалостно, как он до этого расталкивал их. Эти твари были не такие шустрые, но они все равно двигались шустрее нас. И целеустремленность, с какой они ринулись на штурм лестницы, не позволяла счесть эту угрозу менее опасной.

Ананас оставил свою позицию и присоединился ко мне. Встав у края площадки, он начал бить короткими очередями по наседающим на лестницу противникам. Я до сих пор не мог привыкнуть к той одержимости, с которой они всегда это делали. Было в ней нечто такое, отчего всякий раз у меня по коже пробегали мурашки. Такое поведение уже не позволяло относить копателей к людям, даже страдающим тяжелым психическим заболеванием. Обуздать их в состоянии столь безудержной агрессии могли разве что их поводыри. Да и они поступали так лишь затем, чтобы направить ту агрессию в нужное русло, не давая ей растрачиваться понапрасну.

Глядеть на буйство человекообразных монстров, которых не страшили летящие в них пули, было жутко, хотя эта картина давно стала для меня привычной. Но в то же время их злоба прекрасно меня отрезвляла и избавляла от всех иллюзий. Стоило лишь мне представить, что будет, если эта орава доберется до нас, как мой палец сам начинал жать на спусковой крючок, а глаза наотрез отказывались видеть в беснующихся зомби людей. И уж тем более я не выделял среди них отдельных личностей. Чем дольше копатель шел к Котловану, тем больше он обрастал грязью, покрывался гнойниками, язвами и другими незаживающими болячками, отчего переставал походить даже на обычного бомжа. А когда такое существо еще и проявляло к тебе агрессию, вся жалость к нему вмиг улетучивалась без остатка.

Это за крепкими стенами какой-нибудь фортеции можно сидеть в уютном кабачке и философствовать о великой ценности человеческой жизни, даже если эти жизни принадлежат копателям. А когда они окружают тебя в дикой глуши, и тебе неоткуда ждать помощи, вся эта гуманистическая философия сразу превращается в пустой, бессмысленный звук. После чего ты быстро учишься ценить иные, гораздо более жизнеутверждающие звуки: грохот твоего автомата или дробовика. Потому что лишь оружие способно окончательно разрешить дилемму, чья же все-таки жизнь тебе дороже: твоя или жизни тянущихся к твоей глотке зомби…

Последнюю пулю в их бешеную свору выпустил я, поскольку у Ананаса к этому моменту как раз иссякла пулеметная лента. «Вепрь» бабахнул в последний раз и умолк, а с ним умолк и последний атаковавший нас копатель. Он подбирался к лестнице по агонизирующим телам собратьев и тоже присоединился к ним, увенчав собой эту кровавую пирамиду из растерзанной пулями плоти.

– Похоже, Иваныч, не сработало сегодня твое «правило Квадро», – заметил Ананас, отставляя перезаряженный пулемет и закуривая очередную сигарету. – Глянь, как все складно вышло. Пришли, увидели, победили, и дело в ажуре! А ты говоришь – так не бывает…

«Правило Квадро», о котором упомянул Панкрат, и которое я вывел на заре своей наемничьей карьеры, гласило: ни одна работа, за которую я бы ни взялся, не проходит в строгом соответствии с первоначальным планом. Не потому что я был таким уж дерьмовым планировщиком и стратегом. Просто условия, в которых нам доводилось работать, складывались всякий раз чересчур непредсказуемо. И мы при всем старании не могли предусмотреть все ожидающие нас, вероятные и невероятные сюрпризы.

Охотясь на бандитов, мы рисковали в любой момент привлечь к себе копателей либо столкнуться с другими противниками (так, как я столкнулся, к примеру, с Ананасом). Ну а про стаи зомби и говорить нечего. Они были воистину неукротимой, своенравной стихией, чье передвижение вписывалось лишь в одни рамки – рамки теории Хаоса. Любой не зависящий от нас, случайный фактор – резкая перемена ветра, раздавшийся неподалеку шум, блеснувший в глаза, солнечный зайчик, незнакомый запах, промелькнувшая над головой птица и многое-многое другое, – могли изменить характер поведения копателей. После чего, согласно вышеупомянутой теории, менялась и вся картина происходящего вокруг нас. И не факт, что менялась окончательно. За одними переменами могли стремительно последовать другие, за ними – третьи, и так далее.

Конечно, полностью отказываться от планирования и действовать наобум тоже было нельзя. Поэтому мы старались выстраивать наши планы максимально гибкими. Такими, чтобы их можно было оперативно корректировать прямо на ходу. Это уменьшало наши шансы на ошибку, но не отменяло «правило Квадро», с которым не так давно познакомился Ананас.

– Так не бывает. «Правило Квадро» не дает осечек, – вновь повторил я старую, проверенную временем истину. – Давай сначала убедимся, что наша работа завершена, и уже тогда…

«… И уже тогда будем делать окончательные выводы», – хотел сказать я, но не договорил. Меня отвлек раздавшийся внизу, новый шум. Он сильно отличался от шума, источник которого мы только что устранили. И причина, которая его породила, тоже двигалась сейчас в нашу сторону…

Глава 7

– Долбанный профи! – выругался я. – И какого лешего ты не издох вместе с остальными!

– Во дает, чудило безмозглое! – удивился вслед за мной Панкрат, едва не выронив изо рта сигарету. – Я и не знал, что эти твари на такое способны! Видел раньше что-то подобное, Иваныч?

– Видеть не видел, но слышал, что некоторые профи могут и не такое, – ответил я, поднимая снайперскую винтовку. – Нам повезло, что у него не танк, а обычный трактор! Ладно, обожди чуток – сейчас урою этого сукиного сына!

«Сукин сын», который нас удивил, не участвовал в отгремевшей бойне, поскольку был в это время в заводском гараже. Куда он, естественно, удрал вовсе не с перепугу. Сохранившиеся в памяти этого зомби навыки подсказали ему, как напасть на нас более продуктивно. А поскольку в прошлой своей жизни он, не иначе, был трактористом, то ноги сами привели его в гараж, откуда защитники хлебозавода не успели вывести технику. И вот теперь к водокачке ехал, задрав огромный ковш, четырехколесный трактор-погрузчик – пожалуй, самый сильный контраргумент из тех, что предъявляли мне копатели, на которых я когда-либо охотился.

Погрузчик двигался рывками и то и дело вилял из стороны в сторону. Работа, с которой этот тракторист прежде справлялся шутя, ныне требовала от него огромных умственных и физических усилий. То, что он вообще завел машину, стронул ее с места и вел правильным курсом, уже было для зомби невероятным достижением. И я почти не сомневался, что он не промахнется мимо водонапорной башни, поскольку единственными преградами у него на пути были оставленные нами трупы. На которые профи не обращал внимания и давил их колесами, не притормаживая ни на секунду.

Намереваясь снести ему башку винтовочным выстрелом, я вдруг столкнулся с непреодолимым затруднением. Ковш погрузчика был задран так, что загораживал от меня кабину и сидящего в ней копателя. Пальнув для проверки и выяснив, что пробить толстый металл 7.62-миллиметровой пулей невозможно, я приказал Ананасу бить очередями по колесам. А сам решил дождаться, когда трактор подъедет поближе. Тогда угол моего обзора изменится, и голова профи станет мне видна из-за верхнего края ковша.

Эту работу Панкрат тоже выполнил на отлично. А вот я своей очереди стрелять так и не дождался. Еще до того, как я увидел

цель, стало очевидно, что лопнувшие колеса не остановят разогнавшийся погрузчик, и он все равно врежется в башню. Как не остановит его и гибель водителя. Вместо того, чтобы поливать его свинцом, нам требовалось живо удирать с водокачки, пока она не рухнула. Что грозило случиться почти наверняка, учитывая вес нацеленного на нее, колесного тарана.

Закинув за спину бесполезное против такой угрозы оружие, мы бросились к лестнице. Но как бы мы ни спешили, трактор столкнулся с водокачкой прежде, чем мы достигли земли.

– Держи-и-ись! – проорал я спускающемуся вслед за мной напарнику, хотя он и сам видел, что вот-вот произойдет, и мог предугадать последствия.

Зубчатый ковш прорубил бок водокачки, словно гигантский топор, и сломал одну из укрытых под обшивкой, каркасных опор. Потеряв устойчивость, башня накренилась, ее резервуар сорвался с креплений и рухнул на землю. Где и лопнул, выплеснув из себя разом добрую сотню тонн воды. Не вцепись мы мертвой хваткой в лестничные скобы, то неминуемо плюхнулись бы в мгновенно разлившуюся под нами, огромную грязную лужу. Но благодаря тому, что сбросившая с себя груз, опорная колонна устояла в наклонном положении, нам, можно сказать, повезло. И мы повисли в пяти метрах над водой и расколовшейся надвое цистерной, болтая ногами и кроя матом зомби-тракториста.

Выбив при столкновении головой лобовое стекло, он все-таки не вылетел наружу, а, оставшись в кабине, продолжил атаку. Будь на его месте человек, он бы отогнал сейчас трактор немного назад и взял разгон для повторного тарана. Но для копателя-профи такие маневры были слишком сложны. Все, на что у него хватило ума, это продолжать с упрямством барана давить ковшом сломанную водокачку. Трактор ревел двигателем и, вырывая из-под себя грязь, медленно, но уверенно сгибал опору к земле. И как только там окажемся мы, смерть под колесами была нам практически гарантирована.

Одно хорошо: ничто теперь не заслоняло от меня водителя, и я мог побороться за наши с Панкратом жизни. Вопрос лишь в том, как мне удержаться на ходящей ходуном опоре и не выронить оружие, ведь у меня всего две руки, и нет навыков воздушного гимнаста.

– Вот же наглючая тварь! – процедил я сквозь зубы. И, отринув идею пристрелить профи с высоты, вновь пополз вниз, стараясь не сорваться с накренившейся и трясущейся лестницы.

Я и Ананас были вынуждены соскочили в воду, когда опора наконец-то сломалась и, более ничем не удерживаемая, упала поверх обломков резервуара. Благо, до земли оставалось всего

пара метров, и глубина лужи оказалась по щиколотку, так что эти неприятности мы пережили. Вернее, мы вообще не обратили на них внимания, поскольку сразу же бросились бежать, дабы не угодить под тракторные колеса.

А трактор, сокрушив удерживавшую его преграду, с рычанием рванул вперед, будто сорвавшаяся с цепи, гигантская собака. Профи при этом таращился на нас из бокового окна кабины, да только задавить нас сей же миг он не мог. Сначала ему требовалось развернуть погрузчик, что займет у него какое-то время, тем более что ему еще и надо было переехать через обломки водокачки.

– Ну все, хватит ломать комедию! – крикнул я, пускай тракторист меня и не слышал. После чего выхватил из кобуры Бедлам и двумя пулями снес голову не на шутку разбушевавшемуся профи.

Этого хватило, чтобы завершить наше с ним короткое, но драматичное противостояние. Тело зомби выпало из кабины в лужу, а неуправляемый погрузчик, прокатившись по инерции еще немного, уперся в бетонный забор. Проломить который ему уже не удалось, и он, чихнув несколько раз двигателем, перестал буксовать и заглох.

– Дерьмо! Даже покурить спокойно не дадут! – Ананас выплюнул намокшую при спуске с водокачки сигарету и, утерев лицо, закурил новую. – Надеюсь, этот механизатор был здесь последним!

– Не надейся, – огорчил я его. – То, что сюда больше никто не прибежал, еще ни о чем не говорит. «Колхозники» из Подлесного уверяли, что в стае было как минимум два берсерка. И, вероятно, столько же профи – вспомни про зомби, что палил по заводской охране из ружья. Так что прекращай брюзжать, неси «тяжелую артиллерию» в машину и айда осмотрим здания. Бьюсь об заклад, вечер интересных встреч для нас с тобой еще не окончен…

– А случалось такое, чтобы зомби подыхали от дизентерии? Ну или там от заворота кишок? – поинтересовался Панкрат после того, как мы избавились от оружия, что могло нанести серьезный урон оборудованию. Которое теперь следовало беречь еще тщательнее. Мы и без того здесь набедокурили: не уберегли от разрушения водокачку и прострелили колеса погрузчику, за что сельчане явно нас не поблагодарят. А если в этот список добавится хлебопекарная, боюсь, как бы нам тогда и вовсе не остаться без вознаграждения.

– Страдай копатели от желудочно-кишечных болезней, все они передохли бы еще на полпути к Котловану, – рассудил я. – Они ведь с голодухи абсолютно ничем не брезгуют. Даже той

дохлятиной, на которую не каждая уважающая себя муха сядет. И вся эта дрянь, представь себе, в желудках у зомби отлично переваривается.

– Ясно. Стало быть, прокисшее сырое тесто их подавно не убьет, – разочарованно заключил Ананас.

– Ну, разве только оно свалится им на головы вместе с чаном… – Я заглянул в ворота первого попавшегося нам на пути цеха, но там, по всем признакам, было пусто. Копатели могли не расслышать стрельбу или по какой-то причине не выбежать на шум, но затаиваться от нас в страхе они бы точно не стали. Тем не менее, зайти в цех и проверить его закоулки все равно было необходимо. А иначе как мы сможем дать гарантию, что наша работа полностью выполнена?

Чем больше мы обследовали строений и находили их пустыми, тем выше была вероятность, что все оставшиеся копатели собрались где-то в одном месте. Что было и хорошо, и плохо. Уничтожить собравшуюся в одном помещении, толпу врагов не в пример легче, нежели когда она бегает по открытому пространству, если только то помещение не заставлено оборудованием, которое мы обязались беречь. При таком раскладе придется выманивать зомби в какой-нибудь коридор или подсобку – лишние хлопоты и риск, но без них не обойтись…

Копатели, не участвовавшие в атаке на водокачку, отыскались в третьем из четырех цехов, куда нам требовалось заглянуть. Врагов было еще десятка два. Немало, но нам повезло заметить их первыми и при этом не выдать себя. Войдя в цех, мы тут же спрятались за конвейерной линией. И, заняв самую выгодную позицию для стрельбы, осмотрелись получше.

Не обратившие на нас внимания копатели столпились возле крупногабаритного агрегата, на фронтальной стороне которого имелась железная дверь. Она была закрыта, и зомби пытались ее сломать: молотили по ней кулаками и скребли ее ногтями. Делали они это с маниакальным упорством, отчего сразу стало понятно, почему их не всполошила наша стрельба.

Агрегат, который они хотели открыть, являлся большим жарочным шкафом. Очевидно, внутри него осталась партия недопеченного хлеба, чей запах и вскружил копателям головы. Сожрав на заводе все, что только можно, они не добрались лишь до этого источника пищи, поскольку массивная дверь шкафа открывалась и закрывалась автоматически. Покинув завод, сельчане обесточили его на местной подстанции, но я попросил их возобновить подачу электричества. Просто не хотелось воевать с зомби в полутемных цехах, а тем более, когда нас попросили быть поаккуратнее с оборудованием. И сейчас, когда на заводе

снова горел свет, копатели получили наконец возможность открыть этот шкаф… вот только вряд ли они ею воспользуются. Чтобы дверь отворилась, надо было нажать соответствующую кнопку на настенном пульте. А с такой задачей мог справиться лишь зомби-профи. И то, если в прошлом он имел дело с подобной техникой.

Судя по тому, что никто из копателей даже не приблизился к пульту, добраться до еды им было суждено не скоро. Яростнее всех на дверь кидался лохматый громила-берсерк, но даже он с его силищей не мог совладать с этой преградой. Обнаружился в толпе и второй профи. Его мы опознали по висящему на спине, охотничьему ружью и перекинутому через плечо патронташу. Сразу видать – бывший охотник или спортсмен-стендовик. Тот, который даже став зомби, не забыл, что стрельба из ружья по железной двери опасна и для стрелка, и для всех, кто находится в этот момент рядом с ним.

– Что скажешь, Иваныч? – обратился ко мне шепотом Панкрат. Маловероятно, что воюющие с печью копатели могли нас расслышать, но проверять остроту их слуха было все же опасно. – Ежели перестреляем их всех прямо там, пока они не скумекали, что к чему, и не разбежались, думаю, в печи останется не шибко много дырок.

– Можно сделать еще проще и безопаснее и для нас, и для техники, – ответил я. – Раз копатели жаждут хлеба, давай их накормим. Посмотри: конвейер проходит как раз мимо пульта. Если не вставать в полный рост, я смогу подобраться к нему и открыть печную дверь.

– И что нам это даст?

– Заманим внутрь энное количество копателей, а если повезет, то и берсерка со стрелком, и запрем их там, – пояснил я. – А прочих перебьем с более короткой дистанции.

– А что станет с запертыми? – нахмурился Ананас. Он не любил подвергать зомби мучительной смерти, и его опасения были вполне оправданы. Но куда деваться? Выпускать копателей из западни, чтобы потом убить их более гуманным способом, являлось слишком непрактично и глупо.

– Сожжем их на самом быстром огне, дабы как можно меньше мучились, – ответил я. – Или у тебя были насчет них другие планы?

Вместо ответа Панкрат лишь раздосадовано сплюнул, но иных признаков недовольства не выказал. Что ж, и на том спасибо. Не хватало нам именно сейчас вступить в ненужный спор по поводу того, что гуманнее: огонь или пуля.

Приняв мнение напарника к сведению, я велел ему

оставаться на месте, а сам направился к пульту, благо высота конвейера позволяла красться, не вставая на четвереньки. И спустя полминуты уже изучал панель управления, ища нужную кнопку.

Все они были аккуратно подписаны, так что я не мог ошибиться и запустить другую программу. Копатели также обещали нас не разочаровать. Главное, не опоздать снова закрыть шкаф, как только они ввалятся внутрь. Нажав на кнопку, я расслышал гул сдвигающего печную дверь электромотора, и уже почти не сомневался, что все у нас пройдет как по маслу, если бы…

…Если бы опять не вмешалось чертово «правило Квадро»!

В первые мгновения я даже не понял, что произошло. Едва дверь жарочного шкафа приоткрылась, как из нее вырвалось нечто, похожее на стремительного черного призрака. Вырвалось и, врезавшись в толпу копателей, тут же образовало в ней нешуточную свалку. Такое ощущение, что я выпустил на волю злобного печного духа, который только и ждал момента, чтобы поквитаться с растревожившими его покой зомби.

За последние годы я навидался всякого. И потому редко впадал в растерянность, когда в очередной раз нарывался на «правило Квадро». Но сейчас я и вправду растерялся. Загнать копателей в печь не удалось. Наоборот, все стало еще хуже, и теперь они грозились разбежаться по всему цеху или даже по территории завода. Чтобы не быть отрезанным ими от Панкрата, я поспешил вернуться к нему, держа оружие наготове и озираясь на разразившееся у печи побоище.

Ананас продолжал сидеть за конвейером неподалеку от выхода, куда в любую секунду могли хлынуть разъяренные зомби. И пока я отступал на исходную позицию, он успел разглядеть, кто оказался виновником очередной суматохи.

– Что за дела, Иваныч?! Откуда там взялся этот хрен в тюрбане?! – удивленно поинтересовался Панкрат, поскольку сам момент появления «печного духа» он, видимо, проморгал.

– Хочешь верь, хочешь не верь – выскочил прямо из печки, будто чертик из табакерки! – ответил я, высматривая среди мельтешащих фигур ту, о которой шла речь.

Ананасу и впрямь не померещилось. «Дух» и в самом деле носил на голове чалму. И она была не единственной приметной деталью в его облике. Одет он был под стать своему головному убору – в свободную черную одежду восточного покроя, – а лицо его украшала длинная борода. Метровой длины сабля, которой этот странный человек отбивался от зомби, тоже была по-восточному искривлена, а огнестрельного оружия у него вроде бы

не имелось. По крайней мере, будь у него хотя бы пистолет, он обязательно пустил бы тот в ход. Потому что в столь бедственном положении, как у него, патроны не экономят даже самые отъявленные скупердяи.

Еще пару лет назад разгуливающий по нашим краям, вооруженный «интурист» в национальной одежде выглядел бы экзотикой. Но сегодня, когда копатели перли к Котловану со всего восточного полушария, а государственные границы остались лишь на картах, столкнуться на просторах России можно было с кем угодно.

Мы жили в настоящем мире без границ, что еще совсем недавно считался несбыточной мечтой, а теперь превратился в явь. Жаль только, отнюдь не в радужную. Нынешних пришельцев из далеких стран гнало к нам уже не туристическое любопытство. И честные люди вроде непальских гурков из отряда Ишвара Нараяна были среди них редкостью. С куда большей вероятностью ты мог нарваться на других азиатов – диких или полудиких головорезов, зачастую гораздо более опасных, чем уголовники типа Вована Дырокола.

Мы понятия не имели, кем был этот бородач с саблей. Но орудовал он ею настолько лихо, что даже Панкрат проникся к нему уважением.

– Ты глянь, какой шустрый араб! – заметил напарник, проследив за полетом еще одной головы, что отделилась с плеч копателя и упала на пол. Туда, где лежало уже полдюжины отрубленных голов и десяток рук. – Будет жаль, если такого джигита порвут на лоскуты.

– По-моему, он не араб, а индус, – уточнил я. – Я, конечно, не востоковед, но на индуса этот тип больше смахивает. Да и арабы свои тюрбаны вроде бы иначе завязывают.

– Индус, говоришь? О, так это совсем другой коленкор! – оживился Ананас. – С индусами кашу сварить проще! Хинди руси бхай бхай! Маугли, Джавахарлал Неру, «Зита и Гита», Тадж-Махал, «Харе Кришна»!.. Давай выручим мужика, Иваныч! Пропадет ведь ни за что, пока мы тут с тобой базар разводим!

– Ладно, уболтал: пусть будет «бхай бхай». Черт с ним, спасем «танцора диско», раз такое дело, – нехотя согласился я. – Только зайдем слева – так, чтобы наши пули летели в стену, а не в печь.

Тем временем битва одинокого героя с зомби переместилась ближе к нам. Теперь она шла на открытом пространстве в самом центре цеха. Вряд ли индус сам занял эту невыгодную для него позицию – скорее всего, его оттеснили туда враги. Которых он порубил уже немало, но главные их силы были еще живы и боеспособны.

Когда мы с Ананасом обошли дерущихся с левого фланга, берсерк, выскочив из гущи свалки, отгрызал себе правую руку – сабля бородача отсекла ее не полностью, и она, болтаясь на сухожилиях, мешала копателю драться. Профи между тем не лез на рожон, а, сняв с плеча ружье, ловил на мушку шуструю цель. Ее все время заслоняли от него другие копатели, но я не сомневался, что стрелок без колебаний разнесет голову любому из своих, как только будет уверен, что не промахнется по индусу.

В отличие от собратьев, профи не суетился, замерев в классической стрелковой стойке. Он выстрелит, стоит индусу хоть на мгновение задержаться на одном месте. И если индус не подставится под выстрел сам, его может остановить берсерк. Судьба героя была предрешена и не сулила ему ничего хорошего. О чем он, небось, и сам догадывался, несмотря на то, что был еще в силах защищаться.

Что ж, на его счастье, он ошибался. В итоге его карма сложилась не так уж плохо, и обреченный на верную смерть бородач вдруг заполучил сразу двух союзников. Причем не самых худших из тех, на чью помощь он вообще мог бы рассчитывать в этой глуши.

– Мочи берсерка! – велел я Панкрату, а сам занялся профи, который в этот момент представлял для нашего подзащитного наибольшую угрозу.

Приблизившись к сражающимся, мы больше не могли оставаться незамеченными. Но если индусу смотреть по сторонам было некогда, то его противники быстро нас обнаружили. Не долго думая и не меняя стойки, профи тут же перенацелил ружье на меня… И в следующий миг выронил его, поскольку я начисто снес ему голову, выстрелив одновременно из Бедлама и Хаоса. После чего сразу перевел огонь на берсерка, которого уже шпиговал картечью Ананас.

Разумеется, берсерк не мог не ответить на брошенный ему, столь дерзкий вызов. И, брызжа кровью из отгрызенной руки, кинулся к нам, забыв про покалечившего его бородача.

Хитростью прущие напролом берсерки никогда не обладали. И когда наш враг неожиданно очутился на одной линии между нами и индусом, это вышло чисто случайно. Тем не менее мы утратили возможность стрелять по цели, поскольку наши пули и картечь грозили угодить в нашего подзащитного. А недостреленный копатель, в котором было еще достаточно прыти и злобы, находился уже в считанных шагах от нас и готовился задать нам трепку.

– Расступись! – крикнул я и отскочил вправо. Ананас без раздумий шарахнулся в противоположную сторону. Поэтому

прыгнувший берсерк, который, очевидно, хотел враз покончить с нами обоими, приземлился на пустое место. Где сразу столкнулся с проблемой выбора, к кому бежать теперь: ко мне или к моему напарнику.

Проблема эта была для зомби пустяковой. Но все же на пару секунд его глаза разбежались, и он замешкался. Мы – тоже, ведь сейчас, стреляя одновременно, мы могли задеть друг друга. Кому-то из нас следовало уступить напарнику право спустить курок, уйдя с его линии огня.

Дилемма разрешилась быстро – в пользу того, у кого в руках был мощнее ствол.

– Ложись! – рявкнул мне Панкрат, заодно отвлекая на себя внимание монстра. Тот сей же миг развернулся в его сторону и схлопотал два заряда картечи сразу, как только я плюхнулся на пол.

Панкрат стрелял не целясь, от бедра, и попал берсерку не в голову, а в грудь. Умертвить его таким образом было нельзя, но двойная картечная доза все же сбила его с ног. Изрешеченный свинцом зомби рухнул навзничь всего в паре шагов от меня. И снова ринулся бы в бой, не приставь я ему к виску револьвер и не вышиби ему мозги прежде, чем он поднялся на ноги.

Избавившись от самых опасных врагов, с остальными мы разобрались без особых затруднений. Грохот выстрелов отвлек на нас почти половину наседавших на бородача зомби, что сразу облегчило ему задачу. Последних из них он зарубил на пару с Ананасом, который, экономя патроны, схватился за тесак, как только наши с копателями силы уравнялись. И когда последний из них упал с раскроенным черепом к нашим ногам, мы смогли наконец-то взглянуть на человека, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор.

Первое, что бросилось мне в глаза: молодость индуса. Из-за своей бороды он казался намного старше своего возраста. Но – лишь до тех пор, пока не удалось присмотреться к нему в спокойной обстановке, когда он не носился туда-сюда и не размахивал саблей. В действительности ему было около двадцать двух – двадцати четырех лет. На нас с Панкратом глядел еще вчерашний юноша, который едва вступил во взрослую жизнь и теперь всячески старался доказать, что он способен на многое. И это, надо отдать ему должное, у него получалось, если сосчитать приконченных им врагов.

Мы спасли парня от гибели, но он не спешил пожимать нам руки и осыпать нас благодарностями. Эта недоверчивость тоже говорила в его пользу, ведь мы могли оказаться кем угодно и помочь ему отнюдь не с дружескими целями. Индус был молод,

но не безрассуден. Он вел себя как опытный скиталец – сразу видать, что по дороге сюда ему довелось хлебнуть лиха и побывать в переделках.

И еще одна красноречивая деталь: взглянул ему в глаза, я сразу понял – это не отбившийся от шайки бандит и не наемник вроде нас.

В его внешности было нечто такое, что не мог скрыть даже его испачканный, потрепанный вид. А именно – благородство. По тому, как он стоял, как на нас смотрел, как держал саблю, как завязывал свою чалму, не растрепавшуюся даже в яростной драке, можно было сделать выводы, что у себя на родине этот человек принадлежал к не самой низшей касте. Как знать, возможно, в Индии он не только не стал бы с нами разговаривать, но даже не посмотрел бы в нашу сторону.

Впрочем, здесь была не Индия, и мы с Ананасом имели полное право говорить с ним на равных. Или прострелить ему колено, если он поведет себя чересчур высокомерно и обзовет нас презренными шудрами.

Запыхавшийся индус выставил перед собой саблю и переводил настороженный взор с меня на Панкрата и обратно. Можно было догадаться, какие мысли проносились у него голове при виде увешанного револьверами, человека в ковбойской шляпе и двухметрового амбала с изуродованным лицом и дурацкой прической «а ля ананас». Не так давно один встреченный нами остряк обозвал меня и Панкрата Ханом Соло и Чубаккой. Обозвал беззлобно, по-дружески, поэтому «чубакка» его в итоге и не пришиб. Но сам факт, что мы вызвали у него такую ассоциацию, говорил о том, что наш «творческий дуэт» и впрямь выглядит экстравагантно.

– Хоть этот фраер в тюрбане и с бородой, но, по-моему, он не похож на религиозного шизика, – заметил Ананас, кивнув в сторону ощетинившегося индуса. Напарник тоже смекнул, что мы столкнулись определенно не с голью перекатной, а с человеком благородных кровей. – Да и на дурака он не смахивает. Вон как зенки таращит – будто и впрямь кумекает, о чем я толкую… – И, помахав парню рукой, обратился к нему: – Хинди руси бхай бхай! Сечешь, бродяга?

Индус нахмурился и не ответил. Или он и впрямь не сек, или сек, но не понимал хинди с великим и могучим русским акцентом. Или же сек, но принципиально отказывался говорить на этом языке.

– Хм, похоже, облом… – проворчал Панкрат, но тут же был осенен другой идеей. – Во, Иваныч, да ты же в Америке учился! А ну-ка, спроси парня по-английски о чем-нибудь таком, что любой

дурак поймет. Ну, там «как твое нэйм», «где твой хоум», или типа того.

Мысль и правда была здравая – индус благородного происхождения наверняка знал английский язык. Однако все в конце концов обернулось куда проще. Не успел я открыть рот, дабы последовать совету Ананаса, как иностранец меня опередил и сам заговорил с нами. Причем не на хинди и не на английском, а на вполне сносном русском языке:

– Я не дурак! Я учился в РУДН и понимаю, о чем вы говорите! А если хотите говорить на моем языке, то говорите не на хинди, а на пенджаби, потому что я не индус, а сикх!

– Сикх? – переспросил Ананас, но не у нашего нового знакомого, а у меня. – Что он хотел этим сказать? Это для нас хорошо или плохо?

– Полагаю, все же лучше, чем могло бы оказаться, – ответил я, припоминая все, что мне было известно об этом народе. После чего обратился к стоящему перед нами, его молодому представителю: – Что ж, благодарю за уточнение, парень. Будем иметь это в виду. – И, указав на саблю, заметил: – Вообще-то, ни сикхи, ни студенты РУДН нам не враги, поэтому можешь убрать оружие. Также буду признателен, если ты назовешь нам свое имя.

– Меня зовут Равиндер Сингх, господин, – с подчеркнутым достоинством представился сикх, вынув из кармана платок и взявшись оттирать им окровавленный клинок. – Я из штата Пенджаб. А в Россию вернулся по одному очень важному семейному делу.

– Раз по важному, значит, ты хочешь найти и спасти кого-то из родственников, ставшего копателем, – предположил я. – Ума не приложу, какие еще сегодня могут важные семейные дела у иностранцев в России. А особенно у сикхов.

Равиндер отвлекся от чистки сабли и внимательно посмотрел мне в глаза. Не знаю, что он хотел в них разглядеть. Но, кажется, мой взгляд внушил ему некоторое доверие, потому что чуть погодя он признался:

– Вы правы и в то же время неправы, господин. Я действительно разыскиваю родственника, вставшего на путь Тьмы и ушедшего на север. Это моя старшая сестра Шармила. И я действительно хочу ее спасти, но только не так, как вы подумали. Вернуть Шармилу к Свету нельзя. Тому, чей разум поглотила Тьма, суждено остаться в ней навсегда. Я спасу сестру единственным способом, которым это еще можно сделать. Тем способом, каким я и вы спасли сегодня всех этих несчастных.

Он обвел рукой разбросанные по цеху трупы.

– Первый раз встречаю человека, который желает оказать

одержимому Зовом родственнику именно такую хм… помощь, – в свою очередь признался я. – Понимаю, почему ты думаешь, будто эта болезнь неизлечима. Оптимистов, считающих иначе, сегодня в мире раз два и обчелся. Но почему ты не хочешь дать своей сестре дожить ее век хотя бы такой жизнью? Ведь она пусть по-своему, но счастлива. Как и любой другой копатель, который достиг Котлована.

– И опять вы наполовину правы, а наполовину заблуждаетесь, господин, – ответил Равиндер Сингх, возвращая саблю в ножны. – Я убежден: то, чем занимается сегодня Шармила, действительно вызывает у нее наслаждение, ведь блуждающему во Тьме многого для счастья и не надо. Однако Шармила – тоже сикх. А один из пяти тяжких пороков у нас – это подчинение чужой воле.

– Но разве она виновата в том, что оказалась во власти этого порока? – продолжал я заступаться за совершенно незнакомую мне женщину. – Ты же знаешь: Зов поражает нас совершенно вслепую. И на месте Шармилы мог бы с тем же успехом оказаться ты сам.

– Конечно, мог бы, – согласился сикх. – И, конечно, она ни в чем не виновата. Только в случае с ней все гораздо сложнее. Я и моя семья простили бы Шармилу, если бы она подчинялась чужой воле. Но она не подчиняется, а подчиняет себе волю других. Понимаете, в чем разница?

– Думаю, да, – кивнул я. – Похоже на то, что твоя сестра стала не простым копателем, а поводырем.

– Не поводырем, господин. Гораздо хуже! – Равиндер сокрушенно покачал головой, и взор его вмиг помрачнел. – Шармила – именно та, кого в ваших краях называют Царицей Копателей. Та, которая царит над всеми блуждающими во Тьме людьми и подчиняет себе почти полмира! Полмира! Не только моя семья – вся история сикхов не помнит столь тяжкого грехопадения одного из нас! И даже если случится великое чудо, Зов умолкнет, к Шармиле вернется разум, и она станет прежней, представляете, какой чудовищный позор ей придется испытать?… Но этого не случится. Я люблю свою сестру и спасу ее от позора, чего бы мне это ни стоило… Впрочем, это уже моя забота, и я не стану больше отнимать ваше время, рассказывая о своих бедах. Спасибо вам, господа, вы и так здорово меня выручили. Жаль только, что мне нечем вам за это отплатить. А теперь, если вас не затруднит, сделайте мне последнее одолжение: укажите, пожалуйста, в какой стороне Москва, а то я, кажется, заблудился…

Глава 8

Точка невозврата…

Как оказалось, она есть не только у летчиков, которые порой уводят самолеты слишком далеко от базы и сталкиваются с проблемой нехватки горючего для обратного полета. Похожей точки достигла в итоге и наша цивилизация, когда однажды поняла: даже если проблема с копателями разрешится сама собой, ничто в мире уже не вернется на круги своя. Метастазы, вызванные этой раковой опухолью, проникли в тело человечество слишком глубоко. Нельзя было остановить раскрученный маховик краха привычной реальности, который до сих пор продолжал набирать обороты. Не так стремительно, как в начале катастрофы, но его вращение усиливалось, а предел прочности у него был далеко не бесконечным.

Когда именно мы очутились в этой трагической фатальной точке? Пожалуй, так просто это не вычислить. Катастрофа развивалась по нарастающей, сразу во множестве направлений. И на каждом из них был свой переломный момент. Тот, после которого разрушительные процессы становились неуправляемыми и все социальные механизмы нашего общества разваливались окончательно.

Короче говоря, на самом деле этих точек невозврата было много. И однажды их количество достигло той критической массы, под которой обвалились последние подпорки, удерживающие здание человеческой цивилизации.

Однако, если бы обозначить одну-единственную ключевую точку – такую, которую следовало выдолбить на скрижалях истории, – поручили мне, то я бы недолго колебался с выбором. И указал бы в календаре тот день, когда в Котлован прекратили доставлять одежду, воду и пищу. Прекратили не временно – накануне с этим уже случались перебои, – а отныне раз и навсегда…

Если оценить это событие по шкале ценностей, которой человечество пользовалось до катастрофы, можно провести следующую аналогию. Представьте себе многомиллионный город, пострадавший от мощного стихийного бедствия – наводнения, землетрясения, урагана, без разницы. Представьте, что в том городе помимо хаоса и разрухи возникла острейшая нехватка воды, продовольствия и медикаментов. А теперь представьте, что никто – абсолютно никто! – на белом свете даже не почесался, чтобы отправить в тот город хотя бы один контейнер с гуманитарной помощью, продуктами или цистерну с питьевой

водой. Какой оглушительный скандал разразился бы после этого в мире! Невообразимая дикость! Полнейшая моральная деградация! Невиданный со времен Средневековья упадок нравов!.. Наверное, более громкий ажиотаж, чем этот, вызвало бы лишь начало ядерной войны или летящий к Земле, гигантский астероид.

Вот только в нашем случае всепланетного скандала уже не было. Отчасти потому, что в тот момент ему негде было разгораться – связь и телевидение на охваченной зомби-лихорадкой планете функционировали с большими перебоями, а местами и вовсе отсутствовали. Вторая причина, по которой никого не возмутило то, что миллионы московских копателей были брошены на произвол судьбы: везде хватало своих проблем. Настолько серьезных, что люди порой не обращали внимания даже на горящие по соседству города, падающие им на головы самолеты и сходящие у них под окнами с рельсов поезда. Рядом с ними гибли сотни и тысячи их соотечественников. Что же тогда говорить про далекую Москву с ее столь же далекими проблемами, даром, что те имели прямое отношение ко всем сегодняшним мировым бедам.

Спустя два года со дня появления в Москве первого копателя Зов наконец-то донесся до всех без исключения уголков планеты. Этого события давно и с содроганием ждали, к нему готовились, но никто был не в силах его предотвратить. Разве что характер бедствия, охватившего обе Америки, Австралию и прочие земли, отделенные от материковой Евразии морями и океанами, был другой. Там Зов не сгонял копателей отовсюду в одно место, а играл роль легендарного флейтиста-крысолова из Гамельна. Правда, этот «крысолов» манил за собой и губил не только детей, но и взрослых. И делал это в таких масштабах, что вряд ли могли пригрезиться авторам гамельнской легенды в самом жутком кошмаре.

Американские, австралийские и иные копатели шли на Зов и со временем неминуемо выходили к океану. После чего бросались в воду и отважно пускались вплавь, продолжая удерживать курс на Москву. Только туда, и никуда больше, даже если пловец-зомби стартовал с берегов Новой Зеландии, Мадагаскара или Фолклендских островов. Сначала десятки, затем – сотни, а после – тысячи пловцов стали отправляться в путь по океанским волнам. И, разумеется, в конце концов тонули, хотя среди них попадались «чемпионы», умудрившиеся отмахать водные марафоны в сотню-другую километров.

Поначалу такие массовые самоубийства вызывали у обычных людей шок. И они пытались активно с этим бороться: обносили

побережья заграждениями, ставили охрану, отлавливали копателей и упекали их в такие же карантинные лагеря, что некогда строились в Подмосковье. Но все попытки сдержать угрозу провалились, как и предыдущие. Барьеры в итоге рушились, а охрана разбегалась, будучи не в силах противостоять усиливающемуся натиску зомби.

Чтобы хоть как-то сократить количество безумных утопленников-самоубийц, власти США и некоторых другие стран пошли на беспрецедентные меры. Они стали загонять копателей на океанские лайнеры и, не мудрствуя лукаво, толпами перевозили их за океан. Само собой, Россия и прочие европейские и азиатские страны наотрез отказывались принимать у себя тысячи новых копателей. Но все эти возражения были проигнорированы. Капитаны перевозящих зомби судов просто-напросто отпускали своих пассажиров на свободу в нескольких километрах от берега – расстояние, которое копатели могли без особого труда преодолеть вплавь.

Учитывая, что на этой половине мира уже царил форменный бардак, никто не противодействовал высадкам зомби-десанта. Остатки верных присяге армий сбивались с ног, пытаясь сохранить хоть какой-то порядок, а также удерживая под охраной стратегические объекты и коммуникации. Да что там – даже подать официальный протест против такого вопиющего нарушения международных норм было некому. Дипломатические связи между странами разрывались, исчезая вместе с государственными границами, законами и прочими «пережитками» цивилизованной эпохи.

В общем, стараниями обеих Америк и Австралии (корабли с копателями-нелегалами шли в основном оттуда), ситуация в Евразии только усугубилась. Новые орды зомби, которых сплавили к нам под благовидным предлогом сохранения их жизней – чтобы они, не дай бог, не утопились у себя на родине! – бросились отнимать уже наши жизни. И мы – здешние чисторукие, – в долгу не остались, позаботившись о нелегалах так, как они того заслуживали. Объединяясь, вооружаясь и строя укрепления, мы повели войну, которую можно было по праву назвать Третьей Мировой. И пусть в ней не применялось ядерное оружие, количество жертв этой войны возрастало день ото дня. Впрочем, скоро их и вовсе перестали считать, поскольку делать это стало некому.

Москва…

Когда до нее добрели первые копатели из Юго-восточной Азии, Индонезии, Индии, Аравийского полуострова, а также северной и центральной Африки, все нормальные жители

столицы и ее окрестностей были эвакуированы, а сама она перешла под власть зомби. Лишь в отдельных ее стратегических районах все еще хозяйничали чисторукие. Но ощущали они себя за двойными и тройными оборонительными периметрами и высокими бетонными стенами почти как в концлагере. А покидали свои убежища либо на вертолетах, либо под усиленной охраной солдат и бронетехники.

Размеры Котлована к тому моменту могли впечатлить кого угодно. Его диаметр вырос до трех километров, а глубина в центральной части достигала трехсот метров. В зоне ПКК (Повышенной Концентрации Копателей), как ее называли военные, находились не только Большой театр, Государственная дума, здание Московской мэрии, Лубянка, спортивный комплекс «Олимпийский», Государственный исторический музей и многие другие достопримечательности, но и северная оконечность Кремля! Кремлевские башни Угловая Арсенальная и Никольская, соединяющий их, отрезок стены, а также половина здания Арсенала обрушились. Их обломки валялись на южном краю Котлована и продолжали разбираться копателями. А на Красной площади громоздились гигантские отвалы земли, перемешанной с асфальтом и обломками других зданий. Все это также постепенно вручную, без какой-либо техники, сдвигалось в сторону Москвы-реки. Впрочем, при взгляде на миллионы копошащихся в Котловане зомби, пропадали все сомнения насчет того, что они могут своротить и не такие горы. Причем намного быстрее, чем это можно было себе вообразить.

С водой у этой самой гигантской в истории артели землекопов проблем не было – река Москва протекала неподалеку. А вот с едой дела обстояли гораздо хуже. Поначалу организующие рабочий процесс поводыри регулярно отпускали ту или иную стаю на промысел, и она в поисках пропитания могла отсутствовать по нескольку дней. Но запасы продуктов в эвакуированной Москве при таком наплыве прожорливых едоков быстро закончились. Поэтому все копатели Котлована обратились от безысходности к тому источнику пищи, который был для них неиссякаем – начали поедать друг друга. Каннибализм на раскопках превратился из эпизодического в повальный. И глина, которую гребли миллионы пар копательских рук, стала мокрой от крови тех, кто был съеден собратьями во благо общего дела.

Как и в любом сообществе животных-каннибалов, в первую очередь зомби пожирали самых слабых и немощных особей, калек и раненых. Бывало, достигшая Котлована, новая стая зомби-паломников сразу лишалась чуть ли не половины своих членов – тех, кто доплелся до цели на последнем издыхании. Их при

молчаливом попустительстве надсмотрщиков-поводырей обгладывали до костей местные «ветераны труда». Ну а новички, которые были полны сил и желания рыть землю, вливались в эту огромную, трудолюбивую семью. И вскоре сами обагряли свои руки – а также рты и желудки, – кровью тех, кому не повезло стать источником протеинов для занятых тяжелым физическим трудом копателей.

Безнадега…

В это состояние погрузился мир, когда в нем не осталось ни одного безопасного уголка. Найденный под Москвой, гигантский древний могильник не оставлял сомнений в том, что копатели роют новую, точно такую же могилу. И роют они ее не только для себя, но и для остального человечества. ведь Зов не переставал призывать к Котловану чисторуких, не делая исключения ни для кого из них.

Все были равны перед Зовом. И все страшились его в одинаковой степени. Это была честная лотерея, где победителями считались те, кому при ежедневном розыгрыше удавалось избежать скорбного жребия. Этакая «русская рулетка» всепланетного масштаба, отказаться от игры в которую не мог никто.

Впрочем, кое-кому в ней выпадал и выигрыш в виде шанса начать новую, гораздо более интересную жизнь. Как, например, Панкрату Ананасу. Который, если бы не Зов, вряд ли вышел когда-нибудь из тюрьмы на свободу.

История жизни Панкрата вполне соответствовала его противоречивому характеру. С одной стороны, этот человек старался жить по справедливости и не причинял зла тем, кто этого не заслуживал. С другой стороны, он был не тот человек, которого следовало бы ставить в пример молодежи, и на поступках которого воспитывать в ней добродетель. Каждое положительное качество Ананаса уравновешивалось отрицательным. И если мы с ним доживем-таки до пресловутого Страшного суда, я чисто из любопытства пропущу его вперед себя, чтобы узнать, какой же все-таки вердикт ему вынесут.

Вырос Панкрат в грязном промышленном городишке Кремнегорске, где имелись лишь две достопримечательности: цементный завод и колония строго режима. Поэтому выбор будущего у большинства тамошней молодежи был невелик. Панкрат, чей отец всю жизнь грузил мешки с цементом и скоропостижно скончался в сорок лет от силикоза, не захотел идти по стопам родителя. Тем более, что он еще с малолетства восхищался… да что там – боготворил лихих парней с воровскими наколками. Они изъяснялись между собой на особом

языке, открыто плевали на закон, не боялись ничего на свете, и вообще круче них в Кремнегорске никого не было. А поскольку и «откинувшиеся» уголовники, и те, по кому тюрьма еще только плакала, жили с ним в одном бараке и встречались ему на каждом углу, мальчуган не испытывал недостатка в общении с ними.

Прилежное равнение на кумиров детства не пропало для Панкрата даром. Дворовая банда, мелкое воровство, драки, хулиганство, школьные прогулы, постановка на учет в детскую комнату милиции… В общем, первые шаги парня на его уголовной стезе были самыми что ни на есть хрестоматийными.

Странно, но каким-то чудом Панкрат избежал колонии для несовершеннолетних. Зато преуспел в другом – загремел на взрослую зону едва ли не на следующий день, как ему исполнилось восемнадцать. И загремел надолго, поскольку в пьяной драке избил с приятелями двух заводских рабочих, один из которых от побоев скончался, а другой стал инвалидом. За это российская фемида впаяла Панкрату по полной: двенадцать лет колонии строгого режима. С отбыванием наказания не на родине, а в краях более северных и холодных. Суровость приговора объяснялась еще и тем, что к тому дню Панкрат уже вымахал почти до своих нынешних габаритов, а обе его жертвы были плюгавыми мужичками предпенсионного возраста. Что при вынесении судейского вердикта сыграло отнюдь не в его пользу.

Сбылась, что называется, мечта идиота! Вот только статья, по которой осудили Панкрата, была не слишком почетная в воровской среде. Но он не особо расстроился по этому поводу. Так или иначе, дело оставалось за малым: показать себя со всех сторон правильным «пухнарем», не нарушать блатные законы, завоевать уважение у воров в законе, а там, глядишь, и жизнь наладится. И Панкрат, отмотав срок, выйдет на свободу тем, кем мечтал стать с детства – настоящим уркой, перед которым будут трепетать все. А правильные чувихи – не только трепетать, но и вожделеть запрыгнуть к нему в койку.

Как и любой юноша, в чьей голове свистит ветер блатной романтики, Панкрат старался узнать и запомнить все, что рассказывали ему о тюремных порядках его дворовые учителя и наставники. Да и проведенные до суда два месяца в СИЗО не пропали для него даром. Там ему повезло с сокамерниками. Они относились к нему дружелюбно и даже с сочувствием: как-никак, а юному громиле предстояло провести за решеткой лучшие годы своей жизни. Поэтому, прежде чем переступить порог настоящей камеры, Панкрат поднаторел в теоретическом знании уголовных обычаев не хуже, чем сдающий на летные права пилот – в знании

основ управления самолетом.

К несчастью для Панкрата, в науке, которую он теперь постигал на практике, даже хорошо вызубренная теория ничем ему не помогла. Более того, впоследствии он понял, что именно его неуклюжие попытки наладить отношения с новыми сокамерниками «по понятиям» оказали ему медвежью услугу. Возможно, с обычным простаком, севшим по первой ходке, эти матерые ворюги и впрямь обошлись бы мягче. Но восемнадцатилетнему парню, который знал то, о чем ему было знать как бы рановато, учинили воистину суровый экзамен. Который стал еще жестче, когда выяснилось, что у неофита имеется гордость. И что он, на свою беду, плохо умеет ее обуздывать.

Панкрат честно пытался не уронить перед «экзаменаторами» достоинство. И в то же время старался не выглядеть в их глазах наглецом, которому покамест не положено борзеть. Не получилось. Урки поставили перед собой твердую цель сломать Панкрата морально, не дав ему ни малейшей поблажки. Зачем им это было надо, он тогда не понимал, и оттого еще больше исходил на нервы. Хотя, повзрослев и поумнев, конечно же, все понял. Банальная скука – вот единственная причина, по которой сокамерники глумились над ним, пухнарем. И чем отчаяннее он дергался, стремясь не ударить перед ними в грязь лицом, тем сильнее их это забавляло.

Тяжелейший кризис веры, что пережил Панкратом за несколько дней этих издевательств, полностью изменил его дальнейшую жизнь. Все его романтические идеалы юности рухнули до основания. Обожание, с каким он относился к прежним кумирам, сменилось дикой, исступленной злобой. И она вот-вот грозила свести его с ума. А впереди у парня было целых двенадцать лет, которые ему предстояло прожить в компании этих двуногих животных! И пускай самым позорным унижениям, вроде половых извращений, они Панкрата не подвергали, кто даст гарантию, что этого не случится завтра? Совершенно сбитый с толку, доведенный до отчаяния, он уже ни в чем не был уверен. И чем дальше, тем больше укреплялся в мысли, что эти омерзительные камерные забавы никогда не прекратятся.

И вот здесь утратившие в своей игре чувство меры урки допустили просчет, ставший фатальной ошибкой в их жизни. Чего они хотели добиться – сломать Панкрата, довести его до сумасшествия или заставить наложить на себя руки, – он так и не выяснил. Однако ни одной из этих целей его сокамерники не достигли. Потому что однажды за обедом он неожиданно вскочил и перебил их всех с помощью алюминиевой ложки и железной

тарелки.

Панкрат и сам не понял, как это произошло. После очередной шутки в его адрес, вызвавшей общий гогот, у него в голове что-то перемкнуло, и он взорвался. И ладно, если бы просто начал бить ублюдкам морды. Нет, внутри Панкрата рванула не обычная эмоциональная граната, а целая Хиросима. И он, обратившись в берсерка, не успокоился до тех пор, пока все урки в камере не забились в предсмертных конвульсиях, разбрызгивая по полу кровь из своих разорванных глоток, размозженных черепов и выколотых глаз.

Главной причиной этой победы стала прежде всего внезапность, с которой убийца набросился на обидчиков. Будь они готовы к нападению, оно не увенчалось бы для него успехом. Пускай Панкрат был крупнее и сильнее любого из них, они тоже были не лыком шиты, и сообща расправились бы с дерзким пухнарем. Но его безудержная ярость придала ему, сил, быстроты и решительности. А когда до него дошло, что он натворил, извиняться перед сокамерниками было слишком поздно…

Сидя потом в штрафном изоляторе, Панкрат не волновался насчет того, что его тюремный срок вырос теперь до максимально возможного. Он знал, что попросту не проживет столько времени. И даже полугода не проживет, так как умрет сразу же по выходу из карцера. Панкрат подписал себе смертный приговор – двое из убитых им урок были ворами в законе, а такое в их мире не прощается. Особенно, если эти «авторитеты» пали от руки сопляка, не отсидевшего за решеткой и трех месяцев. И когда зашедший в изолятор, начальник колонии без обиняков сообщил юному мокрушнику и беспредельщику, какая участь тому уготована, он не сказал ничего такого, о чем Панкрат и сам бы не догадался.

Впрочем, «хозяин» навестил штрафника не только по этой причине. Казалось бы, чем вообще можно удивить потенциального мертвеца, но начальнику это удалось. Да так, что у того натуральным образом отвисла челюсть. Хотя у кого бы здесь она не отвисла, если бы ему предложили пойти и убить пахана по кличке Мотыга – самого авторитетного «законника», державшего масть над всеми ворами в колонии. А заодно – всех тех, кто будет стоять на пути Панкрата к его труднодостижимой цели.

– Сделаешь, как тебе велят – получишь мою полную защиту, отдельную камеру и усиленный паек, – подытожил свое секретное деловое предложение начальник. – Не согласишься – умрешь ровно через сутки. То есть сразу, как тебя отсюда выпустят. Причем умрешь не самой приятной и быстрой смертью, это как

пить дать.

– Если я убью Мотыгу, урки достанут меня даже в одиночке, – кисло усмехнулся Панкрат, понятия не имея, что за непримиримые разногласия случились у администрации с ворами, если «хозяин» хочет разрешить дело убийством. – Да и как я его убью? Мотыга знает, кто я такой. Едва он меня увидит, его люди грохнут меня через три секунды.

– Как ты все это провернешь, решать тебе, – пожал плечами начальник. – Я лишь могу свести вас вместе, как только ты будешь готов, и снабдить тебя кое-каким оружием… – Он подал знак стоящему позади него охраннику, и тот показал Панкрату заточку. Такую, которую ушлые зеки могут смастерить из любого металлического мусора. – На большее не рассчитывай. Но насчет той награды, о которой я говорил – даю тебе гарантию, что все так и будет. Разумеется, при условии, что ты прикончишь Мотыгу, а не наоборот. Поэтому, пацан, ты уж будь добр, постарайся обделать все также лихо, как ты сделал это у себя в камере…

Панкрат не сомневался, что даже если он разделается с паханом и выживет, его, чтобы замести следы, потом умертвят охранники. Но как бы то ни было, теперь у него имелся шанс подготовиться ко встрече с жаждущими мести урками, получив в руки оружие. К тому же в парне все еще кипела злоба на вероломно растоптавших его достоинство, бывших кумиров. Теперь они вызывали у него лишь отвращение. И – желание разорвать с воровским миром даже те символические связи, которые он вроде бы успел наладить.

Сам того не ожидая, Панкрат окунулся не в размеренную тюремную жизнь со всеми ее радостями и горестями, а прямо с порога угодил на настоящую войну. А поскольку он не привык сдаваться, пока был в силах продолжать бой, то и колебания его продлились недолго. Урки хотели его смерти? Что ж, возможно, их желание вскоре сбудется. Но лишь после того, как Панкрат отправит на тот свет если не самого пахана, то хотя бы кого-то из его подручных.

Если бы Панкрат провалил это первое порученное ему дело, на этом его история и закончилась бы. Но и во второй раз он сработал не хуже, чем в первый, когда им руководили одни лишь эмоции. Теперь новоиспеченный восемнадцатилетний головорез не стал уповать на авось. Он построил свою новую стратегию, опираясь на уже полученный опыт. Ярость, скорость и внезапность – вот что обеспечило ему победу в первом бою. А, значит, на них же надо положиться снова, ибо малейшее промедление или колебание – и урки разорвут его живьем подобно стае гиен.

Ранее Панкрат не замечал за собой каких-то особых талантов. И не бывать бы счастью, да несчастье помогло ему открыть в себе такой дар. Дар истреблять в одиночку тех, кого он ненавидел теперь больше всего на свете, в их же собственных тюремных логовах.

Вторая победа Панкрата была не столь впечатляющая, как первая. Но он и не стремился к геройским подвигам. Заручившись обещанием «хозяина», что никто в колонии не знает, что борзый пухнарь выйдет из ШИЗО именно сегодня, он попросил, чтобы охрана подвела его ночью к двери нужной камеры и открыла ее. Остальное было уже делом техники. Ворвавшись внутрь, Панкрат подобно лисе в курятнике моментально вырезал пятерых из шести спящих урок, включая Мотыгу. А оставшегося, который подскочил с нар, но тоже не успел оказать сопротивления, прикончил более неторопливо, обставив все так, будто тот сам перерезал себе глотку. После чего все приметы стали указывать на то, что один из сокамерников Мотыги, выждав, когда все уснут, свел с ним счеты. А затем, не дожидаясь, пока начнется кипеш, убил остальных и себя. С какой стати он мог бы так поступить, Панкрата не волновало. Предысторию резни предстояло сочинять уже «хозяину». Он эту кашу заварил, вот пусть и расхлебывает ее так, чтобы самому ею не испачкаться и не поперхнуться.

«Хозяин» и впрямь сдержал данное Панкрату слово, переведя его в отдельную камеру и на особый рацион. Верилось с трудом, но именно так все и было. Почему его не устранили, как ненужного свидетеля, вставший на скользкую от крови дорожку пухнарь догадался позднее. Тогда, когда до него в полной мере дошло, во что он ввязался и шестеренкой какого механизма стал.

Начальники тюрем, их администрация и охрана – люди, балансирующие на весьма тонкой грани. Им все время приходится якшаться с самым гнусным отребьем и держать его в узде. Что, само собой, чревато для них постоянными конфликтами и с зеками, и с разгуливающими на свободе, криминальными группировками. Разумеется, «хозяевам» волей-неволей приходится брать от последних мзду за те или иные послабления тюремного режима для первых. Но при всех выгодах такого сосуществования зеков и тюремщиков, оно опасно тем, что если дать уркам хоть малейшее лишнее послабление, они моментально сядут тебе на шею и уже так просто с нее не слезут.

«Хозяева» лавируют меж этих двух огней всеми доступными им способами. Вплоть до того, что выращивают в среде заключенных «крысиных волков» – отпетых мокрушников, готовых истреблять не в меру зарвавшихся урок по приказу

администрации. Но так, что сама она при этом оставалась вне подозрений. По крайней мере, формально. И наш Панкрат со своими рухнувшими жизненными идеалами, а также сжигающей его ненавистью к воровскому миру, оказался отличным кандидатом на роль такого истребителя.

Отныне он люто ненавидел все атрибуты этого мира, которым еще недавно восхищался. И который вместо романтики загнал его в глубокое болото, откуда ему было уже не выбраться. Его стало тошнить даже от блатных песен, что когда-то вышибали у него по пьяни сентиментальную слезу. А про блатные замашки, что казались ему ранее признаком истинной крутизны, и говорить нечего. Панкрат избавился от них, как от дурной привычки, сразу, как только понял, на какую войну его рекрутировали. Войну, что казалась ему едва ли не священной, а сам он считал себя настоящим идейным борцом с гнилой воровской сволочью.

Сколько всего «крысиных волков» скрывала система исправительных учреждений России, он понятия не имел. Но чуял, что он был такой не один. По причине конспирации Панкрата регулярно перевозили с места на место. Причем даже тогда, когда он бездействовал. Но такие периоды в его жизни наступали редко, потому что спрос на его услуги был высок.

Помимо обезглавливания тюремных группировок он проворачивал и более сложные операции: устраивал в колониях бунты, чтобы под шумок заняться привычной мокрухой; стравливал между собой некогда дружественные банды, вешая на них убийства, которые они не совершали; сам назывался членом какой-нибудь банды и передавал привет от ее главаря, когда убивал кого-то прилюдно в тюремной столовой или во дворе; имитировал самоубийства своих жертв в ШИЗО, удушая их обрывками одежды или перегрызая им вены зубами… В общем, делал все, что отсрочивало его собственную смерть. Которая не заставила бы себя ждать, откажись он выполнять поручаемую ему работу.

Стоила ли вся эта овчинка выделки?

Безусловно! По крайней мере, об иной участи Панкрат сегодня не мог и мечтать. Денег ему не платили, зато не отказывали во всем остальном. Отдельная камера и усиленное питание были лишь начальными привилегиями, которые ему полагались. В дальнейшем, когда он набил на мокрухе руку, заматерел и смекнул, что представляет для «хозяев» ценность, те стали проявлять к нему большую снисходительность и щедрость. Кроме бытовых предметов вроде чайника и радиоприемника в камере у Панкрата всегда лежали пачка свежих газет и книги.

Последние ему разрешалось брать в тюремных библиотеках в любом количестве. Ирония судьбы, но лишь став профессиональным убийцей, он сумел наконец-то пристраститься к чтению, расширив тем самым свой кругозор и заметно повысив грамотность. В бытность же свою мелким грабителем, пьяницей и дебоширом Панкрат не читал ничего, кроме милицейских протоколов. Да и в тех он, говоря начистоту, разбирался с большим трудом.

На отсутствие других радостей жизни Панкрату сегодня тоже было грех жаловаться. После каждой проделанной работы к нему в камеру, словно к древнеримскому гладиатору-чемпиону, доставляли выпивку, хорошую еду и шлюху. В остальное время ему иногда давали разнообразить обед парой банок пива, выкурить косячок с марихуаной или оставляли на вечер-другой видеоплеер с порнушкой.

Панкрат знал: вся эта роскошь, доступная в тюрьмах лишь ему и воровским «авторитетам», напрямую зависит от его успехов на поприще киллера. А они – успехи, – зависели от его силы, ловкости и быстроты. Поэтому он не ленился заниматься физкультурой, благо на хорошем питании поддерживать себя в надлежащей физической форме было несложно. Единственная вредная привычка, от которой он не желал избавляться – курение. Просто в этом не было никакого смысла. Во-первых, сигареты ему выделяли без ограничений и не запрещали курить их прямо в камере. Во-вторых, курение помогало ему успокаивать нервы после резни, а где это видано, чтобы зеки добровольно лишали себя доступного им удовольствия? Ну и, в-третьих, Панкрат курил еще и потому, что верил: его убьют точно не сигареты, поскольку он все равно не доживет до того дня, когда у него разовьется рак легких.

Да, огромный риск и неуверенность в завтрашнем дне были оборотной стороной тех удовольствий, которыми «хозяева» одаривали своего слугу. За десять лет, что он пробыл в шкуре карателя, тело Панкрата покрылось шрамами от воровских заточек, ножей, кистеней и кастетов, на чьи удары он часто нарывался. Дважды врачи вытаскивали его буквально с того света, и лишь благодаря тому, что в процессе работы его прикрывала охрана. Она успевала вовремя пресечь расправу над киллером, ведь в мире закрытых дверей и крепких засовов ему редко удавалось сделать мокрое дело и улизнуть прежде, чем на него набрасывались кореша его жертв. Поэтому, как ни старались «хозяева» сохранить личность Панкрата в тайне, дурная слава о нем рано или поздно облетела многие колонии и тюрьмы. Что, естественно, тоже не способствовало безопасности его

специфической карьеры.

Однажды, во время очередного устроенного Панкратом бунта разразился слишком сильный бардак, и вертухаи не смогли удержать под надзором своего карателя. А поскольку он уже скомпрометировал себя, поймавшие его урки решили устроить над ним показательное судилище. И перед тем, как предать его мучительной смерти, вытатуировали у него на лице множество позорных меток и надписей. Однако и в тот раз Панкрат избежал воровской мести. Ворвавшийся в колонию спецназ не дал его палачам закончить расправу, и «крысиный волк» снова отправился не в ад, а на больничную койку.

Находиться в тюремной среде с клейменой физиономией также, как раньше, киллер уже не мог. Не мог он и мечтать о том, что «хозяева» расщедрятся ему на пластическую операцию. Поэтому, боясь, что его спишут в расход как отработанный материал, Панкрат еще в больнице украл у врачей скальпель и педантично срезал со своего лица все до единой татуировки. Это, конечно, не сделало его прежним «красавцем» и не избавило от особых примет. Но так он, по крайней мере, смог вернуться в строй, поскольку исполосованных шрамами зэков сидело по тюрьмам гораздо больше, чем зэков с таким количеством позорных отметин на лице.

Ананасом изуродовавшего самого себя Панкрата прозвали не урки, а начальник одной из колоний. Впрочем, резать воровские глотки по указке «хозяев» ему оставалось недолго. К тому моменту в мире вовсю звучал Зов, и копатели появлялись не только за пределами тюрем, но и внутри них.

Конечно, здесь они не доставляли таких проблем, как на воле, поскольку тюремные стены удерживали их также надежно, как обычных узников. Копатель, который помог Панкрату обрести свободу, оказался не из числа зэков. Это был машинист поезда, который вез Ананаса по этапу из Екатеринбурга в Ростов-на-Дону. Услыхав Зов на перегоне между Уфой и Оренбургом, машинист убил своего помощника и выпрыгнул из локомотива прямо на ходу – затем чтобы отправиться уже не в Оренбург, а в Москву, к Котловану. Дальнейшая его судьба осталась неизвестной, а брошенный им, неуправляемый поезд вскоре сошел с рельсов и рухнул под откос.

Что для одних пассажиров поезда обернулось трагедией, для Панкрата стало самой крупной удачей во всей его жизни. Причем ему повезло дважды: он не получил серьезных травм, а вагон, в котором его этапировали, развалился весьма аккуратно – упал набок и лишился крыши. Все, что оставалось Ананасу после того, как он пришел в себя – это выскочить в пролом и задать стрекача.

Благо, в таком хаосе его должны были хватиться не сразу, а за несколько часов он мог хорошо запутать свои следы. Да и кто бы вообще стал его искать? Сегодня, когда в стране шла война с копателями, беглый уголовник являлся не той угрозой, ради которой полиция била бы тревогу и устраивала с военными масштабные облавы.

Мир, в который Панкрат вернулся после десяти лет заключения, выглядел совсем не таким, каким он знал его прежде. Но это было даже к лучшему. Новый мир еще только начинал жить по «законам джунглей». А Ананас жил по ним так давно, что с первых же дней почувствовал себя на воле, как рыба в воде. И сразу учуял своим звериным чутьем знакомую добычу, на которую он мог охотиться, дабы не подохнуть с голоду. И – что было для него немаловажно! – о смерти которой люди не станут жалеть. Напротив – многие будут этому только рады!

Разгуливающие безнаказанно на свободе насильники, бандиты и убийцы еще не ведали, что за хищник открыл на них охоту, и какая участь им уготована. А Панкрат, став свободным человеком, взялся писать новую главу той драматичной саги, которую он называл своей жизнью. И хоть в ней также хватало кровавых подробностей, наш герой надеялся, что теперь-то он сменил свой злодейский образ на положительный. По крайней мере, так, как он его себе представлял…

Глава 9

– М-да, незадача… – Я окинул Равиндера Сингха сочувственным взором и покачал головой. – И куда же ты пойдешь без теплых вещей и еды? Здесь тебе не Пенджаб. У нас уже в августе по ночам зуб на зуб не попадает… Впрочем, кому я это рассказываю, ведь ты прожил в Москве не один год.

– Не волнуйтесь за меня, господин Степан, я не пропаду, – попытался утешить меня бывший студент РУДН. – Наверняка мне на пути встретится какая-нибудь заброшенная деревня или даже город. Там я и насобираю себе заново все, что надо.

– Э, не скажи, братец. В наших краях ты вряд сегодня отыщешь что-то полезное, – усомнился я. – Копатели ходят здесь не первую зиму. А поскольку они чувствуют не только голод, но и холод, то давно обшарили в поисках одежды все оставленные чисторукими деревни и города. И не по одному разу. Там сегодня не то, что зимней одежды – половой тряпки и рваной портянки не сыскать… Что глазами хлопаешь? Не веришь? А ты поверь! Когда наступают холода, у нас и просто выжить – большая проблема. А чтобы при этом еще бегать и искать кого-то, надо быть настоящим терминатором, не иначе…

Наш новый знакомый-сикх был слишком наивен, если думал, что он легко от нас отделается и продолжит поиски своей несчастной сестренки. Разумеется, мы с Ананасом задержали его не потому, что хотели стрясти с него оплату за помощь. Да, я был меркантильным человеком, но с Равиндера не потребовал бы награду, даже если бы у него и правда было что нам предложить. Однако после стычки с зомби все его нынешнее богатство состояло лишь из потрепанной одежды, сабли, да сикхских религиозных атрибутов: гребня для волос, стального браслета и кирпана – короткого кривого ножа, который Сингх носил под одеждой. А свой ранец с пожитками и едой он бросил перед тем, как спрятаться в печи, и тот был растерзан копателями в клочья вместе с его содержимым.

Говоря начистоту, это по нашей вине Равиндер лишился своих вещей и очутился в жарочном шкафу. Заблудившись, он набрел случайно на этот завод, где рассчитывал разжиться чем-нибудь полезным; фортеции, поселки и фермы он обходил стороной, поскольку там на пенджабца в тюрбане и с саблей всегда косились с подозрением. Слоняющихся повсюду копателей он не боялся. Проворный как мартышка, молодой сикхский воин мог прокрасться не хуже ниндзя под носом и у людей, и у зомби. Так он и обследовал незаметно, шаг за шагом заводскую

территорию, пока сюда не вторглись мы и не нарушили царившее здесь спокойствие.

До сего момента разминуться с зомби не составляло для Равиндера проблемы. Но как только их всполошила стрельба, и они в ярости заметались по заводу, планы Сингха пошли насмарку. Не успел он понять, что стряслось, как на него наткнулось несколько ошалелых копателей. После чего ему пришлось забыть о конспирации и спасаться бегством. В ходе которого за ним увязались новые зомби – те, кого он заинтересовал больше, чем грохочущие снаружи выстрелы.

Идея спрятаться в печи пришла сикху прямо на бегу. Так он и поступил. Увидев горящие на пульте лампочки, он ударил по нужной кнопке, и пока печная дверь закрывалась, успел прошмыгнуть в шкаф. А мог и не успеть, если бы не швырнул свой ранец на растерзание копателям и не отыграл у них еще несколько секунд. И когда между ними и Равиндером оказалась железная преграда, лишь тогда он облегченно вздохнул и утер со лба пот.

Случайно включить нагревательные элементы и изжарить его зомби не сумели бы (если, конечно, среди них не было профи-хлебопека). Одно плохо: заперев себя в печи, Сингх не мог открыть дверь, поскольку сделать это изнутри не представлялось возможным. Но он не отчаялся. В печной крышке имелась вытяжка. Достаточно широкая для того, чтобы поджарый Равиндер смог выползти через нее в дымоход, а из него – наружу. Ему надо было лишь открутить решетку, что мешала пролезть в вытяжную трубу. Чем он сразу же и занялся, достав из ножен кирпан.

Ему оставалось отвернуть всего пару болтиков, когда мы опять сорвали его план, открыв жарочный шкаф в самый неудачный для него момент. И хуже того – вновь столкнули его лицом к лицу с врагами, от которой он, казалось бы, так удачно отделался. Хорошо еще, что мы не бросили его на произвол судьбы и помогли ему перебить зомби. Так что единственная потеря, которую он в итоге понес, была ранцем с провизией и вещами.

Как истинный воин-сикх, Равиндер не жаловался, не ворчал и вообще не подавал вида, что огорчен. Но все равно, он имел право на нас обижаться. Для него – чужака из дальних краев, – раздобыть себе новые вещи и припасы было гораздо сложнее, чем нам, даром, что он отлично говорил по-русски…

– Вот что мы сделаем, Равиндер, – предложил я, не дожидаясь, пока сердобольный Панкрат станет уговаривать меня выдать сикху компенсацию. – Ты направляешься в Москву, так?

Ну а мы с напарником собирались прокатиться в Саранск. До него отсюда километров сто пятьдесят, а тебе все равно придется топать в ту сторону. Поэтому можешь присоединиться к нам. Сэкономишь время, а в Саранске мы познакомим тебя с полезными людьми, у которых ты снова купишь все, что тебе необходимо… Что скажешь? По рукам?

– Вы очень добры, господин Степан, господин Панкрат… – Сингх с подчеркнутой неторопливостью кивнул каждому из нас. – И хотя мне будет неловко стеснять вас своим присутствием, обстоятельства вынуждают меня с благодарностью принять ваше предложение. Обещаю, что до конца своей жизни я буду помнить вашу доброту.

– Да ладно, парень, чего там, – смутился Ананас, наверное, впервые на своем веку столкнувшийся со столь вежливым к себе обращением. Которое ко всему прочему было совершенно искренним. – Нашел, за что благодарить! Ежели ты не вор и не бандит, то почему бы не подбросить тебя до города? Тем более, что нам так и так по пути. Только ты будь поаккуратней со своей саблей в машине, лады? А то дороги тут ухабистые, того и гляди подпрыгнешь на сиденье, да проткнешь ненароком себя или кого-то из нас…

Найти для Равиндера еду и теплую одежду можно было и в Подлесном. Но я намеренно не стал этого делать. Хорошо, что сельчане так обрадовались освобождению хлебозавода, что не высчитали из нашей награды штраф за разрушенную водокачку. Но они припомнили бы нам это, надумай мы приобрести у них какой-нибудь товар. И взвинтили бы на него такую цену, от которой даже убранные под тюрбан, длинные волосы сикха встали бы дыбом. Поэтому самым лучшим для него вариантом было доехать до Саранска. И тамошних торгашей и ассортимент был богаче, и цены справедливее.

К тому же в Саранске проживал один мой давний знакомый – рисковый малый, который не однажды хаживал в Москву и даже, если он не врал, бывал у Котлована. Возможно, он мог бы дать Сингху несколько советов, как дотуда добраться. А, возможно, и нет, если ему не захочется выдавать свои профессиональные секреты и потайные тропы.

Пока мы катались в Подлесное за наградой и выбирали безопасную дорогу до Саранска, Сингх поведал нам другие подробности о себе и о своей семье.

Наша с Панкратом догадка насчет его благородного происхождения оказалась верна. Отец Равиндера был владельцем небольшой авиакомпании «Эйр-Мохали», что занималась исключительно грузоперевозками и активно сотрудничала с

российскими партнерами. Как раз за связи с ними и отвечал Равиндер, поставленный отцом на соответствующую руководящую должность. Это позволило ему отточить русский язык намного лучше, чем молодой сикх разговаривал на нем после выпуска из РУДН.

Нынче самолеты «Эйр-Мохали» уже не летали. Из-за огромной перенаселенности ситуация в Пенджабе, да и во всей Индии, тоже сложилась тяжелая. Когда эту страну накрыл Зов и захлестнула анархия, крови в ней пролилось значительно больше. Тут же вспомнились былые обиды, которые веками затаивали на соседей племена и кланы. Повсюду с новой силой вспыхнули кастовые распри, а десятки религиозных сект, отринув прежние мирные соглашения, объявили друг другу открытую войну…

В общем, со слов Равиндера я понял, что удаленность от Котлована еще не гарантировала более спокойную жизнь. А кое-где на юге обстановка была даже незавиднее, чем у нас.

– Каким образом ты узнал, что твоя сестра стала именно Царицей Копателей? – поинтересовался я у Сингха после того, как мы выбрали дорогу и взяли курс на Саранск. – Она чем-то отличалась от других людей, которые услышали Зов? И почему вы не остановили ее еще дома, когда у вас была такая возможность?

– В том-то и дело, господин Степан, что в Пенджабе у нас не было такой возможности, – горестно покачал головой Равиндер. – Шармила с мужем и двумя детьми жила в другом округе, на северной границе штата. Когда ее поглотила Тьма, я и прочая наша семья находились далеко от нее. Вероятно, поэтому все обернулось так трагично. Обезумев, Шармила однажды ночью убила детей и мужа. А когда до нас дошло это известие, и мы смогли туда приехать, она успела скрыться. Родня ее мужа начала поиски раньше нас, но тоже не напала на ее след. Хотя в таком бардаке, что творится в Индии, это совсем неудивительно… Мы уже думали что навсегда потеряли Шармилу, но через восемь месяцев после ее бегства кто-то вдруг подбросил нам пакет с фотографиями. На них была запечатлена моя сестра в очень странном месте. Да и вид у нее был совершенно не такой, как у обычных копателей.

– А это случайно были не те рваные фотографии, которые ты собирал на хлебозаводе? – спросил я, припомнив, как сикх копался в ошметках содержимого своего ранца, ища уцелевшие вещи. Тогда я решил, что он не хочет бросать снимки своих родных и близких – молодой воин шел на верную гибель, и подобная сентиментальность была ему простительна. Но сейчас, когда он сам заикнулся о фотографиях, я подумал, что он мог искать нечто другое.

Подумал – и попал в самую точку!

– Вы угадали, господин Степан, – с неохотой признался Равиндер, которому явно не хотелось показывать нам улики, порочащие честь его семьи. – Я действительно подбирал на заводе те самые фото. Пускай мне невыносимо больно на них смотреть, но я обязан хранить их у себя, понимаете? Затем чтобы… Чтобы…

Он осекся и нахмурился.

– Затем чтобы иметь под рукой документальное свидетельство, которое может подсказать тебе, где искать сестру, – закончил я за ним. Не знаю, в чем хотел оправдаться перед нами Сингх, но я предпочел избавить его от поиска нужных слов. И вернул разговор из эмоционального в практическое русло. – Не возражаешь, если мы взглянем на твои фотографии? Как знать, возможно, нам удастся обнаружить на них детали, которые ты упустил. И которые также могут стать для тебя полезной подсказкой.

По-моему, Равиндер гораздо охотнее показал бы нам фотографии сестры, будь она запечатлена на них обнаженной, чем охваченной Тьмой. Но все же он не стал мне отказывать и вынул из кармана те несколько порванных, измятых снимков, которые не пожелал оставлять в Подлесном. Ничего он нам при этом не сказал. Просто молча протянул свои скорбные реликвии, после чего нахмурился и отвернулся к окну.

Поскольку я сидел за рулем, Панкрат разглядывал фотографии первым.

– А твоя сестра это… очень даже ничего, красивая, – пробасил он, видимо, желая слегка ободрить пригорюнившегося гостя. Но как и все, что делал наш громила вне поля боя, эта его поддержка также оказалась довольно неуклюжей.

Напоминание брату о красоте сестры, которую тот намеревался убить, повергло Равиндера в еще большее уныние. И вместо спасибо Ананас получил от него в ответ лишь укоризненный взор и тяжкий вздох.

Смекнув, что сболтнул лишнего, напарник смущенно покряхтел и решил воздержаться от дальнейшего проявления сочувствия. В котором Сингх, в общем-то, и не нуждался. А особенно – в сочувствии каких-то там наемных головорезов. Наоборот, истинному воину должно было льстить то, что мы относимся к нему со всей серьезностью и не лезем почем зря к нему в душу. Я, по крайней мере, вел себя именно так. Но Панкрат, на которого порой накатывала сентиментальность, не смог остаться равнодушным к истории пенджабца. Пусть даже, по его собственному признанию, он всегда недолюбливал кавказцев,

арабов, азиатов и прочих южан.

Пару минут Ананас разглядывал снимки, что-то бурча себе под нос – видимо, проклиная вполголоса запечатленных на них копателей. Я тоже краем глаза посматривал, что он там изучает. Все изображения являлись довольно четкими и высококачественными. Это было заметно даже несмотря на то, что фотографии побывали в руках зомби. Такие кадры точно были сняты не на бегу и впопыхах кем-то из пробравшихся к Котловану экстремалов. Подброшенный семейству Равиндера компромат на Шармилу собрали, используя профессиональное оборудование. И так педантично, словно фотограф сам присутствовал среди тех копателей. Хотя, последнее, конечно, исключалось – все крупные планы здесь делались издали, с помощью сверхмощного объектива. Что вовсе не снимало закономерно возникающие вопросы. Наоборот – лишь добавляло новые.

Царица Копателей, она же Матерь Поводырей и Земляная Ведьма… Личность легендарная, но не мифическая, поскольку свидетельств ее существования – тех, что заслуживали доверия, – накопилось достаточно. Чего нельзя сказать о приписываемых ей людской молвой чудесах и злодействах. Она не летала по миру, наводя порчу на скот и посевы, не высасывала у чисторуких кровь и не отравляла воду в колодцах. Также никто не мог подтвердить (как, впрочем, и опровергнуть) слухи о том, что Царица живет в Большом Кремлевской дворце и взирает на Котлован с тех кремлевских башен, которые еще в него не рухнули. Не исключено, что она там бывала, но этому утверждению противоречила сама природа копателей. Они не нуждались в крове над головой, даже когда их поливали дожди и засыпал снег. Хотя от теплой одежды они не отказывались, поскольку сильные морозы были для них губительны. Да и к источникам огня в холодные времена года зомби всегда тянулись. Особенно если среди них затесывался профи, помнивший, как разжигать этот самый огонь.

На фотографиях Шармила была одета опрятнее, чем среднестатистический копатель. Но это лишь потому, что ей не приходилось самой участвовать в раскопках. И находилась она не в Кремле. Я знал Москву не так хорошо, чтобы определить по фону, где конкретно фотограф застал сестрицу Равиндера. Место это, судя по всему, располагалось в районе площади «Трех вокзалов». А судя по высоте, откуда Шармила взирала на Котлован, я бы предположил, что она и окружавшие ее поводыри (их тоже можно было безошибочно опознать по «аристократической» одежде) расположились на террасе какой-то сталинской высотки. Либо той, что стояла на площади Красные

ворота, либо гостиницы «Ленинградская». На это обстоятельство указывали попавшие в кадр, террасные перила с декоративными башенками – как правило, на современных московских зданиях такие не делали.

Матерь Поводырей и двенадцать ее «деток», больше половины которых, к слову сказать, были заметно старшее нее, стояли на террасе с остекленевшими глазами, словно истуканы. Я мог бы подумать, что все они хранят молчание, если бы не знал, что члены высшей касты копателей умеют общаться друг с другом телепатически. Либо каким-то иным бессловесным манером, но связь между ними определенно наличествовала. И язык, на котором она велась, был намного сложнее языка обычных зомби.

С какой целью чертова дюжина нерядовых копателей взобралась на верхотуру? Вряд ли я определил бы это, даже если бы сам их фотографировал. Зато я определил по снимкам кое-что другое. Сначала мне показалось, что фотограф запечатлел Шармилу и компанию с крыши другого стоящего неподалеку здания. Но когда я напряг память, то вспомнил, что в направлении, откуда велась съемка, нет построек, сравнимых по высоте с вышеупомянутыми. А тем более таких, что позволяли бы наблюдать за этой террасой с более высокой позиции.

Из всего этого следовало, что Царицу Копателей снимали не со здания, а с вертолета. Что превращало историю изготовления этого компромата в еще более загадочную, ведь организовать такую аэрофотосъемку в наши смутные времена являлось чертовски накладно и затруднительно.

– Вы выяснили, кто сделал эти снимки и отправил их вам в Пенджаб? – поинтересовался я у сикха, продолжая то и дело поглядывать на перебираемые Ананасом фотографии.

– Нет, – мотнул головой Равиндер. – Никто не сознался в этом, а предполагать можно до бесконечности. У нашей семьи хватает недоброжелателей, и многие из них снова вспомнили о наших былых раздорах. Думаете, почему из пяти моих братьев на поиски Шармилы отправили одного лишь меня? Не только потому, что я – единственный, кто из нас говорит по-русски и пока не обзавелся своей семьей. Дело еще и в том, что сегодня вся наша родня сплотилась как никогда ранее, чтобы противостоять нападкам наших врагов. А также приглядывать друг за другом, чтобы не допустить второй такой трагедии, если Тьма снова заберет кого-то из нас. Наверняка подброшенные нам фото являлись чьими-то грязными происками. Кто-то думал, что этим он разобщит и ослабит наши силы, заставив часть из нас уйти на север, после чего расправиться с оставшимися будет намного проще. Но этот негодяй просчитался. Мы не настолько глупы,

чтобы поддаваться на его уловки.

– Но тем не менее ты все-таки покинул Пенджаб и отправился в Москву, – заметил я. – Почему?

– Да, для «Эйр-Мохали» настали трудные времена, – повторил Сингх, – но у нас есть технические возможности, чтобы определить, какие фотографии нам подсунули: настоящие или фальшивые. В подлинности этих сомневаться не приходится. На них действительно заснята Шармила. И если она и люди, которые ее окружают, не роют Котлован, но выглядят, как копатели, и находятся среди копателей, кто же они тогда такие?

– А вы не задумывались над тем, как эти снимки могли очутиться у ваших врагов? – продолжал я допытывать гостя. – Или это они сами предприняли экспедицию к Котловану и облетали его на вертолете до тех пор, пока не обнаружили Шармилу и не сделали нужные кадры?

– Очень сомнительно, – ответил Равиндер. – Эти люди тоже имеют влияние в Индии, но мы для них не настолько серьезная угроза, чтобы они пошли на такие траты ради обычных фотографий. Самое вероятное объяснение: наши враги случайно наткнулись на любительские снимки Царицы Копателей и опознали в ней Шармилу. А затем, поняв, какую из этого можно извлечь выгоду, наняли профессионалов, чтобы они раздобыли им снимки получше.

– Звучит вроде бы логично. – Я пожал плечами. И добавил: – Правда, есть одно но. Я давно вращаюсь в этом бизнесе, но не знаю наемников, у которых имелась бы своя авиация. Они бы еще согласились искать в Котловане с воздуха конкретного человека. Но перед этим им пришлось бы сначала найти вертолет – лишняя работа, за которую ваших врагам также пришлось бы платить, причем немало. Ты же утверждаешь, что они не стали бы делать этого из-за одних снимков. Как видишь, у нас с тобой опять не срастаются некоторые факты, и твоя теория продолжает хромать.

– Даже не знаю, что вам на это сказать, господин Степан, – развел руками сикх. – Прежде чем я отправился в Россию, мы с братьями и отцом долго это обсуждали и много чего успели передумать. Однако все наши сомнения и догадки не отменяют неопровержимые факты: Шармила стала не просто копателем, а Матерью Поводырей, и она находится в Москве. Кто бы ни прислал нам эту информацию, она является достоверной. Вот почему, получив ее, мы не могли оставить ее без внимания.

Я вновь глянул на снимки, которые Ананас просматривал уже по третьему разу. И вдруг увидел на одном из них нечто такое, отчего у меня в голове будто щелкнул тумблер и загорелась тревожная лампочка.

– А ну-ка дай мне предыдущее фото! – велел я и, затормозив, остановил машину у обочины.

– Чего ты задергался, Иваныч?! – удивился Панкрат, протягивая нужный мне снимок. – Никак и впрямь что-то дельное высмотрел?

– Возможно. Только не что-то, а кого-то, – ответил я. И, приглядевшись к фото получше, указал на одного из поводырей. – Вот, его! Видишь этого мерзавца?

– Кого-кого? – Панкрат прищурился и, склонившись над снимком, едва не прожег тот торчащей у него во рту сигаретой. – Вот этого типа, которого крайняя слева башенка загораживает, что ли? Да тут от твоего мерзавца видать-то всего ничего – затылок и плечо. Ежели бы ты в него пальцем не ткнул, я бы его вообще не заметил.

Несмотря на то, что Царицу Копателей фотографировали с воздуха, снимки не отличались разнообразием ракурсов. Все они были сделаны при пролете кружащего вокруг здания вертолета через определенный сектор. Или же снимков на самом деле было много, но семье Равиндера подбросили лишь те из них, на которых Шармила выглядела наиболее узнаваемо. По этой причине не удавалось толком разглядеть всех стоящих рядом с ней поводырей. Некоторых из них заслоняли собратья, а один – тот, на которого я обратил внимание, – был почти целиком скрыт перильной башенкой. Но как бы то ни было, свои главные приметы он от фотографа не утаил. И когда я, бросив взгляд на фото, заметил торчащие из-за башенки, беловолосую макушку и левое плечо, имеющее немного странную форму, то вмиг узнал этого копателя.

– Дьявольщина! – выругался я, продолжая указывать на него пальцем. Заинтригованный Равиндер тоже подался вперед и глядел на фото через мое плечо. – Ну вот же он – мой «белый кит»! Жив, здоров, да к тому же в высшие эшелоны власти поднялся!

– Да будет тебе, Иваныч, почем зря в бутылку лезть! – скептически проворчал Ананас. – Мало, что ли, среди поводырей белобрысых дылд? К тому же у твоего «Моби Дика», ты сам говорил, нет одного плавника, а у этого… хм… А у этого вообще не видать рук! Одно плечо из-за столба торчит, и то кривое!

– Вот именно – кривое! – подчеркнул я. – Распространенный анатомический дефект при подобном увечье. Ты что, Панкрат, не видел калек с полностью ампутированной рукой, которые стали таковыми не вчера, а много лет назад?

– Видел, ясен пень, – подтвердил тот. – Ну и что с того? Пускай они были однорукие, но люди-то, один хрен, мне

попадались разные. Да и особо дефективных я среди них не замечал.

– Зато я этого кривоплечего однорукого хорошо запомнил, хоть и видел его всего-навсего десять секунд! – заверил я напарника. – Готов спорить на что угодно – это именно тот проклятый поводырь, о котором я тебе рассказывал!

– Не буду я с тобой спорить, – пробурчал Панкрат, выпуская в окно сигаретный дым. – Но скажу тебе кое-что, а ты уж сам решай, соглашаться со мной или нет. Так вот, Иваныч, лично мне на твоем месте потребовалось бы куда больше доказательств для того, чтобы я плюнул на все и отправился вместе с сикхом в Москву искать этого поводыря.

– Да не собираюсь я ехать ни в какую Москву, – отмахнулся я, остывая и понимая, что и впрямь малость погорячился. – Тем более, что гораздо лучше Сингха представляю, что меня там ждет. Даже если однорукий поводырь не покинул Котлован, мне чертовски повезет, если я доберусь живым хотя бы до МКАД. А соваться дальше – гарантированное самоубийство. Причем самое зверское из всех, которые только можно себе вообразить. Стоит попасться возле Котлована на глаза хотя бы одному копателю, не говоря о том, чтобы выстрелить в него, и через минуту они сбегутся ко мне тысячами. Надеюсь, ты, Равиндер, осознаешь, в какую ловушку добровольно себя загоняешь?

– Но вы же сами говорили, что существуют люди, которые не раз бывали в Москве и возвращались оттуда, – напомнил сикх. – Значит, и у меня есть шанс пусть не вернуться, но хотя бы разыскать сестру, разве не так?

– Говорил, – согласился я, включая первую передачу и отъезжая от обочины. – Шанс такой у тебя есть, это верно. Вот только видишь ли, в чем проблема: все эти люди не совались в центр столицы и не искали встречи с Шармилой. Все, кому удавалось ее случайно сфотографировать за пределами Котлована, натерпелись такого страха, что многие из них – те, кто выжили, – зареклись ходить в те края даже под дулом автомата. Впрочем, кто мы такие, чтобы отговаривать тебя от задуманного? Как раз наоборот, нам надо помогать твоей благой миссии. Ведь ты действуешь не только в интересах своей семьи, но и в интересах всего оставшегося на планете человечества. Никто не знает, к чему приведет гибель Царицы Копателей. Но если это хотя бы ненадолго заставит Зов умолкнуть, за такой подвиг тебе уже можно будет ставить памятник… или как там у вас, сикхов, принято чтить великих героев?…

Глава 10

Проблемы начались еще на подъезде к Саранску.

Сначала нам на дороге то там, то сям стал попадаться крупный мусор, который мешал Большому Вождю как следует разогнаться. И который обычно не успевал скапливаться на дорогах близ городов. В каждой уважающей себя фортеции и ином поселении имелся мощный грузовик, колесный трактор или бронетранспортер с грейдерным ножом, регулярно объезжающий главные окрестные дороги и расчищающий их. А вот в Саранске в последнее время с этим возникли явные затруднения.

В большинстве случаев завалы появлялись на дорогах по вине бандитов. Грабя плохо защищенный транспорт, они устраивали у него на пути баррикады из валяющегося повсюду мусора. Этим также порой занимались копатели под предводительством поводырей. Причем последние зачастую проявляли не меньшую изобретательность, о чем свидетельствовала трагедия, постигшая когда-то нашу цирковую автоколонну. Само собой, что ни бандиты, ни тем паче зомби порядок за собой не наводили. Такая обязанность ложилась на плечи местной власти. И она как минимум раз в неделю отряжала на это дело команду уборщиков. А если тем улыбалась удача, они не только сметали с дороги хлам, но и расстреливали ублюдков, которые его туда натащили.

Мусор на саранских дорогах не убирался как минимум недели три. Что было весьма тревожным признаком. Если местные уборщики не могли выгнать свои грейдеры из гаражей, значит, на то имелась веская причина. И бандиты тут были уже ни при чем. Да и они при всем старании не захламили бы дорогу на столь протяженном участке. Как, впрочем, и стая копателей, даже очень крупная.

Все указывало на то, что на Саранск обрушилась зэд-волна – прежде редкое, а ныне довольно распространенное явление среди копателей.

Рождаясь спонтанно то здесь, то там из сошедшихся в одном месте, стай копателей, зэд-волны уничтожили немало населенных пунктов, чья оборона не сдержала нашествие такого количества зомби. Хотя с Саранском у них этот номер вряд ли пройдет. Как любой крупный город, он представлял собой не одну фортецию, а несколько небольших укрепрайонов. Их разделяли между собой безлюдные, разграбленные кварталы, где можно было наткнуться на забредших в город копателей. В мирное время обитатели одного района могли беспрепятственно посещать остальные – если они не боялись пересекать опасные ничейные территории.

Но при вторжении зэд-волны или просто крупной стаи зомби, над городом начинала завывать тревожная сирена. После чего все обиталища чисторуких превращались в цитадели, обрушивающие на головы врагам свинец, гранаты и самодельный напалм.

– Я так и знал! – проронил я, когда мы увидели вздымающиеся над горизонтом, столбы дыма. – Саранск в осаде! И, похоже, в серьезной, раз некоторые укрепрайоны уже пали. Вон то самое большое дымовое облако поднимается, не иначе, над Химмашем. А ведь там была такая крепкая оборона, что ее танки вряд ли прорвали бы.

– Дело дрянь, – согласился Панкрат. – Сдается мне, Иваныч, ни хрена нам сегодня не обломится. Надо поворачивать оглобли и возвращаться в Ульяновск. Или объехать этот шум-гам, и катить дальше – авось в следующем городе житуха поспокойнее.

– Что-то я тебя сегодня в упор не узнаю, – хмыкнул я. – Впереди кипит большая драка, а ты вдруг возжелал себе спокойной жизни. С каких это пор ты переквалифицировался в гедонисты?

– Не знаю, что за фраера такие, твои гедонисты, и знать не хочу, – пробасил громила. – А насчет драки ты, Иваныч, неправ. Драка драке рознь, и только идиоты встревают без разбору в каждую встречную бучу. Здесь же мы огребем и от зомби, и от своих, а это уже не смешно. Саранцы, небось, палят сейчас со стен во все, что движется, и не станут разбираться, кто мы такие. Да и что стоят наши пушки супротив зэд-волны? Она, ходят слухи, даже армейские базы сметала, а не только города. Вот я и говорю – надо валить отсюда, пока нам тут за компанию с зомби люлей не навешали. Поверь, Иваныч, я такие дерьмовые расклады нутром безошибочно чую.

– В твоем чутье я нисколько не сомневаюсь. Только не все у нас так просто, как тебе кажется, – возразил я, объезжая на малой скорости очередное нагромождение мусора. – Видишь ли, в чем дело: я специально не стал покупать бензин у этих скряг в Подлесном, так как был уверен, что в Саранске мы купим его раза в два с половиной дешевле. Оставшегося у нас горючего хватит до Саранска, плюс еще километров на полста, но не больше… Так что извини: если не хочешь дальше топать пешком, нам придется срочно искать заправку.

– Хм… дерьмово, – проворчал Ананас. – А где здесь ближайшая бензоколонка?

– По закону подлости – как раз на Химмаше, – кисло усмехнулся я. – Да только ехать туда теперь бессмысленно – слишком густой и черный дым над ним поднимается. Подозреваю, что это горит та самая горючка, которую я собирался

купить. И которую мне теперь никто не продаст по причине форс-мажорного закрытия тамошнего топливного бизнеса. Но есть и хорошие новости. В Саранске гонят бензин не только на Химмаше, но и в МГУ.

– В МГУ? Как это? – удивленно переспросил Равиндер. У бывшего студента РУДН эта аббревиатура ассоциировалась прежде всего с Москвой, но никак не с Саранском.

– Мордовский государственный университет, – уточнил я. – Сегодня на его территории – один из здешних укрепрайонов. Цены на горючку там, правда, выше, чем на Химмаше, зато продукт чище. И человек, с которым я хочу тебя познакомить, тоже, кстати, в Университете обитает. Жаль, но на этом хорошие новости заканчиваются и снова начинаются плохие. Чтобы добраться до МГУ, нам придется пересечь всю правобережную часть города и речку. То есть прокатиться с ветерком сквозь толпу зомби, которых саранцы подготовили к нашему появлению, разъярив их не на шутку своими пулями.

– А ежели в объезд? – предложил Ананас.

– Нет смысла, – помотал я головой. – Переедем через реку севернее или южнее – изменится лишь то, что тогда нам придется добираться до МГУ не по правому берегу, а по левому. Вдобавок истратим на этот крюк лишнее горючее, которое нам понадобится, если вдруг придется петлять по улицам… Равиндер!

– Да, господин Степан!

– Странно, что я лишь сейчас задаю тебе этот вопрос… Скажи, а как у тебя обстоят дела со стрелковой подготовкой? А то, гляжу, холодного оружия у тебя хватает, но огнестрельное ты с собой не носишь. Не знаю, что тебе рассказывали о нынешней России в Пенджабе, но у нас сегодня не выходят на долгие прогулки без хорошей пушки.

– Я путешествую налегке и для меня любое огнестрельное оружие – это лишний груз, – пояснил сикх. – По дороге к Котловану я не планировал вступать в схватки с копателями, даже если они станут меня преследовать. К тому же выстрелы – это ненужный шум, привлекающий ко мне еще больше врагов. Хотя стрелять я умею, как и все сикхи. Разумеется, не так хорошо, как вы с господином Панкратом – я не часто ходил в тир, и у меня было мало практики. Но если вы доверите мне винтовку, я постараюсь вас не подвести.

– Боюсь, одного старания будет недостаточно, – ответил я. – Стрелять из движущейся машины по движущимся целям – это тебе не в тире очки вышибать. Тут все гораздо сложнее.

– Да, я понимаю… А если нам с вами поменяться местами?

– Что, прости?

– Я говорю: может быть, нам с вами просто поменяться местами? Машину я вожу гораздо лучше, чем стреляю.

– И где же ты, парень, научился так хорошо ездить? – усомнился Ананас. – Ты ведь сам сказал, что большой шишкой работал. А, значит, тебя личный шофер везде должен был возить.

– Был у меня личный шофер, ну и что? – не стал отрицать Сингх. – Зато в свободное от работы время я увлекался раллийными гонками. И даже дважды принимал участие в чемпионате Индии! Не верите?

Мы с Панкратом переглянулись. Не сказать, чтобы заявление молодого сикха нас удивило. Но все равно, было непривычно услышать такое признание от бородатого человека в тюрбане и с саблей за поясом.

– Ладно, верим, – пожал я плечами. – А ты точно управишься с нашим Большим Вождем? Все-таки это не раллийный автомобиль. К тому же он не молод, многое повидал и требует к себе уважительного отношения.

– Справлюсь, не беспокойтесь, – пообещал Равиндер. – Главное, вовремя показывайте, куда рулить, а с остальным я разберусь…

Все еще недоверчиво хмыкая, я поменялся местами с Панкратом, которого отправил на место сикха. После чего велел новому водителю продолжать двигаться по дороге, а напарнику – открыть люк на крыше кабины и приготовить все необходимое для встречи с зэд-волной. Напоровшись на саранские укрепления и на шквальный огонь, она должна была ослабнуть и раздробиться на потоки поменьше. Но даже один такой поток был для нас чрезвычайно опасен, особенно, если мы столкнемся с ним на узкой улице.

Люк, о котором шла речь, являл собой не стандартное вентиляционное отверстие, а увеличенное, и был проделан не спереди, а над задним сиденьем. Так, чтобы в случае чего кто-то из нас мог встать в полный рост и, высунувшись из наружу, вести круговой обстрел из любого оружия. Для чего на крыше джипа были также приделаны упорные кронштейны, облегчающие стрелку задачу. Без них ему пришлось бы ставить пулемет либо прямо на крышу, либо держать его на вису. Что, возможно, являлось не критично для дюжего Ананаса, но я предпочитал стрелять с комфортом из того оружия, которое было для меня тяжеловатым.

Первые копатели объявились у нас на пути буквально за следующим поворотом. Равиндер еще не приноровился к Большому Вождю, но в целом держался за рулем уверенно. Правда, до тех пор, пока на дорогу перед нами не выскочила

дюжина зомби – не то отбившиеся от волны «брызги», не то недобитые остатки какой-то стаи. Едва это случилось, и пенджабец задергался, явно гадая, как бы я поступил на его месте.

– Не тормози и держи руль прямо, – вмешался я прежде чем Сингх решил сбросил скорость. – Рассекатель у нас крепкий, выдержит. Жми напролом, но не забывай про мусор – если пропорем колесо, нам несдобровать.

Пока водитель выравнивал траекторию движения, сам я открыл боковое окно и приготовил пару ружейный обрезов – лучшее средство избавления от ненужных попутчиков, когда те виснут на вашей машине целой компанией. С ружьем или автоматом в салоне особо не развернешься. Стрелять в упор пистолетными и револьверными пулями тоже непрактично – они пригодятся нам для стрельбы на большее расстояние. А вот обрез, чья невысокая точность компенсируется свирепой убойной мощью, не годится для полноценной охоты на копателей, зато незаменим, если надо срочно отделаться от них ценой наименьших усилий.

Первая стычка с саранскими зомби обошлась тем не менее без стрельбы. Некоторых из них Равиндер сшиб рассекателем, а от тех двоих, что успели ухватиться за Большого Вождя, мы с Панкратом избавились и так: он – ухватив копателя за лохмы и треснув его головой о машину, а я – ткнув второму прыгуну в глаз стволами обреза. Прочие оставшиеся позади зомби замахали руками и с рычанием бросились за нами. Но вышедший из замешательства Сингх утопил педаль газа в пол и быстро оторвался от погони.

Больше, однако, так просто отделываться от навязчивых гостей города не получалось. Новые толпы зомби, на которые мы стали натыкаться все чаще и чаще, были куда многочисленнее и злее.

Дабы не петлять по задворкам и не дать загнать себя в ловушку, мы выехали на проспект, что пересекал правобережную часть Саранска с востока на запад, и покатили в сторону реки. Блокировать такую широкую дорогу было гораздо сложнее, и это дало нам нужное пространство для маневров и разгона. А также лишало копателей возможности спрыгивать на крышу джипа из окон зданий, что они охотно делали бы, сунься мы на любую узкую улочку.

Хотя имелись у этой тактики и недостатки. Двигаясь по открытому пространству, мы обращали на себя внимание еще большего количества копателей, а также следящих за округой, защитников укрепрайонов. Последние, находясь на осадном

положении, имели привычку стрелять во все, что покажется им подозрительным. Привычку, полезную для себя, но крайне вредную для нас. Тем более, что наш «гранд чероки» с пулеметчиком на крыше не походил на автомобиль мирных переселенцев, и мог быть легко принят за транспорт каких-нибудь бандитов.

Давно отвыкнув от мирной жизни и привыкнув к постоянной опасности, я все же редко попадал в ситуации, когда меня окружали десятки или сотни зомби. По улицам Саранска они разгуливали сегодня тысячами. И чем сильнее мы углублялись в этот дьявольский котел, тем больше крепло во мне ощущение, что нам из него уже не выбраться. Он бурлил и до нашего появления, но мы стали тем катализатором, который моментально усилил эту агрессивную реакцию.

Неизвестно, все ли зомби в городе были оповещены о нашем вторжении – для поводырей с их телепатическим общением это вряд ли осталось в тайне, – но ближайшие к нам противники узнавали о нас прежде, чем мы показывались им на глаза. Молва – если, конечно, так можно сказать о копателях, – опережала нас с заметным отрывом. При взгляде на то, какая прорва зомби устремляется нам наперерез, у меня по коже побежали мурашки, а волосы на голове зашевелились так, что, наверное, приподняли шляпу. Казалось, будто нас тут давно ждали. И готовились к этому событию, словно к празднику. Разве что ждали не как гостей, а в качестве этакой пиньяты – большой игрушки, которую набивают по праздникам разными вкусностями. И которую в конце концов разрывают на части, чтобы дети могли полакомиться ее сладкими «потрохами».

Впрочем, в отличие от бумажной пиньяты, мы были сделаны из более крепкого материала и могли за себя постоять.

Пулемет Ананаса загрохотал и начал плеваться свинцом направо и налево – в зависимости оттого, с какой стороны к нам подбегали копатели. Если они подбегали сразу с двух сторон, Панкрат сначала расстреливал противника с левого борта, а потом приходил на подмогу мне, если я к тому моменту не успевал выкосить картечью правофланговых. Перезаряжать обрезы приходилось быстро, но я пока не жаловался на недостаток ловкости при обращении с оружием. И делал это на счет «раз-два», доставая патроны из бардачка, куда я предварительно высыпал их из нескольких пачек.

Равиндеру больше не требовались никакие советы. Он усвоил их с первого раза и теперь доказывал на деле, за что его в свое время допускали к раллийному первенству страны. Надо сказать, допускали вполне заслуженно, пусть он и не занимал там

призовых мест. Парень давно не практиковался в вождении, но быстро прочувствовал, как ведет себя на дороге тяжелый джип, и подстроился под особенности его поведения. Да так ловко, что мне волей-неволей пришлось отметить, что я, отъездив на Большом Вожде полтора года, не использовал и половины заложенного в него, «гоночного» потенциала.

Виражи, что в моем исполнении закончились бы переворотом автомобиля, Сингх проделывал с той же ловкостью, с которой он орудовал своей саблей. Лавируя между грудами обломков и мусора, «гранд чероки» визжал покрышками и уходил в занос, но всегда умудрялся устоять на четырех колесах и выровнять курс. А порой и сшибить в заносе бортом пару-тройку копателей прежде, чем те нарывались на наши пули.

Гордость и близкий к почтенному возраст не позволяли мне браниться в голос, когда Равиндер в очередной раз срамил мои водительские умения. Зато Панкрату были чужды подобные условности. И он от переизбытка эмоций крыл трехэтажным матом копателей на каждом вираже. А они – те, которые не попадали под колеса и пули, – бежали за нами, пока окончательно на отставали, после чего швыряли нам вслед булыжники и прочий хлам. В большинстве своем эта неловко брошенная дрянь пролетала мимо, а иногда даже попадала в других зомби. Но некоторая все же била Большого Вождя по бортам и внешним жалюзи, что защищали его заднее стекло от подобных атак. Поэтому Ананасу приходилось быть очень внимательным, дабы успеть вовремя пригнуться и не подставить голову под очередной кирпич.

Догадка насчет павшего Химмаша, мимо которого мы проехали, подтвердилась. Трудно сказать, что стало с его защитниками: успели они отступить и найти убежище у соседей, или же все до единого сложили головы, обороняя свои рубежи? Но искать за разрушенными стенами этого укрепрайона было теперь нечего. Кроме неприятностей, разумеется. Да только зачем бы нам это сдалось, если неприятности, сейчас и так сами нас находили.

Двигаясь по широким главным улицам, мы не собирались отступать от данного принципа и хотели пересечь реку по главному саранскому мосту – Химмашевскому. Он имел четыре полосы – по две для движения в каждом направлении, – и от него до МГУ было уже совсем недалеко. Я подозревал, что орды копателей тоже использовали этот мост в качестве основной переправы через реку, и что через него нам предстоит пробиваться с боем. Однако на деле все оказалось еще хуже.

Одна из центральных опор Химмашевского моста

надломилась, но не рухнула, отчего он опасно прогнулся посередине. «Опасно» – в смысле по прежним стандартам технической безопасности. Но по нынешним меркам мост был еще пригоден для проезда по нему поодиночке легковых автомобилей и легких грузовиков. При условии, что у них хватит мощности не забуксовать в нижней точке аварийного прогиба.

Полгода назад ничего такого здесь не было, а, значит, прогиб образовался, скорее всего, при нашествии зэд-волны. Большой Вождь был достаточно силен и мог бы перемахнуть через поврежденную мостовую секцию. Только вот незадача: впадину загромождали разбитые и обгорелые автомобили. Все они скатились ей на дно и остались лежать там грудой – очевидно, от их веса и сломалась злополучная опора. Но сгорели они явно по другой причине – по той же самой, по какой их не вытянули оттуда тросами и снова не поставили на колеса. Зомби! Видимо, они преследовали эту автоколонну и настигли ее, едва она угодила в западню. После чего чисторуким пришлось отбивать нападение, будучи зажатыми в собственных машинах, из которых многие из них так и не выбрались. Чем в итоге завершилась та битва, можно было судить по обглоданным человеческим костям, разбросанным по всему мосту…

– Южнее есть еще один мост! – стараясь перекричать грохот пулемета, проинформировал я водителя. И, указав налево, велел: – Сворачивай и гони вдоль реки, пока его не увидишь!

– Что, прямо по полю? – удивился сикх.

– Так и есть, раллист, – подтвердил я. – Давай, покажи нам все, на что ты способен!

Неудавшийся чемпион Индии нахмурился и, стиснув зубы, молча принял брошенный ему вызов.

Перекресток, где можно было свернуть на ведущую ко второму мосту дорогу, мы проскочили. А разворачиваться и возвращаться означало врезаться в бегущую за нами, толпу копателей. Столь многолюдную, что промчаться сквозь нее напролом вряд ли удалось бы даже с пулеметом. Участок бездорожья, по которому нам требовалось проехать, являлся обычным пустырем. В свое время его не застроили, видимо, потому, что здешний берег был слишком низок и затоплялся весенним половодьем. Но сейчас он, к счастью, выглядел сухим, хотя в растущем на нем, мелком кустарнике могли таиться любые сюрпризы.

По пустырю также разгуливали копатели, чья реакция на наше появление была вполне предсказуемой. Но бежать за нами через кусты оказалось не так-то просто, и Ананас не стал тратить пули на врагов, которые не могли нас догнать. А когда

обнаружилось, что не мы первые срезаем здесь путь, и что в кустах имеются накатанные автомобилями проезды, Равиндер приободрился. И, въехав в один из них, прибавил газу, поскольку дорога эта шла относительно прямо до самой мостовой насыпи, не натыкаясь ни на какие препятствия.

Этот мост был меньше Химмашевского, и построили его, наверное, лет на сто раньше. Но несмотря на это, он продолжал держаться на своих опорах, в то время, как его массивный сосед практически вышел из строя. Достигнув насыпи, мы, в общем-то, не удивились, что проехать по этому мосту без проблем у нас сегодня тоже не получится. Но здешняя проблема, в отличие от предыдущей, казалась вполне решаемой.

Тоже мне сложность – обогнуть стоящий поперек западного края моста, автокран! Перегороди он мост посередине, тогда да, все было бы куда сложнее. Но там, где он стоял сейчас, проезжая часть оставалась достаточно широкой, чтобы «гранд чероки» мог проскочить в этот просвет.

Оставив позади бегущих за нами зомби и сшибив рассекателем тех, что встречали нас на насыпи, мы вырулили на мост. Но едва Сингх взялся набирать скорость, как стоящий доселе без движения автокран вдруг тронулся с места и начал поворачивать нам навстречу.

Издали было не разглядеть, сидит ли кто-нибудь у него в кабине. Но теперь стало понятно, что его водитель – не чисторукий, а копатель, посаженный туда, затем чтобы подкарауливать на мосту беглецов вроде нас. Нарочно он оставил нам фальшивую лазейку, или случайно, но в любом случае он не прогадал – мы на это клюнули. И обнаружили подвох, когда домчались уже до середины моста.

– Назад! – скомандовал я Сингху, глядя, как разгоняющаяся многотонная махина нацеливается прямо на нас. – Давай этот, как его… полицейский разворот!

– На разворот нет времени! – откликнулся Равиндер, не сводя взора с автокрана и даже не думая выполнять приказ. – Доверьтесь мне, господин Степан! Я знаю, что делаю!

– Очень на это надеюсь! – ответил я и не стал настаивать на своем. Также я надеялся, что пенджабец еще не передумал отыскать свою сестренку. Потому что если он допустит ошибку, на этом мосту – или, вернее, под мостом, – его путешествие в Москву и завершится. Равно, как и наши с Панкратом странствия. Жаль только по нам, неприкаянным, в отличие от сикха с его огромной семьей, скорбеть в этом мире будет некому.

Пока что Сингх был прав в одном: полицейский разворот нас и впрямь не спас бы. Развернуться Большой Вождь еще успел бы, а

вот заново разогнаться и убежать от автокрана – уже нет. Махина попросту наподдала бы джипу бампером в зад, развернула его поперек дороги и спихнула бы в реку.

Равиндер избрал иную стратегию, но угадать, что у него на уме, я бы все равно не сумел. Свой поединок с копателем-профи раллист в тюрбане начал довольно странно: принял до упора вправо и повел машину так, что она едва не скребла бортом о парапет. Враг отреагировал на это предсказуемо – принял чуть влево и, подкорректировав свой курс, снова взял нас на прицел. И если наши траектории движения не изменятся, через пять секунд он ударит Большого Вождя в левое крыло. После чего мы, проломив ограждение, рухнем вниз с высоты в добрый десяток метров…

Вероятно, сикх рассчитывал на то, что за миг до аварии он еще поддаст газу и проскочит между парапетом и бампером автокрана. Сомнительная тактика! Во-первых, «гранд-чероки» с грузом и тремя людьми на борту сам весил немало, поэтому на такие рывки был неспособен. А, во-вторых, брешь, куда целился Сингх, неумолимо сужалась с каждой секундой. И к моменту, когда надо будет идти на прорыв, она грозила стать чересчур узкой.

Нет, похоже, я перехвалил Равиндера. Он был хорошим воином, но за рулем вел себя чересчур самоуверенно. И почему я не догадался спросить, почему он не смог победить в тех раллийных чемпионатах! Бьюсь об заклад, этот сорвиголова выбывал из турниров, потому что разбивал свои машины на пути к финишу. Что было бы неудивительно, при такой самоубийственной манере вождения!

А паниковал я, между прочим, зря. Пенджабец был рискован, но все же не безрассуден. Ему удалось обвести вокруг пальца не только противника, но и меня. Он учел вес и скорость не только джипа, но и автокрана. И, выгадав момент, исполнил свой задуманный маневр с мастерством голливудского каскадера.

Вместо того, чтобы прорываться в брешь, Равиндер вдруг резко вывернул руль влево и, задействовав ручник, бросил машину в занос прямо в считанных метрах от приближающегося противника. Это позволило Большому Вождю пронестись прямо перед автокраном, и, увернувшись вбок, не врезаться в противоположное ограждение моста. Что неминуемо случилось бы, не прибегни водитель к управляемому заносу.

По сути, это и был тот самый «полицейский разворот», только неполный. Да и безупречным финт Равиндера назвать было нельзя. На выходе из заноса «гранд чероки» стукнулся задним бампером о парапет, и на соревнованиях по дрифту за такое

начислили бы штрафные баллы. Но в этом турнире никто никого не штрафовал – наша игра шла на исключительно на выбывание. И то, что в финале из нее выбыли не мы, делало нас безоговорочными победителями.

Похоже, раньше этот копатель тоже был опытным водителем. Упустив цель, он все же попытался избежать падения в реку. Вывернув руль, дабы увести автокран от края моста, профи удалось бы спасти его и себя, кабы его задние колеса тоже не сорвались в занос. Огромный автомобиль шутя снес парапет, а затем его тяжелая «корма» свесилась с моста и потянула за собой всю многоколесную махину.

От удара, с каким она грохнулась в реку, мост содрогнулся, но все же устоял. А Сингх поспешно развернул джип до того, как его атаковали бегущие к нам с правого и левого берега зомби, и лег на прежний курс.

Теперь, когда главная преграда на нашем пути – река – осталась позади, перед нами помимо копателей встал еще один актуальный вопрос: как попасть в МГУ, не нарвавшись на пули его защитников.

Простейшее решение не сработало. Еще на подъезде к Саранску я просканировал частоты приемника и убедился, что университетская радиостанция молчит, и выйти с нею на связь у меня не выйдет. Оно и понятно – все немногие подходящие к городу линии электропередач были оборваны зэд-волной. И теперь, экономя горючее в бензогенераторах, саранцы выходили в радиоэфир эпизодически, согласно некоему графику, который я не знал.

Пришлось прибегнуть к альтернативному способу заявить о себе местным чисторуким. Способу проверенному, но не дающему полноценной гарантии безопасности. Осажденные, теряющие укрепрайоны саранцы могли уже не соблюдать дипломатические нормы, и вряд ли кто-то их за это осудил бы.

Узнать, насколько сильно расшатаны у них нервы, можно было лишь подъехав к стенам МГУ на расстояние выстрела. Эксперимент, чреватый дурными последствиями, но иначе никак.

– Поднимай флаг! – велел я Ананасу. И, проследив, как напарник потянулся к нужному чехлу, добавил вполголоса: – Что ж, проверим, дорого ли стоит сегодня здесь эта тряпка…

Глава 11

Вывешивать флаг заранее являлось непрактично. Во время наших покатушек его наверняка сорвали бы прыгающие на машину зомби, а запасного у меня не было. Поднимать же вместо него белый флаг означало вызвать у саранцев ненужные подозрения. По белому флагу издали не определишь, кто хочет привлечь твое внимание: просящие убежища, собратья-чисторукие или же коварный враг, желающий заставить горожан обманом разблокировать въезд в укрепрайон. Мой флаг тоже не гарантировал им, что он поднят над машиной мною, а не кем-то другим. Но те, кто знал меня в МГУ, не допустят, чтобы по нам открыли огонь до того, как выяснится, я или не я пожаловал к ним в гости.

Изображенная на желтом фоне, ковбойская шляпа, а под ней – два перекрещенных длинноствольных револьвера… Флаг этот я подобрал в одном из разгромленных магазинов какой-то байкерской атрибутики еще на заре своей наемничьей карьеры. И с тех пор вывешивал его на своей машине при подъезде к населенным пунктам, с которыми нельзя было установить связь по водительской рации. Так делали почти все наемники, кому приходилось разъезжать по миру. Конечно, зачастую наши вымпелы ни о чем не говорили хозяевам тех поселений, куда мы наведывались. Но самые предусмотрительные из них зарисовывали на бумагу флаги, которыми мы перед ними размахивали, и приказывали охране держать этот перечень среди прочих служебных инструкций.

В Саранске мой вымпел знали. По крайней мере, в МГУ – точно. И когда мы подкатили к университетскому кварталу и стали кружить вокруг него по улицам, продолжая отбиваться от зомби, это был прозрачный намек на то, что мы желаем попасть внутрь. И то, что нас надо впустить на территорию укрепрайона как можно скорее. Волей-неволей мы притащили сюда на хвосте целую орду копателей. Которые, достигнув Университета, осложнят наш въезд внутрь, ведь никто не откроет нам ворота, если возле них окажется вдобавок несколько сотен зомби.

– Они подают нам знак, Иваныч! – оповестил меня продолжающий высовываться из люка Панкрат. – Подняли плакат! На нем написано… написано… Да не трясите вы своей бумажкой, сукины дети!.. Ага, вижу: «Восток»! Смекаешь, что это значит?

– Разворачивайся и двигай назад! – велел я Равиндеру. Мы только что взялись объезжать квартал по третьему разу, выехав на

улицу, служившую северной границей укрепрайона. Дозорный со стены сигнализировал, что для нас откроют восточные ворота – те, возле которых в данный момент было спокойнее всего. Поэтому, чтобы добраться дотуда кратчайшим путем, нам было проще вернуться, нежели описывать еще один круг.

Мы проезжали по восточной улице всего пару минут назад, и Панкрат проредил тамошних зомби из пулемета, так что у восточных ворот и впрямь царило затишье. По меркам города, накрытого зэд-волной, разумеется. Сами ворота – сдвигаемый трактором, железный заслон восьмиметровой высоты, – приоткрылись ровно настолько, чтобы Большой Вождь проехал через них, не ободрав себе бока. И закрылись за нами с такой поспешностью, что едва не оторвали джипу бампер.

За воротами Сингху пришлось сразу же затормозить, потому что перед нами возвышались еще одни – внутренние. Их хозяева открывать пока не торопились и правильно делали. Загнав нас в железную коробку, охранники тут же рассредоточились сверху на специальных площадках. Оттуда они могли по первой же команде открыть по нам огонь из всех стволов. После чего меня, Ананаса и Равиндера придется выскребать из изрешеченного джипа лопатами, ведь ни одно человеческое тело не способно принять в себя столько пуль и не обратиться при этом в фарш.

– Прямо как в тюрьме, дери их за ноги! – злобно прорычал Ананас, прошедший за свою жизнь через десятки подобных карантинных шлюзов. – Слышь, Иваныч, а ты уверен, что мы не ошиблись адресом? Что-то не нравятся мне эти «студенты». Какие-то они слишком недоверчивые. Мы им и ксиву правильную показали, и сорняки вокруг их забора пропололи, и в дверь нужную въехали, а они все ерепенятся.

Ответить я не успел, потому что в этот момент «недовпустившие» нас к себе саранцы обратились к нам с приветственной речью. Настолько вежливой, насколько мы – незваные гости, – того заслуживали:

– Выходи из машины, Квадро, если, конечно, шляпа, которую я отсюда вижу, надета на твою голову, а не на чью-то еще! И все остальные, кто с тобой приехал, тоже пусть выходят и держат руки на виду. Учтите: это первое и последнее предупреждение! Других не будет!

– Мы поняли тебя, Ректор! – отозвался я, узнав говорившего с нами человека по голосу. – Не волнуйся насчет нас! Мы знаем местные правила и не собираемся их нарушать!

– Я не волнуюсь! С чего ты это взял? – возразил глава укрепрайона, он же – командир местных сил правопорядка и главный судья. – Когда я действительно волнуюсь, таких, как ты,

подбивают из РПГ еще на подъезде! Но раз уж вы тут, считайте, что вам оказали невиданное по нынешним временам уважение! И мы ждем от вас в ответ того же самого!

Пока он растолковывал мне, в чем я неправ, мы без резких движений покинули машину и встали рядом с нею, задрав головы и глядя на целившихся в нас хозяев.

– Двадцать четыре рыла! – подивился Ананас, не поленившись сосчитать участников комитета по нашей встрече. – Искушают они тебя, что ли, Иваныч? Как там, бишь, назывался твой коронный цирковой номер? «Двадцать четыре выстрела за пять секунд и ни одной пули мимо»? Хе-хе! Нет желания тряхнуть стариной и показать этим грубиянам, что негоже тыкать с порога автоматами в солидных, уважаемых людей?

– Не за пять, а за шесть секунд, – поправил я напарника, тоже чувствуя себя сейчас не в своей тарелке. – И хоть мне нравится твое предложение, однако, извини – я пас. Сам же слышал: мы пообещали чтить местные законы. А среди них, насколько я в курсе, нет закона, разрешающего гостям критиковать здешнее гостеприимство, вышибая хозяевам мозги из револьвера…

– Матерь божья! Вы только гляньте, что за балаган к нам пожаловал! – воскликнул Ректор, оглядев нас со своей «колокольни». И он был прав: вместе с сикхом наша и без того пестрая компания стала еще экстравагантнее. – Неужто ты, Квадро, взялся за старое и снова организовал гастроли своего шапито, собрав в округе всех бродячих цирковых артистов? Кто эти парни и чем они знамениты? Вон тот, в чалме, надо полагать, индийский факир. А этот громила… хм… дай-ка угадаю… Укротитель носорогов?

Шутка про цирк вышла довольно злая, поскольку Ректор знал, кем я был в прошлом, и чем закончились мои последние гастроли. Хотя вряд ли он хотел задеть меня нарочно. Я тоже хорошо знал Ректора – бывшего университетского завхоза дядю Гошу Сухишвили, чья карьера за последние годы взлетела так круто, как до него в саранском МГУ не взлетал еще ни один сотрудник. И в трезвом виде дядя Гоша был невоздержан на язык, а в пьяном так и вовсе мог бы наживать себе целые армии врагов. Мог бы, да вот не наживал, поскольку являлся закоренелым трезвенником, открывшим в себе на старости лет лидерские качества. Такие, которые не оспаривали даже те профессора и доценты, что еще остались в Университете. И все они сегодня беспрекословно подчинялись своему бывшему завхозу.

– Ты бы, папаша, трепался поаккуратнее о незнакомых людях в их присутствии, – порекомендовал Ректору Ананас. После столь горячей поездочки ему хотелось закурить, но он был вынужден

держать руки на виду, что не улучшало ему настроение. – Я, конечно, понимаю, что ты весь на нервах, потому что у вас за забором черт-те что творится. Но раз уж ты в этом келдыме бугор, то веди себя как настоящий бугор, а не как шут гороховый.

К чести Ректора сказать, что, будучи невоздержанным на язык, сам он никогда не обижался на тех, кто огрызался в ответ на его подначки. Вот и сейчас, глянув на Панкрата свысока, он лишь хмыкнул, поцокал языком и, обратившись ко мне, посетовал:

– А твой прежний громила, Квадро, был повежливее нынешнего. Что стало с тем крутым парнем в тельняшке, если ты поменял его на грубияна с тюремными замашками?

– То же самое, что стало с настоящим ректором твоего МГУ и многими другими твоими знакомыми по университету, – уклончиво, но вполне доходчиво объяснил я.

– Досадно, – покачал головой дядя Гоша, выказав мне все сочувствие, на которое был способен. – А с другой стороны, хорошо, что я не смог переманить того десантника к нам на службу. Представляю, сколько он натворил бы здесь бед и перебил народу, когда лишился разума.

Я не знал, что хитрец Сухишвили обращался к Урагану у меня за спиной с таким предложением. Сашка мне об этом тоже ничего не рассказывал. Интересно, почему? Неужто он всерьез думал выйти из нашего бизнеса и перебраться с семьей в Саранск? Хотя как знать, возможно, здесь ему и впрямь жилось бы вольготнее… Впрочем, к чему ворошить прошлое, а тем более сейчас, в не самое подходящее для этого время.

– Может, хватит держать нас в карантине, словно заразных животных, Ректор? – Я решил намекнуть хозяевам, что мой лимит терпения тоже не бесконечен. – Ты узнал мой флаг, узнал мою шляпу и узнал меня. Что еще я должен сделать, чтобы твои ребята наконец убрали оружие и дали нам войти?

– Поручиться за своих людей, что они не натворят здесь глупостей, – ответил Сухишвили. – Особенно за того, который со смешной прической… Кстати, громила, тебе говорили, что она уродливая и что с нею твоя голова похожа на ананас? Мой тебе совет: как только мы тебя впустим, так сразу же иди и подстригись. После того, как брадобрей на Луховке перерезал бритвой глотку своему последнему клиенту и ушел рыть Котлован, наш цирюльник считается лучшим во всем Саранске.

Из горла Панкрата вырвался зловещий рокочущий звук, но он оставил замечание о своих волосах без комментариев. Я ждал, что Равиндер тоже получит от Ректора свою порцию критики (критику насчет моего внешнего вида я выслушал от него давно, а

повторяться он, к счастью, не любил), но этого не случилось. Высказавшись, дядя Гоша стоял и молча ждал, когда я выполню его последнее требование. Не став заставлять его ждать, я повторил то, о чем уже говорил в этих стенах: никто из нас не нарушит здешние правила. Только теперь мне пришлось добавить к своим словам «обещаю».

– Цель вашего визита? – перейдя на деловой тон, осведомился Ректор, удовлетворившись моим ответом.

– Как обычно: взаимовыгодный обмен, мелкий ремонт автомобиля и отдых, – ответил я. – Хотя, вижу, последний пункт придется вычеркнуть. Ты же, небось, сегодня не только трактирщиков и посудомойщиков, но и всех девочек из «Лилии Инсара» вооружил и на стены повыгонял.

– Есть такое дело, – кивнул Сухишвили и добавил в утешение: – Но ты не расстраивайся. Для тебя, старого друга, я, так и быть, разоружу и эвакуирую в тыл двух-трех мамзелей. Все равно стреляют они дерьмово, только патроны зазря переводят. А так с них хоть какая-никакая, а польза.

– Что ж, буду тебе за это крайне признателен! – приподняв шляпу, поблагодарил я главу МГУ, который, несмотря на свои недостатки, был в целом неплохим человеком. После чего спохватился и указал на Равиндера. – Да, чуть не забыл! Мой друг-сикх очень хочет увидеться с Ходоком и задать ему несколько вопросов. Насчет тех краев, куда он регулярно наведывается. Если, конечно, Ходок сейчас здесь, а не отправился на очередную прогулку.

– С Ходоком? – переспросил Ректор. Я расслышал в его голосе удивление, хотя в моем вопросе, кажется, не было ничего необычного. – С Ходоком, говоришь? Надо же, какое совпадение, Квадро! А ведь я тоже хотел бы потолковать с тобой о Рустаме Ходоке, раз уж ты почтил нас своим визитом.

– Со мной – о Ходоке? – в свою очередь удивился я. – Боюсь, я тебя не понимаю. Я не видел Рустама с тех самых пор, как заезжал к вам в последний раз. А было это еще в начале весны… Что с ним случилось? Неужели он тоже услышал Зов?

– Нет, не услышал. Но кое-что с тех пор изменилось, это верно. И не в лучшую сторону, – ответил дядя Гоша. – Впрочем, тут такое дело, что в двух словах не расскажешь. Найди меня после того, как распакуешь манатки, Квадро. Угощу тебя выпивкой, и заодно потолкуем с глазу на глаз… – И, махнув рукой привратнику, прокричал: – Валерка!.. Валерка, хрен моржовый, заснул что ли! Проверка окончена, откупоривай тамбур! Пусть проезжают!..

– …Дело такое, что в двух словах не расскажешь, – повторил

Ректор, когда спустя час мы с ним расположились в креслах возле камина в студенческой гостиной одного из университетских корпусов. Как я уже отметил, сам дядя Гоша не пил. Но для меня он щедрым жестом откупорил бутылку виски из тех своих запасов, которые держал специально для угощения почетных гостей. Панкрат и Равиндер в нашей беседе не участвовали. Первый сразу же рванул изучать достопримечательности нынешнего МГУ – в смысле, злачные места. А второму я написал список местных барыг, и сикх отправился проверять, что осталось на сегодняшний день в их закромах. А осталось там явно немного. Осадное положение не способствовало регулярному подвозу в Саранск товара и плодотворной торговле.

– …Да и в двухстах словах про такое вряд ли расскажешь, – продолжал Сухишвили. – Но если вкратце, то знай: скурвился наш Ходок. Продался с потрохами врагам и чуть было не открыл для них однажды ночью ворота Университета. Можешь себе представить! Скажу больше: есть мнение, что ко всему творящемуся в Саранске Ходок тоже приложил руку, и что это он навел на нас зэд-волну…

– Постой-постой, – перебил я хозяина. – Каких еще врагов? Насколько я помню, раньше единственными вашими врагами, не считая копателей, были бандиты. Но Рустам не продался бы им, даже приставь они ему нож к горлу! Да и чем бы они купили человека, у которого и так есть в жизни все, что нужно?… Бессмыслица какая-то! Или вы с большого перепоя объявили войну соседям, и теперь они мечтают изжить вас со свету?

– С соседями мы как поссорились бы, так бы через день и помирились, – отмахнулся Ректор. – Тут все куда сложнее. Случился у нас пару месяцев назад один инцидент. Поехали, значит, мои архаровцы сопровождать одного барыгу, которому надо было срочно в Ромоданово попасть, а в тамошнем краю тогда неспокойно было. Ну и столкнулись по пути с «черной колонной». Уж не знаю, почему они на той широкой дороге не смогли разъехаться, но БТР «черных» задел нашу машину. А та слетела на полной скорости в кювет, да вдобавок врезалась в дерево. В итоге – три трупа: Бобрик, Цапа и Красная Кепка. Кистень с Брауном на грузовике барыги ехали, и у них от такого наезда тут же крышу сорвало. Вскинули они автоматы и выпустили вслед «черным» по целому магазину. За то, что они, сучары, угробили почем зря троих наших и даже не притормозили.

– Зато на выстрелы они, надо понимать, сразу отреагировали, – догадался я.

– Верно толкуешь, ковбой, – закивал дядя Гоша, услужливо

подливая в мой стакан выпивку. – Как только их проклятая колонна схлопотала в задницу два десятка пуль, она тут же развернулась и ударила по Кистеню и Брауну из всех стволов. Благо, там какие-то развалины были, за которыми они с барыгой и укрылись. А потом на всех парах до Ромоданово домчались, куда «черные» уже не сунулись. Но в отместку они наш разбитый автомобиль из огнемета спалили. Да так, что от трех мертвецов в нем лишь горстка пепла осталась.

– И на этом «черная колонна» не успокоилась, а решила объявить вам войну. И первое, что она сделала – это подкупила вашего Рустама Ходока! Именно его, а не кого-то другого, гораздо менее неподкупного… Интересный поворот. – Я хмыкнул и глотнул виски.

– …Если только Ходок к тому времени уже не был подкуплен и не шпионил на «черных», – внес уточнение Ректор.

– И насколько может быть правдива такая версия?

– Мой зам по безопасности Миклуха – бывший фээсбэшник, и он в таких вопросах редко ошибается. Так вот, Миклуха собрал все известные нам факты и теперь уверен, что «черные» ловят в Москве разведчиков вроде Ходока и вербуют из них агентов. Возможно, не всех, но многих.

– И в чем кроется смысл этой вербовки?

– А ты пошевели мозгами, Квадро, – посоветовал дядя Гоша. – Кто вообще они такие – люди, ездящие в «черных колоннах», – и что им у нас надо? На обычных ученых они непохожи – видел, какое вооружение и экипировка у их боевиков? А какая серьезная у них техника? Но если эта организация желает со временем захватить власть над миром – чему лично я вовсе не удивлюсь, – тогда все встает на свои места. И своя агентурная сеть среди нас, обычных чисторуких, им не помешает. Что Ходок и доказал на собственном примере. Если бы не Миклуха, который в ту ночь был дежурным по периметру, неизвестно, что бы ты сегодня обнаружил в МГУ, когда сюда приехал. Миклуха по рации перекличку постов каждые четверть часа проводит. И сразу тревогу поднял, когда западный пост вдруг не отозвался. Прибежал он туда с тревожной группой и глазам своим не верит: этот сучий потрох Рустам уже всех привратников уложил, внутренние ворота тамбура поднял и вот-вот внешние откроет. Вернее, уже открыл бы, кабы трактор, который их сдвигает, был исправен и заводился с полпинка. Но у того стартер давно барахлил, и Ходок не сумел его сразу запустить. А когда понял, что не успеет это сделать, поскольку его сейчас схватят, то испугался, взбежал на стену, перемахнул через нее наружу и был таков. Сам знаешь, Рустам – матерый верхолаз. Для него такие

выкрутасы проделать все равно что нам с тобой в носу поковыряться.

– А почему вы решили, что он открывал ворота именно для «черной колонны»?

– Потому что едва он удрал, как эта «колонна» прямо под нашими стенами пронеслась. Пятнадцать черных машин с выключенными фарами – Миклуха сам их посчитал. Стрелять по ним мы, разумеется не стали – все-таки, «черные» не проявили к нам агрессии, а всего лишь проехали мимо. Но так или иначе, а надо быть наивным простаком, чтобы счесть это обычным совпадением, верно?

– Да уж, на совпадение и впрямь непохоже, – согласился я. – А что с привратниками? Они живы?

– К счастью, да, – подтвердил Ректор. – Ходок вырубил их электрошокером. Хотя мог с тем же успехом и прирезать – для него это раз плюнуть. Но один из тех парней раньше был его другом, что, видимо, их и спасло. Ну а Рустама спасло то, что Миклуха был так ошарашен его выходкой, что не сразу поверил в увиденное. И не успел отдать приказ стрелять на поражение, когда имел возможность прикончить ублюдка.

– Проклятье! Не знал бы, с кем сейчас говорю, отродясь бы в такое не поверил! – высказал я свою лаконичную оценку всему, что только что услышал. – Однако ты сказал, что вы еще и подозреваете Ходока в том, что он навел на вас зэд-волну. А какая, позволь спросить, здесь вообще может быть связь?

– Ходок до сих пор ошивается в окрестностях Саранска, – признался дядя Гоша и оглянулся на дверь, будто опасаясь, что нас подслушивают. – Зачем, скажи на милость, ему оставаться там, где все знают, что он – предатель? И где любой встречный может без разговоров всадить в него пулю?

– И зачем же, по-твоему?

– Он по-прежнему служит «черной колонне». А она с его помощью продолжает мстить нам за ту стычку на дороге. Возможно, нынешние хозяева Рустама оснастили его оборудованием, которое может приманивать в одно место тысячи копателей. Откуда вообще берутся эти волны? Год назад мы о них слыхом не слыхивали. А сегодня куда ни сунься – либо ты едешь впереди зэд-волны, либо едешь по тем землям, где она недавно прошла.

– Африка, Ближний Восток, Средняя Азия, Юго-Восточная Азия, Китай, Индия… – Я лишь пожал плечами, поскольку, в отличие от хозяина, ничего странного в природе зэд-волн не видел. – Ты посмотри, в кого мы сегодня стреляем – по старым понятиям это же расовый геноцид чистой воды! Я давно не

всматриваюсь в лица зомби, но не могу не заметить, что белые среди них стали редкостью, а смуглые, черные и узкоглазые – нормой. А в тех краях, в отличие от наших, рождаемость отнюдь не падает – сплошное перенаселение со всеми вытекающими из него последствиями. Где живет больше народу, оттуда и придет больше копателей. А чем больше их сбивается в стаю, тем выше шанс, что когда такие стаи собьются вместе, они достигнут некой критической массы, которая будет жить уже по своим законам. Чем сильнее ветер, тем выше волны – это же элементарно.

– Пусть так, – не стал спорить Ректор. – Но штормовые волны на море может вызывать не только ветер, но и человек. И если мы видим, что «черные» – люди далеко не бедные и оснащены по последнему слову техники, то почему бы не предположить, что у них есть научное оборудование, о котором я упомянул? А также полевые операторы, которые то оборудование эксплуатируют. Чья работа связана с большим риском, ведь им приходится фактически вызывать огонь на себя. Поэтому ее и поручают тем, кого не жалко – внештатным агентам вроде Ходока. И если ты возьмешься решить для нас эту проблему, сам знаешь, мы в долгу не останемся.

– Проблема эта, конечно, решаема. Да только не все здесь так просто, как тебе кажется. – Я поморщился, но вовсе не от виски, очередной глоток которого перед этим сделал. – Я знал Рустама также хорошо, как тебя. А, может быть, даже лучше. И если бы ты отправил меня за его головой без объяснения причин, я отказался бы от твоего предложения наотрез. Но то, о чем ты рассказал, меня тоже сильно огорчает. Вдобавок ты дал мне ценное предупреждение – теперь, столкнувшись с Ходоком, я буду знать, кто он такой, и не повернусь к нему спиной. Поэтому давай договоримся так: я воздержусь принимать чью-либо сторону в вашем конфликте. Выясняйте между собой отношения без моего участия. Но если при следующей встрече с Рустамом он обнажит против меня оружие или попытается устроить мне гадость, то я исправлю ошибку Миклухи. И привезу вам либо живого Ходока, либо его тело. Заметано?

– Справедливые слова, – кивнул Сухишвили. – Но я предложу тебе вариант получше. Зачем ждать, когда ваши пути-дорожки пересекутся? А вдруг это случится неожиданно, и он выстрелит тебе в спину прежде, чем ты поймешь, от кого схлопотал пулю? Поэтому я готов бесплатно залить тебе столько бензина, сколько ты в состоянии увезти, но с одним условием. Ты дашь мне обещание, что, покинув Саранск, первым делом отыщешь Ходока и выяснишь, как он сегодня к тебе относится.

– И это все? – удивился я. – Да неужели?

– Это – все, – подтвердил дядя Гоша. – Я не требую, чтобы ты его убивал или ловил живьем. Я даже не требую, чтобы ты возвращался ко мне и докладывал о результате вашей беседы. Просто встреться с Рустамом и попытайся с ним поговорить. Ну а дальше смотри по обстоятельствам.

– А не слишком ли щедрое вознаграждение ты предлагаешь за простой разговор? – продолжал я недоумевать. – Кто бы спорил, что ты скрестишь пальцы на удачу и будешь молиться, чтобы я и Ходок перешли к обмену свинцовыми любезностями. Вот только я почему-то уверен, что этому не бывать. Он не убил своих приятелей здесь, так с какой стати ему убивать меня? Конечно, друзьями нам больше не быть. Но и враждовать тоже не имеет смысла. Наши интересы и раньше не пересекались, а теперь и подавно, ведь я не стреляю по «черным колоннам». Как встретимся с Рустамом, так и разойдемся. А ты в итоге потеряешь две бочки горючего, которое у тебя нынче и без того на вес золота.

– Куда и на что его тратить – это моя забота. – Ректора явно не убедили мои аргументы. – Твоя же – сделать так, как я прошу. И тогда можешь считать, что ты сполна отработал свой аванс.

– Ладно, договорились. Только не жалуйся потом всем подряд, что злодей Квадро содрал с тебя три шкуры за пустяковое поручение. – Не в моих правилах было отказываться от легкой и выгодной подработки, которую мне предлагал знакомый, проверенный клиент. И хоть на сей раз он нанимал меня, действуя как заправский иезуит, я знал истинную цель, которую он преследовал. Сухишвили рассчитывал на то, что, увидев меня, Ходок решит, будто я послан за его головой, и откроет по мне огонь. После чего я начну стрелять в ответ, потому что не сумею убедить предателя в том, что приехал всего-навсего потолковать с ним по душам. Дядя Гоша не сомневался в таком исходе, и был готов поставить на кон две бочки бензина. Мне предстояло доказать ему обратное, хотя свою ставку он терял при любом исходе. Нетипичная работенка, что ни говори – пытаться действовать вопреки желанию заказчика. Ну так ведь он сам предложил мне такие условия. Поэтому никакого произвола – все согласно нашему договору, в котором я не изменил ни единой буковки.

– Ты говоришь, что Рустама видели в окрестностях Саранска, – напомнил я. – И раз ты платишь мне за визит к нему, значит, у тебя есть идеи, где он прячется, я прав? Скажи, где, потому что иначе я истрачу на его розыски все выданное тобой горючее, и эта затея потеряет для меня всякий смысл.

– Ходока несколько раз видели на западной окраине города, в

районе поселка Звездный, – ответил Сухишвили. – Я почти наверняка уверен, что он отсиживается в тамошней психиатрической больнице, у мормонов.

– У кого, прошу прощения?

– Мормоны. Сектанты. Год назад около полусотни этих чудиков обосновались в здании психбольницы. В ее палатах они содержат теперь своих превратившихся в копателей родственников. В том числе и жену Рустама.

– Не знал, что она – мормонка.

– Вовсе нет. Ее приютили там в качестве оплаты за услуги, которые Ходок оказывал мормонам, служа посредником между ними и нашими торговцами. А, впрочем, не удивлюсь, если он и в самом деле принял мормонство. Мало ли, что может взбрести сегодня ему в голову.

– Если вы так уверены, где прячется Рустам, то почему сами не отрядили в Звездный охотников? Твоему Миклухе что, трудно поймать человека, местонахождение которого ему известно?

– Предлагаешь нам поссориться с мормонами, когда у нас и без того проблем хватает? – горько усмехнулся Ректор. – Нет уж, извини! Для такой работы требуется наемник со стороны. Вроде тебя. Такой специалист, который выманит Ходока из убежища без лишнего шума. И сможет идти по его следу, если он опять задаст деру.

– Если Ходок задаст деру, я за ним не погонюсь, – снова был вынужден напомнить я. – И если он наотрез откажется со мной разговаривать, я не стану умолять его о встрече или угрожать ему. Это будет сугубо дипломатическая миссия без погонь, стрельбы и насилия. Так, как мы с тобой и договорились.

– Да-да-да, полностью с тобой солидарен, – закивал дядя Гоша. – Самая настоящая дипломатическая миссия – так мы ее и назовем. И, конечно, мне не надо напоминать дипломату вроде тебя, что идти на переговоры с предателем лучше все-таки с заряженными «миротворцами» в кобурах, нежели с букетом цветов в руках… Кстати, ты так и не рассказал, что это за «капитан Немо» крутит сегодня баранку твоего автомобиля. Где вы нашли этого колоритного сипая в чалме?

– Ты не поверишь: в печке! – ответил я и предупредил: – Но если ты хочешь попробовать переманить его к себе, как Сашку Урагана, то мой тебе совет: не трать понапрасну время. То, что этот парень сегодня катается с нами, вовсе ни о чем не говорит. Он идет своей дорогой, и Саранск – уж точно не конечный ее пункт…

Глава 12

Прорваться от МГУ к западной окраине Саранска оказалось намного проще, чем добраться до университета со стороны востока. Перед тем, как на следующее утро мы покинули обитель дяди Гоши и отправились в Звездный, хозяева провели сеанс радиосвязи с соседями. И разузнали, кому из них сегодня дышится легче всего.

Как оказалось, наименьшая активность копателей наблюдалась на севере левобережья. Там их разгуливало столько, что для проезда по улицам нам даже не потребовался пулемет – хватило и тарана-рассекателя. Благодаря Равиндеру мы проскочили опасные кварталы на полной скорости. И вскоре очутились на загородном шоссе, по которому могли бы отправиться прямиком в Москву. Туда, куда лично меня и Ананаса, в отличие от Сингха, совершенно не тянуло.

Панкрат воспринял поручение Ректора с большим энтузиазмом – не то, что я. Напарник не знал Рустама, зато познакомился вчера с его бывшими друзьями. Поэтому возмутился его предательством так, как оно того заслуживало – искренне и безо всяких сомнений. Не стой между Панкратом и Ходоком я, уверен, он отправиться бы искать беглеца в одиночку. Рустам, конечно, тоже был парень не промах, знал, что за его голову назначат награду, и не дал бы так просто себя изловить. Так что им обоим пришлось бы побегать в этой охоте как угорелым.

Равиндер был вовсе не обязан ехать в Звездное. Но в Саранске на него глядели хоть и без злобы, но и без особого дружелюбия, и Сингх предпочел вырваться из города вместе с нами – людьми, в компании которых он не чувствовал себя белой вороной. Приобретя себе в МГУ кое-какие новые вещи, он сложил их в небольшой рюкзачок, а вот с продуктами ему не подфартило. Согласно указу Ректора, на торговлю ими был наложен мораторий до тех пор, пока укрепрайон находился в осаде. Накормить заезжих гостей скромным ужином здешним трактирщикам еще разрешалось, но не более того. Запрет на вывоз провизии не допускал исключений и касался даже меня, а сикха и подавно. Благо, наши с Панкратом запасы еды еще не истощились, и мы могли позволить себе взять попутчика. А особенно такого, который умел управлять Большим Вождем, был крайне неприхотлив и мог за себя постоять.

Несмотря на все то, что я сказал намедни дяде Гоше, к предстоящей встрече с Ходоком я подготовился как к боевой

операции. Еще вчера я попросил Миклуху нарисовать мне план местности вокруг психиатрической больницы. А сегодня, взобравшись на вышку мобильной связи неподалеку от Звездного, я проверил, насколько этот план соответствует действительности. Взобрался я, естественно, не на самую вершину, поскольку с детства боюсь высоты. Но и оттуда, куда мне хватило смелости вскарабкаться, я смог окинуть взором окрестности и сделал необходимые выводы.

Они были просты. Ходок любит свою обезумевшую жену и сделает все возможное, чтобы не подставить под удар ее нынешних покровителей. А мог он в такой ситуации сделать лишь одно – удариться в бега и постараться увести своих врагов за собой подальше от Звездного.

Взяв с Ананаса обещание, что он не причинит Рустаму вреда без уважительной причины, и заручившись поддержкой Равиндера, я высадил их в условленном месте на подступах к больнице. А сам повел джип к ее главному входу, и не думая при этом ни от кого таиться.

Бетонная стена, что когда-то ее окружала, ныне была почти целиком разрушена. А у мормонов явно не хватало сил и средств, чтобы восстановить и контролировать столь протяженный периметр. Поэтому они предпочли более простую стратегию защиты – превратили в крепости сами больничные корпуса. Все здания соединялись между собой через крыши подвесными мостами, а окна нижних этажей были заложены кирпичами и заделаны железными листами. Недостатка в оружии мормоны, видимо, также не испытывали. Взять их цитадель штурмом можно было лишь при поддержке крупнокалиберного вооружения и бронетехники. Но поскольку единственными врагами, с кем воевали божьи люди, были копатели, то с этой точки зрения их оборона выглядела достаточно надежной.

Досюда зэд-волна уже не докатилась, поэтому вокруг заброшенного поселка царило относительное затишье. Из города доносилось непрерывное эхо автоматных и пулеметных очередей, но на улицах Звездного валялись лишь редкие трупы копателей, в большинстве своем разложившиеся. По всей видимости, их убили те мормоны, что порой выбирались из крепости. Да, они жалели своих обуянных Зовом родных и близких, держа тех в карантине, но прочих зомби уничтожали безо всякой жалости.

Я знал, что хозяева не откроют по мне огонь. Живя вдали от городских укрепрайонов, они не могли в случае чего рассчитывать на помощь извне. И потому, очень боясь нажить себе врагов, не стреляли из окон во все, что движется. Я же приближался к ним не на танке, а на обычной машине,

неторопливо и не таясь, чем всячески подчеркивал свои миролюбивые намерения. Флаг, правда, вывешивать не стал. Это было лишним, ведь его все равно здесь никогда не видели.

Остановившись у крыльца главного корпуса, я опять-таки подчеркнуто неспешно вышел из машины, поправил на голове шляпу и осмотрелся. Затем поднялся по ступенькам и постучал в бронированные двери. Наверняка весть о моем прибытии уже разнеслась по корпусам, и, не исключено, дошла до Ходока. Разумеется, при условии, что он отсиживался сейчас за больничными стенами, а не шастал по окраине Саранска с одному ему известными целями.

На мой стук ответили не сразу. Нелюдимые хозяева долго присматривались ко мне, испытывая предел моего терпения. Или надеялись, что я начну объяснять им, зачем пожаловал, прямо отсюда, не дожидаясь, когда они снизойдут до общения. Но я, сохраняя невозмутимость, постучал еще раз, а затем еще. И лишь тогда на двери отворилось зарешеченное оконце, в котором нарисовалась хмурая бородатая физиономия. Она чем-то походила на лицо нашего сикха, только тот был гораздо смуглее и имел здоровый, а не опухший вид.

– Мир тебе, странник, – буркнул привратник. Несмотря на свою сердитость, говорил он тем не менее спокойно и вежливо. – Что за нужда привела тебя в нашу скромную обитель?

– И вам добрый день, божьи люди, – столь же вежливо кивнул я, приподняв шляпу. – Извините за беспокойство. Я разыскиваю одного человека, чью жену, а также его самого вы у себя приютили. Его зовут Рустам, но все называют его Ходоком. Не позволите ли вы мне войти и посоветоваться с ним по одному крайне важному делу? Уверен, он мне не откажет. Передайте Ходоку, что с ним хочет увидеться Квадро. И обязательно не забудьте добавить: я знаю о его проблемах, но клянусь, что пришел сюда совершенно по другому вопросу. Прямо так и скажите: Квадро дал клятву, что не причинит Рустаму вреда. Что бы там у него ни случилось, мое слово должно для него еще что-то значить.

Привратник покосился на мои револьверы, потом оглянулся назад и отошел от окошка. А его место занял бородач постарше, который, судя по всему, занимал в общине более высокое положение.

– Человек, которого ты называешь Ходоком, не будет с тобой встречаться, – заявил мормон тоном, не терпящим возражений. – Ни с тобой, ни с кем бы то ни было еще. Такова была его воля, и мы не намерены действовать ей вопреки. Извини нас, Квадро, но это все, что мы можем тебе сказать. Ступай с богом, и да поможет

он тебе найти ответы на все вопросы, которые не дают тебе покоя. Прощай!

И он отстранился от окошка, собираясь захлопнуть его прямо у меня перед носом.

Терпеть не могу сектантов и прочих религиозных фанатиков! Но есть у них одна положительная черта, которая мне импонирует. Все они рьяно чтят заповеди своих богов и пророков, а те крайне нетерпимо относятся к лжецам. Тот же Ректор в аналогичной ситуации соврал бы не задумываясь, заявив, что человек, которого я ищу, в его укрепрайоне отсутствует, и когда вернется, неизвестно. После чего мне осталось бы лишь развести руками и убраться восвояси, поскольку опровергнуть эту ложь я все равно не смог бы. Но мормоны были не такие. Их грозный бог взирал на них с небес денно и нощно, поэтому они сказали мне сущую правду: Ходок действительно прятался сейчас в психбольнице и попросил ее хозяев никого к себе не впускать. Вот только если они думали, что эти условия неизменны, то я считал иначе. И был готов доказать это, не сходя с места.

– Одну минуту, божий человек! – попросил я, подняв вверх указательный палец. Отказ хозяев меня не смутил. Пока не произошло ничего такого, к чему бы я не был готов. – Удели мне всего одну минуту своего драгоценного времени, и ты увидишь, что потратил ее не напрасно.

– Ты говоришь как те заезжие торговцы, что хотят продать нам втридорога какое-нибудь барахло, – заметил с укоризной мормон, но окошко все-таки не закрыл.

– Возможно, – не стал я спорить. – Только я вам ничего не продаю, поскольку не вожу с собой никакого товара. Да и вообще, торговля – не моя стихия. Все, что я хотел, это сделать небольшое пожертвование на то богоугодное дело, которым вы занимаетесь. Я имею в виду тех несчастных копателей э-э-э… в смысле, больных людей, за которыми вы ухаживаете. Представляю, какой это тяжкий труд. И как много сил и средств он у вас отнимает.

– Пожертвование? Нам? – переспросил бородач. Похоже, он слышал это слово впервые за очень долгое время, и засомневался, не померещилось ли оно ему часом.

– Ну да, – подтвердил я. – Ваши больные – они же очень энергичные. Не спят, все время кричат, мечутся, травмируют себя и все такое. А раз так, значит, вы постоянно нуждаетесь в медикаментах, верно?

Мормон не ответил. Вместо этого он, как и его предшественник, тоже убрался от окошка, где тут же возникло лицо совсем пожилого человека – белобородое, морщинистое и обрамленное длинными прядями седых волос. Оно напоминало

иконописный лик самого бога Саваофа, и если бы я сейчас лгал, бранился или грешил, мне, наверное, стало бы неловко под таким испытующим взором. Но я и в мыслях не держал ничего предосудительного. Так что старец-мормон изливал на меня свою молчаливую суровость абсолютно незаслуженно.

– Да, мы нуждаемся в медикаментах, – подал голос уже третий решивший пообщаться со мной бородач; я подумал, что это мог быть сам вожак общины. Наверняка он слышал весь предыдущий разговор и догадался, к чему я клоню. – Милосердный Господь дает нам все, что необходимо. Но от лишних медикаментов мы тоже не отказываемся, ибо бережливого раба своего он одаривает благодатью чаще и охотнее… И о какого размера пожертвовании идет речь?

– Две полевые армейские аптечки, – ответил я. – Полностью укомплектованные и не просроченные. Извините великодушно, в лучшие времена пожертвовал бы больше. Но сегодня, как говорится, чем богаты, тем и рады. И за это мне нужно от вас одно-единственное маленькое одолжение: разрешите побеседовать с Ходоком.

Все-таки я оказался прав – со мной и впрямь снизошел до общения глава сей скорбной обители. Старец не стал ни с кем совещаться и после короткого раздумья вынес решение самостоятельно.

– Хорошо, будь по-твоему, – с явной неохотой сдался он. Для его огромной семьи, многие члены которой болели и содержались в карантине, две армейские аптечки были не бог весть какой радостью. Но, видимо, дела у богомолов и впрямь шли скверно, раз они без долгих колебаний согласилась на сделку. Или же Ходок, чье предательство обрубило мормонам связи с саранскими торговцами, просто потерял для них авторитет?… Впрочем, этих подробностей мне уже не узнать. Да и не больно-то хотелось. Главное, я устранил преграду между мной и Ходоком, и вот-вот с ним увижусь.

– Мы сведем тебя с Рустамом, но ты должен согласиться на одно условие, – выдвинул мне встречное предложение старец. – По законам нашего гостеприимства мы не вправе лишать тебя оружия. Поэтому на вашей встрече будут также присутствовать наши братья. Не потому что мы не доверяем твоей клятве. Просто в последнее время Рустам очень взволнован, буквально места себе не находит, и с нами ему будет спокойнее принимать незваных гостей. Не волнуйся, Квадро: мы, мормоны, умеем хранить чужие тайны. Можешь обсуждать с Ходоком какие угодно вопросы, не обращая на нас внимания. Итак, тебя это устраивает?

«Клянусь, вовек бы не подумал, что у вас есть законы

гостеприимства!» – едва не вырвалось у меня. Но вслух я, разумеется, сказал иное:

– Ничего не имею против, божий человек. Премного благодарю вас за понимание и содействие. А теперь, если не возражаете, я бы хотел перейти к делу, а то время дорого, знаете ли.

Мормоны не возражали. Забренчали и заскрежетали многочисленные запоры, и пока я ходил к машине за аптечками, главный вход в крепость был для меня открыт.

Едва войдя в вестибюль я понял, что от психбольницы здесь осталось одно название. Теперь она являла собой нечто вроде религиозного центра или молельного дома. Кроме Христа эти люди также поклонялись своему пророку Мормону и главному святому мормонизма Джозефу Смиту-младшему, поэтому все – буквально все! – стены их убежища были испещрены от пола до потолка цитатами из Библии, «Книги Мормона» и трудов Смита. Причем, как я понял, два последних источника цитировались гораздо чаще. Сколько на эти художества было изведено краски, я мог лишь догадываться. Зато точно знал, что допустил ошибку, предложив хозяевам в качестве входного билета такую драгоценность, как аптечки. Эх, продешевил! А кабы знал заранее об их страсти к настенным росписям, то неплохо сэкономил бы, привезя сюда пару ящиков банок с краской. В современном мире – мире баррикад и крепостных стен, – на нее отсутствовал спрос, и она не стоила ни гроша. Поэтому и продолжала валяться тоннами в разграбленных строительных магазинах и на оптовых базах.

Шестеро мормонов с ружьями включая старца проводили меня на верхний этаж главного корпуса, где, по их словам, в одном из кабинетов квартировал Рустам Ходок. Седовласый сам постучал в его дверь и вкратце объяснил, зачем мы пожаловали. Ответа не последовало, хотя из комнаты доносился какой-то шум. Потоптавшись немного в замешательстве, вожак наконец вспомнил, кто здесь хозяин, а кто – гость. И решительно толкнул дверь, замок на которой отсутствовал, так как был давно выломан.

Однако дверь не поддалась. Она лишь чуть-чуть приотворилась, после чего уперлась во что-то, и теперь открыть ее без применения силы стало нельзя.

– Рустам, впусти нас! – повторно обратился к Ходоку старец, которого все это явно начинало злить. – Бог с тобой, это же я – брат Андроник! Немедленно впусти меня, слышишь? Слышишь или нет?

За дверью что-то громыхнуло – кажется, упавший на пол

стул, – и задребезжало. Этот звук живо нарисовал у нас с хозяевами в воображении одну и ту же картину. Которую сразу озвучил самый молодой из мормонов – тот, что первым встретил меня на входе в крепость:

– Никак, повесился! – воскликнул он, округлив глаза. – Господи, вот грех-то какой!

– Ломайте! – велел Андроник, указав братьям на дверь и отступая в сторону. Те дружно уперлись в нее плечами, раздался треск, но, как потом выяснилось, сломалась не она, а спинка подпиравшего ее изнутри, кресла-качалки. Едва преграда была убрана, пятеро мормонов гурьбой ввалились в комнату, торопясь поскорее извлечь висельника из петли. Мы со старцем поспешили вслед за ними туда же.

Вряд ли самоубийца мог задохнулся всего за четверть минуты, так что наши шансы спасти его были высоки. В крайнем случае, если спасатели замешкаются, я перебью веревку из револьвера. Так, как делал это на цирковой арене, демонстрируя один классический трюк из киновестернов. Разве что те висельники были манекенами и болтались на слабеньких веревках, поскольку настоящую, пеньковую восковая пуля не разрывала.

Впрочем, наши фантазии так фантазиями и остались. На самом деле с Рустамом все было в порядке, и кончать жизнь самоубийством он пока не собирался. Напротив, он продолжал дорожить своей жизнью настолько, что предпочел встрече со мной бегство с верхнего этажа пятиэтажного здания! А подозрительные шумы, что мы слышали, раздавались, когда Ходок привязывал второпях к столу капроновый фал и выбрасывал его в окно. Когда я и мормоны очутились в комнате, Рустам уже вылезал наружу. И не успели мы глазом моргнуть, как он, оттолкнувшись от подоконника, заскользил по тросу вниз. И съехал к подножию здания так стремительно, что когда мы подбежали к окнам, он уже был на земле и улепетывал в северном направлении.

– Рустам, вернись! – крикнул я, сложив ладони рупором. – Эй, я же поклялся, что не причиню тебе вреда! Постой, глупец! Давай поговорим спокойно, как старые приятели!

Ходок бежал, как угорелый, однако, заслышав мой голос, все же притормозил и бросил мне на прощанье пару ласковых:

– Да пошел ты, Квадро, со своими клятвами знаешь, куда! Я знаю, что ты готов на все, чтобы выполнить свой контракт! Ты бы и мормонов всех перестрелял, если бы они тебя не впустили! Что, разве не так? Ну давай, скажи, что я неправ, ты, кровожадный ублюдок, убивающий за деньги женщин, стариков и детей!

Вот же хитрая сволочь! Услыхав в свой адрес столь несусветную ложь, я подумал, что Ходок и впрямь рехнулся. Но в действительности его слова предназначалась не мне, а Андронику и его братьям. Чья реакция на такое заявление не заставила себя ждать. Мормоны тут же отступили от окон и, вскинув ружья, нацелили их на меня. А Рустам побежал дальше, к скотному двору, что некогда имелся при больнице. И от которого ныне остались лишь полуразвалившиеся свинарники да коровники.

Сделав свое грязное дело, Ходок опорочил меня в глазах своих покровителей. Чем создал мне лишние трудности и выиграл себе время для бегства. Ловкий ход, черт возьми! Пока я буду объясняться с наставившими на меня оружие хозяевами, Ходока может и след простыть.

Мысленно чертыхнувшись, я поднял руки вверх и медленно обернулся.

Мормоны умели строить оборонительные сооружения, но вояки из них были не слишком умелые. Я заметил, как дрожат их руки, как они судорожно сглатывают и как взволнованно косятся на Андроника, которому предстояло решить мою участь. Если бы все обернулось вконец дерьмово, я выхватил бы револьвер и, всадив в каждого из врагов по пуле, вернул бы тот в кобуру прежде, чем первый из них упал на пол. Возможно, мне даже повезло бы, и ни один враг не успел бы спустить курок. Возможно, после этого мне повезло бы пробиться обратно к машине и унести отсюда ноги, пока на выстрелы не сбежались другие мормоны. Такой удачный исход конфликта был вполне вероятен, ведь я стану убивать не бандитов и солдат, а по сути обычных фермеров…

Но я был вовсе не таким злодеем, каким описал меня Андронику Рустам, и предпочитал решать нежелательные конфликты миром. Особенно с теми противниками, которые считали убийство человека смертным грехом и старались не проливать понапрасну ничью кровь.

– Спокойнее, ребята! – попросил я мормонов, продолжая удерживать руки поднятыми. – Не будем понапрасну ссориться. Ваш Рустам солгал, и я не стану оправдываться перед вами в том, чего никогда не делал. Да вы и сами, небось, заметили, что в последнее время Ходок ведет себя неадекватно. Поэтому давайте поступим так: сейчас я выйду на улицу, сяду в свою машину и уеду отсюда. Аптечки, которые я вам отдал – ваши. Ну что, вас это устраивает?

– Уходи, Квадро! – велел Андроник, указав мне стволом ружья на дверь. Благоразумный старец оправдал мои ожидания и не захотел нарушать свои священные заповеди без веской

причины. – Уходи и никогда не смей к нам возвращаться! В следующий раз мы не станем с тобой даже разговаривать и начнем стрелять сразу, как только тебя увидим!

– Очень мудрое решение, божий человек, – похвалил я старейшину и, стараясь не делать резких движений, направился к выходу. Шестерка моих сопровождающих так и продолжала держать меня на мушках, опасаясь, как бы я напоследок не отчебучил какую-нибудь глупость. – Обязательно приму твои слова к сведению. Как бы то ни было, спасибо за помощь. Сожалею, что все так некрасиво обернулось… Прощайте!

Всю обратную дорогу до выхода из крепости мормоны плелись позади меня с ружьями наготове. Но я, разумеется, не дал им повода понаделать во мне пулевых дырок. И лишь когда я уселся в джип и отъехал от крыльца, хозяева успокоились, убрали оружие и вернулись под защиту своих исписанных религиозными цитатами стен.

А я, развернув машину, поехал вдоль разрушенного больничного забора в ту сторону, куда побежал Ходок. Несмотря на то, что он отыграл у меня неплохую фору, я все еще не терял надежды его догнать. Ну а склеится у нас с ним разговор по душам или нет, там уже будет видно…

Глава 13

Сразу за скотным двором начинался неглубокий овраг. Он тянулся в северном направлении до пруда, который пополнялся водой из текущего здесь же ручья. Сам ручей был совсем нешироким и позволял двигаться вдоль него по дну оврага пешком, не промочив ноги. Тот, кто выбрал бы эту дорогу, мог перескакивать с одного берега на другой, оставаясь под прикрытием склонов оврага. Наилучший маршрут для выхода из окружения, особенно когда беглецу этот путь известен, а преследователю – нет.

Кто бы сомневался, что Рустам изучил окрестности психбольницы со всей дотошностью. И что он не стал бы убегать от меня по открытому пространству, постаравшись как можно скорее нырнуть в овраг. По которому он мог двигаться незамеченным километра полтора – до берега пруда. Этот вероятный маршрут отступления Ходока мы с Панкратом вычислили, используя карту Миклухи. И почти не сомневались, что если клиент вздумает от нас удрать, то другого пути у него попросту не будет. Психбольница стояла посреди чистого поля, и бегство по оврагу оставалось для Рустама самым верным способом запутать следы и оторваться от погони…

…Конечно, в том случае, если у Ходока поблизости не спрятана машина. Вот тогда проку от наших расчетов уже не будет. Тогда нам останется лишь уповать на то, что мы не упустим ее из виду, и что погоня завершатся в нашу пользу. Но в любом случае, увлекаться ею я был не намерен – так, как и обещал вчера дяде Гоше, на чем он тоже не настаивал.

Тот факт, что Рустам побежал к скотному двору, меня обнадежил. В овраге его подкарауливали Ананас и Равиндер, и если он наткнется на них, то на этом его пробежка закончится. Однако я просчитался. Ходок действительно рванул со скотного двора в овраг, но только уже не пешком. Как выяснилось, в одном из коровников у него стоял квадроцикл, достаточно проходимый, чтобы проехать на нем не только по полю, но и по дну оврага. И Рустам оказался достаточно проворным водителем, чтобы прорваться через устроенную на него засаду.

Панкрат мог бы остановить беглеца, пальнув ему вслед картечью. Но, памятуя мой наказ не причинять Ходоку вреда, выстрелил не на поражение, а мимо. Затем чтобы лишь напугать его и, если повезет, заставить потерять управление – при езде по сильно пересеченной местности перевернуться на квадроцикле было проще простого.

Не выгорело – Рустам крепко держал в руках руль. А если и струхнул, когда позади него трижды бабахнул «Вепрь», то не настолько, чтобы выпасть из седла. Он промчался мимо Ананаса по противоположному берегу ручья – тому, где ниже по течению засел Равиндер. Который уже мог дотянуться до квадроциклиста, выпрыгнув на него из кустов, когда тот с ним поравняется.

Чтобы не промахнуться, сикху требовалось сделать навстречу Ходоку несколько шагов. Но сначала – метнуть в него увесистый ком глины. Убить таким снарядом человека было нельзя, но ошарашить и отбить у него желание гонять на квадроцикле – легко. И едва жертва очутилась в пределах досягаемости сикха, тот немедля запустил в нее этим ядром. После чего выскочил навстречу сам, собираясь схватить ошарашенного ездока за одежду и сбросить его наземь.

Глиняный ком попал туда, куда надо, но все обернулось иначе, нежели планировал Сингх. Заполучив удар в плечо, Рустам дернул рулем, и его квадроцикл съехал в воду. Но не перевернулся, а лишь поднял колесами тучу брызг. Они угодили в лицо пенджабцу и на мгновение застили ему взор. И этой короткой заминки хватило, чтобы он оплошал, а его пальцы вместо жертвы схватили воздух.

Вложивший в свой рывок все силы, промахнувшийся Равиндер не устоял на ногах и сам плюхнулся в ручей. А Ходок, перекатившись с одного берега на другой, направил квадроцикл прямо на склон. Нарвавшись на засаду, он не знал, сколько еще врагов поджидают его в овраге, и потому решил поскорее убраться с этой опасной тропы. И пологий ему в этом помог – позволил Рустаму въехать наверх почти не снижая скорости и продолжить путь уже по полю.

Я, разумеется, не видел всех этих безуспешных попыток напарников схватить Рустама. И засек его лишь тогда, когда он выскочил из оврага, собираясь, по всей видимости, объехать пруд с востока. Дорога, по которой ехал я, напротив, огибала тот с запада. Чтобы броситься за Ходоком в погоню, мне надо было или пересечь овраг, или сначала сделать крюк вокруг этой проклятой лужи и только потом сесть предателю на хвост.

Будь склоны оврага обрывистыми, я, само собой, выбрал бы второй вариант. Но поскольку на них без труда въезжал квадроцикл, то для Большого Вождя они тоже не являлись серьезной преградой.

Спустившись на джипе к ручью, я задержался ненадолго, чтобы подобрать напарников. Оба незадачливых охотника как раз бежали по следу Ходока, и я очутился у них на пути весьма кстати. С Равиндера ручьями стекала вода, но беспокоиться о том,

что он испачкает салон, было некогда. Также я не стал предлагать ему сесть за руль – счел, что для преследования не слишком быстрого квадроцикла моих водительских навыков вполне хватит. Запрыгнувший на переднее пассажирское сиденье Панкрат рычал и матерился сквозь зубы. Но все же ему было не так досадно, как Сингху. Вот у кого имелись все шансы схватить Рустама, и кто промахнулся мимо цели буквально на несколько сантиметров! Но, в отличие от Ананаса, сикх предпочитал гордо отмалчиваться, не пытаясь оправдываться, и лишь угрюмо сопел да утирал с лица воду.

Впрочем, никого из них я ни в чем не обвинял. Наша облава была основана на одних только умозаключениях, мы действовали наугад, и потому немудрено, что все у нас пошло наперекосяк. Но мы еще были в силах исправить допущенные ошибки, поскольку передвигались на более резвой технике и, поднажав, могли настичь беглеца. Тем более, что путь в город был для него закрыт, а в гонках по окрестным полям и дорогам ему с нами не тягаться. Конечно, при условии, что он не преподнесет нам очередной сюрприз, на которые этот пройдоха был горазд.

Когда Большой Вождь, рыча мотором и выбрасывая из-под колес глину, выбрался из оврага, Ходок катил вдоль берега пруда. И должен был вскоре достичь шоссе – того самого, по которому мы приехали из Саранска в Звездный. Но по шоссе он не поедет, это факт. Рустам потому и держал под рукой квадроцикл, так как планировал убегать от врагов по бездорожью, через которое не всякий автомобиль продерется. Например – по березовым колкам, которые виднелись в поле с другой стороны трассы. Если беглец направлялся туда – что было вероятнее всего, – он сможет проезжать прямо сквозь них. Тогда как мы будем вынуждены огибать эти лесные участки, петляя и теряя драгоценное время.

Действительно, к тем березнякам Рустам и драпал. Это стало понятно, когда он въехал с разгона на шоссейную насыпь, но не повернул ни вправо, ни влево, а пересек ее и, скатившись с противоположного склона, скрылся из виду. Ненадолго, потому что за те минуты, пока он будет заслонен от нас насыпью, ему не успеть домчаться до ближайшего леска. А если и домчится, что с того? Отпечатки колес, которые оставлял квадроцикл в сухой траве, трудно было бы потерять даже ночью, а днем и подавно.

Мы гнались за Ходоком не след в след, а на некотором расстоянии от прокатанной им в поле колеи. Я был почти уверен в том, что он разбрасывал позади себя какие-нибудь мелкие острые предметы, наехав на которые, мы пропорем себе шины. Также у него наверняка имелось оружие, но Рустам не стрелял по нам, хотя мог бы делать это не прицельно, беглым огнем. Видимо,

он опасался, что в этом случае мы ударим по нему в ответ из пулемета. Почему мы не делали этого сейчас, беглец, видимо, объяснял тем, что мы хотели взять его живьем. Погоня без стрельбы была выгодна ему не меньше, чем нам и он не провоцировал нас менять милость на гнев.

Как долго продлилась бы эта бескровная охота, и кому из нас в конце концов улыбнулась бы фортуна, трудно сказать. Однако завершилась погоня так, как завершается в наши дни множество иных событий. Что бы вы ни делали и куда бы ни направились, всегда велик риск, что ваша работа останется незаконченной, и вы не достигните места назначения. В современном мире – мире копателей, – строить долгосрочные планы мог только идиот. А единственные наши прогнозы, которые гарантированно сбывались, касались неизбежного вымирания на планете чисторуких и превращения их в зомби.

Мы выехали на шоссейную насыпь спустя пару минут после того, как ее пересек Рустам. Я предполагал, что мы увидим его, мчащегося на полной скорости к ближайшему березняку, но нашим взорам предстала совершенно иная картина. Ходок удалился от шоссе совсем недалеко – метров на тридцать. И теперь его квадроцикл лежал перевернутым, а вокруг него неистовствовала целая орава копателей.

На первый взгляд могло показаться, будто они хотят поставить технику обратно на колеса, но мы-то знали, что в действительности она их не интересует. А окружили они ее лишь из-за того, что под ней, скорее всего, был придавлен ездок. Его самого мы пока не видели, но где бы еще Рустам мог сейчас находиться? Если бы он успел соскочить с квадроцикла, то бежал бы по полю или навстречу нам, увлекая зомби за собой. Иными словами, они и Ходок не могли быть сейчас в двух разных местах, так как это противоречило бы примитивной логике поведения копателей.

Мы не засвидетельствовали воочию, что здесь стряслось, но это было и так понятно. Насыпь не позволила Рустаму вовремя заметить зомби, что двигались вдоль ее противоположного склона. И он как мчался, так и врезался на полном ходу в их стаю, оказавшуюся в этот момент аккурат у него на пути. А поскольку таран квадроциклом сразу трех десятков копателей равносилен гарантированному самоубийству, то финал у этой встречи сложился вполне предсказуемый. Нескольких из них Ходок сбил, но другие тут же вцепились в него и в его транспорт, после чего тот утратил равновесие и перевернулся.

Собираясь перескочить через насыпь и последовать за беглецом, я был вынужден срочно отменить этот план и ударил

по тормозам. Большого Вождя развернуло боком, но он успел остановиться, прежде чем съехал с асфальта на обочину.

– Полундра! – крикнул я, открывая дверцу, выскакивая из машины и на ходу цепляя пояс с револьверами. Когда я садился за руль, то всегда снимал его, но он всегда лежал у меня под рукой.

Возможно, Равиндер не знал смысла моей команды, но он был не слепой и видел, что творилось у подножия насыпи. И потому очутился снаружи столь же поспешно, как мы с Ананасом.

– Не задень Ходока! – наказал я последнему. Но Панкрат и сам об этом подумал, и, отложив «Вепрь», подбежал к багажнику, чтобы вытащить из него что-нибудь более точное. Сингх по традиции выхватил саблю, что выглядело бы не слишком разумно, если бы я не знал, как ловко он с нею обращается. Что ж, он прав: сейчас не время проверять, как метко он умеет стрелять. Поэтому пусть делает то, что выходит у него лучше всего.

Мы двигались не по самому следу беглеца и потому выехали не там, где он столкнулся с зомби, а немного в стороне. И оттого не сразу привлекли к себе их внимание. Но когда я разрядил в них барабан Хаоса, сократив их стаю сразу на несколько особей, она уже не могла оставить такое без внимания. Как минимум две трети ее тут же забыли о Рустаме и устремились к нам – грозная компания, но берсерков в ней, кажется, не было, и это радовало.

Мы рассредоточились на вершине насыпи, а копатели атаковали нас снизу. Агрессивная рычащая орава, которая несется на тебя, не обращая внимания на встречные выстрелы… Не впервые я попадал в подобную переделку, и всякий раз в такие моменты меня пробирал страх. Привыкнуть к врагу, который не боялся никого и ничего, являлось невозможно в принципе. Русскому полководцу Суворову не доводилось сражаться с зомби, а иначе он более критично относился бы к собственному заявлению, что воевать надо, дескать, не числом, а уменьем. Копатели плевать хотели на этот принцип. И тем не менее они задавили и продолжали давить числом столько умелых воинов, сколько тех не разгромили в своей жизни Суворов, Наполеон, Цезарь, Чингисхан и Македонский вместе взятые. А ведь у проигравших в нынешней войне было в руках современное оружие и техника. Так что победы копателей следовало и вовсе назвать величайшими в мировой военной истории.

Наша скоротечная битва у Блохинского пруда близ поселка Звездный была слишком незначительной, чтобы оставить след в истории. Хотя для меня столь внезапные лобовые столкновения с копателями запоминались на всю жизнь. Мои верные Хаос,

Бедлам, Террор и Фатум выкосили тех зомби, что бежали первыми, и вернулись в кобуры как раз к тому моменту, когда в бой вступил перевооружившийся Ананас. Он не забыл прихватить из багажника пушку и для меня, поскольку я не мог отвлечься на перезарядку револьверов. Бросив мне МП-5 с уже вставленным, спаренным магазином, сам Панкрат вскинул точно такой же пистолет-пулемет. С их помощью было удобно вести прицельный огонь, быстро переключая внимание с одной цели на другую. Которые все равно приближались быстрее, чем мы успевали их отстреливать. И кабы не Равиндер, нам с Ананасом пришлось бы энергично пятиться, чтобы избежать рукопашной схватки с врагом.

Сингх избавил нас от необходимости отступать, оттянув на себя часть вражеских сил противника. Пенджабец напал на зомби с фланга, едва те выбрались на насыпь. Талвар – так называлась его изогнутая сабля с дисковидным навершием на рукояти, – заработал с той же скоростью и точностью, с какими он рубил копателей в Подлесном. Если не присматриваться к тому, что творилось слева от нас, то могло показаться, будто головы у зомби сами слетали с плеч. А сикх лишь указывал размашистыми жестами, какой из этих голов оторваться следующей.

– Ну, завелась наша хлеборезка! – хохотнул Ананас, не отрываясь от стрельбы. – Кажись, теперь я понял, зачем он чалму носит! Затем чтобы уши себе не отрубить, а то уж больно прытко он своею сабелькой всякий раз размахивает.

На мой взгляд, Равиндер излишне доверял нашей меткости, когда атаковал копателей в опасной близости от линии нашего огня. Чтобы не задеть его пулями, мы не стреляли в спины тем врагам, которых он к этому моменту не успел зарубить. Расчистив себе путь, я и Ананас поспешили к перевернутому квадроциклу, где еще оставалось несколько зомби, которых не отвлекла наша пальба. Они по-прежнему угрожали Ходоку, который был не в состоянии защищаться. Судя по отсутствию криков, он вообще мог быть мертв. Хотя мы, разумеется, надеялись, что везунчик-Рустам всего лишь потерял сознание или, на худой конец, отделался не смертельными травмами.

Зря надеялись. Настал тот день и час, когда везение оставило Ходока. И не временно, а уже раз и навсегда…

Расстреляв последних копателей, мы подскочили к квадроциклу и опрокинули тот в сторону. После чего поняли, что безнадежно опоздали. Рустам еще дышал, но жить ему оставалось считанные минуты. Обе лодыжки его были сломаны, что, видимо, случилось, когда его придавил перевернувшийся квадроцикл. Но это были самые незначительные его травмы. Прочие свои

повреждения Ходок получил уже после – когда на него накинулись копатели. И если с переломанными ногами мы доставили бы его к мормонскому лекарю, который спас бы ему жизнь, то с разодранным горлом и животом, а также другими ранами от зубов и ногтей зомби, мы не донесли бы Ходока даже до автомобиля. Поэтому мы его туда и не понесли, а просто оставили лежать на земле. Против чего Ананас тоже не возражал. Судя по выражению его лица, он считал, что предатель еще легко отделался. И все же такой исход устраивал Панкрата больше, чем тот, которым мог завершиться наш мирный разговор с Ходоком, если бы он успел состояться.

Рустам зажимал дрожащими руками фонтанирующий кровью, разрыв на горле и поэтому до сих пор не отдал концы, а лишь продлял свою агонию. Он все еще оставался в сознании, потому что когда я склонился над ним, его глаза расширились, а губы задвигались. Он явно узнал меня и хотел мне что-то сказать, да только ничего у него не получалось. Впрочем, можно было и так догадаться, что бы я от него услышал: новые оскорбления и обвинения в том, чего я не планировал и не совершал.

– Извини, Ходок, что все так хреново обернулось. – Я беспомощно развел руками. – Поверь, но мы и правда не хотели причинять тебе зла. Я узнал у Ректора, где ты скрываешься, потому что хотел просто поговорить с тобой и все.

– Кх-хват-р-ро! – прохрипел Рустам, сумев выдавить из себя хоть что-то внятное. – Скх-хажи Рекх-хтору: я не х-хотел!.. Они скх-хазали, что ф-фылещат Т-таню, если я… кх-х-х… если… я…

– Они пообещали вылечить твою жену? – переспросил я. Не походило на то, что Ходок бредит. Больше напоминало исповедь, хотя исповедники ему достались, мягко говоря, незавидные. – Кто – они? Люди из «черной колоны»?

– «Щ-щерн… кх-холонна»! – Голова умирающего несколько раз дернулась, но, кажется, это были утвердительные кивки, а не конвульсия. – Я ф-фыполнял их-х прикх-хазы… Чтобы они ф-фылещили Т-таню… Я не могх-х по-другх-хому.

– Я тебя понял. И я передам твои слова Ректору, обещаю, – заверил я Рустама. – А теперь скажи, что именно ты делал для «черной колоны»? Ну же, сосредоточься, напрягись! Помоги напоследок своим друзьям, которых ты предал!

– Я… Ях-х-х… кх-х… кх-х… – Ходок закашлялся и закатил глаза, а изо рта у него пошла кровавая пена. Я понял, что не дождусь от него ответа, потому что смерть наконец-то прибрала бедолагу. Так оно, в общем-то, и случилось. И все же перед тем, как издать свой последний вздох, он нашел в себе силы и достаточно отчетливо произнес:

– «Щ-щерная кх-холонна»… Скх-хоро сюда… Я вызф-ф-фал ее! Бегх-хи, Кх-хват-р-ро!.. Вызф-фал… сюда… скх-хоро… она… кх-х… кх-хр-р-р…

И умолк навсегда, покинув этот мир нормальным человеком, а не монстром с изуродованными Зовом мозгами и телом.

– То, что Ходок сказал в конце… – пробасил Панкрат, окидывая окрестности мрачным взором. – Ну, про «черную колонну», которую он вызвал. Не нравится мне все это, Иваныч. Сам подумай, с чего бы вдруг ему врать перед смертью?

– Пожалуй, что так, – согласился я и, поморщившись, передернул плечами. – Вот и мне от его слов тоже стало не по себе. Давай-ка, и правда слиняем отсюда, пока здесь не объявился кто-то еще.

– А что будем делать с трупом?

– Хм… – Я посмотрел на истерзанное и залитое кровью с ног до головы тело. – А как бы ты – поборник справедливости, – с ним поступил: похоронил или отвез Ректору?

– Отвез бы его в МГУ, но награду за эту работу не брал, – рассудил Ананас. Как всегда, его решение было вполне соломоновым.

– Ну что ж, я рад, что по первому пункту у нас с тобой нет разногласий. Со спорным вторым пунктом, думаю, разберемся уже на месте, – заметил я. Логика нашего «соломона» мне импонировала. Но в подобных ситуациях я, как заинтересованная сторона, обычно руководствовался своими, более прагматичными принципами. – Впрочем, обещаю, что не стану торговаться насчет величины награды, если она нам все-таки перепадет… Ладно, обыщи мертвеца, а я пока схожу за мешком.

Как у любых уважающих себя охотников за головами, у нас имелось все необходимое для транспортировки и живых клиентов, и мертвых. Велев Равиндеру оставаться на насыпи и наблюдать за округой, я, достав из багажника пластиковый патологоанатомический мешок, спустился с ним обратно к Ананасу. И увидел, что тот, положив автомат на траву, изучает какой-то странный прибор, обнаруженный им у мертвого Ходока.

Эта штуковина походила на компактный ручной металлодетектор вроде тех, которыми сотрудники служб безопасности пользуются в аэропортах или на входах в правительственные здания. Находка Панкрата выглядела поменьше и обладала небольшим дисплеем, что в данный момент не светился. Как и другие имеющиеся на устройстве светодиоды, а, значит, скорее всего, оно было выключено.

– Знаешь, что это за хреновина, Иваныч? – осведомился Ананас, вертя в руках находку. Разумеется, он не стал включать

ее даже из любопытства, хотя на вид она выглядела не сложнее мобильного телефона.

– Понятия не имею, – ответил я. – Похоже на какой-то сканер… А что на нем написано?

– В том-то и дело, что ничего, – озадаченно хмыкнул напарник. – Ни названия фирмы-производителя, ни даже надписей под кнопками. Но, должно быть, вещица дорогая, раз Ходок прихватил ее с собой, когда пустился в бега.

– Да уж наверняка, – согласился я. – Покажем ее в Саранске Миклухе или связистам. Может, нам и за нее какая награда перепадет.

– А если это и есть то самое оборудование, о котором говорил тебе Ректор? – предположил Панкрат. – Ну то, которое служит приманкой для тысяч зомби?

– Крайне маловероятно, – покачал я головой. – Во-первых, зэд-волна не дошла до Звездного. А, во-вторых, маловат этот приборчик для столь мощного передатчика. Хотя он вполне может быть тем тревожным маяком, по которому Ходок вызвал подмогу, поэтому вытащи-ка из него на всякий случай батарею. Как знать, а вдруг в него вшит чип, по которому «черная колонна» отслеживает перемещение своего агента.

Аккумулятор в нашем трофее стоял обычный, китайского производства. Сделав, как я сказал, Ананас рассовал разобранный прибор по карманам, и мы с ним взялись упаковывать в мешок. Грязная работенка, но нам к такой было не привыкать. При Рустаме также обнаружился маленький рюкзачок, чье содержимое мы собирались изучить позднее, и бельгийский пистолет-пулемет «FN-P90», из которого беглец так и не выстрелил ни в нас, ни в копателей. Последний мы, разумеется, тоже прихватили с собой.

Ходок не смог помочь Равиндеру советом, зато, сам того не желая, помог кое-какими вещами и продуктами. От которых сикх явно не откажется, ведь сам же признавался, что на пути к Подлесному, где мы его повстречали, он не брезговал заниматься мародерством и собирательством.

Едва мы ухватились за мешок и потащили его к насыпи, как наблюдающий за окрестностями пенджабец обеспокоенно указал на восток и прокричал:

– Господин Степан! Господин Панкрат! Копатели! Примерно в километре отсюда и движутся в нашу сторону!

– Как много? – поинтересовался я, не отвлекаясь от дела.

– Очень много! – ответил Сингх. – Я столько копателей за раз еще никогда не видел! Кажется, эта ваша зэд-волна покинула город и скоро будет здесь!

Дотащив тело до автомобиля, мы положили мешок на дорогу

и тоже уставились в направлении Саранска.

Говорят, у страха глаза велики, но Равиндер был не из пугливых и потому нисколько не преувеличивал. Сюда и впрямь шагала целая орда зомби, растянувшаяся широким фронтом, насколько хватало наших глаз. Неизвестно, что заставило их в едином порыве снять осаду и отправиться в дальнейший путь, но выглядело это странно. Мы преследовали человека, которого горожане подозревали в причастности к нашествию зэд-волны, этот человек погибал, и она тут же оставляла Саранск. Хотя нет, за те десять минут, что Рустам был мертв, копатели не успели бы отмахать расстояние от западной окраины города до Звездного. А вот если считать с момента, когда Ходок вызвал «черную колонну» – я так понял, что он связался с нею еще из психбольницы, – тогда все складывалось. Чисто гипотетически, разумеется. Запаниковавший агент «черных» нажал кнопку тревоги и сбил какую-то программу. Отчего поведение копателей вновь стало диктоваться базовыми инстинктами, и зэд-волна, покинув город, отправилась дальше, на запад.

Рустам так и не успел сказать, какую работу он выполнял для своих новых хозяев. Возможно, этот его секрет так и останется неразгаданным. Возможно, его разгадка была заключена в приборе, что мы сняли с трупа… Впрочем, гадать об этом сейчас было не самое удачное время.

– Поспешим, – заметил я, снова хватаясь за край мешка и кивая Ананасу, чтобы он подсобил мне забросить труп в багажник. – Угроза движется из города. Если мы рванем на север, то, вероятно, сможем объехать фронт зомби по правому флангу… Равиндер! Как ты смотришь на то, чтобы снова сесть за руль и устроить ралли по русским колдобинам?

– Как скажете, господин Степан, – отозвался сикх. И, помрачнев, добавил: – Но это будет, к сожалению, в последний раз, потому что скоро наши с вами пути разойдутся. Как только мы скроемся от зэд-волны, я расстанусь с вами, потому что возвращаться в Саранск у меня нет никакой необходимости.

– Ну что ж, – понимающе кивнул я, – раз решил, значит, так тому и быть. Жаль, конечно, отпускать такого хорошего человека к Котловану на верную погибель. Но кто мы такие, чтобы вмешиваться в дела твоей семьи?

– Если вы не против, отныне я буду считать вас друзьями моей семьи, – пообещал Сингх. – Пускай мне не удалось побеседовать с Ходоком, все равно, вы мне очень помогли, и я этого никогда не забуду.

– Мы не против, – ответил я, переглянувшись с Панкратом, – если только ты не заставишь нас отращивать бороды и носить

чалмы. Ну а если серьезно, мы тоже рады знакомству с тобой, Равиндер. Что ни говори, а встретить сегодня в наших краях приличного человека, а тем более иностранца – большая удача…

Глава 14

Уезжать слишком далеко на север не имело смысла. По всем признакам, зэд-волна двигалась вдоль федеральной трассы – по кратчайшему пути на Москву. Либо зомби вскоре рассеются по окрестностям, если та сила, что объединяла их вместе, вдруг по какой-то причине прекратит это делать. Попетляв по заросшим проселкам и удалившись от шоссе на десяток километров, мы сочли, что этого вполне достаточно. И, увидев у себя на пути заброшенную деревушку, решили оккупировать в ней домик, чтобы пересидеть с комфортом эти несколько тревожных часов. В лучшем случае. В худшем – если зэд-волна все же зацепит это место, и нам придется остаться здесь до завтра, – домик станет для нас не роскошью, а жизненно важной необходимостью. Вот почему выбирать его следовало с таким расчетом, чтобы он не превратился из убежища в ловушку.

Табличка на въезде известила нас о том, что мы прибыли на хутор Муравьиный. Вопреки официальному статусу, он являл собой более крупное поселение, чем я ожидал увидеть: две улицы и около сорока домов, среди которых попадались достаточно современные. В отличие от Звездного, где рыскали выбирающиеся из своей крепости мормоны, Муравьиный был полностью заброшен. И причем не первый год. Прокатившись по улицам, мы так и не обнаружили ни одного укрепленного по всем правилам строения. Что было для нас к лучшему. Окажись здесь чисторукие, они могли не знать, что копатели, грозившие забрести сегодня к ним в поселок – «брызги» зэд-волны, – и наверняка открыли бы по ним огонь. После чего сюда нагрянула бы привлеченная выстрелами если не вся волна, то изрядная ее часть, и от хутора не осталось бы камня на камне. Мы же были в курсе того, что творилось южнее, и собирались вести себя тише воды ниже травы, а шум поднимать только в самом экстренном случае.

Изучив местную недвижимость, мы остановили свой выбор на трехэтажном кирпичном особняке с примыкающим к нему, просторным гаражом, куда можно было попасть прямо из дома. Подобно другим домам на хуторе, этот также был разграблен подчистую, и в нем не уцелело ни одного окна. Однако на массивные гаражные ворота, железные двери и все, кроме одной, оконные решетки мародеры не покусились, и те по-прежнему оставались на своих местах. Как и запоры на них – вернейшее средство обезопасить себя от копателей. Нам оставалось лишь загнать машину в гараж и запечатать то окно, через которое

мародеры когда-то проникли в особняк. Что мы и сделали, подобрав с земли вырванную решетку и закрепив ее на место. Только уже не снаружи оконного проема, а изнутри, поскольку гнезда для ее креплений были напрочь разбиты.

Спрятав Большого Вождя и заперев все входы, мы почувствовали себя в относительной безопасности и позволили себе немного расслабиться. Равиндер взялся изучать содержимое трофейного ранца, который мы ему подарили, Панкрат закурил и занялся чисткой оружия, а я поднялся наверх, чтобы осмотреться.

Из окон третьего этажа был отлично виден весь хутор и близлежащие окрестности. Саранск отсюда не просматривался, но его местоположение можно было вычислить по поднимающимся над горизонтом, клубам дыма. Там догорали павшие под натиском зэд-волны укрепрайоны, но для остальных эта угроза, вероятно, миновала. И, вероятно, не без нашей помощи. Знать бы еще, во что именно мы вмешались. И не окажется ли так, что лучше нам было бы в это не вмешиваться.

Так что же все-таки делал Ходок для «черной колонны»? И почему ее боевики хотели захватить саранский МГУ? Только ли из-за мести за ту дорожную стычку с головорезами Ректора? В принципе, такое не исключалось. «Черные» могли преподнести наглядный кровавый урок всем чисторуким, дав понять, что не потерпят в свой адрес подобные агрессивные выпады. Будет ли считаться такой агрессией преследование их агента, что привело к его гибели, и, возможно, нарушению каких-то их планов? Трудно сказать, ведь я не мог поставить себя на место «черных», поскольку не имел понятия, кто они такие, и каковы их цели.

Как я уже говорил, увидеть сегодня в небе вертолет можно было довольно редко. А такой вертолет, что спустя полчаса объявился в небе к югу от Муравьиного, я вообще никогда в жизни не видел. Черный и стремительный, сначала он летел на северо-запад, но вскоре поменял курс и направился в сторону хутора. Шуму он также производил значительно меньше, чем обычные вертолеты. Но мои находящиеся внизу товарищи все равно его расслышали. И сразу прибежали ко мне на третий этаж, дабы взглянуть на приближающуюся к нам, потенциальную угрозу.

На вертолете не было никаких опознавательных знаков, но его окраска говорила сама за себя. Бортовые консоли, на которые могло навешиваться вооружение, у него также отсутствовали. Впрочем, у такой современной машины оно могло быть и встроено в корпус. Мы благоразумно отошли от оконных проемов и спрятались за простенками, поскольку не усомнились, что вертолет оснащен хорошими средствами наблюдения. Возможно,

даже инфракрасными сканерами, способными распознавать людей по теплу, выделяемому их телами.

– Что этот поганец мог здесь забыть? – спросил Ананас, выглядывая одним глазом из-за простенка в окно. – Неужели летел сюда от шоссе по нашим следам?

– Очень даже может быть, – ответил я. – Сильно наследить мы не могли, но там, где проселки заросли травой, все же оставили в ней свежую колею. А ее наверняка заметно с воздуха, черт бы ее побрал.

– Прошу прощения, господин Степан, – подал голос Равиндер, – а вы уверены, что на теле или в ранце мертвого господина Ходока нет жучков или радиомаячков?

– Судя по неровной траектории полета этой «вертушки», она ориентируется не на сигнал маячка, а на наземные следы, – прикинул я. – Хотя одно другого вовсе не исключает. Было еще среди вещей Рустама что-нибудь подозрительное?

– Вроде бы нет, – пожал плечами сикх. – Но ведь жучок не обязательно встраивать в электронную технику. При необходимости его можно вшить даже в лямку ранца.

– Это верно, – согласился я. – Но давай не будем строить пока чересчур сложные теории, а ограничимся самой простой. То есть нашими следами. На улицах хутора их уже не разглядеть – там сухой асфальт. И перед нашим гаражом тоже бетонная площадка. Но вот запертые двери и гаражные ворота – это тоже след. Причем весьма красноречивый, потому что в соседних домах и гаражах они в большинстве своем распахнуты.

Тем временем вертолет, кажется, подтвердил мою догадку. Облетев Муравьиный, он завис над соседней улицей и взялся неторопливо вращаться на месте – так, будто пилот сбился со следа и гадал, где можно снова на него напасть.

– И чего ты тут застряла, стрекоталка летучая? – обратился к воздушному разведчику Панкрат. – А ну пошла вон, тварь. Пошла, кому говорят! Давай-давай, шурши винтами и греби отсюда, пока я нашу большую бабахалку не расчехлил!

Я покосился на напарника, но не стал напоминать ему об осторожности. Возможно, на вертолете стояли также приборы акустической разведки, да только вряд ли их чувствительность позволит обнаружить за шумом винтов такой слабый источник звука, как негромкая человеческая речь.

У нас не было зенитно-ракетной установки типа «стингера». Самой мощной «бабахалкой» в нашем арсенале числился обычный РПГ-7. Да и из него я за все эти годы стрелял всего-навсего пару раз, поскольку наши обычными тактические задачи решались либо пулями, либо, на худой конец, простыми

гранатами. Сбить из противотанкового гранатомета быстро летящий вертолет являлось практически невозможно. Но, зависший на небольшой высоте, он представлял собой куда более легкую мишень. И если бы Ананас вздумал перейти от слов к делу, он и впрямь мог бы засадить в брюхо «вертушке» кумулятивный снаряд. После чего ее экипаж и пассажиры обратились бы в обугленные трупы, а сама она, объятая пламенем, рухнула бы с небес на Муравьиный…

Однако помечтали и хватит! Мы и так наворотили сегодня столько дел, что нам ко всему прочему лишь сбитого вертолета «черных» недостает…

Винтокрылая ищейка качнула хвостом, и развернулась в юго-западном направлении, вроде бы как собравшись улетать… Так я подумал и был уверен в этом до тех пор, пока она вдруг не пошла на снижение. Но снизилась не до земли, поскольку сесть на территории хутора у нее не вышло бы, а опять зависла в воздухе. На сей раз – гораздо ниже, почти над верхушками деревьев и столбов линии электропередач. И не успели мы опомниться, как у вертолета открылись бортовые люки, из которых выпали, разматываясь налету, спусковые тросы. А в следующий миг по тросам скатились вниз шестеро громил в полном боевом снаряжении.

Сделали они это так быстро, слаженно и синхронно, что не возникало никаких сомнений: в Муравьиный нагрянул не абы кто, а настоящий спецназ. И нагрянул, надо полагать, не на учения, а имея приказ уничтожать любого, кто встанет у него на пути.

– Плохи дела, Иваныч, – прокомментировал Ананас высадку «черного» десанта. – Кажись, зашухерили те вояки нашу малину и сейчас припрутся сюда наводить марафет. А это тебе не тупые зомби или блатная шушера. С этими дуболомами я бы лучше не связывался, а то понаделают они в нас лишних дырок, даже не спросив, кто мы такие, и какого рожна здесь забыли. Короче, предлагаю валить отсюда, пока не началась свистопляска. Куда угодно, лишь бы подальше.

– Не будем паниковать раньше времени, – заметил я. – Так или иначе, нам не уйти по полям от вертолета. А от стреляющего вертолета, да еще такого маневренного – тем более. Укрытие у нас надежное, такое с наскока и спецназ не возьмет. К тому же нельзя отвергать возможность мирных переговоров. Как знать, а вдруг «черные» явились сюда вовсе не по наши души, а мы им вместо «здрасьте» сразу картечью в морду и гранату под ноги?

– Ну, как знаешь. Только не говори потом, что я тебя не предупреждал. – Панкрат был явно не в восторге от такого плана. Впрочем, не нужно было иметь семи пядей во лбу, дабы понять,

что его план выглядел неудачнее моего.

Отправив на землю боевую группу, пилоты вновь подняли «вертушку» на пригодную для воздушных маневров высоту и неторопливо полетели в юго-западную сторону. Туда, где за окружающим хутор лесом расстилались поля. И где вертолет мог совершить безопасную посадку, чтобы не жечь горючее, дожидаясь, пока десантники завершат работу и будут готовы вернуться на борт.

Работа их была в целом несложной. Разбившись на три двойки, они отправились обследовать Муравьиный, ища в нем признаки нашего присутствия. Или не нашего. Но как бы то ни было, обнаружить нас при наземном поиске стало гораздо проще, чем с воздуха, и теперь наша встреча с «черными» была практически неизбежна.

– Пойдем-ка принесем сюда еще оружие. Столько, сколько сможем, – предложил я товарищам. – Потому что если эти типы ворвутся в дом и отрежут нас от гаража, пиши пропало…

Наша встреча с искателями не заставила себя ждать, поскольку одна их групп сразу отправилась по нашей улице. И, безусловно, не прошла мимо дома с зарешеченными окнами и запертыми дверьми. Сообразив, что это может означать, спецназовцы сказали что-то друг другу на языке жестов и попрятались за опоры кирпичной арки, в которую была вделана железная калитка, что вела во двор. Ее мы, разумеется, тоже заперли и вдобавок подперли изнутри найденным в гараже ломом. В чем и убедился один из «черных», когда подпрыгнул и, мельком глянув поверх двухметрового забора, ознакомился с обстановкой внутри.

Я не стал дожидаться, что они предпримут дальше – перелезут через ограду или выломают калитку. И обратился к ним прежде, чем они вторглись на нашу территорию:

– Добрый день, парни! Это убежище занято! Кто вы такие, и что вам здесь надо?

Ответа не последовало. Но я расслышал, как по ту сторону забора затрещала рация и начались торопливые радиопереговоры. Гости не снизошли до общения с нами, но оперативно известили рыскающих по хутору товарищей о нашем обнаружении. И не просто известили. Сеанс связи за калиткой еще не прекратился, когда мы заметили бегущих сюда по соседней улице, остальных спецназовцев. Бросив поиски, они устремились к нам, и это было нехорошо. Зачем, спрашивается, всему отряду собираться вместе для простого разговора с нами? Э, нет, тут явно попахивало чем-то посерьезнее, и этот запах мне очень не нравился.

– Эй вы, там, снаружи! – снова воззвал я к неразговорчивым

визитерам. – В чем, собственно, дело? Мы вам не враги! Мы – мирные люди, и не желаем никому зла! Мы тут просто живем и никого не трогаем. Так что или милости прошу к нам без оружия на чашку чая, или оставьте нас в покое!

– Сколько вас здесь? – заговорил наконец со мной один из спецназовцев, что прятались за калиткой. Голос у него был по-армейски суровый, но без иностранного акцента. Так что если «черные колонны» и вправду приезжают к нам из-за бугра, русские сотрудники у них в штате тоже числятся.

– Нас всего восемь! – солгал я. – Я, мой двоюродный брат, наши жены, трое детей и дедушка Илья. Двое детей еще маленькие, а дедушка сильно болеет и потому прикован к постели.

Ананас покосился на меня в недоумении, но смекнул, зачем я взялся пудрить «черным» мозги. А как иначе? Не хочешь кровопролития – дави противнику на жалость, авось и впрямь пронесет. Ну а не пронесет, тогда и вовсе незачем выдавать ему правду.

– Четверо перелезли через задний забор и подходят к дому со стороны сада и теплицы, – доложил наблюдающий за тылами Равиндер. – Вернее, уже подошли и теперь стоят, прижавшись к стене, рядом с черным ходом.

– Ждут команду «На штурм!», – со знанием дела уточнил Панкрат, не раз видевший, как действует спецназ, усмиряющий тюремные бунты. – А как получат ее, то швырнут гранаты в окна, а затем вышибут взрывчаткой заднюю дверь и ворвутся в дом. Те, которые спереди, сделают то же самое. Только войдут через парадный вход чуть позже – когда мы отвлечемся на «задних».

Как стало очевидно, спецназовцы были не намерены объяснять нам, кто они такие. Пить с нами чай они тоже не собирались, а наши объяснения их явно не удовлетворили. Подтянув сюда силы, они рассредоточились вокруг дома, и с этой минуты их намерения стали для нас абсолютно очевидными.

– Что вы задумали? Вы не имеете права врываться в наш дом! Мы не сделали вам ничего дурного! – продолжал возмущаться я, доигрывая роль главы якобы прячущегося здесь семейства. Все мои протесты отскакивали от спецназовцев, как от стенки горох. Но если я и впрямь убедил их в том, что здесь могут скрываться обычные хуторяне, то мои старания уже не были напрасными. Ввести врага в заблуждение означало отыграть у него лишние очки. Пускай незначительные, но нам пойдут на пользу и такие.

– Бросайте пушки и выходите из задней двери по одному с поднятыми руками! – заявил нам «черный», на чей вопрос я только что отвечал. – Это приказ, и он не обсуждается! Время на

его исполнение – одна минута! По истечению этого срока любой, кто не покинет дом или будет держать в руках оружие, будет уничтожен! Время пошло!

Приказ этот, ясное дело, был для нас невыполним в принципе. Какая, к чертовой матери, сдача оружия, если без него наши шансы отделаться от «черных» равнялись нулю! Ну а поскольку они так и так не увидят нас во дворе через минуту, то и ждать эту самую минуту нам было вовсе не обязательно.

– За-ши-бись! – пробормотал Ананас, подбросив на ладони одну из гранат, которые все мы, включая Сингха, распределили между собой. – Как хорошо начинался день, и вот те нате!

– Не вижу повода для брюзжания, – не согласился я. – Нам дали целую минуту на раздумья – по-моему, это очень даже щедрое предложение. Потому что могли не дать ни одной, а это было бы уже настоящим свинством. Что ж, раз пришло время разбрасывать гранаты и собирать трупы, значит, так тому и быть… Равиндер! Отправь пару гранат нашим гостям у черного хода, будь добр!

– Да, господин Степан! – с готовностью откликнулся пенджабец. И, выдернув чеку из первой гранаты, швырнул ее в окно. Прямо на головы торчащим внизу спецназовцам. И не успела она звякнуть о чей-то шлем, как вслед за ней туда же упала вторая. А в это время еще две гранаты – моя и Панкрата, – проскочили сквозь оконные решетки на другой стороне дома и, перелетев через забор, упали на улице. Точно перед калиткой.

Прежде чем снаружи ударили четыре взрыва подряд, до нас донеслись вопли спецназовцев, предупреждающих друг друга об опасности. После чего все они кинулись врассыпную и попадали ниц. Одни – за подвернувшиеся на пути укрытия. Другие – просто наземь, понадеявшись на то, что они успели выпрыгнуть из зоны осколочного поражения.

Это были тренированные ребята с отличной реакцией, но они явно не ожидали от нас такой выходки. Ныне гранаты считались не самым дешевым оружием и потому были не слишком распространены в народе. Но мы сумели-таки удивить гостей. И заодно припугнули их, а кое-кого даже вывели из строя. И когда отгремели взрывы, один из них остался лежать в траве, не предпринимая попыток подняться. Другой бедолага бранился как сапожник, пытаясь высвободиться из-под обвалившейся ему на спину теплицы. Уцелевшие же – парочка возле калитки и те двое, что не пострадали у черного хода, – разбежались по укрытиям, докуда мы уже не могли добросить гранаты, и стали поливать окна третьего этажа автоматными очередями.

Настал наш черед прятаться, поскольку окон было всего

четыре – аккурат по числу расстреливающих их спецназовцев. Чьи пули не только впивались в потолок, но и рикошетили от прутьев решеток, а затем хаотично разлетались по всем комнатам. Нам пришлось выбегать в межкомнатный коридор – лишь там мы ощутили себя в относительной безопасности. Одна беда: из коридора было невозможно следить за подступами к дому. А «черные» – кто бы сомневался! – не станут отсиживаться за укрытиями и пойдут на штурм, не дав нам ни малейшей передышки.

Почти одновременно снаружи раздалось два громких хлопка. Один – у парадной стороны дома, а другой – у противоположной. А через миг здание содрогнулось от двух бабахнувших у его подножия взрывов. Только на сей раз мы не имели к ним отношения. Как следовало догадаться, это враги выстрелили по дому из подствольных гранатометов. Но стреляли они не по окнам, поскольку сейчас их целями являлись не мы. К тому же это было опасно для самих гранатометчиков: их снаряды могли отскочить от фигурных решеток и вернуться к ним с пламенным ответным приветом.

Враг метил в другие цели – двери. Или, вернее, в замки на них, поскольку сами они были слишком крепкими, чтобы взорвать их гранатой из подствольника. Зато она могла оставить в них такую вмятину, что дверные запоры просто-напросто деформировались и ломались. А в случае их особой прочности гранатометчик мог выстрелить повторно в то же место.

В нашем случае добавки не потребовалось. Дом содрогнулся от грохота, после чего стрельба по третьему этажу сразу прекратилась. А когда мы сообразили, что стряслось, и бросились к окнам, чтобы обстрелять бегущих врагов на подходе, выяснилось, что те нас опередили. Мы лишь успели заметить, как они, распахнув поврежденные двери, врываются в здание сразу с двух сторон. И берут под свой контроль первый этаж, который мы, впрочем, так и так не удержали бы втроем.

Нахрап был главным преимуществом спецназовцев. Но мы не зря притащили с собой гору оружия, чтобы позволить им одержать над нами легкую победу. У нас было, чем сбить с них спесь, хотя теперь, когда решетки не мешали врагу метать в нас гранаты, он стал еще опаснее и злее.

В доме между этажами имелась всего одна лестница. И при нашей огневой мощи она грозила стать для штурмующих натуральным «Фермопильским проходом». В данный момент нас это устраивало, а вот их – категорически нет. Однако у них имелась взрывчатка, и они могли пробить в бетонных перекрытиях еще несколько брешей. А заодно – оглушить нас

этими взрывами. При грамотном подходе можно было произвести их так, чтобы не обрушить несущие стены здания и не развалить его целиком. Вряд ли такое удалось бы каким-нибудь бандитам, но спецназовцы наверняка проходили курс подрывного ремесла и хорошо в нем разбирались.

Проку от сабли Равиндера сейчас не было, поэтому он тоже взял в руки скорострельную пушку. И поддержал нас, когда мы с Панкратом выставили огневой заслон на пути рвущихся на второй этаж «черных». Пройти сквозь шквал летящего в них свинца они не сумели, но изловчились бросить снизу на лестничную площадку парочку гранат. Чем вынудили нас прекратить стрельбу и отпрянуть за стены.

Гранаты были обычными – такими же, какие до этого швыряли мы. Они не обрушили бетонную лестницу, но их осколки разлетелись повсюду. Про пыль и обломки штукатурки и говорить нечего. А вслед за ними в нас полетели и пули – это спецназовцы, воспользовавшись неразберихой, ринулись на штурм второго этажа.

Высунув из-за углов одни лишь стволы, мы встретили нападающих плотным слепым огнем. И услышали, как наши пули зазвенели о какой-то металл. Что за ерунда! У спецназовцев не имелось при себе переносных штурмовых бронещитов. Также, как ни на лестнице, ни под ней не валялось ничего большого и металлического. Тогда откуда там взялась эта железяка? С потолка свалилась, что ли? Но откуда она могла взяться на потолке?

Ананас был озадачен тем же вопросом. Выглянув мельком из-за укрытия, он тут же спрятался обратно, но ему все-таки удалось раскрыть для нас эту тайну.

– Дверь между кухней и гаражом! – прокричал напарник. – Они сняли ее с петель и сделали из нее щит!

Ага, теперь все ясно! Выход, по которому можно было попасть из дома в гараж, тоже перекрывала железная дверь, поменьше и полегче тех, через которые прорвались «черные». Она свободно навешивалась на шарниры, поэтому захватчикам не составило труда ее снять. И сейчас это обстоятельство сыграло на руку нашим врагам, что оценили пуленепробиваемую толщину своей находки и пустили ее в дело.

Не предусмотрев такой маневр врагов, мы позволили им отвоевать у нас и второй этаж. А вот прорваться с помощью металлического щита на третий у них вряд ли получится. Еще до того, как они пошли на штурм, Панкрат забросал последний лестничный пролет всяким крупногабаритным хламом: обломками мебели, стенной облицовки и половых досок. Быстро

спуститься по загроможденной лестнице, держась на перила, было еще можно, а вот подняться – уже нет.

Вдобавок у нас стоял наготове большой матрац от двуспальной кровати. Которым мы немедля перегородили выход с лестницы, когда стало ясно, что спецназовцы находятся совсем близко от нас. Со второго этажа они уже могли забросить гранату на третий, прямо нам под ноги. Но с матрацем, который перегораживал собой почти весь проход, мы оставляли для пролета гранат слишком мало пространства. И «черным» надо будет постараться, чтобы попасть в этот просвет, потому что иначе гранаты отскочат от пружинистого барьера и улетят обратно.

Наступал решающий этап сражения, делать ставки на исход которого я сейчас вряд ли рискнул бы. Мы представляли себе все вероятные вражеские ходы, а враг наверняка представлял наши. Вопрос лишь в том, у кого из нас имелось в запасе больше козырей, и кто сумеет правильнее ими распорядиться. Вопрос, окончательный ответ на который будет дан в течение ближайших десяти-пятнадцати минут…

Глава 15

Оккупировавший второй этаж противник решил взять короткую передышку. Чем дал заодно передохнуть и нам. Пока мы с ним воевали, нам было некогда смотреть в окна. И потому первое, что я сделал, когда пальба и взрывы утихли, это пошел разведать обстановку. Узнать, не изменилось ли что на хуторе после того, как здесь началась война. На такой шум грозили сбежаться все окрестные копатели, но сейчас я был бы этому несказанно рад. Двери нашего дома вновь были открыты, и ворвись сюда зомби, «черным» вмиг стало бы не до нас.

Увы, но треклятое «правило Квадро» как всегда выполнялось безукоризненно. Стоило мне подумать, что было бы здорово, нагрянь к нам в гости еще и копатели, и они как будто вымерли сразу во всей округе. И это при том, что к югу от Муравьиного двигалась зэд-волна, чьи брызги, по идее, должны были уже до нас долететь.

Впрочем, кое-что любопытное я все-таки заметил. Вернее, кое-кого. Это был не копатель, а тот спецназовец, которого придавило теплицей, развалившейся от взрывов наших гранат. Он не получил серьезных травм и, придя в себя, сумел выбраться из-под обломков без посторонней помощи. И сразу решил присоединиться к соратникам, попавшись мне на глаза в тот момент, когда он ковылял, прихрамывая, к черному ходу.

С такого расстояния я мог бы ухлопать бойца в бронежилете с одного выстрела, всадив ему пулю в лицо или в горло. Но я так не сделал, а поступил с ним хитрее: выхватил из кобуры Бедлам и прострелил ему коленную чашечку.

Спецназовец споткнулся и опять расстелился на земле, схватившись за раненое колено и зарычав от боли. Надо полагать, боль и впрямь была адская. Любой другой на его месте так и лежал бы, корчась и матерясь, пока к нему не прибыла бы подмога. Но этот тип оказался довольно крепким орешком и был готов сопротивляться, несмотря ни на что. Краем глаза он заметил, откуда в него стреляли, и, вскинув одной рукой пистолет-пулемет, шарахнул очередью в мое окно. Вот только метко стрелять, когда рука дрожала от боли, он не смог. И потому все его пули ушли выше – в карниз.

Враг промахнулся, но следующая его очередь могла быть выпущена удачнее, и это меня пугало. Бедлам рявкнул второй раз, и та рука противника, что удерживала оружие, тут же выронила его и повисла плетью. Спецназовец заорал еще громче, ну да кто бы на его месте не заорал, если бы ему помимо колена

прострелили еще и плечо?

Вопли и брань незадачливого вояки долетели до ушей его товарищей. Судя по раздавшемуся внизу топоту, они дружно бросились к окнам, дабы выяснить, что творится за домом. И сразу же поняли, в какую переделку угодил их собрат. Но я хотел, чтобы они поняли не только это, а кое-что еще. И потому обратился к ним с короткой разъяснительной речью:

– Эй, вы там, под лестницей! Слушайте внимательно! Ваш еще живой приятель у меня на мушке, и я могу прикончить его в любую секунду! Если хотите, чтобы он не лишился башки, забирайте его и проваливайте вон из поселка! Обещаю, что мы не будем стрелять вам в спины! А если вдруг попробуете вернуться!..

– А теперь слушай ты нас, бандит, наемник или кто ты там есть на самом деле! – перебил меня раздавшийся со второго этажа, грозный голос. – Выстрелишь еще раз в нашего товарища или, не дай бог, убьешь его, я обещаю: когда мы до вас доберемся, вы издохнете в таких муках, какие не сможете себе вообразить…

Я тоже был вынужден перебить выдвинувшего мне встречный ультиматум врага. И, пустив в заложника третью пулю, раздробил ему левую ступню. Все это случилось на глазах спецназовцев, так что они удостоверились в том, что я готов подкрепить свои слова делом. А вот им в этом плане было сложнее. Чтобы предать нас мучительной смерти, им требовалось сначала взять нас живьем. И – неминуемо потерять лежащего во дворе соратника. Опасный труд, от которого они могут в принципе отказаться, и их соратник останется в живых. Да только откажутся ли? Зависит от того, что для них важнее: выполнение боевого задания или спасение товарища по оружию.

– Станешь опять мне угрожать, и я отстрелю твоему приятелю какую-нибудь более важную часть тела, – пообещал я врагу, вынимая из револьверного барабана три пустые гильзы и вставляя вместо них новые патроны. – Ну так что, солдат? Мы поняли друг друга, или мне продолжить упражняться в стрельбе?

– Погоди, не стреляй! Ладно, так и быть, давай поболтаем, – пошел на попятную вражеский переговорщик. – Как вы уже поняли, у вас возникла серьезная проблема, с которой вам просто так не разобраться. И даже если мы уйдем, она для вас никуда не исчезнет. Потому что мы обязательно вернемся, и нас будет уже не шестеро, а как минимум полсотни.

– Да о чем вообще идет речь, солдат? – изобразил я удивление. – В чем мы перед вами виноваты? Все это – явно какая-то ошибка, и мы – вовсе не те, кого вам поручили разыскать и убить.

– Следы тех, кто убил нашего человека, ведут в этот

поселок, – ответил «черный». – А поскольку вы единственные, кто здесь обитает, значит, ошибка исключена. Мы пришли точно по адресу.

– Ни хрена подобного! – Пока нас не начали пытать, я не собирался признаваться в чем бы то ни было без предъявления мне веских улик. – Мы не убиваем чисторуких, так что забирайте своего раненого и проваливайте отсюда! Идите, ищите настоящих убийц, а не наезжайте почем зря на невиновных граждан!

– Они не уйдут, Иваныч, – заметил вполголоса Панкрат, попыхивая сигаретой. – Просто тянут время, а сами сейчас закладывают взрывчатку или типа того. Знаешь, бывают такие специальные заряды для пробивания дыр в стенах и бетонных перекрытиях. У спецназа, который в тюрьмах бунты подавляет, такие заряды всегда при себе имеются. Так что и у этого, небось, тоже есть.

– Почему ты уверен, что они не хотят снести все здание целиком?

– Будь у них при себе столько взрывчатки, зачем бы они лезли под наши пули? Заложили бы все это добро еще внизу, запустили бы таймер взрывателя, а потом удрали бы от дома, да и дело с концами.

– Твоя правда, – согласился я. – А где именно должно рвануть, как думаешь?

– Я тебе что, инженер? – пожал плечами Панкрат. – Но если они хотят, чтобы их самих не убило рухнувшим потолком, то лучше, конечно, пробить дыру в одной из крайних плит. Тех, которые опираются на капитальные стены не с двух, а с трех сторон. Такие перекрытия самые устойчивые. Даже если они вдруг переломятся пополам, то не обрушатся, поскольку у них есть дополнительная, третья опорная грань.

– То есть ты предлагаешь…

– Я предлагаю находиться в коридоре. Его эти твари точно не взорвут. А если и взорвут, то им же будет хуже.

– Как и нам, – поморщился я. После чего снова обратился к подозрительно умолкшему противнику: – Эй, солдаты! Что-то вы не шевелитесь, как я погляжу! Разве вы не должны быть уже на полпути к околице вместе со своим подстреленным другом?

– Да-да, извини! Не стреляйте, мы уже уходим! – ответил мне все тот же голос. Только теперь он звучал тише и с другой стороны – видимо, переговорщик переместился за это время в противоположный конец этажа. – Уже уходим, да! Только не стреляйте, окей?… Окей?

– Назад, Иваныч! – внезапно крикнул Ананас. – Эти суки занимают позиции для атаки! Похоже, щ-ща рванет, мать ее!..

Дважды просить не пришлось. Забыв о валяющемся внизу заложнике, который был у меня на прицеле, я бросился в коридор, к товарищам. Чему-чему, а интуиции Панкрата можно доверять. И если он унюхал жареное, значит, ему наверняка это не пригрезилось.

Все дальнейшее продлилось не более полуминуты. Сначала пол под нами содрогнулся так, что мы аж подпрыгнули. И тут же со второго этажа донесся повторный грохот, как будто там с интервалом в секунду уронили на пол что-то тяжелое и твердое.

Собственно, именно так все и было. Это громыхнули вырубленные в перекрытиях и упавшие вниз, их фрагменты – квадраты бетона размерами примерно метр на метр. Заряды пластиковой взрывчатки, которыми это было сделано, имели вид тонких полосок. Четыре таких полоски, наклеенные на потолке квадратом, производили направленный взрыв и прорубали там люк. А в нашем случае, как оказалось – не один люк, так как враг устроил сразу два одинаковых взрыва в разных комнатах, на противоположных краях этажа.

Хитер, что и говорить!

Взрывы эти не причинили нам вреда, поскольку большая часть их энергии ушла на разбивание плит. Чего нельзя сказать о пыли. Она мгновенно разлетелась и по второму этажу, и по нашему, клубами вырвавшись из комнат в коридор. Но мы, разумеется, боялись не ее, а спецназовцев, что должны были вторгнуться сюда под ее покровом. Быстро подсадить товарища в потолочную брешь и под его прикрытием забраться туда самому – для тех, кто прошел военную школу, это был вопрос считанных секунд. Но прежде чем они так сделали, в каждый пролом влетело по гранате, и на третьем этаже прогремели новые взрывы.

Находись мы сейчас не в коридоре, а в комнатах, возможно, штурмовикам вовсе не пришлось бы по нам стрелять – хватило бы и гранат. Но коридорные стены были достаточно крепкими, чтобы защитить нас от ударной волны и осколков. Если не считать наших заложенных ушей, атака вышла в основном психологической. Но этого оказалось достаточно, чтобы мы замешкались и дали врагу отобрать у нас инициативу. И когда мы наконец-то перешли к ответным действиям, двое противников уже вторглись на наш этаж и поливали запыленные комнаты автоматными очередями. А еще двое были готовы присоединиться к ним, и уже лезли в бреши с подставленных снизу столов.

Спецназовцы все сделали правильно. И просчитались лишь в одном – нас не оказалось в комнатах, которые они усеяли свинцом и гранатными осколками. Фактор внезапности, на который они сделали ставку, им не помог. И когда настала наша

очередь встречать гостей огнем, вышло так, что мы прятались от них за углами, а они очутились посреди комнат, которые мы из-за тех углов обстреливали.

Всего комнат на третьем этаже было три. И хоть его полностью затянула пыль, по шуму мы определили, в какие из них проник враг. Не вставая с пола, Ананас сунул ствол «Вепря» в ближайший дверной проем, и, выстрелив несколько раз, усеял картечью помещение. После чего по звуку упавшего тела определил, что как минимум один из спецназовцев был выведен из строя.

На самом деле все получилось несколько иначе. Грохнувшийся на пол «черный», был еще жив и вполне боеспособен. В отличие от своего напарника, который в этот момент вылезал из люка. И если первому картечь изрешетила ноги, то второму она угодила в голову. И шлем с забралом его не спас. Не успев выбраться наверх, он рухнул обратно в разлом, только шум от его падения мы не расслышали за грохотом выстрелов.

Спецназовец с простреленными ногами был ослеплен болью и открыл огонь по двери сразу, как только упал. Ему бы чуть-чуть повременить: притвориться мертвым, дождаться, когда Панкрат сунется в комнату, а уже затем прикончить того исподтишка. Но раненый застрочил из автомата сразу, как только очутился на полу, и не дал Ананасу покинуть укрытие. Ну а тот выпустил ему в ответ столько картечи, сколько ее понадобилось для того, чтобы из комнаты перестали вылетать пули.

Автоматные выстрелы умолкли прежде, чем у Панкрата опустел магазин. И умолкли, судя по всему, окончательно. Между тем, как на втором нашем фронте битва еще только началась – мне потребовалось чуть больше времени, чтобы оклематься после взрывов, и встретить спецназовцев подобающим образом.

Равиндер находился рядом со мной по другую сторону дверного проема. Поэтому, стреляя в силуэт, возникший в пыли на фоне пробивающегося через нее, оконного света, я не мог ошибиться и угодить в своего. В пистолете-пулемете, из которого я палил, когда враг штурмовал лестницу, кончились патроны, и я был вынужден снова взяться за револьверы. Их экспансивные пули не пробивали бронежилеты, но нарваться на такую пулю с расстояния в несколько шагов было все равно, что получить удар кувалдой. А то и покруче.

Я брал пример с Ананаса и тоже стрелял из укрытия, не высовываясь в дверной проем. Две пули из Бедлама угодили спецназовцу в грудь и отбросили его к окну. Если бы не решетка, он вывалился бы наружу, а так его лишь припечатало к ней

спиной. После чего он плюхнулся задницей на подоконник и мешком сполз на пол. Ублюдку повезло, если пулевые удары всего лишь шокировали его и лишили сознания, а не убили Впрочем, выяснять эти подробности было некогда. Второй спецназовец либо уже находился в комнате, либо вот-вот должен был в ней объявиться.

Так и есть! Еще один темный силуэт промелькнул на фоне окна и пропал, очевидно, сразу же прижавшись к стене. Так, чтобы мы не могли достать его, стреляя из-за угла. Две короткие очереди впились в дверной косяк, обдав меня и Сингха щепками и лишний раз намекнув, чтобы мы не совались внутрь. Спецназовец видел, что стряслось с его приятелем. Но еще не знал о судьбе второй штурмовой группы. И, очевидно, не терял надежды, что ей повезет больше, и она вот-вот ударит нам в тыл.

Комната была самая большая на этаже, и в ней хватало выступов, где «черный» мог спрятаться. Останься у нас гранаты, я не пожалел бы их, чтобы устранить эту угрозу. Но без гранат приходилось выкручиваться обычными методами, что было намного муторнее, да только куда деваться?

– Что у тебя? – осведомился я у перезаряжающего карабин Панкрата.

– Кажись, чисто! – доложил тот. – Хотя проверить не мешает!

– Проверь! – велел я и добавил: – А как проверишь, пальни по моей команде разок-другой в межкомнатную перегородку метрах в полутора от угла. Сдается мне, эта тварь засела где-то по ту сторону стены. И если ты в нее не попадешь, то точно напугаешь до усрачки!.. Равиндер!

– Да, господин Степан!

– А ты, пока Ананас проверяет комнату, сделай-ка, брат, вот что, и как можно скорее…

– Эй, солдат! – обратился я к последнему врагу, когда мои товарищи разошлись в указанные места. – Бросай оружие и сдавайся! Ваша затея провалилась! Все твои приятели мертвы! Если не веришь, покричи, спроси, каково их самочувствие!

Спецназовец кричать не стал – испугался, что рассекретит свое укрытие, – но этого и не требовалось. Дабы понять, что я прав, ему надо было лишь прислушаться к тишине, что наступила после учиненного ими грохота. Единственные звуки, которые доносились до ушей «черного», издавали мы. Из чего он мог сделать для себя неутешительные выводы. И либо сдаться, либо удариться в бегство, либо пасть смертью храбрых. Хотя в последнем отсутствовал бы всякий смысл. Никто кроме нас не узнал бы о героизме этого вояки, а прославлять его мы, разумеется, не собирались.

Делать столь непростой выбор спецназовцу, наверное, еще ни разу не доводилось, вот он и замешкался. Мне же вся эта свистопляска порядком надоела, и я решил его поторопить.

– Можно, Панкрат! – дал я отмашку Панкрату. Он уже убедился в том, что все нашпигованные им картечью враги мертвы, и стоял, готовый к новым подвигам, в указанном мной месте.

«Вепрь» дважды шарахнул по дощатой межкомнатной перегородке – не слишком толстой и потому проницаемой для пуль и картечи. Проницаемой как в одну, так и в другую сторону. Поэтому Ананас выстрелил и тут же отскочил за стенной выступ, пока в него не прилетела ответная очередь. Которая могла и не прилететь, если он, пальнув наобум, угадал, где засел враг, и попал в него.

Если и попал, то не смертельно. По крайней мере, враг еще был способен перемещаться и вести огонь. Панкрат вывел его из замешательства, и он сделал наиболее разумный выбор – бросился обратно к пролому, отстреливаясь на бегу очередями.

Я мог бы подстрелить спецназовца за миг до того, как он спрыгнул на второй этаж, но тоже не стал лезть под пули. Дождавшись, когда враг скроется с глаз, я вошел в комнату, всадил на всякий случай пулю в лоб валяющемуся у окна врагу и, держа револьвер наготове, осторожно приблизился к бреши.

– Ну что там, Иваныч? – поинтересовался возникший на пороге комнаты Панкрат.

– Как у нас дела, Равиндер? – переадресовал я его вопрос, выкрикнув тот прямо в брешь.

Со второго этажа не донеслось выстрелов, а, значит, беглец ушел от нас совсем недалеко – насколько ему это позволил подкарауливший его внизу сикх. Который сбежал по лестнице и очутился там прежде, чем мы спугнули врага, загнав его обратно в брешь.

Пенджабец показался мне на глаза, держа в руке окровавленный талвар. В принципе, ему было уже необязательно отвечать на мой вопрос, поэтому он всего лишь утвердительно кивнул. И снова скрылся с моих глаз, отправившись, видимо, обыскивать и разоружать свою жертву.

– Полный порядок! – оповестил я вопросительно взирающего на меня Ананаса.

– Надолго ли? – пробурчал он, закуривая очередную сигарету. – Чует моя печенка, Иваныч, что сегодня мы с тобой разворошили большое осиное гнездо. И что эти твари теперь не успокоятся, пока не зажалят всех нас до смерти.

– И у тебя есть мысль, как нам с ними помириться?

– Есть, ясен пень! Зуб даю, они нас простят, если мы возьмем и застрелимся прямо здесь и сейчас, – мрачно пошутил напарник.

– Это завсегда успеется, – проворчал я, будучи не в восторге от такой перспективы. – Не знаю, как ты, а я перед вышибанием себе мозгов был бы не прочь кое с кем поболтать. Должен же, в конце концов, хоть кто-то объяснить нам, во что мы вляпались.

– Ежели ты имеешь в виду ублюдка с тремя дырками, который валяется во дворе, то я сомневаюсь, что он будет для нас полезен, – усомнился Ананас. – Это же солдат, а таким, как он, много знать не положено. Таким обычно тычут пальцем, в кого им стрелять, и вся недолга. А они и рады выслужиться перед всякой сволочью, не задавая лишних вопросов.

– А мне от него многого и не надо, – заметил я. – Как говорится, с паршивого врага хоть горсть патронов… Пускай расскажет хотя бы то, что ему известно, ведь мы, в отличие от него, не знаем вообще ничего…

Глава 16

Драпать из Муравьиного пришлось быстро. Надо было сделать это, прежде чем экипаж вертолета поймет, что у группы на земле возникли проблемы, и снова поднимет свою машину в воздух. А поймет он это после того, как спецназовцы в очередной раз не выйдут на связь. Конечно, мы могли бы попробовать выдать себя за них, воспользовавшись трофейной рацией, вот только нам были неизвестны их позывные и опознавательные коды. И выпытывать их у пленника являлось бесполезно. Наверняка он назовет нам ложные, озвучив которые в эфир, мы сами предупредим таким образом пилотов об опасности.

Второй лежавший за домом головорез, как выяснилось, был мертв. Его прикончил вонзившийся ему в затылок, гранатный осколок. Прятать его тело нам было некогда. Да и незачем – все равно, вертолетчики быстро определят, какое здание штурмовал спецназ. В общем, собрав с вражеских тел одни лишь боеприпасы, мы раздели пленника до нижнего белья – на случай, если в его форме или амуниции имелся жучок, – наскоро перевязали ему раны и рванули прочь из хутора. Разумеется – на север, в противоположном направлении от места посадки вертолета.

Пленник потерял достаточно крови и мог в любой момент лишиться сознания. Поэтому мы не стали ждать, когда Равиндер довезет нас до какого-нибудь укрытия и взялись допрашивать спецназовца прямо на ходу. Пытки при допросе не понадобились. Человек с раздробленным коленом и ступней, а также простреленным плечом, испытал достаточно боли, чтобы напрашиваться на новую. Хотя совсем без насилия таки не обошлось. Но оно было нужно лишь затем чтобы приводить раненого в чувство и не дать ему утратить ясность мысли.

Трудно представить, чтобы в таком состоянии человек смог бы плести складные небылицы. Поэтому я счел, что пленник нам не врал. Знал он, как и предсказывал Ананас, совсем немного. Но и этой информации хватило, чтобы пополнить нашу скудную базу данных о «черных», состоящую пока из одних теорий и догадок.

«Черные колонны»…

Само собой разумеется, что те, кто разъезжал в них по миру, сами себя так не называли. Все эти люди работали на некий фонд «Гегемония» и принадлежали как правило к одному из его многочисленных филиалов. Каждый из которых имел собственную иерархию и структуру и был разбит на несколько закрытых отделов. Чьи работники исполняли лишь свои ограниченные функции и не были посвящены в то, чем

занимаются их коллеги из других подразделений.

Наш пленник, которого звали Олегом Кукушкиным, был завербован «Гегемонией» в Нижнем Новгороде, проходил подготовку в тренировочном лагере неподалеку от подмосковной Балашихи, после чего был направлен на службу в Арзамас. В обязанности Кукушкина и его сослуживцев входили охрана людей и грузов, эвакуация сотрудников фонда из районов повышенной опасности, зачистка местности и зданий и прочие действия, характерные для силовых подразделений. Короче говоря, Олег сотоварищи делали все то, что им приказывало командование. И были уверены, что служат великой и благородной цели, ведь организация, чьи интересы они защищали, вела борьбу с охватившей Землю пандемией.

Кем были и чем занимались те сотрудники «Гегемонии», которых ее спецназ охранял, сопровождал и эвакуировал? Кукушкину это было знать не положено, но на ученых они не походили. По крайней мере, Олег ни разу не видел, чтобы они разворачивали полевые лаборатории и вели какие-нибудь исследования. Да, у них имелось при себе оборудование, но для чего оно было нужно, охранники не догадывались. Были лишь в курсе, что вся эта техника очень ценная, и что ее также следовало оберегать. Бывали случаи, когда ради ее спасения сотрудники фонда даже жертвовали своими жизнями. А если спасти ее не представлялось возможным, она уничтожалась с помощью гранат и взрывчатки.

Сунутое Кукушкину под нос устройство, которое мы забрали у мертвого Ходока, тоже являлось ценным. В чем Олег нас клятвенно заверил, поскольку видел такие штуковины в действии. Я тогда угадал: это действительно был сканер. Только искал он не металлические предметы и не электронику, а оборудование «Гегемонии». То, которое странные «исследователи» фонда размещали, бывало, в укромных местах на определенный срок, а потом снимали и увозили его обратно на базу. Обычно оно хорошо маскировалось. Но не стоило исключать, что его могли обнаружить и прибрать к рукам какие-нибудь проходимцы. Для того, чтобы потом их найти, и были придуманы эти компактные сканеры.

Отряд Кукушкина примчался сюда после того, как на базу «Гегемонии» в Арзамасе – ближайшую к Саранску, – поступил тревожный сигнал от одного из агентов фонда. А поскольку этот агент был не простым шпионом, а шпионом, работающим с вышеупомянутым оборудованием, на его спасение были брошены вертолет и целая группа спецназа. Которая, прибыв на место, отыскала труп Рустама, поняла, что опоздала, и задействовала

оперативный сценарий, разработанный специально для подобных случаев.

Сценарий тот был предельно прост: враги, покусившиеся на жизнь агентов фонда, подлежали уничтожению. Брать в расчет, что это не мы убили Ходока, а зомби, никто не собирался. С какой стати? Быстрое и жестокое отмщение врагам вроде нас являлось одним из ключевых политических принципов «Гегемонии». Если бы спецназовцы нарушили его, их бы наказали. Также их наказали бы, если бы они не доставили на базу оборудование, которым пользовался Рустам. Это была вторая причина, по которой нас требовалось непременно разыскать, потому что мы, судя по всему, увезли с собой ключ от этого оборудования, прикарманив его вместе с вещами агента.

Зачем вообще «Гегемония» вербовала шпионов среди чисторуких? Ведь она в первую очередь боролась только с копателями и, по идее, могла бы сотрудничать с нормальными людьми вроде Ректора и его общины?

Я подозревал, что задаю вопрос, выходящий за рамки компетенции простого охранника. И потому не удивился, когда тот не дал мне на него внятного ответа. А предположить, что на самом деле фонду было плевать на выживших людей, и что он преследовал лишь собственные интересы, Олег категорически не желал.

Я посочувствовал ему, как идеалисту с промытыми на службе мозгами, и решил зайти с другого боку. А именно – спросил, почему фонд носит столь красноречивое название. Не подразумевает ли это, что он вынашивает планы установить тотальный контроль над выжившим человечеством. Или того хуже: превратить его в копателей, поскольку, не исключено, что именно «Гегемония» являлась причиной зомбирования людей во всем мире.

Пропагандисты фонда, надо отдать им должное, и тут поработали на славу. Сама постановка моего вопроса показалась Кукушкину абсурдной, ведь каждому бойцу в «Гегемонии» известно, что это не так. Гегемония человека на планете закончится сразу, как только мы захороним себя в Котловане и уступим трон царя природы другому животному виду. Для того, чтобы этого не произошло, и все вернулось на круги своя, и был создан данный фонд. Фонд пока еще гегемона Земли – человека! Который будет и дальше отстаивать свое право называть себя так, поскольку мы завоевали его в нелегкой эволюционной гонке, длившейся сотни тысяч лет…

Поняв, что мне больше не вытянуть из Кукушкина ничего полезного, я решил, что настала пора от него избавляться. Проще

всего это было сделать, пустив ему пулю в висок или попросив Панкрата свернуть ему шею. Однако Панкрат, который только что отвешивал Олегу подзатыльники, нахмурился и помотал головой, когда я знаками намекнул ему, что наш разговор с пленником окончен.

Что ж, известная история: когда пленники покладисты и не играют в молчанку, напарник поневоле добреет и утрачивает желание пускать им кровь. Ох уж эта его несвоевременная сентиментальность!.. Я недовольно поморщился. Но поскольку во мне тоже угасла злоба к нашему несостоявшемуся убийце – тем паче, что я и так всадил в него три пули, – то я лишь махнул рукой и демонстративно отвернулся. Дескать, хрен с тобой, Ананас, поступай как знаешь, а я умываю руки.

– Давай высадим парня вон у той фермы, – предложил «гуманист», указав на огни, что зажглись в вечерних сумерках за лесом примерно в полукилометре от нас. Кроме этого света и возвышающегося над деревьями ветряка больше в той стороне было ничего не разглядеть. Но поскольку лишь хорошо защищенные люди не боялись привлечь к себе копателей электрическими огнями и шумом крыльев ветряной мельницы, догадка Панкрата насчет фермы, скорее всего, была верна. Бродяги не станут возводить вокруг поля оборонительный периметр. Таким нелегким трудом станут заниматься лишь хозяева окрестных земель, и никто другой.

– Высадим парня здесь! – выдвинул я встречное условие, не желая соваться туда, где нам вряд обрадуются. Моя идея выглядела уже не столь гуманно. Но Кукушкин должен был благодарить меня и за такую милость. – Жить захочет – сам доползет до фермеров. Ну а не доползет или наткнется на копателей, нам-то какая разница? Пусть радуется, что вообще наткнулся на гуманистов, а не на отморозков вроде Вована Дырокола.

– А вас не тревожит, господин Степан, что Кукушкин сначала получит на ферме лечение и приют, а затем вызовет сюда из Арзамаса вторую группу спецназа и убьет всех этих невинных людей? – подал голос Равиндер.

– Вот-вот! – закивал я, мысленно возблагодарив его за своевременную поддержку. – Ты это слышал, Ананас? А ведь после всего того, на что мы сегодня насмотрелись, беспокойство Сингха за судьбу здешних фермеров очень даже оправдано.

– Клянусь, что я не причиню фермерам никакого вреда! – поспешил заверить нас Олег, воодушевленный тем, что его, кажется, решили оставить в живых. – «Гегемония» не воюет с теми, кто оказывает нам помощь! Наоборот, она всегда готова

помогать таким людям всем, чем только может!

– Звучит не слишком убедительно, – заметил я. – Хотя убеждать тебе надо не меня, а громилу, который сидит рядом с тобой, ведь это он ратует за твое помилование. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что он на тебя не разозлился.

– Ладно, хрен с ним, уболтали. Пускай ублюдок выметается здесь, – согласился со мной Панкрат. Все же нам с Сингхом удалось попридержать его сердобольный порыв. Который еще чуть-чуть, и мог бы обернуться тем, что Панкрат вдобавок подарил бы Олегу какие-нибудь лекарства.

Пенджабец остановил машину, и Кукушкин, пробормотав дрожащим голосом «Спасибо, ребята!», поспешно выбрался из нее. Точнее, открыл дверцу и с громкими стонами выпал на дорогу, так как с простреленными коленом и ступней он не мог ни ходить, ни даже стоять. Да и ползать ему наверняка было мучительно, но оставаться на полевой дороге он явно не собирался.

Теперь ему предстояло весьма суровое испытание. Возможно, самое суровое из всех, что когда-либо выпадали на его долю: проползти полкилометра по траве и постараться, чтобы дозорные на ферме не спутали его с копателем и не пристрелили почем зря. Хотелось бы мне узнать, каким будет финал злоключений Кукушкина. Вот только если наши пути вдруг опять пересекутся, мне, скорее всего, придется убить его безо всяких разговоров. Ну или ему меня – смотря, как карта ляжет.

Высадив нежелательного пассажира и бросив его на произвол судьбы, мы покатили дальше. Хорошо, что вместо погони за нами вертолетчики решили остаться в Муравьином и выяснить, что случилось с оперативной группой. Это позволило нам убраться на северо-запад и скрыться в лесах где-то на границе Мордовии и Нижегородской области. Жаль, радость наша была слабым утешением на фоне грозящих нам неприятностей. Уж если за несколько выпущенных в «черную колонну», автоматных очередей «Гегемония» едва не уничтожила общину Ректора, то гибель пятерых оперативников она подавно так не оставит. Пойдет ли она сама войной на Саранск или натравит на него новую зэд-волну, неизвестно. Но нам отныне возвращаться туда слишком опасно. Вне всякого сомнения, Ходок был не единственным шпионом «черных» в городе. Возможно, таковой до сих пор скрывался даже в МГУ – почему, собственно, «черные» и пожертвовали Ходоком, так как у них было, кем его заменить. Мы привезем дяде Гоше труп предателя, обрадованный дядя Гоша закатит по такому случаю гулянку и разнесет добрую весть по соседним общинам. А вскоре слава о нашем подвиге дойдет до

«Гегемонии», и та обрушит свой гнев на Саранск. И заодно на нас, если мы все еще будем там находиться.

Проблем можно избежать, если Ректор останется в неведении насчет гибели Рустама и нашей дальнейшей судьбы. Олег Кукушкин тоже видел наши лица, но ему еще нужно дожить до своего возвращения в Арзамас. А, вернувшись, он все равно не расскажет ничего такого, о чем не будет знать его командование. К тому времени оно уже расспросит мормонов, что прятали у себя шпиона, и выведает у них куда больше, чем у Кукушкина. Но наши поиски Ходока с Ректором и МГУ фонд не свяжет – мормоны были не в курсе, что я действовал от чьего-то имени. Так что этот вариант позволит нам отвести от Саранска новую беду и взять вину за гибель Рустама целиком и полностью на себя.

Потянем ли мы эту ношу? Трудно сказать. Пожалуй, таких крутых недругов у меня в жизни еще не было. Но зачем взваливать нашу проблему на кого-то еще, если нам все равно от этого ни на йоту не станет легче?

– И куда покатим дальше, Иваныч? – спросил Панкрат, когда я ознакомил его и сикха со своими умозаключениями.

– На север. На юг. На восток… – ответил я, поочередно указав пальцем в каждое из перечисленных направлений. – По-моему, без разницы. Главное, это убраться из Мордовии туда, где «гегемоны» нас не станут искать. Поищем работенку где-нибудь на задворках. Оружие у нас есть. Патроны тоже. Копателей в мире меньше не становится. Так что, полагаю, с голодухи не помрем. Довезем завтра утром Равиндера до окраины Краснослободска, раз уж все равно в ту сторону едем. Потом похороним Ходока и рванем оттуда дальше. И пока не уедем отсюда за пару тысяч километров, постараемся ни с кем не вступать в контакт. Ну что, как тебе идея?

– Идея сносная, – одобрил мое предложение Ананас. – Только вот одна мыслишка свербит у меня в башке и все покоя не дает. Та хреновина, которую мы у Ходока забрали… Ключ, сканер, или как ее там… Кукушкин говорил, что она указывает, где найти оборудование, которым пользовался шпион фонда. Я не предлагаю тебе ехать за теми причиндалами. Я лишь хочу врубить сканер, проверить, где они заныканы, и сразу его вырубить.

– Лучше забудь, – помотал я головой. – К чему нам эти игры с огнем? Валяется тот ключ, жрать не просит, вот и пусть валяется себе дальше. А как найдем электронщика, который скупает радиодетали, так сразу же избавимся от рустамовой игрушки, будь она неладна.

– Э-э-э, не скажи, Иваныч, – возразил Панкрат. – Я ведь не только ради любопытства хочу шпионскую заначку отыскать. Вот ты говоришь, что мы завтра в Красноблодск заедем…

– Краснослободск, – уточнил я. – И не в сам город, а лишь на окраину. В сам город соваться нет смысла, потому что он давно заброшен и разорен копателями.

– Пускай так, – отмахнулся напарник. – А теперь представь, что выезжаем мы на твою окраину, а на ней пруд пруди «гегемонов»! Оба-на, вот так встреча! И почему? Да потому что заначка Ходока так некстати была спрятана именно там, а мы с тобой, два олуха, поленились это проверить! Вот обидно-то будет, а? В смысле – нам обидно. А «черные» твари такому подарку всяко разно обрадуются.

– Думаю, ты перегибаешь палку, – ответил я, – хотя вероятность такого совпадения исключать нельзя. Ходок драпал куда-то в здешние края. Вполне может статься, что даже в Краснослободск… Ну хорошо, будь по-твоему. Расчехляй сканер, втыкай в него батарею и давай отыщем это место, чтобы завтра и правда не опростоволоситься.

Разобраться с незнакомой техникой оказалось проще простого, так как в нее была заложена одна-единственная поисковая программа. Поиск нужных координат начинался автоматически после включения прибора. Ананасу надо было лишь двигать по дисплею спутниковую карту, чтобы найти точное местоположение нанесенной на нее отметки. С чем он без труда справился, нажимая на соответствующие кнопки.

Вряд ли у фонда имелась своя спутниковая сеть. Скорее всего, он пользовался американской GPS, чьи спутники пока еще летали, а наземные станции слежения за ними работали, хотя новые аппараты на замену отслужившим свой срок на орбиту вряд ли уже выводились. Могла ли «Гегемония» использовать возможности GPS столь же широко, как Министерство обороны США? Или хотя бы половину тех возможностей, что тоже дали бы ей немалое могущество? Я был склонен предполагать для нас самое худшее. И потому не забыл вновь напомнить Панкрату, чтобы он вырубил сканер сразу, как только выяснит координаты тайника Ходока.

– О, да этих отметок тут не одна, а целых две! – удивился напарник, продолжая изучать карту. – Одна – в паре километров к западу от мормонской психушки. А вторая… вторая… – Он взялся снова нажимать кнопки управления картой. – Пропади я пропадом! Да ведь я почти угадал, Иваныч! Ходок припрятал что-то всего-навсего в полукилометре южнее нас!

– Ну-ка дай сюда! – Я протянул руку, требуя показать

устройство мне. И, получив его, удостоверился, что Ананас не ошибся. Все было в точности так, как он сказал. Увеличив масштаб карты до максимума, я хорошенько запомнил место, куда Рустам поместил ближайшую к нам отметку. А затем сразу выключил сканер, вынул из него батарею и вернул их Панкрату.

– Флажком на карте помечена деревенька, что находится прямо за этим лесом. – Я кивнул на высившиеся слева от машины деревья. – Объяснений тут может быть три. Первое: Ходок отметил не тайник, а населенный пункт, и в этом случае никакой заначки там нет. Второе: Ходок отметил заначку, и она находится в деревенской церкви, потому что флажок воткнут точно в нее, а не в какое-то другое здание. И третье объяснение: это может быть отвлекающей уловкой на случай, если сканер попадет не в те руки. Такие, как наши… И какой из вариантов, по-вашему, вернее?

– А что насчет другой отметки? – поинтересовался Ананас. – Той, что в пригороде Саранска?

– Готов поспорить, что там Рустам установил оборудование фонда, – ответил я. – Предателю было бы рискованно устраивать схрон прямо на границе города для чего-то другого. Реши я на месте Ходока припрятать нечто важное, то тоже сделал бы это здесь. Ну или в другом подобном месте – вдали от Саранска и наезженных дорог.

– А почему вы решили, господин Степан, что к югу от нас – тайник, а не еще одна техническая станция «Гегемонии», установленная Ходоком? – спросил Равиндер.

– Фонд изучает копателей. Поэтому вся его исследовательская техника должна быть сосредоточена в районах их наибольшего скопления, – пояснил я. – То есть вблизи городов, ключевых автомагистралей, речных мостов, железнодорожных узлов, товарных баз и прочих мест, где зомби проще всего добыть себе пищу. В этой глуши их мало, и лично я не вижу смысла строить здесь научно-исследовательскую станцию. Очень жаль, что Рустам не оставил под своими отметками никаких комментариев, и теперь нам приходится ломать над всем этим головы.

– Ага! – оживился Панкрат. – Значит, ты хочешь сказать, Иваныч, что «гегемоны», которые скоро нагрянут сюда из Арзамаса, перво-наперво отправятся в пригород Саранска за оборудованием, а сюда сунутся во вторую очередь? Или вообще не сунутся, потому что им может быть неизвестно об этом тайнике. А раз так, стало быть, мы можем наведаться в деревеньку и…

– Эй, не передергивай! – перебил я его. – На самом деле я

имел в виду совсем не это! Почему из Арзамаса должен прибыть непременно один отряд? Да их сюда с тем же успехом и дюжина заявится, и две. И дадут они всем прикурить так, что нам останется только самим в землю зарыться и помереть.

– И все же, согласись, идея заманчивая, – настаивал на своем Ананас. – Нам ведь не надо всю деревню обыскивать. Зайдем в церковь, прикинем, где Ходок мог замастырить свою нычку, потом, ежели подфартит, обшмонаем ее, да рванем оттуда обратно в лес, только нас и видели. Работенка не бей лежачего, займет четверть часа, не больше. Ну а наткнемся на слишком подозрительную технику, которая может нам поперек горла встать, так не будем ее трогать. Нехай себе и дальше там пылится хоть до самого конца света.

– И что ты надеешься отыскать в той церкви кроме подозрительной техники? – Идея напарника мне по-прежнему не нравилась, но стоило признать, что рациональное зерно в ней было.

– Да мало ли что, – хмыкнул Панкрат. – Ты говорил, что Ходок регулярно мотался в Москву и обратно. Допустим, мы отыщем здесь его склад, где он хранил всякое барахлишко, которое приносил оттуда. Неужто будет разумно проехать мимо такой ценной кучки, не покопавшись в ней?

– Ну, ладно, а ты что скажешь на сей счет? – обратился я к Равиндеру. Мне было трудно определиться с выбором, и я решил выслушать мнение нашего водителя. А также – претендента на долю от той гипотетической добычи, на которую мы нацелились.

– Кажется, господин Панкрат предлагает хороший план. – Поддержавший меня при решении участи пленника, на сей раз Сингх встал на сторону Ананаса. – Даже если «черные» появятся в этой деревне до утра, мы услышим их вертолет. Или увидим огни приближающейся автоколонны раньше, чем враги заметят нас. А пока вы будете обыскивать церковь, я залезу на колокольню и буду наблюдать за округой.

– Хорошо, считайте, что вы меня уболтали, – сдался я. – И правда, почему бы нам не согрешить на ночь глядя еще разок – не поехать и не ограбить церковь! Если наш друг из Пенджаба решил на прощание вляпаться с нами еще в одну неприятность, было бы невежливо ему в этом отказывать…

Глава 17

На нашей электронной карте почему-то отсутствовало название этой деревни, хотя она была покрупнее хутора Муравьиный. Точнее говоря, была покрупнее до тех пор, пока ее не уничтожил пожар. Случилось это, по всем признакам, пару лет назад, потому что обугленные руины успели зарасти травой и не воняли гарью. И если в Муравьином мы еще рисковали наткнуться на отшельников-хуторян, здесь ничего такого с нами произойти не могло. Здесь чисторуким было попросту негде жить. Разве что в церкви, чьи каменные стены оказались пожару не по зубам. Хотя сейчас, на пороге осени, когда ночи стали длиннее и холоднее, обогреть столь просторное помещение являлось нереально. Вдобавок в его зияющих чернотой, сводчатых окнах отсутствовали стекла, что также делало его непригодным для проживания.

Мы добрались до цели, когда окончательно стемнело. И без труда отыскали церковь, которая и раньше была самой высокой постройкой в округе, а ныне тем более. Пожар нанес и ей кое-какой урон, спалив крыльцо, массивную дверь и оконные рамы, а также покрыв копотью стены. Возможно, церковь пострадала от огня и внутри, если, конечно, мародеры или вандалы не добрались до ее убранства раньше.

Было сомнительно, чтобы кому-то взбрело в голову устроить тайник в здании, куда мог беспрепятственно проникнуть любой – от копателей до тех же «гегемонов». Но, зная хитрого Рустама, я подозревал, что он на это и рассчитывал. Никто не станет искать схрон там, где все было давно истоптано и исхожено. Лишь нас – обладателей нужной информации, – не могла смутить эта разруха. И мы не намеревались покидать церковь, пока не обшарим все ее уголки. И не выясним, окончательно, кто мы такие: претенденты на наследство Ходока или простофили, клюнувшие на его уловку.

Заброшенность и отсутствие дверей были хорошей маскировкой. Однако не стоило исключать, что Рустам установил вокруг своего тайника ловушки вроде мин или гранатных растяжек. Любой, кто совершает рейды в Москву, знаком с подрывным делом, потому что в тех краях без этого никуда. От преследующей тебя, орды копателей лучше всего отбиться, разбросав позади себя мины. Или отправив ее в другом направлении грохотом дистанционно взорванного заряда. Поэтому при входе в церковь нам нужно было тщательно смотреть себе под ноги. Да и по сторонам – тоже. Экономя

дорогостоящую взрывчатку, Ходок мог понатыкать здесь простые охотничьи самострелы, что могли нанести нам не менее серьезный урон.

С идеей отправить Равиндера дозорным на колокольню пришлось сразу расстаться. Ведущая туда, деревянная лестница сгорела во время пожара, который, как и предполагалось, не остановился на дверях и окнах и прошелся по всему остальному. Попытки сикха взобраться по груде лестничных обломков хотя бы до одного из окон также не увенчались успехом. Обгорелые балки и доски были слишком хрупкими и ломались даже под весом худого и жилистого пенджабца.

– Ладно, забудь о колокольне, – велел я ему, опасаясь, как бы он в порыве героизма не занялся верхолазанием без страховки. – Обойдемся без этого. Просто почаще выглядывай наружу и осматривайся. А сейчас помоги нам с поисками – все же два пары глаз хорошо, а три лучше.

Трудились в свете переносного фонаря, подключенного к автомобильному аккумулятору. Задачка была не из легких, но, зная привычки Ходока, на другую я и не рассчитывал. Разве только, копаясь в обгорелом мусоре, мы и правда искали в темной комнате ту самую пресловутую черную кошку, которой тут не было. Но поскольку автор сей шутки Ходок являлся мертвецом, то и смеяться над нами кроме нас самих было некому. Не бог весть какое утешение, но за неимением другого сойдет и оно.

Раз в пять минут Равиндер выбегал на улицу, где прислушивался к ночным звукам и приглядывался, не мелькнет ли во тьме вспышка света. Откуда-то с юга доносилась стрельба, к счастью, далекая и вялотекущая для полноценного боя. Очевидно, это хозяева какой-нибудь фермы неторопливо отстреливали ошивающихся у периметра копателей. Которые могли объявиться и здесь. Но сейчас нас больше напугали бы не они, а свет автомобильных фар. Или того хуже – вертолетных прожекторов. Тем не менее, пока ничего подозрительного в окрестностях деревни не обнаруживалось. И, как очень хотелось надеяться, не обнаружится еще хотя бы пару часов.

После двадцать минут безуспешных поисков я был готов сдаться. Но Ананас все еще не растерял энтузиазм и продолжал рыться в мусоре, а также простукивать палкой стены и пол. Единственное, что мы не трогали, это кучу головешек, что когда-то была лестницей. Вернее, сначала мы хотели в ней покопаться, но обломки были слишком громоздки, тяжелы и вдобавок застряли в узкой лестничной шахте так, что выдрать их оттуда можно было только лебедкой джипа. Мы бы и выдрали, но трос

был коротковат и не доставал до завала, просунь мы его хоть в двери, хоть в ближайшее окно.

– Гиблое дело, – заключил Панкрат, подергав несколько торчащих из груды, обугленных досок. – Да и непохоже, чтобы эту кучу когда-то разбирали. Не таким уж крепким мужиком был Ходок, чтобы ворочать в одиночку подобные тяжести.

Поскольку этот вердикт прозвучал из уст двухметрового громилы, ломавшего бандитские шеи, как спички, то мне и в голову не пришло оспаривать его авторитетное мнение. И я больше не взглянул бы на обрушенную лестницу, кабы не Равиндер. Он не слышал, что сказал насчет нее Ананас, поскольку выходил наружу. А когда вернулся, то подошел к завалу и, вновь осмотрев его, взялся зачем-то скрести пальцем одну из досок.

Я хотел было попросить Сингха не валять дурака и не тратить понапрасну время. Но он, оставив в покое головешку, обратился к нам прежде, чем я открыл рот:

– Господин Степан! Господин Панкрат! Думаю, я нашел то, что мы ищем!

– Не может быть, парень! – усомнился Ананас. – Я все там осмотрел пару минут назад. Ничего особенного – обычные горелые деревяшки и только.

– Горелые, но не совсем обычные, – возразил пенджабец. – Многие из них сколочены большими гвоздями.

– Разумеется, они сколочены гвоздями! – усмехнулся я, подивившись тому, какой наш сикх профан в плотницком ремесле. – Где ты видел, чтобы деревянные лестницы делались без гвоздей или шурупов?

– Я неверно выразился, господин Степан, – поправился Равиндер. – Я хотел сказать, что многие обломки лестницы были сколочены гвоздями уже после того, как она сгорела и рухнула. Можете сами в этом убедиться, если не верите.

Разумеется, мы с Ананасом тут же все бросили, вернулись к завалу и еще раз изучили его в тех местах, куда указал нам Сингх.

Поначалу мы и правда не обнаружили там ничего странного – самые обычные, вбитые в дерево, большие гвозди. Если их заколотили туда после того, как лестница обвалилась и пожар угас, значит, тот, кто это сделал, не поленился тщательно замазать их шляпки копотью, дабы они не бросались в глаза. Удивительно, как сикху вообще удалось их разглядеть. Я бы и при дневном свете этого не смог, а ночью и подавно, даром что мы вели поиски с фонарем.

Впрочем, сами по себе эти гвозди интересовали нас постольку поскольку. Куда любопытнее было выяснить, с какой целью ими

скрепили свалившиеся в кучу деревяшки.

Хотя что тут было гадать? Все большие двадцатисантиметровые гвозди были вколочены расчетливо и основательно. – так чтобы их можно было вырвать лишь при помощи инструментов. А то, что все балки и доски перемешались между собой, не давало определить, что именно не дает их растащить по отдельности: придавившие их, другие балки и доски или же намеренно вбитые в них скрепы.

– Когда я хотел взобраться наверх, то сразу заметил, что с этой кучей не все в порядке, – пояснил Равиндер, глядя, как мы с Ананасом раскачиваем верхние обломки, тщетно пытаясь оторвать их от кучи без помощи лома. – Какая-то она неправильная. Трещит под ногами, но почти не качается и не расползается. Как видите, я был прав. Кто-то очень сильно не хотел, чтобы ее разобрали, и старательно над этим потрудился.

– Разобрать кучу будет не так-то просто, это факт, – согласился я. – Но если схрон Ходока действительно скрыт под нею, то как он сам туда попадал? Неужели всякий раз тратил полдня на то, чтобы разгрести свою баррикаду, а потом еще полдня, чтобы снова собрать ее и сколотить гвоздями?

– Вы правы: у Ходока должен был иметься другой, более рациональный способ добраться до тайника… А ну-ка позвольте! – Сингх нацелил луч фонаря в самое основание завала. После чего опустился на четвереньки и стал внимательно осматривать его нижние слои и пол под ними.

– Здесь есть нечеткий квадратный отпечаток! – известил нас сикх через некоторое время. – А рядом с ним под досками лежит железная балка. Тяжелая и тоже придавленная. Руками ее точно не вытащить.

– А руками и не надо, – ответил я после того, как тоже опустился на колени и изучил найденные Равиндером улики. – Знаешь, что это за отпечаток возле железяки? Ну же, напряги память! Ведь ты – раллист, и сам, поди, не раз оставлял на дорогах такие следы, когда прокалывал колеса.

– Автомобильный домкрат! – спохватился пенджабец. – Так и есть! И если его подсунуть под этот конец балки… вот сюда…

– …То она приподнимет весь завал! – кивнув, закончил я. – Вернее, не весь, а лишь один его край. Но этого, полагаю будет достаточно, чтобы наконец-то установить истину.

Домкрат у нас был механический, достаточно высокий и способный приподнимать такого рода грузы на метр от земли. Найдя под балкой углубление, куда Ходок втыкал рычаг своего подъемного устройства, мы установили туда же наше. И, вращая рукоятку, выкрутили домкратную рейку на максимальную высоту.

В процессе этой не слишком тяжелой работы стало понятно, что прежде чем сбить гвоздями обломки, Рустам сначала полностью разобрал завал. А затем сложил его нижний слой так, чтобы он превратился в своего рода поддон, на котором был закреплен оставшийся хлам. Домкрат и железная балка поднимали этот поддон по принципу кузова самосвала. А вместе с ним поднималось и все, что на нем лежало.

Отличная идея! Если когда-нибудь мне придется устраивать тайники в подобных местах, я непременно возьму ее на вооружение.

В яблочко! Получасовые поиски тайника, которые я едва не признал безуспешными, дали-таки первый результат. Под завалом обнаружился большой люк, ведущий в церковный подвал. Определить размеры подвала, заглянув в проем, не удалось даже когда мы опустили туда фонарь. Судя по всему, это был не погреб, а полноценный нижний уровень, сравнимый по площади как минимум с самой церковью.

Конечно, было глупо рассчитывать на то, что мы наткнемся там на мрачные тайны или сокровища. Так, как это бывает в приключенческих фильмах, чьи герои проникают в подвалы всяческих древних храмов или монастырей. Какие вообще тайны или сокровища могут скрываться в обычной деревенской церкви, подобной десяткам других церквей, которые можно отыскать в округе? Да и воняло в подвале отнюдь не романтично. Походило на то, что в него просачивалось содержимое выгребной ямы сортира, что стоял на заднем дворе церкви. Но, видимо, только просачивалось и лишь в одном месте, так как подвальный пол внизу выглядел относительно чистым и сухим.

– Вот дерьмо! – проворчал Ананас, брезгливо сморщив нос.

– Точнее не скажешь, – согласился я. И, обернувшись к Равиндеру, распорядился: – Оставайся наверху, продолжай следить за округой. А мы с Панкратом спустимся вниз и глянем, есть ли там что-то еще кроме этого дерьмового дерьма…

Подвальный коридор был не слишком широким, но достаточно высоким. Даже Ананас шел по нему в полный рост, не сутулясь. Поскольку его «Вепрь» мог в мгновение ока усеять картечью все коридорное пространство, я не держал наготове оружие, а шел позади напарника и светил у него из-за плеча фонарем, держа тот в обеих руках. Тяжелый и мощный, фонарь был способен работать автономно, от своих батарей, чей заряд мы экономили, когда имелась такая возможность. Сейчас она отсутствовала – провод, соединяющий наш светоч с машинным аккумулятором, не доставал до подвала. И я хотел надеяться, что мы доделаем здесь наши дела прежде, чем фонарные батареи

окончательно разрядятся.

Планировка нижнего уровня была элементарной. Коридор тянулся вперед, без развилок и поворотов, метров на двадцать. На каждой из его стен было по пять дверей. И еще одна находилась в дальнем его конце, на торцевой стене. Вряд ли какие-то двери вели в другие, боковые коридоры. Одиннадцать комнат и центральный проход между ними – обычный подвал в обычной церкви, где в былые времена хранились одежда и утварь, а не древние артефакты и манускрипты…

…И где сегодня воняло, будто в канализационном коллекторе!

Подвальчик ограбили еще до того, как Ходок переоборудовал его в свой тайник. Я понял это, взглянув на дверные замки, что были грубо выломаны все до единого. Аккуратный Рустам до такого варварства явно не опустился бы, а вскрыл бы их по-тихому отмычкой, как он мастерски умел это делать.

За первыми пятью дверьми – тремя справа и двумя слева, – не оказалось ничего кроме бесполезного хлама. Мы лишь бегло осматривали помещения и шли дальше, собираясь заняться их дотошным обследованием в том случае, если так и не найдем ничего ценного или заслуживающего внимания. Однако едва мы приблизились к очередной двери, как в той части подвала, которую мы еще не проверили, раздался грохот. Такой, который мог издать, к примеру, упавший на пол шкаф или нечто подобное.

Грохот донесся до нас не из-за той двери, которую мы собрались открыть. Я быстро нацелил фонарь в конец коридора, Панкрат сделал то же самое с «Вепрем». Учитывая здешнюю темень и то, что мы не рассчитывали столкнуться с врагом в месте, которое Ходок наверняка полностью обезопасил, по коже у меня побежали мурашки. Второго входа сюда, по всем признакам, не было, а иначе мы ощущали бы сквозняк. Который заодно вентилировал бы подвал, выдувая из него вонь. А, может, это просто обрушился потолок или рассыпалась какая-нибудь трухлявая мебель? Что-то слабо верится. Одного взгляда на эти потолки и стены хватало, дабы понять, что они простоят без капремонта еще очень долго. И мебель, которая нам встречалась, тоже была не настолько гнилой, чтобы развалиться самой. Да еще прямо в тот момент, когда мы вздумаем сунуться в это подземелье.

Шум утих, но не успели мы переглянуться, как он возобновился. И эти звуки уже точно издавало одушевленное существо. Так мог бы шуметь человек, который, проснувшись в незнакомой, темной комнате без окон, испытал острую потребность из нее выбраться. А этот человек, судя по всему, был

довольно крупным. И вдобавок немым, потому что, роняя подвернувшуюся ему под руку мебель, делал это молча, без ругани и проклятий.

Типичное поведение дезориентированного копателя.

– Откуда здесь мог взяться зомби? – негромко поинтересовался у меня Панкрат, не отрываясь от прицела карабина.

– Хрен бы его знал! – Я взял фонарь одной рукой, а другой вытащил из кобуры Бедлам. Мы с напарником разошлись к противоположным стенам, чтобы в случае чего вести огонь, не мешая друг другу. – Эти твари часто появляются там, где их не ждут. И, разумеется, в самое неподходящее время! Возможно, за одной из этих дверей все-таки есть другой вход. А, возможно… Твою же мать!

Я выругался, но не расслышал собственную брань. Грянувший в коридоре, новый грохот был оглушительным, почти как пушечный выстрел. Но испугался я не только его. В свете фонаря вдруг случилось нечто совершенно безумное: коридор начал резко сжиматься в длину, отчего тот его конец, к которому мы двигались, сам устремился к нам навстречу!

Уму непостижимая пространственная аномалия! И мы не наблюдали за ней со стороны, а находились прямо внутри нее!

Впрочем, это была всего лишь иллюзия, а мы стали ее жертвами. Она продлилась всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы мы угодили в переплет. И когда выяснилось, что на самом деле стряслось в коридоре, враг был уже в считанных шагах от нас.

Вот только что это был за враг! Таких огромных и уродливых копателей-берсерков я на своем веку еще не встречал. Уж на что был громилой наш Панкрат, но этот зверюга превосходил его в габаритах примерно настолько, насколько сам Панкрат был крупнее Равиндера. Копатель несся по коридору, занимая по ширине практически все его пространство! Он бы выглядел еще огромнее, если бы ему не приходилось нагибать голову и двигаться на полусогнутых ногах. Немудрено, что он с одного удара вышиб комнатную дверь, которая несколько секунд летела впереди него. Отчего нам, собственно, и почудилось, будто коридор начал сжиматься.

С треском растоптав упавшую ему под ноги дверь, чудовище тут же напоролось на наши выстрелы… И как ни в чем не бывало потопало дальше! Хотя мы отчетливо видели, что не промахнулись, всадив в него за секунду столько свинца, сколько хватило бы на умерщвление лошади! И всадили бы еще, раз оно того требовало – в данном вопросе мы были не жадные. Да

только, увы, опоздали, поскольку гигантский берсерк уже находился прямо перед нами на расстоянии удара.

Я хотел разрядить остаток револьверного барабана ему в голову, но не успел. Такая же идея осенила Панкрата, и он выскочил вперед, собираясь в упор шарахнуть врагу картечью в лицо. Выскочил и так некстати перекрыл мне линию огня, поэтому я не нажал на спусковой крючок. Что, вероятно, мне уже не придется делать. Каким бы живучим ни являлся берсерк, без головы он станет нам не страшен. Разве только его тело врежется в нас с разбега, но эту неприятность мы как-нибудь переживем.

Ананас спустил курок, но, увы, промахнулся. Монстр атаковал его раньше, и напарнику пришлось уклоняться от удара прямо в момент выстрела. Что не лучшим образом отразилось на его меткости. Сноп картечи ударил в потолок и срикошетил в пол уже позади копателя, не нанеся тому урона.

Панкрат мог бы исправить свою оплошность следующим выстрелом. Но вот досада – уклонился он тоже неудачно. Да и мог ли один громила увернуться от другого в столь тесном коридоре? Ручища берсерка заехала ему в плечо, и он, сбитый с ног, врезался спиной в ближайшую дверь. Ту самую, которую мы хотели открыть до того, как услышали грохот.

Незапертая дверь распахнулась вовнутрь и Ананас влетел в комнату, где тотчас же раздался новый грохот. Только это были уже не выстрелы, а упавший шкаф или стеллаж, который оказался на пути у Панкрата. В то время, как на пути между мной и монстром больше никого и ничего не было. И следующим своим ударом он грозил впечатать меня в стену. А то, что затем от нее отлипнет, берсерк растопчет по полу своими ножищами, будто коровью лепешку.

Пулеустойчивый гигант был всего в шаге от меня, и я не мог больше стоять на месте и хладнокровно его расстреливать. Поэтому, суматошно выпустив в него остаток барабана, я развернулся и бросился наутек к выходу из подвала. Или, говоря военным языком, предпринял тактическое отступление, хотя при взгляде со стороны оно вряд ли отличалось от панического бегства.

Так как Ананас исчез из поля зрения врага, тот без колебаний погнался за мной. Эта пробежка давалась ему труднее, чем мне: и по причине тесноты коридора, и из-за угодивших в него пуль. Последние не остановили его, но все же мало-помалу отнимали у него силы. Которых ему, впрочем, еще с лихвой хватит, чтобы разделаться со всеми нами включая Равиндера.

Конечно, сикх расслышал ударившую из-под земли канонаду. И уже спускался в подвал, когда я побежал ему навстречу.

– Назад! Наверх! Быстро! – закричал я ему. Все, что он сейчас видел, это мечущийся луч моего фонаря, который я и не подумал бросить. Зато пенджабец слышал доносящиеся из темноты топот и рычание. Поэтому без лишних вопросов развернулся и метнулся обратно, к подвальному выходу.

Достигнув его, я вслед за Сингхом взбежал по крутым ступенькам и нырком сиганул из люка в просвет между ним и нависающим над ним завалом. Потом проехал на животе по полу и энергично прополз еще пару метров. И только после этого остановился, перевернулся на бок и, наведя луч фонаря на люк, выхватил из кобуры Хаос.

Берсерк тоже мог без труда выскочить из подвала. Высоты, на которую мы подняли груду обломков, хватило бы, чтобы выпустить его наружу. Успею ли я всадить ему пулю в глаз прежде чем он вскочит на ноги? Теоретически должен, но как знать, насколько быстро он станет двигаться, и не подведут ли меня мои дрожащие руки.

В такой нервозной обстановке мне гораздо удобнее стрелять по неподвижной цели, пусть даже ее размеры будут меньше движущейся. И я уже видел такую цель, находящуюся при том совсем близко от меня.

Равиндер бросился ко мне, видимо, желая помочь мне встать. Но я пока вставать не собирался – наоборот, скомандовал ему «Ложись!». Явно не врубаясь в смысл моего приказа, сикх тем не менее подчинился и плюхнулся на пол в шаге от меня. И вовремя, потому что в этот момент берсерк вынырнул из люка. Стукнувшись с разбега головой о поддон, он этого даже не заметил, а подобно мне упал на живот и, яростно выбрасывая вперед руки, с рычанием пополз к нам.

Еще немного, и он вырвался бы из-под завала. но я не намеревался предоставлять ему такой шанс. Ишь, чего захотел! Хаос бабахнул трижды, вышиб домкрат из-под балки, и поддон, рухнув на копателя вместе со своим многотонным грузом, придавил его к полу. Его голова и руки уже высунулись из просвета, поэтому завал накрыл ему лишь туловище и ноги. Зато накрыл так, что хруст его костей и чавканье раздавленной плоти не заглушил даже грохот упавшего с домкрата, груженого поддона. Изо рта берсерка брызнул фонтан крови, едва не доставший мне до сапог, и тварь забилась в агонии, взявшись скрести ногтями пол.

Я велел Равиндеру упасть на пол затем чтобы его ненароком не задел срикошетивший от домкрата свинец. Я не вышиб бы опору из-под такого груза одним выстрелом. Но посланные в нее, три пули кряду шибанули по ней не хуже кувалды. Этого хватило,

чтобы прикончить живучего монстра и запереть в подвале Ананаса. На его счастье, мы с пенджабцем остались по другую сторону баррикады. И не собирались бросать его здесь, в вонючей темнице, даже если нам придется разбирать весь этот бардак вручную.

– Что это… кто это был? – ошарашено поинтересовался Сингх, вытаращившись на торчащие из-под завала, огромные руки и уродливую голову.

– Еще один желающий передать нам привет от покойного Ходока, – ответил я, перезаряжая револьверы. – Только не спрашивай, был ли этот сюрприз последним или нет. Ответ на этот вопрос знал лишь Ходок и он унес его с собой в могилу.

– Пока не унес, – уточнил Равиндер, намекая на то, что у лежащего в нашем багажнике трупа еще не было могилы. – Но раз мы все-таки нашли его тайник, значит, обязательно найдем и ответы на многие вопросы, разве нет?

– Мне бы твою уверенность, – проворчал я. – Я тебе скажу, что мы гарантированно найдем в подвале: источник всей этой вони. И не удивлюсь, если он станет в итоге главным здешним «секретом»…

Глава 18

– Хорошая была шутка, – пробасил Ананас, попыхивая сигаретой. – Как ты сказал, Иваныч, она называется?

– Если тебя интересует научное определение этого явления, то мне оно неизвестно, – ответил я, заклеивая на затылке Ананаса пластырем рассечение. То, что он заполучил, стукнувшись головой о шкаф. – В народе про такое говорят «устроить копателю темную». Только без избиения, разумеется. Этот эффект был открыт давно. Некоторые чисторукие, чьи родственники стали зомби, научились удерживать их дома, заперев в темных подвалах, куда не проникают снаружи никакие звуки. В абсолютной информационной изоляции от мира зомби впадает в состояние, схожее с анабиозом или комой. Проблема в том, что добиться идеальных условий для такого карантина очень сложно. Любой случайный громкий звук или вспышка света – и копатель мгновенно пробуждается. После чего усмирить его повторно становиться гораздо тяжелее, чем в первый раз.

– Я тоже слышал про такие опыты, – кивнул Равиндер. – Но как Ходоку удалось проделать это с берсерком? Да еще с таким чудовищно огромным?

– Могу предположить, что сначала Рустам всадил в него из ветеринарного ружья слоновью дозу снотворного, – выдвинул я самую реалистичную гипотезу из тех, которые у меня были. – Умереть от передозировки лекарств копатели не могут, но уснуть – запросто. Затем Ходок перевез дрыхнущего берсерка на тележке в свой тайник и запер его в самой дальней и темной комнате. Место это совершенно безлюдное. Разбудить монстра случайно могла разве что разразившаяся наверху перестрелка. Да только кому из чисторуких придет в голову соваться в сожженную дотла деревню, где нет ничего, кроме головешек? В общем, когда берсерк оклемался от снотворного, он очутился в полном информационном вакууме и сразу же впал в ступор.

– И вышел из него, когда мы спустились в подвал со своим фонарем! – буркнул Ананас.

– В кромешной тьме хватило и одного проникшего в щель, тонкого лучика, чтобы тварь пробудилась и набросилась на незваных гостей, – подтвердил я.

– А почему она тогда не набрасывалась на хозяина? – полюбопытствовал Равиндер.

– Так это же был Ходок – эксперт по выживанию в местах, кишащих зомби, – усмехнулся я. – Наверное, он пользовался не фонарем, а прибором ночного видения. Ну а в умении ходить на

цыпочках под носом у копателей ему подавно не было равных…

Домкрат слегка деформировался от попадания в него револьверных пуль, но все-таки работал, разве что из-за погнутой стойки не мог поднять груз на прежнюю высоту. Ширина просвета, необходимого для входа в подвал, сузилась, но проползти под завалом было еще можно. Правда, сначала нам пришлось извлекать из-под него сам домкрат – тот, как и берсерк, тоже был придавлен к полу. Но с помощью лома и спасительного принципа архимедова рычага мы смогли приподнять поддон на несколько сантиметров. И мало-помалу вытащили инструмент, без которого нельзя было освободить Панкрата из темницы.

С Панкратом все было в порядке. Он отделался лишь ушибами да рассеченной кожей на затылке. Но что такое синяки и лишний шрам для человека, который однажды сам исполосовал себе лицо бритвой, избавляясь от позорных татуировок? Залепив ему макушку пластырем, я велел Равиндеру продолжать нести дозорную службу наверху, а мы с Ананасом подобрали фонарь и опять спустились в подвал.

Казалось бы, на этом все оставленные нам Рустамом ловушки должны были закончиться. Но мы все равно обследовали оставшиеся комнаты, ежесекундно пребывая начеку. Ходок потратил немало времени и сил на возню с берсерком, а, значит, ему было, что от нас скрывать. Этот двуличный мерзавец и после смерти продолжал стеречь свое наследство и карал любого, кто на него посягнет.

Комната, где мы наконец-то обнаружили кое-что интересное, находилась по левую сторону коридора, через одну от той, где скрывался ныне поверженный страж темницы. Собственно, это была единственная из всех комнат, в чьей двери имелся замок. Самый обычный, врезной. Довольно смешная преграда, учитывая, через что мы здесь прошли. Но Ходок, по-видимому, запирал эту дверь с другим расчетом: чтобы мы подняли побольше шума, когда будем открывать ее. И уже гарантированно разбудили «минотавра», если до сей поры нам каким-то чудом удалось его не потревожить.

Заглянув на всякий случай в оставшиеся комнаты и убедившись, что они пусты, мы очень аккуратно выломали дверь. Так, чтобы она резко не распахнулась и не активировала какую-нибудь ловушку. А, войдя в комнату, тут же проверили, нет ли в ней взрывных устройств с тикающими таймерами на детонаторах. Хотя на кой бы черт Рустам установил на них таймеры? По доброте душевной – чтобы дать нам шанс унести отсюда ноги? Чушь собачья! Если бы тут и была взрывчатка, она разнесла бы нас еще до того, как мы успели это понять… Но проверить все

равно не помешает, ведь от беспечности в мире умирает во сто крат больше народу, чем от излишней осторожности.

Кажется, пронесло: ни ловушек, ни самострелов, ни газовых распылителей, ни мин… Неужели можно выдохнуть с облегчением? Можно, но лучше все же не надо.

Итак, что мы здесь видим? Да ничего особенного. Письменный стол, табурет, дырявый матрас на полу в одном углу, и большой старинный шифоньер в другом. В отличие от прочих захламленных комнат, в этой наблюдается порядок – ни мусора, ни объедков. Лишь скопившийся на полу и на мебели, слой пыли свидетельствовал о том, что хозяин наведывался сюда… да, в принципе, не так уж давно. А иначе пыли здесь было бы куда больше – вон, сколько ее лежит в других комнатах.

– Не густо, – заметил Панкрат, осмотревшись. – У меня в камере обстановка и то была шикарнее.

– И техники никакой не видать, – добавил я. – Разве только Ходок припрятал ее в шкафчик… А ну-ка!

Я чуть приоткрыл дверь шифоньера, посмотрел, не тянет ли она за собой проволочку, привязанную к взрывателю мины или кольцу подвешенной внутри гранаты, и, успокоившись, открыл дверь полностью. Принадлежи этот шифоньер чьей-нибудь неверной жене, она могла бы прятать в нем по четыре любовника за раз. Рустам же хранил в нем всего одну потрепанную картонную коробку из-под микроволновой печи. Которой в ней сегодня, разумеется, не было. Я понял это еще до того, как открыл ее – по ее весу. Несмотря на размеры, коробка оказалась легкой – килограмма четыре, не более.

– Похоже на какие-то бумаги, – сказал я, вынимая находку из шкафа и ставя ее на стол. – Неужто деньги?

– Сдается мне, это обманка, – предположил Ананас. – Также, как вся эта комната. А настоящие ценности лежат в тайнике за ее пределами. А тайник может быть где угодно. Кроме камеры берсерка, ясное дело.

В коробке лежали не деньги, а целый ворох географических карт – судя по всему, армейских, – исписанная общая тетрадь в клеенчатой обложке и большой толстый конверт. Я развернул взятую наугад карту. Она была испещрена непонятными значками и символами, но изображенная на ней местность оказалась мне знакома: Ивановская область. Быстро пролистав тетрадь, я обнаружил в ней те же значки, что на карте. Только в тетради напротив каждого из них стояли координаты и небольшой комментарий.

Я не знал почерк Ходока, но решил, что это написано его рукой. Большинство слов, правда, значились в сокращении и тоже

были непонятны. И все-таки, на первый взгляд, я глядел на обычные, сделанные на скорую руку записи, а не на шифр. Возможно, все прояснится, если найти на карте по указанным координатам тот или иной значок и узнать, что расположено в данной местности.

Да, Ходок владел множеством секретов. Но он был не тем человеком, который стал бы часами корпеть над всякими шифрами и кодами. Вместо этой нудной работы он лучше посидел бы в трактире, выпил, потрепался с приятелями о житье-бытье…

…Вернее, это был тот Ходок, которого я знал раньше – до своего последнего визита в Саранск. И знал, как выяснилось, недостаточно хорошо. Причем это еще мягко сказано.

Кем же он являлся на самом деле и для кого собирал всю эту информацию? Для личного пользования? Но прежде он, как и я, держал все нужные ему сведения в голове и не жаловался на плохую память. Для «Гегемонии»? Но зачем ей сдалась такая кипа бумаг, если она не испытывала недостатка в компьютерной технике? Для выживших потомков и продолжателей его дела? Не смешите! О ком заботился теперь Рустам, так это о своей больной жене Татьяне. А детей у него не было и на прочее человечество он начхать хотел.

– Тяжелый. – Панкрат взвесил на ладони конверт, который я еще не трогал, и вытряхнул на стол его содержимое. – Ух ты! Гляди-ка, сколько фоток! Штук сто, не меньше.

Действительно, снимков в конверте оказалось много. Больших, качественных, формата «А-4». Рассматривать их нам было некогда, но даже беглого взгляда на них хватало, чтобы определить: это не чей-то семейный фотоархив, а служебная документация. На снимках были запечатлены не люди, а здания, мосты, дороги, промышленные объекты, а также виды целых городов и иных участков местности. Но самое любопытное – на каждом фото имелись уже знакомые мне по картам и тетради значки! Где-то они присутствовали в единственном числе, а где-то – в основном на кадрах с развернутыми видами, – во множественном.

Что ж, вроде бы все прояснилось. Карты, фотографии и справочная информация являли собой базу данных, составленную либо Ходоком, либо кем-то еще. Жизненно необходимый путеводитель для тех бродяг, кто часто наведывался в опасные районы. Для нас он тоже мог стать неплохим подспорьем, вот только мы не совались в те края и нуждались в нем значительно меньше.

– Что-то здесь не срастается, Иваныч, – покачал головой

Панкрат. – Какая-то непонятка вырисовывается. Эта коробочка – не автомобиль и не контейнер с оборудованием. Ее можно припрятать где угодно, хоть дома под кроватью, и так надежно, что ее никто не найдет. Однако что делает Ходок? Он сооружает для своей коробки нычку, куда можно половину долбанного Эрмитажа засунуть и не бояться, что это добро отсюда испарится.

– Верно подмечено, – согласился я. – Архивчик хоть и ценен, но он и впрямь маловат для такого крутого хранилища. Надо бы покопаться тут еще. Возможно, нам повезет, и мы найдем секретную нишу или сейф.

– Отойди, я сдвину эту хреновину. – Ананас отставил в угол карабин и приблизился к шифоньеру, намереваясь столкнуть его с места.

– Думаю, это лишнее, – сказал я. – Если бы Ходок всякий раз грохотал по полу мебелью, чтобы добраться до своего тайника, он бы не держал здесь спящего берсерка. Попробуй мыслить шире, подойди к решению этой задачи творчески.

– Чтобы не грохотать, говоришь? Ну, если только так… – Панкрат посмотрел на матрас, затем шагнул к нему, подцепил его носком ботинка и отбросил в сторону. Под матрасом оказался обычный бетонный пол, без каких-либо подозрительных трещин, что выдавали бы замаскированный там люк.

– Зачетная версия, – похвалил я напарника. – Но я бы на твоем месте не стал раньше времени списывать со счетов этого антикварного верзилу.

Снова подойдя к шифоньеру, я осмотрел его с внешней стороны, потом заглянул внутрь и победоносно хмыкнул. После чего достал нож и подцепил им шифоньерное дно.

Вместо нижних ящиков здесь имелось обычное углубление, куда можно было поместить свернутые одеяла или подушки. Но при внимательном рассмотрении выяснилось, что снаружи эта часть шкафа выглядит объемнее, чем изнутри. Что являлось вовсе не обманом зрения. Секрет таился в фальшивом дне. Оно было вырезано из фанеры и вставлено туда так, что в пространство между ним и настоящим дном стало возможно засунуть, например, парочку чемоданов. Или что-то схожее по габаритам…

…Или, как в нашем случае – уложить туда целлофановые пакетики с белым порошком. А в придачу к ним – десятилитровую пластиковую канистру, наполненную прозрачной жидкостью.

– Сдается мне, Ходок держал здесь не запасы стирального порошка и отбеливателя! – хохотнул Ананас, присаживаясь на корточки и беря один из пакетиков.

– Сможешь определить, что это такое? – спросил я,

протягивая ему нож.

– Если это та дрянь, которой я недолго баловался в молодости, то смогу. – Панкрат проколол ножом пакетик, потом зачерпнул кончиком лезвия чуть-чуть порошка и понюхал его. Затем стряхнул его на пол, лизнул лезвие, поморщился и вынес заключение: – Так и есть – то самое дерьмо! Героин, мать его! Не могу сказать, чистый или с примесью – в этом я не спец. Был грех, шырялся перед отсидкой, но быстро завязал. Я ведь тогда и без наркоты был долбанутым на всю голову. А под наркотой такое чудил, что кореша от меня едва отрекаться не начали. Благо, повезло: не успел крепко подсесть на иглу и без проблем соскочил, а иначе меня, точняк, свои бы грохнули. Причем были бы абсолютно правы. И я бы на их месте не стал терпеть озверелого дебила, что каждый день торчал от героина и ходил по беспределу.

– Да тут у Ходока, не иначе, припрятана целая партия. Килограммов пятьдесят или даже больше, – прикинул я. – Не знаю, где он ее раздобыл, но догадываюсь, зачем. Если копателю вколоть дозу героина, он на какое-то время перестает бесноваться. Наверное, так Рустам успокаивал свою жену в клинике у мормонов.

– Хорошенькое успокоение! – мрачно усмехнулся Ананас. – И что стало бы с его женой, если бы все копатели вдруг перестали слышать Зов? Да он, небось, столько «герыча» ей через вены прокачал, что у нее там вместо печени и мозгов одни гнилые ошметки остались. И живет она сегодня лишь благодаря Зову, потому что без него ей сразу придут кранты.

– Очень даже может быть, – не стал я спорить. И, заметив, как Ананас потянулся за канистрой, предупредил его: – Осторожнее, прошу тебя! Ходок мог специально налить туда нитроглицерин, чтобы угробить тех, кто покусится на героин. Одно неловкое движение, и от такого количества этой гремучей дряни не только церковь, а полдеревни взлетит на воздух.

– Ух ты, еп-тыть! – Впечатленный Панкрат тут же отдернул руку. – Слышь, Иваныч, а как отличить нитроглицерин от чего-то другого? Я с ним прежде не сталкивался и понятия не имею, каков он на вкус.

– Мне, знаешь ли, тоже не доводилось его пить, – признался я. – И если ты не приставишь мне к башке ствол, то я и дальше воздержусь от дегустации этой штуки. Зато я точно помню, что нитроглицерин должен быть плотным и маслянистым. Еще вроде бы он горит, но на сей счет уже не поручусь… Ладно, давай, я осторожно его вытащу, поставлю на стол, а там поглядим.

Жидкость в канистре была ничем не неотличима от воды –

только слегка попахивала… хм, гвоздикой? Да, это точно был не нитроглицерин. Пропитанный ею маленький кусочек ткани, который Ананас хотел поджечь, не вспыхнул, что тоже нас успокоило. Но это была и не безобидная ароматная вода. Пока напарник экспериментировал с тряпицей, та успела сначала выцвести, а затем посинела и стала жесткой, словно накрахмаленная. А когда экспериментатор потыкал в нее камешком – рассыпалась на мелкие кусочки.

В контакте с бумагой жидкость прореагировала точно также, а вот на металл не оказала никакого воздействия. Разве что для реакции с ним требовалось больше времени. Но его у нас уже не было, и на этом мы завершили наши занимательные опыты.

– Возможно, это какой-то химикат для очистки героина, с помощью которого Рустам делал его максимально безвредным для своей жены, – выдвинул я самую логичную, на мой взгляд, теорию. – А иначе зачем ему держать в запасе десять литров бесполезной жидкой байды, которая не горит, не взрывается и не разъедает железо?

– Сикх должен знать, что это за вещество! – осенило Панкрата. – Он университет закончил. А, значит, он лучше нас с тобой в химии шарит.

– Что ж, спросим… – Я закрутил на канистре пробку и указал на наркотики: – Заберем их с собой – у меня есть мысль, куда их можно пристроить. А сейчас пойдем принесем мешок, чтобы упаковать все это богатство, и килограмма четыре тротила, чтобы замести за собой следы.

– Целых четыре кило? – Ананас удивленно присвистнул. – А зачем так много-то, Иваныч? С какой стати полезное добро на пустой подвал зазря переводить?

– Так надо, Ананас, – ответил я и пояснил: – Смекай сам: а что, если «гегемонам» все-таки известно об этом тайнике, и скоро они сюда наведаются? О чем они подумают, когда не обнаружат здесь ничего кроме мертвого берсерка?

– Решат, что их обчистили ушлые ребята, знавшие Ходока и… – Напарник наморщил лоб, делая выводы из всего вышесказанного: – …И будут совершенно правы, черт бы их побрал!

– А если фонд обнаружит здесь одни лишь руины и воронку от взрыва?

– Тогда… – Лицо Панкрата посветлело и расплылось в улыбке… если, конечно, можно было так назвать этот жуткий оскал на его изуродованном лице. – Тогда фонд может подумать все, что угодно. Но, скорее всего, он решит, что грабители подорвались на мине-ловушке, которую оставил в тайнике Ходок.

Или в разборке между собой. Или еще как-нибудь… Но я бы на месте «гегемонов» точно не подумал бы, что какие-то идиоты потратили столько взрывчатки, чтобы взорвать пустой подвал.

– Вот видишь, – заметил я. – Так что незачем экономить на бомбах, даже когда они никого не убивают… А теперь пошли, доделаем работу и смотаемся отсюда, пока нас не застукал очередной отряд спецназа…

Глава 19

– Не помню, чтобы мне доводилось видеть нечто подобное, – помотал головой Равиндер, когда спустя пару часов изучил содержимое канистры. Делать это на ходу, пока Большой Вождь прыгал по колдобинам, он не рискнул – побоялся расплескать неизвестный химикат на себя. Но занялся им сразу, как только мы остановились на ночлег в очередной попавшейся нам на пути, заброшенной деревеньке. – Похоже на слабый раствор какой-то кислоты, и еще этот странный запах… А как она прореагирует с наркотиками?

Уместный вопрос! Чтобы на него ответить, мы пожертвовали еще одной щепоткой героина, смешав ее с чайной ложкой неопознанной жидкости.

Результат опыта мало что прояснил: с раствором ничего не произошло. Ни в холодном виде, ни после нагрева. В общем, если в канистре и правда был какой-то очиститель, использовать его требовалось только в лабораторных условиях. Либо в смеси с другими реактивами, которых в тайнике Рустама не обнаружилось.

По вполне очевидной причине «химия» интересовала Равиндера не так сильно, как географические карты и фотографии. Хорошенько занавесив окна в доме, где мы обосновались, пенджабец попросил у меня бензиновую лампу и принялся копаться в бумажном архиве Ходока. А пока он этим занимался, мы с Ананасом предали земле тело хозяина архива, решив не откладывать это трудоемкое, грязное дело наутро. Все равно, после такого суматошного дня у нас вряд ли получилось бы сразу лечь и заснуть. А монотонное, неспешное рытье могилы так или иначе успокаивало. В то время, как утром могло случится всякое. И если нам вдруг опять придется удирать от врага по полям и перелескам, не хотелось бы делать это со столь увесистым балластом в багажнике.

Хоронить мертвеца в заросшем саду было удобно. Слой разрыхляемого здесь годами чернозема все еще оставалась глубоким и мягким. И когда мы докопались наконец до плотной глины, могила была почти готова. Но едва мы стали выбирать из нее последний штык, как к нам из дома прибежал Равиндер.

Сингха буквально трясло от волнения – состояние, в котором мы его еще ни разу не наблюдали. Даже в пылу сражения он сохранял завидное для вчерашнего юноши хладнокровие. А сейчас в, казалось бы, спокойной обстановке, оно вдруг ему изменило.

– Господин Степан! Господин Панкрат! – выпалил он, склоняясь над могилой, в которой мы орудовали лопатами. – Бумаги, которые мы раздобыли!.. Вам надо срочно на них взглянуть!

– Да видели мы эти карты со значками, – отозвался я, хотя и чуял, что вряд ли пенджабец станет волноваться понапрасну. – Полезная штука для того, кто идет в Москву, спору нет. Наверняка ты найдешь там много чего интересного. Только нам с Ананасом какой от всего этого прок?

– Я нашел среди фотографий такую же, как одна из тех, что есть у меня, – пояснил Сингх. И, проследив, как я удивленно отставил лопату, ошарашил меня новым открытием: – И еще там есть информация об одноруком поводыре, которого вы ищите.

Хочешь не хочешь, но похороны были приостановлены. И мы с Равиндером вернулись в хижину, дабы ознакомиться с его донельзя интригующими находками.

Насчет фотографии он малость ошибся – среди его снимков такой не было. Но – лишь потому, что ее копию не положили в конверт, что был подброшен семье Равиндера. Этот снимок было снят с другого ракурса. Такого, откуда уже можно было определить, что Шармила и дюжина окруживших ее поводырей находятся на террасе высотки у Красных ворот. И что крайний справа поводырь в свите Царицы Копателей – действительно белобрысый однорукий инвалид. Кадр был сделан с большего расстояния, чем тот, который мы видели. Зато на этом интересующий меня копатель был ничем не заслонен, и мы смогли отчетливо его рассмотреть.

– И правда, всего одна клешня у блондинчика, – заметил Ананас, который в прошлый раз усомнился в моей догадке. – А что за знаки нарисованы над головами у него и у остальных? Вроде как буквы, только не у всех.

– Это греческий алфавит, – сказал я. – Шармила вполне логично получила знак Альфа, а остальные вроде бы розданы в полном беспорядке. Но это только на первый взгляд. В действительности человек, который промаркировал всю их компанию, присваивал им символы не сам. Он явно сверялся с неким документом, где эти персоны фигурируют под такими же символами. Просто здесь они выстроились не в том порядке, в каком их имена занесены в тот документ.

– Ваша теория, господин Степан, подтверждается тем, что мы не видим на фото поводырей Бета, Эпсилон, Дзета, Йота и Ню, – отметил Равиндер. – Зато мы видим Кси, Омикрон, Тау, Фи и Пси. Но их бы тут не было, если бы человек, что присваивал им символы, делал это по алфавиту.

– И какая из греческих букв пишется как «о»? – осведомился Панкрат, ткнув пальцем в символ над головой однорукого.

– Омикрон, – уточнил Сингх. – По логике, чем ближе символ к Альфа, тем важнее помеченная им фигура. Так что рейтинг вашего инвалида среди высших поводырей, кажется, не слишком высок.

– Тетрадь! – спохватился я. – Тетрадь и карты! Раз это фото здесь присутствует, значит, по идее, мы найдем упоминание об Омикроне в других документах архива. И не только о нем, но и об остальных промаркированных поводырях включая Шармилу. Символы! Именно они связывают изображения на фото с картами и тетрадными записями.

– Действительно, в тетради есть раздел, где буквы греческого алфавита написаны рядом с географическими координатами, – подтвердил сикх. – Только этих координат там слишком много. Их поиск на картах займет какое-то время.

– Попробуй найти все, что удастся, хотя бы на Альфу и Омикрона, – попросил я. – А мы с Ананасом пойдем и закончим то, что начали. Негоже оставлять мертвеца до утра на краю вырытой могилы…

– Я вот что подумал, Иваныч, – сказал Панкрат после того, как мы, опустив труп в могилу, взялись засыпать ее землей. – Кем вообще был Ходок у «гегемонов»? Так, мелкой сошкой, которую они пустили в расход, чтобы преподать урок приборзевшей общине чисторуких. Однако, судя по архивчику Ходока, можно подумать, что он занимал положение почти как этот… ну, кем там был Штирлиц во время войны…

– Организатор и координатор шпионской сети? Ее центральная фигура?

– Да, типа того. А ведь таких крутых шишек никто врагу по мелкому поводу не сдаст. Да и по крупному – тоже вряд ли. Вот мне и интересно, чья это была коробочка и как она оказалась у Ходока. Вернее, чья она, понятно – собрать такую «библиотеку» могла лишь «Гегемония». Но если рядовым шпионам столь важный архивчик вряд ли доверят, где и у кого Ходок мог его выкрасть? И, главное, зачем ему было так рисковать? Потребуйся вдруг шпиону нужные сведения и карты, неужели фонд не выдал бы их ему? То есть я имею в виду, собрался ты куда-то – получи карту того места, инструкции и адреса людей, которые могут тебе там помочь. А большего тебе знать и не надо.

– Возможно, ты мыслишь не в том направлении, – ответил я. – Мы с тобой поглядели на карты и на фотографии, прикинули, кто бы мог их собрать и рассудили, что кроме «Гегемонии» – никто. Это логично, но лишь в пределах наших с тобой ограниченных

знаний. А если допустить, что архив Ходока был изготовлен не в фонде? И что на самом деле Ходок являлся не простым, а двойным агентом. Причем у своего второго хозяина он занимал более высокий статус, чем у фонда.

– Что-то больно мудрено все это выглядит, – покачал головой Ананас. – Такой расклад еще сошел бы для шпионского романа. Но в наши дикие времена служить сразу двум хозяевам – это в два раза увеличить риск, что однажды ты погоришь на мелочах, и тебе отрежут голову. Не стоит овчинка выделки, короче говоря.

– Тоже верно, – согласился я. – Но факт остается фактом: у мелкого шпионишки «Гегемонии» оказываются данные на саму Царицу Копателей и высших поводырей. Стратегическая информация не его уровня – зачем она ему?

– Затем чтобы обменять ее на «герыч» и на ту пахучую хрень в канистре.

– А что, весьма любопытная мысль! – Я воткнул лопату в земляную кучу и, опершись на черенок, призадумался. – Найти бесхозную партию героина в Москве или где-то еще крайне маловероятно, хотя я слышал легенды про разные удивительные находки, которые порой сегодня делаются. А вот получать наркотики в обмен на ценные сведения – эта схема ближе к реальности. Ходок – ушлый парень. Он мог найти лазейку в базу данных фонда, на который шпионил. Вопрос лишь в том, зачем наркобарыгам информация о копателях и Котловане? Зомби их товар не покупают, и расширить рынок сбыта за счет Москвы и Подмосковья у них точно не выйдет.

– Ты кое о чем забыл, Иваныч, – заметил Ананас. – Ежели Ходок сбывал информацию в обмен на «герыч», то почему мы нашли тайнике и то, и другое?

– Ничего странного, – не удивился я. – Героин он мог получить за предыдущую коробочку. А эту Рустам спер совсем недавно и еще не успел продать… Иными словами, здесь имела место не разовая сделка – здесь функционировал целый шпионский канал по сливу информации… Ты говорил, что быть двойным агентом невыгодно и рискованно. Но, как видишь, ты сам же себя и опроверг этой теорией.

– Да и фиг с нею, – буркнул Панкрат. – Ты лучше скажи, есть ли у тебя догадка, у кого Ходок менял бумаги на дурь.

– Рустам совершенно точно был знаком с Цельсием, – ответил я. – Цельсий – известный барыга из Коврова, который промышляет выпивкой и наркотой. Правда, ума не приложу, зачем ему могли понадобиться бумаги «Гегемонии». Но ты спросил, а я назвал тебе самого вероятного продавца героина, у которого Рустам мог его приобрести.

– И сколько, по-твоему, сегодня стоит полцентнера «герыча»?

– Гораздо меньше, чем в старые времена. Нынче никто не станет преследовать тебя за его хранение, перевозку и продажу, и тебе не надо платить уйму взяток ментам и чиновникам. Ну, если, конечно, ты не сунешься в некоторые города и фортеции, где барыг вроде Цельсия, мягко говоря, недолюбливают. Но если ты доставишь такой груз в правильное место, то можешь сорвать неплохой куш. Проблема в том, уедешь ли ты потом оттуда с наваром. Потому что места эти пользуются у нормальных чистоуких дурной славой. И там людям вроде нас – тем, что за плату отстреливают бандитам головы, – надо тщательно присматривать за своими головами, чтобы тоже невзначай их не лишиться.

– А что скажет Цельсий, если два честных бродяги вернут ему партию «герыча». Ту, которую они… ну, скажем, случайно нашли на дороге, возле растерзанного копателями трупа?

– Уверен, Цельсий будет этому сильно обрадован, – предположил я. – Вот только легенда со случайно найденным трупом у нас не прокатит. Во-первых, Цельсий свой товар от чужого с закрытыми глазами отличит. И легко вспомнит, какую партию наркоты когда фасовал и кому ее затем втюхал. А, во-вторых, он знает, что мы с Ходоком знакомы. Однажды я работал на кореша этого барыги, с которым меня свел Рустам. С другой стороны, если мы все же рискнем вернуть Цельсию героин, рассказывать ему о наших с Рустамом разборках тоже нельзя. Я пока затрудняюсь ответить, как сделать, чтобы наше вранье звучало для ковровского наркобарона максимально убедительно. Одно скажу точно: коробку с бумажками он не получит. Ты же согласен со мной, что будет гораздо справедливее передать ее нашему другу из Пенджаба. Разумеется, безвозмездно.

– А то! – закивал Панкрат. – Скажу больше: мы с тобой окажемся конченными сволочами, если не сделаем этого!

– Ну, может, и не конченными, хотя обычной сволочью мне тоже быть не хочется… Ладно, ты пока подровняй холмик, а я пойду выломаю пару штакетин и сколочу из них крест. Пускай Ходок не был мормоном, но в бога он, кажется, верил. Так что окажем ему последнюю почесть, раз уж хороним его не на освященной земле…

Мы не видели, чем конкретно занимался Равиндер в наше отсутствие. Но за те полчаса, что мы докапывали могилу, он развернул в доме кипучую деятельность. Весь зал был застелен картами, из которых сикх, кажется, пытался составить единую карту региона. Судя по тому, что в собранном им, гигантском «паззле» не было пробелов, его работа увенчалась успехом. И

сейчас он ходил над картами с фонарем и, сверяясь с трофейной тетрадью, записывал что-то карандашом на отдельный листок бумаги.

– И как успехи? – поинтересовался я у «картографа», который так увлекся работой, что даже не заметил, как мы с Ананасом вернулись в дом. – Узнал что-то новое о сестре?

– Что? – встрепенулся Сингх. – А, вы о Шармиле… Да как сказать… Отследить пути Альфы таким способом не удается, потому что Царица Копателей не передвигается циклическим маршрутом. Есть десятка два объектов, где она появляется. Но вот когда она там бывает и как долго задерживается – загадка, потому что над объектами не написаны даты. Очень досадно!

– Постой-ка! – Я снял шляпу, повесил ее на вбитый в стену гвоздь и присел над ближайшей картой. – Что такое – циклический маршрут? И с чего ты вдруг взял, что Шармила должна бегать по Москве кругами?

– Не кругами, – поправил меня Равиндер. – Точнее, не обязательно кругами. Видите ли, господин Степан, если мы возьмем того же Омикрона и отыщем все его отметки на картах, то обнаружим под каждой из них дату. Неточную: только месяц и декаду. Вот, например… – Сикх присел рядом со мной и указал карандашом на букву «О», нанесенную на карту неподалеку от Вязьмы. – Вот, например, тут написано: «Омикрон, втор. дек. марта». – А вот тут… – Карандаш переместился по карте севернее, в направлении Ржева. – А вот тут, как вы можете заметить…

– «Омикрон, тр. дек. марта – перв. дек. апреля», – прочел я под указанной отметкой. – Без сомнения, это означает, что однорукий был в Вязьме в середине марта, а примерно через десять дней достиг Ржева. А дальше…

Я поискал глазами следующую «О», но на этой карте она отсутствовала.

– Если верить отметке, во второй декаде апреля ваш инвалид был под Торжком, – подсказал Равиндер, указав на соседнюю карту. – Затем – под Клином, а к началу мая достиг Москвы. Но уже во второй декаде мая он выдвинулся в сторону Тулы. И так далее, пока в конце августа снова не вернулся в Москву.

– Отлично! Пусть так! – Я вскинул руки, давая понять, что выслушал достаточно топографических подробностей и теперь желаю перейти к сути вопроса. – Омикрон гуляет по миру – это понятно. И если возле каждого города, где он побывал, указан лишь месяц, значит на следующий год в то же самое время он снова появляется в тех же местах?

– Да, господин Степан, – кивнул пенджабец. – Маршрут Омикрона запутан, но он цикличен. Его траектория похожа на

неровный четырехлистный цветок. Прежде чем начать обход заново, поводырь описывает по миру четыре петли, выходя из Москвы и снова возвращаясь в нее. Эти «лепестки» не ориентированы строго на север, юг, восток и запад. Зато длительность каждого путешествия равна приблизительно трем месяцам. Неизвестно, выбивался ли однорукий хоть раз из графика. Но даже если так, видимо, он каким-то образом компенсирует свои опоздания.

– Весьма впечатляющая теория, – заметил я. – К тому же ее легко проверить. Если ты прав, значит, согласно картам, в первой декаде ноября Омикрон должен находиться либо в Кирове, либо в Котельниче, либо неподалеку от них, так?

– Так и есть – Котельнич! Откуда вы узнали? – закивал Сингх. Но тут же спохватился, поняв, в чем дело. – А, ну да, конечно – ваши жена и сын… Извините, я должен был сам об этом догадаться.

– Все в порядке, не бери в голову, – отмахнулся я. Равиндер знал историю гибели Алены, Антошки и моих цирковых товарищей лишь в общих чертах и был не в курсе, где это произошло. Что ж, теперь он прояснил для себя и такую подробность. – Лучше скажи мне вот что: где Омикрон находится в настоящий момент и куда направляется.

– Первая декада сентября… – Пенджабец окинул взором разложенные на полу карты, ища нужную. – Первая декада… Ага, вижу: это Углич! Затем – Вологда, после нее – Великий Устюг.

– Замечательно! – оживился я. – Если заехать в Ковров и избавиться там от героина, наркобарыги в знак благодарности набьют нам багажник продовольствием и патронами. Этого хватит, чтобы пару-тройку месяцев посвятить охоте на Омикрона, больше ни на что не отвлекаясь… Хотя, конечно, это уже мое личное дело. Ну а ты что для себя решил? Уже придумал, как будешь действовать, когда доберешься до Москвы?

– Пока нет. Но если вы дадите мне время до завтрашнего полудня и позволите перерисовать нужные карты в блокнот…

– К чему столько лишней и бестолковой работы? – усмехнулся я. – Весь этот архив – твой. Забирай его себе и изучай на здоровье хоть неделями напролет.

– Вы серьезно, господин Степан?

– Серьезнее некуда. Умные бумаги – хорошему парню, наркотики – плохим… По-моему, это вполне справедливо. А сейчас гаси лампу и ложись отдыхать. Хватит нам на сегодня и физической, и умственной работы – пора бы и честь знать…

…Пробыв в нашей компании двое суматошных суток, Равиндер Сингх распрощался с нами следующим утром близ

окраины Краснослободска, куда мы его спозаранку подбросили. Закинув за спину свой рюкзачок, заметно потолстевший после того, как туда был упакован ворох бумаг, сикх прицепил к поясу саблю и, благодарно раскланявшись, удалился. Вернее, скрылся беззвучно, словно призрак, в ближайшем леске, только мы его и видели.

Настроение у меня после вчерашних передряг и так было ни к черту, а с уходом пенджабца стало еще мрачнее. Странно: он был для нас по сути никем – как, впрочем, и мы для него, – а все равно, было жаль осознавать, что Равиндер идет в Москву на верную погибель. Не исключено, что мы с Панкратом и вовсе были последними чисторукими, которые видели его живым и общались с ним. Но даже если нет, в любом случае Сингху предстояло умереть в одиночестве, незавидной смертью и без достойного погребального обряда. Можно, конечно, возразить, что в наше время очень многие умирают не так, как им хотелось бы. Это верно. Вот только далеко не каждая жертва копателей отдает свою жизнь за столь благородную цель, за какую собирался погибнуть Равиндер.

– Как-то неправильно все это… – Ананас первым нарушил тягостное молчание, повисшее в салоне джипа после ухода Сингха. – Парень вроде бы не только для себя старается, но за других, включая нас с тобой, кровь проливает. Мы же отпускаем его с миром, а сами едем в другую сторону.

– Можешь отправиться вместе с сикхом, если желаешь, – ответил я. – Думаю, он не откажется от твоей компании, ведь ты для него не хрен с горы, а, как-никак, «друг семьи».

– И отпустить тебя одного расхлебывать то дерьмо, в которое ты опять намерен влезть? – возмутился напарник, выпуская изо рта в окно облако табачного дыма. – Да еще после того, как мы замастырили нехилый кипеш с «черной колонной»? Ишь чего захотел! Может, сикх мне и друг, но тебя я все равно знаю намного дольше и лучше. Так что даже если ты мне сейчас выпишешь расчет и уволишь, я все равно по твоим следам отправлюсь, клянусь. Потому что ты меня знаешь: Панкрат Ананас ни за что не пропустит шанс отстрелить башку твари вроде твоего Омикрона. К тому же он наверняка разгуливает по миру не один, а с целой стаей вроде той, о которой ты мне рассказывал.

– Не хочу втравливать тебя в мою персональную вендетту, которая вдобавок не принесет тебе никакой выгоды, – признался я. – Но про стаю это ты правильно заметил. Даже высший поводырь без стаи – ноль, пустое место. Однако даже мелкая стая с таким вожаком становится опаснее во много раз. Я, конечно,

готов ко встрече с ней и мне есть, чем ее удивить, но все-таки, сам понимаешь…

– Все-таки ты уже не молод и бегаешь не так быстро, как в двадцать лет. Поэтому боишься, что в случае крутого облома или ранения не успеешь задать деру от однорукого и его стаи. Вот и хочешь, чтобы рядом с тобой был кто-то, кто смог бы ухватить тебя за шиворот и вытащить из пекла.

– Вообще-то, я не это хотел сказать. Ну да ладно, будем считать, что ты уловил смысл моих слов. Но сейчас нам надо думать не об Омикроне, а о том, какую лапшу мы навешаем на уши Цельсию.

– Ты у нас артист, а, стало быть, болтовня – это по твоей части, – рассудил Панкрат. – А за меня не переживай. Ежели ваш базар с человеком-градусником не заладится, ты только свисни, и я живо вытрясу из него всю ртуть.

– Если успею свистнуть до того, как Цельсий вышибет мне все зубы, – уточнил я. – Этот наркобарыга – не какой-нибудь мелкий торгаш. У него, да будет тебе известно, целая маленькая армия имеется. И состоит в ней не подзаборное отребье, а сплошь бывшие менты и военные.

– Менты?! – Будь Ананас не двуногим хищником, а четвероногим, сейчас он точно ощетинился бы и зарычал.

– Расслабься! – усмехнулся я. – Вряд ли кого-то из них заинтересует твоя биография, поскольку на них самих давно пробу ставить негде.

– Я бы нашел, куда поставить им еще одно клеймо, – проворчал напарник. – Выжег бы его каленым железом поверх старых клейм. Но лучше пусть они загнутся от передоза той наркоты, которую мы им вернем – так мне хотя бы руки о них марать не придется…

Глава 20

До Коврова мы добирались двое суток, отмахав за это время более трехсот километров. Немного, если взглянуть на карту, а потом – на наш «гранд чероки», что мог бы покрыть такое расстояние по хорошей дороге за четыре-пять часов. Но это лишь в теории. А на практике в тех краях даже по очень хорошим дорогам приходилось ездить крайне осторожно, останавливаясь на каждой возвышенности и изучая в бинокль впередилежащий путь.

Ну а мы передвигались вдали от федеральных трасс, по местным шоссе и проселкам, опасаясь теперь не только копателей и бандитов, но и «черных колонн». Последних – в особенности. Транспорт «Гегемонии» был мощнее и быстрее нашего, и обладал серьезным вооружением, так что гонку с ним мы вряд ли выиграем. Поэтому у нас не оставалось иного выхода кроме как успеть заметить мобильный отряд фонда первыми. И убраться у него с дороги прежде, чем он заметит нас.

Ни «черных колон», ни бандитов мы так и не встретили. А вот с копателями сталкивались регулярно. Дважды мы прорывались через их скопления тем же способом, что выручил нас в Саранске. И оба этих раза я пожалел, что за рулем Большого Вождя не сидит Равиндер Сингх. Без моей огневой поддержки Ананасу приходилось вертеться с пулеметом, как угорелому. Что при езде по ухабистой проселочной дороге было той еще морокой.

Но ничего, отбились с грехом пополам и от этих, и от остальных напастей. И даже переночевали с относительным комфортом – в разоренном дачном поселке на берегу реки Теши. Там мы не только загнали машину в гараж, но и умудрились попариться в бане, наткнувшись в занятом нами домике на запасы угля и дров, до которых не добрались окрестные фермеры.

Сегодняшний Ковров выпадал из ряда других подобных ему городов, находящихся в радиусе двух-трех сотен километров от Москвы. Здесь концентрация зомби еще не достигала той критической отметки, как в Подмосковье, но была довольно близко к ней. Это вынуждало чисторуких прилагать гораздо больше усилий для выживания, чем, к примеру, в том же Поволжье или в восточной Белоруссии. Поэтому большинство городов в областях, соседствующих с Московской, были покинуты. Не говоря про деревни и фермы. Выращивать что-либо на местных полях являлось бессмысленно, поскольку их требовалось обносить уже не колючей проволокой, а высокой стеной. Да и та не давала никаких гарантий безопасности.

В тех городах, где еще остались жители, имелся как правило всего один укрепрайон. И образован он был вокруг какого-нибудь стратегически важного объекта: военной базы, крупной котельной, элеватора, угольной шахты, нефтеперегонного завода… Жить в этих местах с иной целью, кроме как активно добывая и распродавая ценные ресурсы, не имело смысла. Наемники вроде меня тоже почти не совались сюда в поисках работы, а приезжали лишь тогда, когда до них доходили сведения, что она здесь точно есть. Или же – прикупить что-нибудь необходимое. Например, недорогое оружие или запчасти. Вроде тех, которые делались в Коврове на некогда известном заводе имени Дегтярева.

Нынешний «ЗиД» работал не более, чем на один процент от своей былой мощности. Зато и кормил он теперь не несколько тысяч человек, как раньше, а всего-навсего около сотни. Никаких конвейеров и прочего энергоемкого оборудования – работала лишь та техника, которую можно было питать от нескольких мини-ТЭЦ. Которые в свою очередь также когда-то производились в Коврове и сегодня поддерживали в нем жизнь.

При столь катастрофическом падении объема производства то сырье, что скопилось на складах завода с лучших времен, должно было закончиться, наверное, лет через пятьдесят. Но поскольку его продукция всегда была востребована – особенно это касалось пулеметов и гранатометов, – то Ковров являлся сегодня тем редким островком стабильности, куда стекались отовсюду механики, токари оружейники и специалисты других профессий. В том числе таких, за занятие которыми в былые времена можно было загреметь в тюрьму на огромный срок. Зато теперь эти люди превращались в настолько полезных членов общества, что становились почетными гражданами тех городов, на территории которых они вели свой бизнес.

Именно таким гражданином Коврова был Цельсий – человек с туманным прошлым и чуть менее туманным настоящим. Работающие на него головорезы получали бесплатное оружие, а взамен служили не только ему, но и городу, будучи главной силой здешней самообороны. По этой причине хозяева завода – и по совместительству градоправители, – закрывали глаза на то, чем занимается Цельсий, и на что он расходует электроэнергию. За которую он, впрочем, исправно платил в городскую казну – так, по крайней мере, мне рассказывали.

Укрепрайон в Коврове был всего один, зато весьма обширный. В него входила вся территория «ЗиД» и соседних с ним заводов, включая прилегающие к ним районы. В общей сложности – четыре или пять квадратных километров,

огороженных неприступной стеной. Пожелай «Гегемония» взять под контроль это поселение также, как она пыталась захватить саранский МГУ, ей пришлось бы согнать сюда целую дюжину «черных колонн», а то и больше. Или направить на Ковров несколько зэд-волн подряд, потому что первые две-три волны его крупнокалиберные пулеметы без труда обратили бы в горы кровавых ошметков.

Кто сторожил южный въезд в город – простые солдаты или головорезы Цельсия, – мы не знали. Но это не имело значения. Нашу просьбу о встрече с ним так или иначе передадут ему в кратчайший срок. У стен Коврова всегда скапливались стаи копателей, поэтому нас сначала впустили внутрь, закрыли за нами ворота и только затем поинтересовались, кто мы такие и зачем пожаловали. Разумеется, мы не забыли вывесить на джип мой флаг-визитку. Но поскольку я очень редко бывал в этих краях, а в самом Коврове не бывал никогда, немудрено, что охрана меня не опознала.

Карантинного шлюза, как в саранском МГУ, здесь не было. Это Ректор относился с подозрением к каждому визитеру, даже если тот приезжал в одиночку. Здесь же одинокие бродяги вроде нас никого особо не беспокоили. Потому что они должны были трижды подумать, прежде чем учинять какое-либо злодейство в городе, где на одного гостя приходилось три-четыре десятка вооруженных до зубов хозяев. И где мы почти постоянно были у них на виду.

– Зачем вам понадобился Цельсий? – поинтересовался встретивший нас за воротами охранник, когда я сообщил ему, с кем ищу встречи. Судя по армейской выправке и холодному, уверенному взору, с нами говорил один из подручных наркобарона, а не обычный стражник.

– По одному важному делу, – ответил я. Не хотелось объясняться перед мелкой сошкой, но излишняя секретность выглядела бы слишком подозрительно. Тем более, что мы не собирались обсуждать с Цельсием какие-либо секретные вопросы. – Нам тут посчастливилось наткнуться по дороге на бесхозный порошкообразный груз. Ну а поскольку мы не бандиты, а правильные ребята, то и решили вернуть этот груз тому, кто, вероятнее всего, является его владельцем.

– Ты ошибаешься, – сказал привратник. – В последнее время мы не теряли никакой груз. А тем более такой, о котором ты говоришь.

– И вовсе замечательно! – ничуть не смутился я. – Значит, теперь у вас появится лишняя партия товара. А у нас – немножко лишней еды, горючки и патронов, которую мы хотели бы

получить в обмен на него. Все по-честному: раз мы раздобыли товар на халяву, то и отдаем его гораздо ниже себестоимости. Нам чужого добра не надо, но от вознаграждения за его доставку мы не откажемся.

– И сколько у вас этого добра?

– Примерно полцентнера.

– Хм… А какая упаковка?

– Очевидно, стандартная. – Я показал руками габариты пакетика так, как рыболовы демонстрируют размер пойманной рыбы. Разве только, в отличие от них, я не стал преувеличивать.

Головорез нахмурился и почесал в затылке.

– Стойте здесь! – велел он после короткого раздумья и удалился в караулку. Я обратил внимание, что к ней подведены не только электрические, но и телефонные провода. И сейчас, надо полагать, стражник докладывал по телефону боссу или кому-то из его приближенных о том, что мы ему тут наговорили.

– Вы в курсе, где находится Второй лабораторный корпус? – спросил он нас спустя три минуты, выйдя из будки с карандашом и листком бумаги в руке. Мы с Ананасом помотали головами. – Я так и знал. Ладно, сейчас нарисую – это почти рядом…

Ехать и правда было недалеко. Но путь к нужному зданию оказался столь извилист, что мы и впрямь не отыскали бы его без шпаргалки. Также, как обратный путь, поскольку запомнить его с первого раза являлось нереально. Как, наверное, и со второго, и даже с третьего. Местами дорога проходила через гигантские заводские корпуса – те, в которых сегодня ничего не производилось, и которые было проще проехать насквозь, чем объезжать вокруг. Я подумал мимоходом, что когда на складах «ЗиД» закончится сырье, ковровчане (или их потомки, если быть точным) разберут все это бесполезное оборудование на металлолом, чем продлят жизнь своего города еще как минимум на полвека…

…Хотя сколько их останется к тому моменту, этих ковровчан? Да и останутся ли они вообще? Полвека! Малюсенький шажок для истории человечества. И – совершенно нереальный шаг в будущее для тех людей, которые родились в последние два-три десятилетия. И которые, зная, что с высокой вероятностью не доживут до старости, не хотели рожать своих детей и обрекать их на совсем уж короткое и безрадостное существование.

Полная безнадега… Скорее всего, в конце концов она, а не Зов, убьет на планете остатки чисторуких.

Впрочем, я и Панкрат были пока еще живы. И готовились продолжать радоваться жизни, какой бы кукиш ни сложила она для нас у себя в кармане.

Сомнительно, что Второй лабораторный корпус служил резиденцией наркобарона. Исходя из названия этой трехэтажной кирпичной постройки, я бы предположил, что в ней находится фабрика по производству дури. Вот и серьезная охрана на входе, кажется, подтверждала мою догадку. Эти головорезы не нацелили на нас автоматы, когда мы подкатили к крыльцу, но по их настороженным взглядам становилось понятно, что нам лучше не делать резких движений. И даже если мне или напарнику внезапно приспичит чихнуть или почесаться, будет разумнее от этого воздержаться.

До сего дня я не был в Коврове и никогда не встречался с Цельсием. Но вышедший на крыльцо головорез, чьи собратья тут же почтительно перед ним расступились, был явно не большим боссом. По словам Ходока, Цельсий являлся моим ровесником, а этот представительный крепыш выглядел моложе. Хотя, конечно, глупо было надеяться, что к нам соизволит выйти сам наркобарон, даром что мы приперли ему аж пятьдесят кило героина. Ну да не желает общаться лично, и черт с ним. Мы – ребята не обидчивые. И нам без разницы, с кем договариваться – с Цельсием или его шестерками, – лишь бы результат переговоров нас устроил.

– Выйдите из машины! – приказал нам крепыш, красноречиво положив руку на автомат, висящий у него на плече. – Оба!

Мы повиновались. Карабин Ананаса, его тесак и мой пояс с револьверами остались в салоне. При таком неравенстве сил оружие нам все равно не поможет. Вдобавок я заметил на крыше здания гранатометчика. Он засел там на случай, если разразится перестрелка, и нам повезет вскочить в машину и ударить по газам. Конечно, это было маловероятно. Но увернуться от выстрела РПГ на нешироком, загроможденном пространстве было бы еще невероятнее. И тем не менее хозяева решили подстраховаться, что, в общем-то, считалось у этой недоверчивой публики в порядке вещей.

– Покажите товар! – выдвинул очередное требование крепыш.

Я был готов к такому вопросу. И, вынув из бардачка джипа заранее отложенный пакетик с наркотой, отдал его подскочившему к нам, одному из охранников. Тот взбежал на крыльцо и потянул его боссу. Тот придирчиво осмотрел образец, но по его непроницаемому лицу нельзя было прочесть, какие выводы он из этого сделал. Проще было сказать, чего он не сделал: не вскрыл упаковку и не стал пробовать товар на язык, как Ананас, а передал пакетик другому подручному со словами:

– Отнеси Захарычу, скажи, пусть проведет анализ и как можно скорее. Как можно скорее, ты понял?

Посыльный кивнул и торопливо скрылся в дверях. Нашего разрешения на экспертизу никто не спрашивал, но мы не стали возражать, приняв это как должное. Хозяева вели себя не слишком любезно, но абсолютно разумно. И я бы на их месте усомнился в качестве продукта, который мне привезли двое неизвестных бродяг, пусть и не похожих на откровенных проходимцев.

Отправив посыльного, крепыш спустился с крыльца и, остановившись напротив нас, сказал:

– Я – Горлохват. Возможно, вы обо мне кое-что слышали, возможно, нет. Как бы то ни было, вы должны усвоить главное правило: на ближайшие пару часов ваши жизни переходят целиком в мое распоряжение. Возражения есть?

У Панкрата они точно имелись. Но он счел благоразумным держать их при себе, доверив вести разговор мне. Я в ответ на вопрос Горлохвата лишь пожал плечами и помотал головой: дескать, зачем напоминать об очевидных вещах – мы отлично знали, к кому напрашиваемся в гости.

– Вы не ошиблись: упаковка действительно наша, – продолжал головорез. – И клеймо партии не слишком старое. Мы, конечно, проверим, кому она была отправлена, но я хотел бы сначала услышать о том, как она попала к вам. Предупреждаю сразу: историю о том, как вы нашли ее на дороге, мне можете не рассказывать – все равно не поверю. А это нехорошо, ведь я обязательно должен вам поверить, потому что иначе мы с вами не только не договоримся, но вдобавок еще и поссоримся. Что, сами понимаете, не ограничится одной лишь словесной перебранкой.

Где он увидел на упаковке клеймо партии, я понятия не имел. Мы не раз разглядывали эти пакетики и ничего подобного на них не обнаружили. Но сомневаться в словах Горлохвата было не резон. Да и про возможную ссору он тоже не шутил. Поэтому я счел должным ответить откровенностью на откровенность:

– То, что мы рассказали твоему человеку у ворот – не ложь, а только часть правды. Узнать ее целиком – ваше право, хотя вряд ли она вам понравится. Эти наркотики мы нашли в багажном контейнере квадроцикла, принадлежавшем человеку по прозвищу Ходок. Цельсий был с ним знаком и однажды с его помощью сводил меня с Кожемякой, на которого я потом некоторое время работал.

– Что именно ты для него делал? – поинтересовался хозяин.

– Вообще-то, я не имею привычки обсуждать дела моих клиентов с посторонними, – счел необходимым возмутиться я. В рамках приличия, разумеется. – Но поскольку Кожемяка – друг вашего босса, и вы наверняка в курсе подробностей его войны с

бандой Учкудука, вам я могу об этом сказать. Так вот, я один из тех наемников, которые выкуривали Учкудука из его логова в Ростове.

– Ну да, наслышаны, – подтвердил Горлохват. – «Один из тех» – это какой из двух? Ураган или Кварта?

– Квадро, – поправил я хозяина. – Я – Квадро. Ураган, к сожалению, погиб три месяца назад под Самарой.

– Все там будем, – равнодушно заметил головорез, само собой, имея в виду вовсе не Самару. После чего вернул наш разговор в прежнюю колею: – Так что там насчет Ходока, говоришь?

– Он тоже погиб три дня назад возле Саранска. И самое обидное в том, что он погиб по нашей вине.

– Ничего себе! – Удивленный Горлохват переглянулся с собратьями. Он требовал от нас правду, но не ожидал, что я буду с ним настолько откровенен. – Какое смелое признание! Или, скорее, дурацкое. Неужели тебе не приходило в голову, что Ходок мог быть нашим курьером, и что мы это просто так не оставим?

– Я не сказал, что его прикончили мы, – уточнил я. – Ходока разорвали копатели после того, как он случайно врезался на своем квадроцикле в их стаю. Мы виноваты лишь в том, что он сел на квадроцикл и мчался вперед как ошалелый, не разбирая дороги.

– То есть ты хочешь сказать, что он от вас убегал? И почему же?

– Мне кажется, он нас с кем-то перепутал и ему взбрело на ум, будто мы приехали его убить.

– А это было не так?

– Разумеется, нет! – Я изобразил сдержанное возмущение. – С какой бы стати мне убивать моего старого знакомого, время от времени подбрасывающего нам неплохую работенку! Мы заехали к Ходоку, чтобы расспросить его кое о чем и выяснить, не нужны ли кому-то еще наши услуги. А он, увидев нас, вдруг ни с того ни с сего пустился наутек! Вот мы и погнались за ним, дабы разузнать, что стряслось и почему он нас не признал. Хотя героин в его багажнике многое объясняет. Мало ли, что может отчебучить наркоман под кайфом. Правда, раньше Ходок глушил только водку и ничем не шырялся. Но долго ли подсесть на иглу после всей той жути, на какую он насмотрелся в Москве? А тем более работая курьером и перевозя крупные партии наркоты.

– Эй, я разве утверждал, что он был нашим курьером? – возмутился в свою очередь Горлохват. – Утверждал или нет?

– Нет, конечно. Извини. Ты лишь высказал предположение, а я его повторил, – поправился я. – Действительно, причин, по

которым у Ходока оказалось полцентнера вашего добра, может быть много. В конце концов, он ведь мог их просто случайно найти, так?

– Откуда мне знать, что ты не брешешь, и что все было точь-в-точь, как ты рассказал? – Головорез настороженно прищурился.

– Оттуда, что иначе я бы к вам не сунулся. Убей я Ходока из-за наркотиков, какой мне смысл возвращать их вам всего за… ну, скажем, за ящик автоматных патронов, ящик тушенки, мешок макарон, полмешка сухофруктов и полмешка сахара? Наверное, в этом случае я пересыпал бы наркоту в другую тару и спихнул ее подальше отсюда, за Волгой.

– А если я скажу, что удирая от вас, Ходок успел связаться с нами по рации и сообщил, кто хочет его убить? – Похоже, Горлохват был мастак по части придумывания коварных вопросов.

– Тогда я отвечу, что ты пытаешься меня разыграть, – ничуть не смутился я. – Даже будь это правдой, Ходок не сказал бы вам про то, что я желаю ему смерти, ведь мы ни разу в него не выстрелили. А если бы выстрелили, то убили бы его прежде чем он вышел с вами на связь. Но мы даже не попытались прострелить колесо его квадроцикла – побоялись, что ненароком заденем ездока… Да и не было у него при себе никакой рации. Разве только ее отобрали копатели, когда рвали его на части.

– Рвали, да… А вот интересно, почему они при этом не разорвали товар, – не унимался дознаватель.

– Товар лежал в контейнере, который запирался на замок, – напомнил я. У квадроцикла Рустама действительно имелся багажный отсек, только когда мы его вскрыли, он оказался пуст. – Да, зомби могли бы сломать этот ящик голыми руками. Но они не успели, потому что мы подъехали и всех их перебили.

– А что-нибудь еще кроме героина лежало в том ящике?

– Нет, больше ничего. Он был не слишком вместительный. В него и товар еле-еле влез – еще пара пакетиков, и крышка не закрылась бы…

По пути в Ковров я долго раздумывал, как нам поступить с канистрой. Проще было бы отдать вместе с героином и ее, но тогда в нашей относительно правдивой легенде появлялись предательские трещины. Если люди Цельсия знали о содержимом рустамового тайника, они заподозрят, что мы его разграбили. И тогда убедить их в том, что не мы убили Ходока, станет гораздо сложнее. Но это было не все. Наркобарыги могли оказаться в курсе, что у Рустама есть еще коробка с документами, и потребовать, чтобы мы отдали им ее. А где же нам теперь взять ту коробку, если она ушла в Москву вместе с сикхом? Что тоже

являлось сущей правдой. В которую, однако, поверить будет куда труднее, чем в подозрение, что мы прибрали тот ценный архивчик к рукам.

– Ну хорошо, спрошу иначе, – продолжал допрос Горлохват. – Что еще вез с собой Ходок кроме героина?

– Ранец со шмотками и жратвой, а также ствол – «пэ-девяностый», – ответил я. – От вещей тех, правда, ничего не осталось, а пукалка, вон она, целехонькая, в багажнике лежит. Может, она и спасла бы Рустама, если бы при аварии его квадроцикл не перевернулся.

Я мог бы соврать, что мы нашли на месте той аварии обломки канистры и рваные бумаги, но тоже не стал этого делать. Пускай Цельсий думает, что нам вообще ничего не известно о странной жидкости и архиве «гегемонов». Так будет для нас намного лучше, нежели наркобарон узнает, что мы нюхали ту жидкость и разглядывали обрывки тех карт. Если все это добро и впрямь являлось в высшей степени секретным, нас – невольных свидетелей его существования, – было куда практичнее устранить. Мало ли где и в какой компании мы проболтаемся о том, что еще помимо «герыча» вез с собой наркокурьер. Ну а на нет, как известно, и суда нет… Вернее, не суда, а казни, поскольку Цельсий не тратит время на судебные разбирательства над теми, кто вредит его бизнесу, хоть нечаянно, хоть злонамеренно.

– И это все? – нахмурился Горлохват. – А никаких химикатов у него при себе не было? Каких-нибудь баллонов или канистр?

Ага, а вот это уже ближе к теме!

Вопрос был сформулирован довольно обтекаемо, но я не усомнился в том, какие химикаты имеет в виду головорез. Пытаясь выведать у нас сведения о них, он, сам того не желая, приоткрыл нам свои карты и дал кое-какую пищу для размышлений.

– Больше – ничего, – повторил я. – Это точно, потому что за две минуты копатели вряд ли сожрали бы без остатка химические препараты. Непременно остались бы какие-нибудь следы на траве.

– Понятно, – заключил Горлохват. Потом озадаченно поцокал языком и велел: – Стойте тут, никуда не уходите. Я скоро вернусь.

И, поправив висящий на плече автомат, удалился. Он не процитировал бандита Лелика из «Бриллиантовой руки» – «Мне надо посоветоваться с шефом!», – но для нас это и так было очевидно. А мы остались под надзором прочих головорезов, у которых общаться с нами отсутствовало всякое желание. Или же им это запрещалось. Поэтому они лишь топтались на крыльце,

бросали в нашу сторону недоверчивые взгляды и негромко межу собой переговаривались. Насчет нас, надо полагать.

Обсуждать в их присутствии наши секреты было бы крайне неосмотрительно. Поэтому мы прислонились к машине и стали молча дожидаться возвращения Горлохвата. Даже если он нам не поверил и прикажет обыскать нашу машину, он не найдет в ней ни документов, ни канистры. Чтобы не разрушить собственную легенду, на подъезде к Коврову мы припрятали канистру в одном укромном местечке, откуда планировали забрать ее на обратном пути. А что нам делать с ней потом, будет видно. Но еще одно косвенное доказательство ценности этого вещества мы получили. И теперь уже точно не выбросим его в кювет, как ненужный балласт…

Глава 21

Аудиенции у Цельсия мы так и не удостоились. Чему, впрочем, не огорчились, поскольку сделка прошла на удивление гладко. С нами даже не стали торговаться, разве что выдали вместо ящика тушенки второй ящик патронов, но замена получилась выгодной для всех. На оружейном заводе, где патроны продавали чуть ли не по цене семечек – а ковровчанам их и вовсе раздавали бесплатно, – боеприпасов всегда хватало. А вот с едой порой случалась напряженка. Не всякий фермер рисковал везти свой товар в эти края, и мы нарвались как раз на такой неудачный торговый период. Нам же, напротив, было легче покупать еду у фермеров, по чьим землям мы проезжали, но они не продавали патроны ящиками и задешево. Да и поштучно как правило тоже не продавали. Слишком много этого добра расходовалось на защиту полей, обнесенных лишь колючей проволокой и засеками, а эти меры плохо сдерживали невосприимчивых к боли зомби.

В общем никто не прогадал: ни мы, ни наркобарыги. Горлохват выписал нам требование от имени своего босса, после чего мы объехали с этой бумагой нужные склады и получили обещанное нам вознаграждение. Процедура эта оказалась довольно хлопотной. Двух завскладов не оказалось на своих местах, и нам пришлось разыскивать их, катаясь по Коврову и расспрашивая видевших их горожан. Так что когда мы упаковали в багажник последнюю часть груза, уже стемнело, и выезжать за пределы города стало слишком опасно.

Пришлось заночевать в здешнем мотеле. Где с нами, как с редкими и потому дорогими гостями, обошлись воистину по-королевски. Разве что наша «дороговизна» оказалась палкой о двух концах, и за все оказанные услуги нам был выставлен наутро крупный счет. Но мы, довольные тем, что провернули вчера успешное коммерческое дельце, не стали мелочиться. В конце концов, не так уж часто мы позволяем себе оттянуться по полной. Так почему бы и впрямь не устроить себе маленький праздник перед ожидающей нас долгой и наверняка изнурительной охотой на Омикрона…

Покинув дорогой, но гостеприимный Ковров через те же южные ворота, мы промчались на полной скорости по его нежилым районам, задержавшись лишь в одном месте. Там, где в развалинах какого-то бизнес-центра мы припрятали вчера нашу драгоценную канистру. Ананас выскочил из машины, добежал до тайника, подобрал груз и вернулся обратно. Только уже не один,

а в сопровождении трех копателей. Они ошивались неподалеку и не могли не заметить остановившийся у них на виду джип.

Зомби двигались Панкрату наперерез, и ему было не достичь машины, не столкнувшись с ними. При себе у него имелся лишь тесак, а враги были довольно крупными и проворными, поэтому я счел должным вмешаться. Воспользовавшись тем, что все они отвлеклись на Ананаса, я врубил задний ход и сшиб бампером двух из трех копателей. А затем вдобавок проехался колесами по одному из них.

Большой Вождь и сам по себе весил немало. А нагруженный под завязку, он являл собой такое «пресс-папье», которое расплющило бы даже галапагосскую черепаху, не говоря о человеке. Я не видел, насколько серьезно пострадал задавленный мною копатель. Но, судя по громкому хрусту его костей, он перестал быть для Панкрата угрозой.

Зомби, который избежал столкновения с автомобилем, тоже быстро стал ни для кого не опасен. Тесак Ананаса отделил ему голову от туловища, а по отдельности они у копателей столь же безвредны, как у людей. Исключая разве что берсерков, но их среди этой троицы, к счастью, не оказалось.

Последний копатель быстро оклемался после удара бампером. И вскочил с земли, не успел я еще съехать с его раздавленного собрата. Вскочил он, правда, лишь затем чтобы снова упасть, но уже с раскроенным черепом – Ананас как обычно не стал дожидаться, когда на него нападут. Ну а когда первым нападал сам Ананас, безоружному противнику оставалось лишь спасаться бегством. На что копатели, к их несчастью, были совершенно не способны, за что и пострадали.

– Садись! Живо! – поторопил я напарника. Из-за руин на другой стороне улицы высунулось еще полдюжины заинтересованных нашей возней зомби. Возможно, впавший в раж Панкрат был не прочь зарубить и их, но мне вовсе не хотелось потакать его желаниям. Потому что за следующей оравой копателей примчится еще одна, в несколько раз больше, и это вмиг отрезвит нашего лихого рубаку.

– Куда теперь? – спросил он после того, как запрыгнул на место и поставил канистру на пол между передним и задним сиденьями.

– К мосту, – ответил я, врубая первую передачу. – Это единственная охраняемая переправа в округе, через которую мы переедем Клязьму без боя. Другие мосты горожане не охраняют, и соваться на них, значит, огрести лишние неприятности.

Порадовавшись тому, что все обошлось без стрельбы и лишнего шума, мы оставили прочих местных копателей несолоно

хлебавши, и, взяв курс на запад, покатили к реке.

Я говорил то, что знал: ковровчане действительно установили на обоих концах этого автомобильного моста оборонительные сооружения. И не подпускали к нему зомби, выкашивая тех из крупнокалиберных пулеметов еще на подступах.

Разумеется, за проезд по мосту взималась оплата. Согласно местным традициям – тоже отнюдь не скромная. Но в данном случае она того стоила. Клязьма в здешних краях была широкой и судоходной. А копатели, как я уже не раз упоминал, на этом расстоянии от Москвы попадались чуть ли не на каждом шагу. Переправляться через Клязьму по другим мостам означало гарантированно нарваться на стаю зомби, или даже не на одну. А оно нам надо? Конечно, у нас хватало оружия, но целиком полагаться на него – удел глупцов. Взять хотя бы нашу недавнюю переправу через мост в Саранске, когда нас едва не сбросил в реку копатель-профи на автокране. Сиди тогда за рулем я, именно так все и случилось бы. Мы выжили лишь благодаря Равиндеру Сингху. Это его водительское мастерство позволило нам одержать победу в той самоубийственной автомобильной дуэли…

Возле нужного нам моста через Клязьму в этот час царило затишье. Лишь несколько мертвых копателей, попавшихся нам на подъезде к берегу, давали понять, что абсолютно спокойным нынешнее утро все-таки не было. Эти растерзанные пулями останки ждали, когда их уберут с дороги и свалят в братскую могилу, которых по обоим берегам реки насчитывался явно не один десяток. Надо отдать ковровчанам должное – они ежедневно проводили уборку прилегающих к мосту территорий. Сколько я ни присматривался, так и не увидел поблизости ни других мертвецов, ни даже костей, хотя в нежилых районах города они валялись в изобилии.

По причине городского продовольственного кризиса оплату за проезд через мост сегодня взимали продуктами и куревом. Содрав с нас три шкуры – пять килограммов гречневой крупы, четыре армейских сухпайка и две пачки сигарет, – стражники открыли решетчатые ворота, что перегораживали въезд на мост, и позволили нам проехать. К этой минуте ворота на другом конце моста также были открыты. Без задней мысли я прибавил газу, посчитав, что мне разрешили проскочить через второй пост, не притормаживая. Однако не тут-то было! И когда мы с Ананасом поняли, зачем на самом деле те ворота отворили так рано, нас загнали в ловушку, вырваться из которой стало уже невозможно.

Едва я взял разгон, как вдруг на переправу выскочили еще шесть машин: три позади нас и три прямо по курсу. Еще до того,

как они блокировали мост, я понял, что вот-вот случиться нечто плохое. Слишком внезапно появились здесь эти бронированные внедорожники. Те, что перегородили нам выезд, ожидали нашего появления, скрываясь за оборонительными укреплениями на левобережье. Откуда возникли машины, отрезавшие нам путь к бегству, трудно сказать. За нами они не ехали, на правобережном посту их тоже не было. Наверное, они прятались в какой-нибудь невидимой с дороги впадине. Как бы то ни было, мы проморгали и тех, и других, хотя вроде бы не зевали и внимательно смотрели по сторонам.

Слаженность и быстрота, с какими были выставлены автомобильные заслоны, навели меня и Ананаса на одну и ту же пугающую догадку:

– «Черная колонна»! – в одни голос вскричали мы. И в следующий миг поняли, что были неправы. Вместо бронетехники «Гегемонии» нас окружили обычные потрепанные автомобили, вроде тех, что можно повсюду встретить на нынешних дорогах. Да и черными они казались лишь издали. А вблизи их цветовое единообразие объяснялось банальной грязью, обляпавшей их снизу доверху.

Из внедорожников тут же высыпали вооруженные люди. Они разбежались по всей ширине моста и заняли позиции так, чтобы не заслонять товарищам цели. То есть нас. Ну а мне пришлось ударить по тормозам и остановить джип на середине переправы, дабы стрелки не подумали, что мы идем на прорыв, и не изрешетили нас почем зря. А, впрочем, изрешетят ли? Заперев нас здесь, они сами очутились в неудобном положении, так как рисковали угодить под огонь друг друга. Чего нельзя сказать о гранатометных выстрелах. Выпущенный в нас прицельно, снаряд РПГ разорвет Большого Вождя вместе с нами в клочья, но до берегов пламя и осколки вряд ли долетят. Да и брошенная на середину моста, обычная ручная граната справится с этой задачей ничуть не хуже.

Короче говоря, мы угодили в серьезный переплет. Вот только кто это нас так крепко «переплел»? Чтобы устроить такую засаду, нужно время. А также информация, что, покинув город, мы поедем именно этой дорогой, а не какой-то еще. У кого было в наличии и то, и другое?…

У Цельсия, конечно же!

Кроме него больше некому. Его люди подслушали вчера в трактире, как мы с Ананасом обсуждаем наши дальнейшие планы, и он заручился поддержкой стражей моста. Но зачем наркобарону все усложнять, когда он мог бы легко захватить нас еще в Коврове, пьяными и сонными?

– Внимание, Квадро и этот, который с тобой… прости, бродяга, не знаю твоего имени! – прогремел над мостом усиленный мегафоном голос. – Даже не вздумайте сопротивляться! Один выстрел с вашей стороны – и вы будете уничтожены!

Голос принадлежал не Горлохвату, а кому-то более пожилому, но тоже явно авторитетному. Неужто самому Цельсию?

– С кем я говорю?! – крикнул я, открыв дверцу и высунувшись наружу. – Это ты, что ли, Цельсий?!

– Это я, Квадро! – подтвердили с левого берега. – И, знаешь, что я думаю: а ты ведь меня обманул! И это весьма прискорбно, ведь Горлохват предупреждал тебя, что в моем городе так делать не нужно.

– Не может быть! – возмутился я. – Какой обман, о чем ты?! Разве твои химики не проверили товар и не убедились в его качестве?

– Дело не в порошке, – пояснил Цельсий. – Дело в том химическом препарате, который вы якобы не нашли у Ходока. Ты готов поспорить со мной, Квадро, что если мы сейчас обыщем твою тачку, то не найдем в ней бутыль или канистру с какой-нибудь странной жидкостью?

– Моржовый бивень ему в глотку! – прорычал вполголоса Ананас. – Иваныч, мы что, и впрямь позволим им шмонать нашу тачку?

– Погоди, не кипятись. Не будем раньше времени закусывать удила, – попросил я. И снова обратился к ковровчанину: – Нечестный спор у нас с тобой получится. Мало ли, какую «химию» вы у меня найдете и скажете, что она принадлежала Ходоку. И что я вам на это отвечу? Что купил ее на рынке? А как мне это доказать – чеков-то у нас давно никто не выписывает!

За весь вчерашний вечер мы с Панкратом и словом не обмолвились о канистре. Я был в этом стопроцентно уверен, поскольку выпивал в меру, не до потери памяти и пульса. Так что Цельсий не мог знать о канистре наверняка и сейчас действовал наугад. Но действовал грамотно и раскусил нашу хитрость. Он предположил, что если мы не привезли канистру в город, то, вероятно, припрятали ее где-то в окрестностях. А чтобы проверить это, нас надо сначала отпустить, позволить нам забрать груз из тайника, а уже потом задержать и обыскать. И, естественно, сурово наказать, если догадки Цельсия подтвердятся и обыск увенчается успехом.

Да, только наказать и никак иначе! Простить нас после этого будет невозможно в принципе. Начни наркобарон прощать всех,

кто водил его за нос, как посмотрят на него его подручные и конкуренты?

Итак, что нас ждет дальше? В лучшем случае у нас отберут все. А потом, раздев донага, отпустят на произвол судьбы играть в прятки с копателями – игра, в которой нам почти наверняка не выиграть. В худшем случае… Ну, здесь такое множество вариантов насильственных смертей, что замучаешься их все перечислять. Как показывает практика, в этом вопросе фантазия у наркобаронов очень богатая.

– Хватит трепать языком, Квадро! – Цельсий был явно не расположен к переговорам. – Выходите из машины с поднятыми руками и без оружия! И молитесь, чтобы мои люди не нашли у вас то, что мне нужно. Эй, не заставляйте меня считать до трех – просто выйдите и все! Или лучше упростите задачу и нам, и себе – отдайте эту штуку сами, по-хорошему! Обещаю, вам это зачтется!

Не отыскать канистру в салоне Большого Вождя подручные Цельсия могли лишь в одном случае: если бы все они были поголовно слепы и лишены обеих рук. Поэтому я мог молиться хоть Христу, хоть Магомету, хоть Будде, хоть всем им вместе взятым – это не спасет нас от грядущего судилища.

– Эх, знал я, что рано или поздно станцую в обнимку с Костлявой. Но не думал, что это случится сегодня, здесь, на этом долбанном мосту! – Набычившийся Ананас сунул в рот сигарету и, злобно сопя, прикурил ее от зажигалки. – Ну что скажешь, Иваныч? Как по мне, сейчас самое время закусывать удила. Вижу, ты еще не кипятишься, но у меня пар уже отовсюду валит. Того и гляди, крышку с котелка сорвет, и черта с два ты ее потом обратно на место прикрепишь.

– Хватит брюзжать! Живо доставай рустамовский сканер и жми на красную кнопку! А я пока пойду сыграю в игру «заложник – террорист».

Из-за отсутствия пояснительных надписей на кнопках навигатора, взятого нами у мертвого Ходока, мы так и не выяснили, зачем нужна самая большая из них – красная, накрытая колпачком и торчащая особняком от остальных. Я предположил, что это была та самая тревожная кнопка, с помощью которой Ходок вызвал себе на подмогу спецназ «Гегемонии». Мысль была резонная, ведь других средств связи мы у беглеца не обнаружили. Что ж, настало самое время проверить мою догадку на практике. Или прыгать в реку и надеяться, что мы не разобьемся о воду, не утонем или что нас не пристрелят с моста…

Дилемма, которую я предпочитал пока решать не в пользу каскадерского варианта.

– Как на нее, заразу, жать-то? – спросил Ананас, достав из бардачка прибор и сковырнув пальцем крышечку над красной кнопкой. Мы все время держали его под рукой – на случай, если вдруг придется экстренно избавляться от этой компрометирующей улики.

– Подавай сигнал SOS столько, сколько сможешь, – пояснил я, вытаскивая стоящую позади моего сиденья, проклятую канистру.

– Я тебе что – моряк или летчик?! – огрызнулся напарник. – Откуда мне знать, как надо правильно «сосать» этой твоей морзянкой!

– А, дьявол! – выругался я, забыв о том, что бывшие уголовники могут не знать многих вещей, которые в современном опасном мире знают назубок и взрослые, и дети. – Жми так: три точки – три тире – три точки без пауз!

– Э-э-э… Что еще за, мать их, тире и точки?! А еще проще можно объяснить? – потребовал Панкрат. – Или ты до сих пор не понял, с каким остолопом имеешь дело?!

– Точка – короткое нажатие на кнопку, тире – в три раза дольше, – уточнил я, достав канистру и одевая пояс с револьверами. – Теперь разберешься?

– Теперь да! – кивнул Ананас. – Стало быть, три коротких, три длинных, потом опять три коротких без паузы… Несложная наука. Эй, а ты что еще задумал?

– Пошел тянуть время! – ответил я. И, нацепив пояс, взял в одну руку канистру, а в другую – ручную гранату. – Ты, главное, делай свое дело и не обращай на меня внимания. Как бы я там ни выпендривался и чем бы этих ублюдков ни стращал – не обращай и все…

Тем временем несколько «ублюдков» на той и другой стороне моста начали осторожно продвигаться к нам, продолжая держать нас на мушках. Не иначе, это им было поручено обыскивать наш джип. Когда я вылез из него с канистрой в руке, они оживились, решив, что я последовал совету их босса и добровольно преподношу ему дар, разве что не на блюдечке с голубой каемочкой. Но радость врагов оказалась скоротечной. Узрев у меня в кулаке гранату, из которой я демонстративно вырвал чеку и поднял ее вверх, показывая всем, головорезы тут же попятились обратно. Но отступили не до заслонов, а остановились где-то на полпути к ним.

– Я тут подумал и вспомнил: лежит у меня один химикат, который, возможно, ты ищешь, Цельсий! – выкрикнул я так, чтобы меня было слышно на том и на другом берегу. – Ты выиграл – забирай, он твой! Только есть проблема: мне не нравятся условия обмена. Поэтому либо ты соглашаешься на наши условия и

получаешь товар, либо не получаешь ни его, ни нас. Понимаю, за что ты на меня обозлился. Ну извини, так уж вышло. Знаешь, что: а давай забудем былые обиды и начнем все с чистого листа. Только по нашим правилам, разумеется!

– Да кто ты такой, Квадро, чтобы диктовать мне свои правила в моем городе! – взвился Цельсий. – Здесь я – закон! И за неподчинение мне у нас отвечают головой! И ты, черт побери, отлично знал это еще до того, как приехал в Ковров!

– Кто я такой?! Я – человек с гранатой! И еще у меня есть ценная штуковина, которую эта граната может раздербанить, – напомнил я. – Хотя, если бы ты меня дослушал, то понял бы, что мои условия вполне справедливы! В сложившихся обстоятельствах, само собой!.. Так вот, о чем я. Сейчас ты нас пропустишь и мы отъедем так, чтобы ты и твоя банда перестали мозолить нам глаза. Затем мы выставим канистру на дорогу, выпустим сигнальную ракету и отправимся дальше, а ты подберешь ее. Ну а после сам решай, как с нами быть. Но мой тебе совет: лучше вернись в город. Потому что я не гарантирую, что когда ты пустишься за нами в погоню, твои машины вдруг не подорвутся на минах.

– Ты блефуешь, Квадро! – ответил на это наркобарон. – Ты же серьезный человек и опытный профи! Ты не взорвешь себя ради какой-то банки с жидкостью. Отдай ее нам, а потом мы все успокоимся и подумаем, что нам с вами делать.

– Если в этой банке – обычный растворитель или отбеливатель, почему, скажи на милость, ты так из-за нее взбеленился? – ехидно поинтересовался я, покосившись на оставшегося в кабине Ананаса. Он усердно нажимал на красную кнопку, и, как хотелось надеяться, действительно посылал в эфир сигнал «SOS». Хотя с тем же успехом он мог и заниматься ерундой, ведь мы понятия не имели, зачем нужна эта кнопка.

– Это не твое дело, Квадро, и не стоит тебе совать в него нос, – отказался отвечать на мой вопрос Цельсий. – Ты и так уже переступил ту черту, за которую тебе не стоило заходить. Но у тебя и твоего приятеля еще есть шанс выйти сухим из воды. И я не намерен в третий раз повторять тебе, как им воспользоваться.

– Спасибо тебе великодушно, – усмехнулся я, – но я все же настаиваю на своем. Другого способа получить эту канистру у тебя нет. И чем быстрее ты это осознаешь, тем лучше. Видишь ли, у меня потеет и затекает рука, и я не хотел бы раньше времени выронить гранату себе под ноги.

Ответа не последовало. И никакого оживления я на берегах тоже не заметил. Оно могло бы означать, что героиновый царек что-то задумал и рассылает бойцов на позиции. Но они

продолжали оставаться на местах и наблюдать за мной через автоматные прицелы.

Присмотревшись получше, я заметил что мегафон лежит на капоте одного из внедорожников, а сам Цельсий куда-то запропастился. Поскольку сбегать отсюда у него не было резона, видимо, он просто уселся на землю, чтобы поразмыслить над ситуацией.

Ну что ж, пускай поразмыслит. Задержка в любом случае играет нам на руку.

Я поставил канистру рядом с собой, но гранату по-прежнему держал так, чтобы враги ни на миг не забывали о ней. Панкрат вопросительно посмотрел на меня и показал мне сканер: дескать, что дальше – продолжать долбить по кнопке или этого достаточно?

– Давай-давай, не останавливайся, – велел я ему. – То, что наркобарыга взял время на раздумье, еще не значит, что он примет наши условия.

– А по-моему, эта твоя морзянка – полное фуфло! – усомнился Ананас, но к работе все же вернулся.

– Поглядим, – отозвался я, аккуратно перекладывая гранату в другую руку и вытирая вспотевшую ладонь о штаны. – Я тебе скажу, как будет выглядеть для нас настоящее полное фуфло: если вдруг «Гегемония» и Цельсий окажутся друзьями и устроят нам совместную травлю. Вот тогда здесь и впрямь начнется полная срань. Ну а ты пока долби по кнопке, Панкрат, долби! Чем черт не шутит, авось впрямь до кого-нибудь достучишься…

Глава 22

В наэлектризованной атмосфере, что сгустилась над мостом почище предгрозовой, я не следил за временем. В этом отсутствовала всякая надобность. Помимо счастливых людей, которые якобы часов не наблюдают, этим же самым не занимаются потенциальные покойники, балансирующие на грани жизни и смерти. И правда, зачем бы им… то есть нам это сдалось? Куда мы боялись бы сейчас опоздать, посматривая на часы? На собственные похороны? Так их у нас при любом раскладе не ожидается. Если я взорву гранату, от ее взрыва детонируют бензобак джипа и боеприпасы в багажнике, и наши ошметки разлетятся по мосту. А если Цельсию повезет убить нас так, что моя граната не взорвется, наши трупы сбросят в реку. И поплывем мы по ней сначала в Оку, затем – в Волгу, а после, если нас к тому времени не обглодают рыбы, и в Каспийское море…

Тем не менее, с той поры, как я вылез из джипа, а Панкрат взялся осваивать морзянку, вряд ли прошло более четверти часа, когда повисшую над мостом тишину нарушил странный шум. Он напоминал шум винта, но явно не вертолетного. Это было приглушенное стрекотание, которое я и вовсе не расслышал бы, находись мы в Коврове, где-нибудь рядом с работающими заводскими цехами. Но здесь и сейчас, особенно, когда Цельсий не орал в мегафон, слышимость над рекой была отличная. Поэтому и я, и все остальные сразу расслышали посторонний звук и начали задирать головы в поисках его источника.

Источник обнаружился довольно скоро. Сначала это была просто летящая точка на южной части небосклона, но она быстро увеличивалась в размерах и спустя пару минут обрела форму самолета. Или, точнее, планера: узкий стреловидный фюзеляж; длинные, но тоже узкие крылья; хвост с двумя килями… В авиации я профан и не знаю, бывают ли планеры с пропеллерами, но на этом их имелось даже два. Любопытная машинка. И в былые времена увидеть такую в небе было редкостью, а сегодня она и вовсе выглядела там сущей диковиной.

Возможно, я и дальше считал бы этот летательный аппарат планером. Но когда до меня долетели выкрики наркоторговцев «Беспилотник! Беспилотник!», я, приглядевшись, с ними согласился. Да, эта штука и впрямь больше напоминала БПЛА. И если предположить, кто мог запустить ее в небо, походило на то, что посылаемые Ананасом сигналы дошли до нужного адресата.

Все время, что мы следили за летящим над рекой беспилотником, он шел на снижение. И когда он поравнялся с

мостом, высота его полета составляла не более сотни метров. Надо полагать, что объективы его видеокамер были нацелены прямо на нас. А иначе зачем бы еще оператор крылатой машинки повел ее этим маршрутом?

– Дай сюда сканер! Быстрее! – попросил я Ананаса. И, забрав прибор, поднял его над головой так, чтобы беспилотник заснял и его. Какие выводы сделают из всего увиденного наблюдающие за нами с небес «гегемоны», неизвестно. Но они должны были знать, кто послал им сигнал бедствия.

На самом деле угодившие в беду агенты фонда вряд ли сигнализировали в центр общепринятым «SOS». Наверняка на такой случай у них имелся свой, особый код. Но нам было неважно, за кого нас примут. Главное, мы привлекли к себе внимание, а дальше как карта ляжет. Все равно, хреновее, чем сейчас, для нас уже точно не будет.

БПЛА промчался над мостом и, заложив вираж, пошел на разворот. Было очевидно, что он пролетит над нами еще как минимум один раз, поэтому я продолжал держать на виду сканер и гранату. По идее, стоящая рядом со мной канистра тоже должна была навести «гегемонов» на правильные выводы. Даже если они не догадываются, что в нее налито, у них хватит ума сообразить, что я неспроста вытащил эту емкость из кабины и держу при себе. И что в ней явно не горючее, ведь надумай я устроить самосожжение, зачем вообще вылез тогда с гранатой из машины?

– Ты идиот, Квадро! – снова подал голос взявший мегафон Цельсий. – Нашел, перед кем плясать и вилять хвостиком! Неужто и правда считаешь, что «черная колонна» примчится тебе на подмогу? Да она в наши края отродясь не совалась! А если и сунется, я узнаю об этом еще до того, как она подъедет к Коврову на полсотни километров!

Наверняка он говорил правду. Но сейчас механический разведчик «Гегемонии» кружил над нами, и его хозяев явно интересовало то, что здесь происходит. Даже с высоты можно было безошибочно определить, у кого здесь крупные неприятности и кому требуется помощь. Жаль, только, что сама большая летающая видеокамера ничем не могла нам помочь. Вот кабы вместо нее сюда нагрянул вертолет с десантной группой или лучше два вертолета, это и впрямь было бы здорово. Но раз вместо них к нам прислали обычного наблюдателя, значит, в фонде знают, что владелец этого сканера мертв. А другим чисторуким фонд помогать вовсе не обязан. В особенности – подозреваемым в убийстве агента этого самого фонда.

Облетев трижды вокруг моста, беспилотник лег на обратный курс и снова начал набирать высоту. Наркобарыги, что все это

время следили за ним с опаской, вновь осмелели и, разразившись бранью, взялись показывать ему вслед неприличные жесты. На большее, впрочем, их смелости не хватило. Выпустить в летательный аппарат автоматную очередь никто так и не рискнул, хотя многим этого наверняка хотелось.

– Говорил же тебе: фуфло все это, – повторил Ананас, стукнув со злости кулаком по крышке бардачка. – Только мозоль на пальце из-за тебя натер!

Беспокойство напарника насчет какой-то мозоли под прицелом двух десятков автоматов могло бы вызвать улыбку, если бы эти автоматы не были нацелены прямо на нас, а их хозяева не ерзали от нетерпения пустить нам кровь.

– Не хотелось мне этого говорить, но, кажется, настала пора нам искупаться, – сказал я. – Канистру, ясен пень, заберем с собой. Пока она с нами, Цельсий не осмелится по нам стрелять.

– Плохая идея, Иваныч, – забеспокоился Панкрат. – Дерьмовый из меня пловец, а ныряльщик и того хуже. А тут еще до воды все двадцать метров лететь. Не то, чтобы я боялся. Но, как по мне, в честной драке у нас есть хоть какой-то шанс на успех, а так… Эй, обернись-ка: кажись, та стрекоталка опять сюда летит! Готов поспорить, ее хозяева на нас ставки делают и ни за что не пропустят конец этого шоу.

И правда, набравший высоту беспилотник не лег, как ожидалось, на обратный курс. Отлетев подальше, он вдруг заложил новый вираж и теперь опять двигался к мосту, только не снижаясь. Зачем, спрашивается? По-моему, он отснял на свои камеры все, что нужно. Или Панкрат был прав: «гегемоны» и впрямь хотели узнать, чем закончится это противостояние. Ради чего не пожалели лишнее горючее, которое этот самолетик наверняка расходовал в достаточном количестве.

Я действительно плохо разбирался в подобного рода авиации. Потому что мне и в голову не пришло, что эта забавная штуковина может оказаться воистину смертоносным оружием. Нет, я, конечно, видел в кино, как американская армия уничтожала с помощью БПЛА в Ираке и в Афганистане моджахедов и талибов, но меня ввели в заблуждение скромные размеры этой «стрекоталки». И не только меня. Цельсий сотоварищи тоже вряд ли ожидали от нее коварных сюрпризов, а иначе они открыли бы по ней огонь раньше, чем она – по ним.

Даже когда от самолетика отделилось нечто стремительное и оставляющее за собой дымовой след, было трудно поверить, что это – настоящая боевая ракета. Ну никак не вязался облик такой крылатой игрушки, которую могли сконструировать в любом авиамодельном кружке, с машиной смерти. Однако, все наши

иллюзии вмиг рассеялись, когда ракета достигла земли. И рванула так, что половину левобережных укреплений попросту снесло в реку. Вместе с их защитниками, пулеметами и одним из внедорожников.

Взрыв случился далековато от нас, но ударная волна все равно сбила меня с ног и вызвала легкую контузию. Хорошо, хоть инстинкт самосохранения не подвел, и я, упав на мост, не выронил гранату. Напротив – крепко вцепился в нее обеими руками, отбросив не нужный больше сканер в сторону. Канистра тоже вроде бы не пострадала. Она лишь завалилась на бок, но не треснула и не протекала. А с берега на меня неслось облако серой пыли, которая спустя еще пару секунд окутала нас непроглядной пеленой.

– Иваныч! – окликнул меня Ананас. В момент взрыва он все еще сидел в машине и, кажется, избежал контузии. – Иваныч, ты как там!

– Вроде порядок! – отозвался я, поднимаясь на ноги. – Хотя бывало и лучше!

– Слышь, а теперь-то что? – поинтересовался напарник. – Валим отсюда или остаемся?

– Валим! – без раздумий подытожил я. – Только чур ты за рулем, а то у меня рука одеревенела и башка кружится!

– Да запросто! Айда в кабину! – не стал возражать Панкрат и полез со своего места на водительское.

Что творилось на левом берегу, мы не могли разглядеть. Но правого пылевое облако не достигло, а, значит, покусившийся на наркоторговцев летун был оттуда по-прежнему виден. Что и подтвердилось, когда позади нас ударил шквал автоматных и пулеметных очередей. Я инстинктивно вжал голову в плечи и пригнулся, но все пули летели не в нашу сторону, а вверх. Туда, где в поднебесье мчался БПЛА, нарочно поднятый оператором на максимальную высоту, чтобы не представлять собой легкую мишень для стрелков на земле.

А что же мы? Неудивительно, что после нападения на наших врагов механической птицы те сразу о нас забыли. Само собой, забыли лишь на время – пока эта птица гадила на них своим взрывоопасным пометом. И весьма метко гадила, надо заметить. С чем наркобарыги никак не могли смириться и теперь считали делом чести сбить эту тварь.

Ракета уничтожила не весь преграждавший нам путь заслон. Но если Цельсий и его подручные, что были с ним на левом берегу, не погибли, то наверняка были ранены и контужены. На что мы и рассчитывали, собираясь протаранить барьер из внедорожников и убраться с опасного берега.

Лезть в машину со взведенной гранатой в руках перед тараном было опасно, и я избавился от нее прежде чем подобрал канистру. Избавился, разумеется, с пользой: метнул ее в сторону преграды, через которую нам предстояло пробиваться. Добросить гранату до края моста я, правда, не смог. Но даже упав в десятке шагов от барьера, она все равно взорвется не напрасно, а в опасной близости от наших врагов.

Не желая тратить драгоценные секунды, я не стал обегать машину, чтобы занять место Ананаса, а запрыгнул вместе с канистрой на заднее сиденье. После чего достал из багажного отсека лежащий наготове пулемет, открыл верхний люк и приготовился накормить противника свинцом, если это потребуется.

– Держись! Погнали! – крикнул Панкрат, оглянувшись и убедившись, что нас здесь больше ничего не держит. – Эх, зар-р-раза, ну пошла веселуха!

Глянув в небо – окутавшая нас пыль быстро развеивалась ветром, – я не заметил БПЛА и потому решил, что он улетел, израсходовав весь свой боезапас. Как бы не так – в пороховницах этого маленького убийцы еще был порох. Описав над рекой петлю, самолет вновь зашел на цель, только на другую – правобережные укрепления, – и тоже выпустил по ней ракету. Ее полет я не успел заметить, и понял, что там стряслось, лишь когда грянул взрыв. Попадание выдалось более точным, чем первое – прямо в центр заслона. А также более эффектным. Когда воспламенились разом все автомобильные бензобаки, рядом со взметнувшимся в воздух, столпом огня расцвели еще три огромных огненных бутона.

Не знаю, что при этом стало с головорезами, блокировавшими нас с тыла. Думаю, они учли горький опыт товарищей и успели разбежаться при виде приближающегося беспилотника. У нас такая возможность отсутствовала, но этот взрыв тоже был нам не страшен. Мы почти добрались до левого берега, и ударная волна, что до нас докатилась, походила на порыв ураганного ветра – неприятно, но уже терпимо.

Выпускать беспилотник из поля зрения стало опасно. За второй ракетной атакой могла последовать третья – например, добивающий удар по первой цели, – и не хотелось бы случайно под него угодить. Но сейчас нам волей-неволей пришлось переключить внимание с небес на землю. Мы готовились проделать такое, за что нас еще пару минут назад изрешетили бы пулями. Да и сейчас могли запросто изрешетить. Если хотя бы один телохранитель Цельсия был в состоянии отстреливаться, ему хватит всего одной меткой очереди, чтобы отправить нас к

праотцам.

За двумя машинами, что все еще стояли поперек выезда с моста, возникло мельтешение. Но едва я хотел шарахнуть туда из пулемета – не пристрелю ублюдков, так хотя бы заставлю их прижаться к земле, – как Большой Вождь ударил рассекателем промеж внедорожников. Их отбросило в стороны, будто створки ворот от хорошего пинка. А они в свою очередь шибанули тех, кто за ними прятался. И шибанули достаточно крепко. Когда мы въехали в образовавшийся просвет, ни один из головорезов не стоял на ногах, все они попадали на дорогу.

Пока мы проезжали мимо, я не отказал себе в удовольствии оставить по десятку пулевых дырок в капоте каждой вражеской машины, Этого хватило, чтобы вывести их из строя и не беспокоиться о том, что наркобарыги пустятся за нами в погоню. Что же касательно их самих… Те, что распластались сейчас на дороге, не подавали признаков жизни и не представляли для нас угрозы. Ну а охотиться за теми, которые, вероятно, укрылись от нашего огня в придорожных кюветах, у нас уже не было времени.

Теперь Ананасу предстояло утопить педаль газа в пол и увозить нас прочь от взрывоопасного берега. Но прежде чем он так поступил, мы притормозили и ненадолго задержались. Это было совсем не обязательно и произошло, скорее, под влиянием эмоций, а не разума. И все же, заметив валяющегося на обочине человека с мегафоном в руке, мы с Панкратом единодушно решили захватить его с собой. Даже несмотря на то, что сам он не горел желанием составлять нам компанию. И взялся отбрыкиваться, когда мы подхватили его под руки и стали запихивать его в машину. Правда, сопротивлялся он вяло, поскольку был контужен, и мы без труда погрузили его на заднее сиденье.

– Лежи, не дергайся, Цельсий! – пригрозил я пленнику. – Шутки кончились! Хочешь остаться в живых – делай то, что тебе говорят. И не разевай рот, пока тебя не попросят!

– Да ты вконец оборзел, Квадро!.. – тут же ослушался меня наркобарон. Но я был не расположен к полемике. И подкрепил свои угрозы делом, шарахнув строптивцу по лбу рукояткой револьвера.

Цельсий, на которого в Коврове не то, что руку не поднимали – даже голоса никто не повышал, – задохнулся от гнева. И хотел выкрикнуть мне еще что-то нелицеприятное, но вовремя одумался и лишь зашипел от обиды и боли, словно разъяренный удав. Впрочем, эти и другие нечленораздельные звуки он мог издавать безнаказанно, сколько ему угодно. Мы и сами сейчас шипели, кряхтели, хрипели и рычали от злости и нервного напряжения не

хуже зверей и потому могли отнестись к Цельсию с пониманием.

Один из валяющихся неподалеку, наполовину оглушенных головорезов заметил, что произошло. И, собравшись с силами, встал на ноги и ринулся спасать босса. Но пробежал недалеко – аккурат до вылетевшего ему навстречу, кулака Ананаса. Тот его даже толком не стукнул, а просто резко вытянул руку, на которую противник сам лицом и наткнулся. Этого хватило, чтобы контуженный противник снова принял горизонтальное положение и утратил всякую охоту геройствовать.

Атака цельсиевского телохранителя произошла аккурат в момент третьего взрыва. После обстрела беспилотником правобережья я в страхе гадал, остались ли у него еще ракеты, и если да, то куда он их нацелит теперь. Мои догадки мне откровенно не нравились. Хотя они не понравились бы мне еще больше, подтвердись они не здесь, а на мосту. Потому что в этом случае я, Ананас и Большой Вождь сгорели бы в пламени взрыва. Того, который грянул там сейчас и разбил центральный пролет моста, сломав его пополам и уронив в воду.

Проклятая «Гегемония»!

Она провела воздушную разведку места, откуда поступил сигнал «SOS», но не встала на защиту тех, кто его послал. Видимо, меня и Панкрата сочли наглыми самозванцами или признали в нас виновников смерти Ходока, но фонд, не мудрствуя лукаво, решил очистить переправу от всех собравшихся на ней чисторуких. Что было очень даже в его стиле. Если хозяева БПЛА и не опознали канистру, они могли подозревать, что у нас есть не только трофейный сканер, но и другое их оборудование. Часть которого – что также не исключалось, – могла попасть в руки наших врагов. За что и мы, и они были приговорены к ликвидации. Такой, которая заодно подчистит все следы, уничтожив трофеи, что мы отобрали у «Гегемонии».

Ракетный удар был нанесен по всем правилам. Сначала беспилотник вывел из игры те цели, что представляли для него наибольшую опасность. А нас его оператор оставил напоследок. В одном он только просчитался – не заметил в клубах поднятой взрывами пыли, как мы слиняли из отмеченной им зоны поражения. И потому третья ракета была потрачена «гегемонами» впустую. Или не совсем – они все-таки сломали мост, который ковровчане теперь вряд ли восстановят.

Но нас эта проблема уже не волновала. Мы пересекли реку и двигались на северо-запад – в те края, где я планировал в ближайшее время начать охоту на однорукого поводыря Омикрона.

– Три ракеты! – заметил Панкрат, когда мы с ним вернулись в

машину и продолжили путь. – Нет, ты прикинь: такая смешная стрекоталка, а в нее умудрились столько ракет запихать, что она могла бы ими половину Коврова разнести!

– Хоть не половину, но на героиновую фабрику в том самолетике взрывчатки хватило бы. – Я посмотрел на Цельсия. Он лежал на заднем сиденье, а я сидел у него в ногах. И, держа в руке Бедлам, намекал ему, чтобы он не вздумал распускать руки, так как связать его мы не успели. – Подумать только, как нам повезло с попутчиком! Не какой-то там Горлохват или другой Ухо-горло-нос, а сам мистер Градусник собственной персоной! Уверен, он много о чем знает, и ему есть, чем нас порадовать!.. А вот повезло ли тебе, Цельсий, с нами – пока неизвестно. Хотя, если ты решишь исповедаться добровольно, не заставляя меня простреливать тебе колени, возможно, ты даже переживешь сегодняшний день. В конце концов, нам ведь от тебя многого не надо: расскажешь, с чего вдруг ты так взбеленился из-за этой канистры – и катись обратно в свой Ковров. Ну так что, поладим мы с тобой или нет, как считаешь?…

Глава 23

Нас удивило, что в утробе самолетика смогли уместиться три ракеты класса «воздух-земля». Но это были не все сюрпризы, которые нам приготовила «Гегемония». Как ни старались мы укрыться от ее небесного ока в туче пыли, ветер быстро сдул нашу маскировку, и мы вновь стали видны для камер БПЛА, как на ладони. И все бы ничего, да только он не ограничился одной видеоохотой за нами. Помимо ракетной установки в него был также встроен пулемет. Не столь мощный, как скорострельные авиационные пушки, но пригодный для расстрела с воздуха гражданского транспорта. Чем и занялся оператор беспилотника сразу, как только мы опять угодили в поле его зрения.

Панкрат резко увел джип в сторону и съехал в кювет за миг до того, как нас настигла пулеметная очередь приближающегося сзади летуна. Она вспорола дорогу фонтанами асфальтовой крошки и пронеслась мимо, не найдя себе жертву. А промахнувшийся БПЛА пролетел над дорогой на высоте около сотни метров и, обогнав нас, пошел на разворот. Естественно – для нового захода на цель. Только на сей раз он, похоже, намеревался лететь нам навстречу.

– Жми туда! – велел я Ананасу, указав на придорожный лесок, до которого мы немного не доехали. Сообразив, что от него требуется, водитель не стал выруливать обратно на трассу, а помчался вперед прямо по кювету, благо тот был неглубокий. Джип при этом то и дело кренился на левый или правый борт, но для груженого и устойчивого «гранд чероки» это было не опасно. Опасны были пули, что грозили вот-вот опять посыпаться на нас с неба.

Березняк, к которому мы устремились, являл собой примыкающий к дороге, островок леса. С других его сторон к нему подступало заросшее травой поле. Когда беспилотник развернется и снова начнет ловить нас в пулеметный прицел, мы будем заслонены от него деревьями. Сомнительная защита, но другой поблизости не оказалось. Вдобавок лесок позволял объезжать его по кругу. Поэтому, откуда бы ни атаковал нас БПЛА, теперь мы могли все время прятаться от него за березняком.

Проверка нашей защиты на надежность не заставила себя ждать. Первые же ударившие по лесу пули дали понять, что среди них всегда найдутся несколько, которые просвистят промеж деревьев и попадут в цель. Немного, если бы речь шла о цели, которую было трудно повредить. Но достаточно, чтобы вывести из

строя Большого Вождя или подстрелить кого-то из нас.

На первый раз, правда, обошлось – удар пришелся в переднюю часть автомобиля. Две или три пули звякнули по тарану-рассекателю, еще одна угодила в бронированную пластину на капоте и застряла в ней. Тем не менее ошибка стрелка, сидящего за многие километры от нас, была незначительной. Сдвинь он прицел чуть влево и продырявь крышу кабины, кому-то из нас сейчас точно не поздоровилось бы.

Нельзя было предугадать, на сколько заходов у беспилотника хватит патронов. Но если так пойдет дальше, однажды он точно не промахнется. Проследив за его очередным виражом, я прикинул, с какого направления он атакует нас снова. После чего взял пулемет и покинул машину, велев Ананасу продолжать кружить вокруг березняка, укрываясь от воздушных налетов.

Цельсия я с ним, разумеется, не оставил. Не хватало еще, чтобы тот, оказавшись без присмотра, огрел водителя по затылку и задал деру, пока я буду находиться на другом краю леса. Вытащив пленника из машины за шиворот, я приказал ему держаться рядом со мной. На сей раз обошлось без тумаков. Наркобарон и сам прекрасно осознавал, что бегает гораздо медленнее пуль, которые я выпущу ему в спину, если он побежит не в ту сторону.

Упав в траву и велев Цельсию сделать то же самое, я перевернулся на спину и занял изготовку для стрельбы лежа по летящей цели. В точности так, как меня обучали этому еще в советской школе на уроках начальной военной подготовки. Сейчас беспилотник, я и Большой Вождь находились на одной линии, только между мной и джипом был лес. А между приближающимся самолетом и мной – ничего. И оператор вел его прямо на меня, понятия не имея, что я подкарауливаю его в высокой траве, как охотник – утку.

Я был почти уверен, что оператор БПЛА не заметил, как мы с Цельсием высадились из машины. А иначе он открыл бы по мне огонь еще издали – с такой высоты оптика летуна позволяла разглядеть на земле не только пулеметчика, но и все родинки у него на лице. Но «гегемон» вывел беспилотник из виража и сосредоточил свое внимание на Большом Вожде, собираясь всадить в него новую очередь. И он пока не подозревал, что кто-то внизу тоже строит сейчас коварные планы, только уже в отношении него самого.

Сунув пулеметный приклад под мышку и уперев его в мягкую землю, я поймал в прицел самолет, сделал примерное упреждение и выпустил короткую очередь. Разумеется, промахнулся и все пули ушли в небо. Но зато, пристрелявшись, я

знал, как надо действовать дальше. И, внеся нужные поправки, повел огонь уже по всем правилам. То есть также – короткими очередями, – но с минимальными промежутками между ними, в ходе которых я корректировал прицел с учетом скорости и вектора движения цели.

Чем ближе она ко мне подлетала, тем точнее я по ней бил. И когда оператор понял, что происходит, и, забыв об автомобиле, открыл по мне ответный огонь, мы с Цельсием уже спрятались за стволами ближайших деревьев.

Истратив впустую не меньше полусотни пуль, БПЛА промчался над лесом, но теперь его полет был не таким уверенным, как раньше. Его левый двигатель чихал и дымил, поскольку я успел-таки его повредить. Также, очевидно, мне удалось повредить механизмы управления, потому что самолет пошел на разворот уже не по ровной горизонтальной параболе. Теперь он то клевал носом, то снова выравнивал свой полет, однако до базы, возможно, еще дотянул бы. Вот только он, похоже, туда не собирался и был не прочь продолжить драку.

– Получил, сука! – злорадно процедил я, поднимаясь из-за березы, что послужила мне укрытием. – Ну все, хватит выеживаться – давай, проваливай отсюда, пока винты вращаются!

Враг не расслышал мой дельный совет. Описав в небе третью, на сей раз отнюдь не идеальную петлю, беспилотник все же сумел взять курс на наш березняк и снова пошел в атаку. Усвоив урок, он начал осыпать нас пулями еще издали. Это было неэкономично для боеприпасов, зато эффективно в психологическом плане. Я и Цельсий снова поспешили спрятаться за деревьями, поскольку бежать через прошиваемый пулями лес было боязно. Они хлестали по листве, словно градины, то и дело срезая с берез целые ветки. И иногда проносились в опасной близости от нас, что вмиг поумерило мой боевой пыл. А мой пленник, казалось, и вовсе был готов от страха зарыться с головой в мох. И зарылся бы, не мешай ему корни дерева, за которым он отсиживался.

Надо полагать, это была предпоследняя или последняя атака БПЛА, раз он решил побыстрее избавиться от остатков боекомплекта. Я мог бы не высовываться и не мешать ему сбрасывать свинцовый балласт. Вот только тот свинец по-прежнему сыпался на наши головы и грозил оставить нас без транспорта. В ленте моего «Хеклер-Кох-221» еще оставалось десятка два патронов, и я решил последовать примеру врага. В смысле, тоже сбросить этот балласт, пускай он меня и не тяготил. Или, точнее говоря, не сбросить, а подбросить его вверх, прямо навстречу беспилотнику.

Собственно, высовываться и не пришлось. Продолжая оставаться за деревом, я вскинул пулемет, задрал его ствол вверх и истратил все оставшиеся патроны за одну длинную очередь. По принципу скорострельного зенитного орудия – не ловя самолет на мушку, я просто образовал у него на пути заграждение из множества пуль. На которые пронесшийся над лесом БПЛА и нарвался. Не мог не нарваться. Он летел слишком быстро и низко, и потому не имел шанса уклониться от взметнувшегося перед ним, свинцового гейзера.

7,62-миллиметровые пули вспороли легкому самолетику брюхо и разнесли один из хвостовых килей. С учетом, что беспилотник уже держался в воздухе практически на одном двигателе и с барахлящими рулями, этот урон стал для него фатальным. Перелетев через березняк, он больше не смог набрать высоту для нового виража. Полет изрешеченного пулями БПЛА продолжился по нисходящей траектории, прорисованной в воздухе оставляемым им, черным дымовым следом. И завершился километром южнее – на дальнем краю поля, у опушки тамошнего леса.

Имейся у этой техники пилот и не успей он катапультироваться, столь жесткую посадку он бы не пережил. Самолет взорвался сразу же, при ударе о землю. Полыхнули остатки горючего, а вслед за ним рванули остатки пулеметных патронов. Хвостовая часть фюзеляжа отвалилась от передней и, описав в воздухе дугу, упала на кроны деревьев. Передняя же часть смялась в лепешку, а горящие крылья оторвались и, разлетевшись в стороны, продолжили полыхать уже сами по себе…

Впрочем, эта картина была не такой страшной, как ее фон, который изменился всего за пару минут. Пока я выгонял трясущегося от страха Цельсия из березняка и дожидался Ананаса, лес вокруг рухнувшего беспилотника начал шевелиться. Не так, как обычно шевелятся деревья на ветру. Нет, это было нечто совсем другое! Сами деревья вроде бы оставались на местах, но странным образом раскачивались у корней. И не падали, хотя от такой раскачки даже толстые стволы наверняка треснули бы и сломались.

Конечно, это была всего лишь иллюзия. И она быстро рассеялась, едва породившая ее причина выбралась из-под сени крон под лучи солнца.

Копатели! Десятки, если не сотни их продирались через лес, привлеченные грохотом упавшего беспилотника. Грязные зомби в изорванной одежде маячили на фоне белых берез, создавая этот жуткий движущийся фон. Который прямо-таки напрашивался,

чтобы его изобразил на холсте какой-нибудь художник-сюрреалист.

Среди нас художников не было. И в наши текущие планы не входило любование березками и тем паче копателями. «Гегемония» могла выслать к месту крушения беспилотника вертолет, и когда он здесь появится, нам желательно находиться как можно дальше отсюда.

– Быстро в джип! – скомандовал я Цельсию и подтолкнул его в спину, поторапливая. Он продолжал мне подчиняться и молча вернулся на заднее сиденье. Разве что не улегся на нем, как раньше, а сел в уголке возле правой дверцы. Я заскочил внутрь следом за ним, бросил разряженный пулемет в багажник и, устроившись на другой стороне сиденья, нацелил на пленника револьвер.

– Гони! – велел я Ананасу, и он повел машину в сторону трассы, по которой мы ехали, пока нас не настиг БПЛА. Оглянувшись, я убедился, что на поле вышла все же не зэд-волна, а просто большая стая. Нас она не заметила, поскольку все ее внимание было привлечено к пылающему самолету. Инстинкты подсказывали зомби, что возле огня всегда можно отыскать что-нибудь вкусное – обгорелые трупы, например. В данном случае копателей ожидало разочарование, но они пока не теряли надежду. И окружали разбитый беспилотник, в нетерпении ожидая, когда пожар утихнет и можно будет порыться в его обломках.

– Слушай сюда, Цельсий! – обратился я к пленнику, не желая откладывать наш разговор в долгий ящик. – Понимаю, как тебе хочется вернуться в город, глотнуть пивка, принять ванну, покувыркаться в кровати с красоткой и все такое. Твоя проблема в том, что с каждой минутой ты не приближаешься к Коврову, а, наоборот, удаляешься от него. А двигаемся мы, как видишь, быстро. Это, должно быть, для тебя неприятно, но еще не все потеряно. Чем скорее и честнее ты ответишь на наши вопросы, тем раньше мы тебя высадим и отпустим восвояси. А будешь паинькой, я даже выдам тебе пистолет и целую пачку патронов… Ну что, ты готов нам исповедаться или нет?

– Спрашивай, чего хотел! – огрызнулся Цельсий, бросив злобный взгляд на промелькнувший за окном, очередной километровый столб. Вряд ли наркобарон увлекался дальними прогулками, так что перспектива топать пешком десяток-другой километров его категорически не прельщала. И это не говоря о копателях, от которых ему надо будет скрываться. Добавьте к этому сломанный мост, что вынудит Цельсия искать другую переправу или преодолевать Клязьму вплавь. Даже для меня

такой поход стал бы тяжким испытанием, а для него он грозил обернуться полной катастрофой…

…Как, впрочем, и для нас, если бы Цельсий захватил меня и Панкрата на мосту живьем, после чего раздел бы нас донага и отпустил в таком виде на свободу. А если бы он дал нам пистолет, в том было бы всего две пули. Аккурат по одной на брата, чтобы застрелиться. Так что мое предложение этому ублюдку в сравнении с его дежурными «любезностями» выглядело не в пример милосерднее. Хотя он, естественно, не зачтет нам нашу доброту. И при следующей нашей встрече – крайне маловероятной, но теоретически допустимой, – мы не дождемся от ковровского царька никакой пощады.

Но отпустить его живым было все же необходимо. Слишком непредсказуемым был нынешний мир. И уже завтра все в нем могло перевернуться с ног на голову: друзья – начать между собой враждовать, враги – заключать друг с другом перемирия. А вот носить на себе клеймо «Убийца Цельсия» нам будет невыгодно ни в одном из вариантов нашего будущего. И если он все-таки выживет, мы так или иначе выиграем от этого больше, чем от его смерти.

– Что в ней? – без лишних экивоков спросил я, указав на канистру, стоящую в багажнике поверх остальных вещей.

– Ты правда хочешь это знать? – хмыкнул Цельсий. – Учти, в данном случае правило «Меньше знаешь – крепче спишь» – это не страшилка, а очень даже здравое предостережение.

– Давай, выкладывай – время дорого, – поторопил я его. – А со своей бессонницей я как-нибудь сам разберусь.

– Ну хорошо, – не стал больше ерепениться пленник. – В эту канистру налита жидкость, которую знакомые с ней люди называют «просветлителем». Чрезвычайно ценная дрянь, замечу. Кое-кто за нее и убить готов. А кое-кто может обменять тебе на нее цистерну бензина или грузовик патронов.

– Как-как ты сказал? Просветитель? – переспросил я. Большой Вождь в этот момент прогромыхал по ухабам, и из-за шума я плохо расслышал название нашего с Цельсием яблока раздора.

– Просветлитель! – повторил он. – От слова «просветление», а не «просвещение». Этот коктейль сварили в лабораториях фонда «Гегемония», чей самолетик вы только что сбили. Из чего именно сварили и что за дрянь там намешана, даже не спрашивайте – мои химики так и не расшифровали формулу «просветлителя». Одно скажу точно – работает он безотказно. Вливаете копателю в глотку полстакана такого пойла, и тот превращается обратно в нормального человека. Ненадолго – всего на два-три часа, – но и это уже невероятное достижение. Так что если хотите взглянуть

на медицинское открытие века, то извольте – вот оно, прямо перед вами.

– Полная хрень! – не поверил столь сенсационному заявлению Панкрат. Я хотел выразиться примерно также, но он меня опередил. – Ну и горазд ты брехать, дядя! Много чего я в жизни повидал и много во что могу поверить, но в такую ахинею – да никогда!

– И зачем, скажите на милость, мне вам врать, если вы можете легко проверить, правду я говорю или нет? – оскорбился наркобарон. Видать, он успел отвыкнуть не только от рукоприкладства, но и от того, что кто-то может назвать его в глаза лжецом.

– Легко, да только не сейчас, – возразил я, поглядывая на небо, где в любой момент грозил появиться новый агрессивный летун. – Но скоро мы это выясним, обещаю. А ты благодаря своему громкому заявлению только что продлил срок своего пребывания в нашей компании. До тех пор, пока мы не установим окончательную истину. А чего ты ожидал? Никто тебе здесь на слово не поверил, а за вранье принято отвечать головой не только у продавцов дури, но и у наемников.

– Пропадите вы пропадом! – всплеснул руками Цельсий. – Вы требовали от меня правду – я вам ее предоставил в чистейшем виде! И мне же от этого только хуже стало! Эх, как чуял, что надо было просто соврать вам про какой-нибудь важный химический реагент. Не сомневаюсь, что эта ложь понравилась бы вам намного больше правды!

– Радуйся, что ты вообще до сих пор жив, – напомнил ему Ананас. – И тому, что Иваныч так добр, что терпит рядом с собой мразь вроде тебя. Кабы не он, у меня бы ты ехал не в машине на мягком сиденье, а волочился бы за ней на цепи.

– Да не собирались мы никого убивать, неужто так трудно это понять! – возопил пленник. – Просто напугали бы вас хорошенько и все! На кой бы нам сдались ваши трупы? Это же совершенно не деловой подход! Я что, по-вашему, кровожадный маньяк какой-то?

– Ну да, так и есть, – невозмутимо подтвердил напарник. – Точнее не скажешь. Мне уши не протирай – я знаю, как ведут дела «деловые» люди вроде тебя. А тем более сегодня, когда на вас вообще никакой управы нет.

– Ладно, допустим, ты не врешь, – вновь обратился я к Цельсию, возвращая разговор к нашим баранам… вернее, к канистре. – Откуда ты знал, что у Ходока есть «просветлитель» и что ты с ним собирался делать? Насколько я знаю, ты раньше не увлекался научными опытами над зомби. Единственные «зомби»

которые тебя интересуют – это конченные торчки и прочее наркоманское отребье.

– У меня с Рустамом Ходоком был договор, – признался Цельсий. – Раз в три-четыре месяца он доставлял мне канистру «просветлителя», за которую я платил своим лучшим товаром. Вернее, платил я не Ходоку, а «Гегемонии», которая не желала работать со мной напрямую. Рустам был у нас лишь посредником. Зачем фонду был нужен героин, я не знаю – вероятно, для каких-нибудь медицинских опытов. Но я в накладе не оставался, поскольку у меня есть свой рынок сбыта «просветлителя». Закрытый рынок, естественно – из-за ограниченных партий этого редкого продукта. Зато спрос на него, как ты понимаешь, никогда не иссякает.

– Понимаю, – кивнул я, вспоминая виденные мной лечебницу мормонов и другие изоляторы, где жители некоторых фортеций держат своих превратившихся в копателей, друзей и близких. – Наживаешься на людском горе, деря втридорога с тех, кто хочет общаться с больными родственниками, устраивая им сеансы «просветления».

– С тех, кто может себе это позволить, – уточнил наркобарон. – Насчет рынка сбыта я все же преувеличил. Покупатели «просветлителя» – это, скорее, закрытые клубы для избранных. А я – поставщик всего, что им нужно для счастья. И за что они готовы охотно раскошеливаться. Только не тебе здесь читать мне мораль, Квадро. В сравнении с тобой, известным убийцей зомби, я дарю людям радость от встреч с их пока еще живой родней. Ты же укладываешь копателей в могилы, лишая их родственников всех надежд на их выздоровление. А сегодня ты вдобавок насолил и мне, и моим клиентам, потому как, чую, эту партию «просветлителя» они уже не получат.

Я невесело усмехнулся, но проглотил обвинение молча. При всей моей ненависти к героиновому царьку, этот его упрек в мой адрес был справедлив. И правда, кто я такой, чтобы осуждать сей бескровный бизнес, который в любом случае был честнее и благороднее наркоторговли? Но как бы то ни было, возвращать «просветлитель» Цельсию из жалости к его клиентуре я не намеревался. Во-первых, не факт, что он выживет и донесет канистру до Коврова. А, во-вторых, если эта жидкость и правда творила чудеса, она мне и самому пригодится.

– Я так понимаю, что свой процент за посредничество Ходок взимал с тебя лекарством, а не дурью, верно? – поинтересовался я, кажется, раскрыв наконец истинную причину, почему Рустам проводил так много времени со своей больной женой.

– Я не знаю, сколько моего товара доходило в итоге до

«Гегемонии» и сколько она передавала мне взамен «просветлителя», – пожал плечами барыга. – Но я знаком с людьми вроде Ходока и знаю: когда покупатель и продавец не встречаются друг с другом, процентная ставка посредника низкой не бывает. Не удивлюсь, если фонд получал лишь половину от того героина, который забирал у меня Рустам, а Рустаму за это передавали не одну канистру, а две. В последний раз, когда мы с ним встречались – а было это пару месяцев назад, – он получил свой героин, но «просветлитель» мне так и не привез. Возможно, Ходок приехал бы с ним в Ковров со дня на день, если бы не погиб. Только вместо него вдруг объявились вы. Разумеется, я заподозрил, что вы ведете со мной нечестную игру. А кто бы на моем месте такое не заподозрил?

– Экая ты злобная и недоверчивая сволочь! – проворчал Ананас. – Ума не приложу, почему твои шестерки еще от тебя не разбежались, ведь ты, небось, им тоже ни на грош не доверяешь. И как много ты угробил народу из-за одних только своих гнилых подозрений?

– Далеко не так много, как ты думаешь, – огрызнулся в ответ пленник. – Все, кого я угробил, сполна это заслужили! Кстати, а разве насчет вас мои подозрения не оправдались? «Просветлитель» Ходока был у вас, но мне вы сказали, что не нашли при нем ничего кроме наркотиков.

– Ишь ты, нашел чем попрекнуть! – фыркнул Панкрат. – Ты прямо как тот еврей из анекдота, чью тонувшую дочку спас добрый человек, а еврей бранит его из-за того, что он не спас заодно дочкину шапочку, которую унесло течением… Мы вернули тебе товар за смешное вознаграждение. А ты, гнида неблагодарная, не только этому не рад, так еще и встречную предъяву нам выкатил – якобы мы ему что-то там недодали! Когда мы нашли канистру, на ней не было написано твое имя. Это значит, что она теперь наша, а не твоя. Я бы сказал тебе, куда ты можешь пойти вместе со своей предъявой. Но ты уже и так на полпути к той вонючей дыре находишься. Короче, все по-честному: на что ты напрашивался, то и получил. Ни прибавить, ни убавить…

Глава 24

Теоретически, проверить рассказанную Цельсием историю являлось несложно. Надо было лишь поймать живьем и связать одного копателя, после чего влить ему в глотку полстакана «просветлителя» и дождаться результата.

Справиться с обычным копателем нам с Панкратом было под силу. Первая загвоздка состояла в том, что в здешних краях они не ходили поодиночке, и для поимки подопытного нам волей-неволей придется затевать драку с целой стаей. И вторая загвоздка – мы не могли посадить связанного зомби в машину и экспериментировать с ним на ходу. Чисто из санитарно-гигиенических соображений. От копателей разило немногим лучше, чем от разлагающихся трупов. Даже кратковременное пребывание такого пассажира в джипе обернется тем, что вонь от него будет выветриваться из салона несколько дней. Не говоря про десятки заразных болезней, которые мы рискуем от него подцепить.

Но отпускать Цельсия, не удостоверившись в правдивости его слов, было нельзя. Если окажется, что он соврал, нам придется возобновить дознание, поскольку кроме него мы больше ни от кого не добьемся правды. Хотя я был склонен думать, что пленник все-таки не лжет. Когда люди лгут, они обычно выдумывают более-менее правдоподобные легенды, а не такие сногсшибательные, которой огорошил нас Цельсий.

Где-то через полчаса после того, как мы отделались от беспилотника, нам наконец-то представился искомый шанс. Мы еще издали заметили развалины очередной автозаправочной станции и ошивающихся в них, трех зомби. И проехали бы как обычно мимо, если бы поблизости от них оказались другие копатели. Вдали они разгуливали там и сям, и начни мы стрельбу, все они неминуемо сбегутся к нам. Но если обойтись без шума, вполне может статься, что мы не привлечем их внимание. А если привлечем, АЗС стояла на холме, откуда мы увидим любого бегущего к нам противника.

Сбросив скорость, Панкрат нарочно дал копателям заметить нас еще на подъезде и выбежать нам навстречу. А когда они выбрались на дорогу, тут-то мы и нанесли им коварный удар. Резко поддав газу, Ананас вильнул рулем и сшиб краем тарана-рассекателя двух из трех зомби, пощадив последнего. По идее, из них нам надо было выбрать наиболее здорового и наименее грязного – того, в котором еще осталась хоть капля человечности. Но мы спешили и потому устранили тех копателей, которые

угодили под таран первыми. Поэтому участь последнего из них фактически решил жребий.

Впрочем, сбитые зомби не утратили желания пустить нам кровь. Подняться на ноги смог лишь один из них, а второй просто пополз к остановившемуся автомобилю, загребая руками и волоча за собой переломанные ноги. Разумеется, что их собрат, который не пострадал, на сей раз их опередил. Он подскочил к нам и тут же рухнул навзничь, когда Панкрат заехал ему в лоб раскрытой ладонью. Не со всей дури, а лишь вполсилы – так чтобы сбить его с ног, не сломав ему челюсть и не наградив сотрясением мозга.

Пока напарник, прижав зомби коленом к асфальту, заковывал его в кандалы – те, в которых мы перевозили бандитов, – я разобрался с недобитой парочкой копателей. В этом мне помог пожарный топор – не столь изящное оружие ближнего боя, как сикхский талвар, но тоже весьма эффективное. Хотя окажись у меня в руках сабля, вряд ли я орудовал бы ею лучше топора. Скорее, даже хуже, ведь владение ею требовало отточенных фехтовальных навыков. А с топором легко управится любой, кому в своей жизни приходилось разделывать мясо или колоть дрова.

Науку убивать копателей топором я постиг тем же путем, как прочие свои навыки охотника за головами. Когда решаешь вопрос собственной жизни и смерти изо дня в день, из года в год, вскоре ты перестаешь испытывать отвращение ко всем способам быстрого уничтожения врага. Чистоплюи в нынешнем мире давно повывелись. Все, кто побрезговал в минуту смертельной опасности вонзить топор в череп копателя, были давно этими копателями съедены и переварены. Те же, чья рука тогда не дрогнула, могли после этого умереть сотнями других способов, но уж точно не из-за брезгливости к кровавой «топорной» работе.

Медлительность покалеченных копателей позволила мне разделаться с ними по одному и минимальным числом ударов – прицельных и мощных. Притворятся мертвыми зомби-«пехотинцы» без поводыря не умеют. Так что когда обе мои жертвы прекратили сопротивление, добивать их уже не потребовалось. Отныне никто из них не воскреснет и не причинит вреда ни одному чисторукому. По крайней мере, мне еще не доводилось слышать о чем-то подобном.

Схваченный Ананасом подопытный – пожилой, но еще крепкий мужчина, – вырывался из кандалов со всей присущей копателям яростью. Продолжай он в том же духе, и через полчаса он перетер бы себе до костей лодыжки и кисти рук. Да что там – зомби мог и вовсе отгрызть себе руки, если бы напарник не сковал их ему за спиной.

Естественно, мы не собирались ждать, когда он вскроет себе

вены. И приступили к эксперименту сразу, как только я отложил в сторону окровавленный топор.

– Ты уверен, что надо именно полстакана? – поинтересовался я у Цельсия, наливая из канистры пахнущую гвоздикой жидкость в железную кружку. Которую затем придется выбросить, поскольку пить из осквернённой посуды ни я, ни Панкрат уже не станем. – Уверен, что не больше или меньше?

– Разве я торговал бы лекарством, не зная дозировку его применения? – ответил пленник, которому я приказал выйти из машины, дабы в наше отсутствие он не завладел каким-нибудь оружием. – Аптекарская точность там не нужна. Но меньшие дозы не просветляют копателю сознание, а большие могут вогнать его в ступор, из которого он уже не выйдет.

– Ну смотри, не вздумай обмануть! – пригрозил я «консультанту». – Если по твоей вине я угроблю подопытного, следующего ты будешь ловить уже сам. Причем голыми руками.

– Я не гарантирую, что Ходок не залил в эту канистру какую-то другую жидкость, – огрызнулся Цельсий. – Хотя, судя по запаху и плотности, она напоминает «просветитель».

– Ладно, сейчас выясним… – Я подал Ананасу знак, и он, натянув резиновые перчатки, перевернул копателя на спину. А затем, вновь придавив его коленом, прижал ему голову к земле и разжал ему челюсти. Я не мешкая вылил в глотку зомби граммов сто пятьдесят просветлителя, но кружку пока не выбросил, а отставил в сторону – мало ли, а вдруг ему потребуется добавка.

Едва кружка опустела, Ананас тут же крепко сжал копателю челюсти и заткнул ему ладонью рот. Это не дало ему выплюнуть лекарство, и он был вынужден его проглотить. Выждав еще немного, мы оставили «пациента» в покое, отступили от него на пару шагов и стали ждать результата. Не забывая, естественно, следить, не бегут ли к заправке другие желающие хлебнуть из канистры и просветлить свои замутненные Зовом мозги.

– Ну и как скоро его вштырит? – осведомился Панкрат у Цельсия, указав на копателя.

– Терпение, громила. – попросил наркобарон. – Но вообще эта штука торкает довольно-таки быстро.

И правда, первые признаки того, что мы напоили зомби не водой, а какой-то химией, проявились уже через полминуты. Яростное дерганье копателя вдруг резко прекратилось, и мне сначала даже почудилось, будто он скоропостижно умер. Но нет, вскоре он снова зашевелился, хотя не так энергично, как прежде. Теперь это были движения не дикого зверя, а усталого человека, у которого больше не осталось сил на борьбу. И которому, в отличие от зверя, кандалы причиняли мучительную боль.

Пленник со стоном оторвал голову от земли и посмотрел на нас. Он еще не сказал ни слова, но мы и по его глазам определили, что перед нами – уже не копатель, а настоящий человек. Его взгляд еще не прояснился, но в нем отчетливо читались растерянность и страх – чувства, которых никогда не испытывают зомби. И даже если бы он в итоге не сказал ни слова, мы все равно убедились, что Цельсий не соврал – чудесное лекарство «просветлитель» не только существовало, но и прекрасно работало.

Однако этот человек не утратил дар речи и заговорил сразу, как только нас увидел.

– Где я?… Что со мной?… – промолвил он скрипучим хриплым голосом. – Не понимаю… Я ничего не понимаю!

Я хотел было попросить Ананаса снять с него кандалы, но напарник и без подсказки догадался, что делать. И когда наш пленник обрел свободу, у него не нашлось сил даже на то, чтобы встать с земли. Все, на что его хватило, это отползти к джипу и испуганно сжаться возле него в позе зародыша – так, словно он не сомневался, что сейчас его начнут бить. Что было, разумеется, вовсе не так. Хотя на его месте и я бы порядком струхнул, когда, очнувшись от долгого забытья, увидел бы нависшего надо мной, свирепого громилу с изуродованным лицом.

– Как вас зовут? – спросил я у дрожащего, словно осиновый лист, бедолаги. После того, как он стал вновь походить на человека, в нем проявились некоторые черты его прежней личности. Не походило на то, что раньше он занимался физическим трудом или служил в армии. Я бы предположил, что Зов «завербовал» его из числа бывших клерков или научных работников.

– См-м-м… Сем-м-мен! – вымолвил человек, стуча зубами и закрывая в страхе лицо.

– Откуда вы, Семен? Где ваш дом?

– Б-благо… Благ– говещенск… Фортеция «П-п-питомник»! А в-вы к-кто? И ч-что с мной т-такое?

– Должен вас огорчить, Семен: вы превратились в копателя. Но вам повезло – мы вас только что вылечили. Успокойтесь, теперь с вами все будет в порядке. Очень скоро мы отправим вас домой, к вашим родным и близким.

Ананас посмотрел на меня в недоумении, но потом до него дошло, зачем я так нагло лгу, и одобрительно кивнул. По словам Цельсия, просветление Семена закончится через два-три часа. Но сам-то он этого не знал. И нам было совершенно незачем ему об этом говорить. Напротив, будет намного гуманнее, если Семен проведет эти часы счастливым и полным надежд на светлое

будущее. А когда его короткий отпуск в реальный мир завершится, и он вновь станет зомби, для него уже не будет иметь значения, врал я ему или нет.

Впрочем, проку от моей целительной лжи все равно не вышло. Не успел еще Семен осмыслить все, что я ему сказал, как вдруг его лицо исказила гримаса боли, и он, упав на бок, стал корчится в жутких спазмах. Дыхание его участилось и перешло в кашель, от которого у него изо рта полетели брызги крови.

– Вы сказали, что со мной все в порядке, – прохрипел Семен в перерывах между приступами кашля. – Вы сказали, что я вернусь домой… Но я не в порядке! Я не могу… дышать… Не могу!.. Помогите!.. Прошу вас…

Мы понятия не имели, что с ним стряслось. Но бросаться ему на помощь и не подумали. Наоборот, отступили подальше, чтобы до нас не долетали кровавые брызги. Ни о чем таком Цельсий нас не предупреждал, но походило на то, что мы прикончили Семена, влив в него смертельную дозу «просветлителя». Вот только почему он при этом не впал в ступор, а забился в конвульсиях?

Панкрат разочарованно покачал головой и выразительно посмотрел на мою ладонь, лежащую на рукоятке Бедлама. Я схватился за оружие инстинктивно, когда Семен вновь задергался, хотя на самом деле мне не хотелось в него стрелять. А вот Ананас считал иначе. Решив, что я не понял его бессловесный намек, он опять красноречиво посмотрел на меня, затем на мой револьвер и кивнул.

«Не возражаю, если ты пристрелишь мужика, дабы он не мучился», – так расшифровывалась скупая пантомима напарника. И я, малость поколебавшись, с ним согласился. Тем более, что у нас отпала нужда соблюдать конспирацию. Избавив Семена от мук, мы сразу же отсюда уедем, и заслышавшие выстрел, окрестные зомби не успеют нас догнать.

Впрочем, пока я колебался, Семен отмучился и без моего вмешательства. Испустив последний хриплый вздох, он еще несколько раз дернулся и затих. После чего его сведенное судорогой тело обмякло и больше не подавало признаков жизни.

– Эй, я тут абсолютно ни при чем! – поспешно открестился от смерти подопытного Цельсий. Видимо, его пугала моя рука, что по-прежнему лежала на рукоятке Бедлама. – Такого при использовании «просветлителя» еще никогда не случалось! Точно вам говорю, а иначе мне наверняка поступали бы жалобы на качество товара.

– Цыц, гнида! – рыкнул на него Панкрат. Резиновые перчатки были все еще у него на руках, и он, подойдя к трупу, перевернул тот на спину. Одежда на животе Семена также была заляпана

свежей кровью. Странно – когда он ею кашлял, она туда не попадала. Да и не успел бы он выкашлять ее так много, что она насквозь пропитала его лохмотья.

Ананас был озадачен увиденным не меньше меня. Нахмурившись, он ухватил ветхую одежонку мертвеца своей ручищей, одним рывком сорвал ее и оголил тому живот и грудь. Этого оказалось достаточно, чтобы сразу определить и причину открывшегося у Семена кровотечения, и причину его смерти.

Ружейная дробь! Довольно мелкая – по всей видимости, утиная, – она была выпущена в него с небольшого расстояния. И явно не сегодня. Нижняя часть груди и живот покойника – именно их усеивала россыпь дробовых отверстий, – почернели от некроза. После того, как Семена подстрелили, он успел сменить и износить одежду, что была на нем сейчас, поскольку в ней не наблюдалось дыр от дроби.

Как же долго Семен носил в своем теле столько свинца? Да кто его знает – копателя такое ранение и впрямь могло не убить. Но когда мы превратили его обратно в человека, отсроченная Зовом смерть наконец-то его настигла. В теле несчастного тут же возникли множественные кровоизлияния, и если бы не они, вскоре его так и так прикончила бы запущенная гангрена. Возможно, не в ближайшие три часа, но до вечера с таким обширным заражением крови он не дотянул бы.

– Все с ним ясно! – подытожил Ананас, выбрасывая больше не нужные ему перчатки и оставляя труп в покое. – Те зомби, что живут в чистеньких изоляторах под надзором родственников и впрямь, глотнув такого пойла, чувствуют себя прежними людьми. Но для копателей вроде Семена пить его не только не полезно, но и вредно. А копателей, которые до костей стерли себе руки о московскую глину, отрезвлять и подавно без толку. Поэтому «гегемоны» и распродают свою микстуру толстым барыгам, поскольку на самом деле в ней нет ничего ценного. Вот ежели бы она заодно все раны и болячки заживляла, тогда да, а так…

– А что случится, если «просветлителя» глотнет не копатель, а чисторукий? – задал я Цельсию вопрос, который до сей поры почему-то не пришел мне в голову.

– Хотел бы я соврать, что она чертовски полезна для здоровья. И чтобы вы, глотнув ее, загнулись в корчах, как Семен, а я бы потом над вами посмеялся, – проворчал наркобарон. – Только вы все равно мне не поверите и не последуете моему совету, а жаль. Поэтому скажу то, что знаю. Ходок заверял меня, будто для чисторуких «просветлитель» – та еще отрава. Может, это вранье, но у меня не было желания проверять, так оно или нет.

– И ты даже из любопытства ни разу не напоил «просветлителем» кого-то из своих врагов, которых приговорил к смерти? – усомнился я.

– Не имею привычки переводить дорогостоящий продукт на идиотские забавы, – пояснил Цельсий. – Тем более, когда я сижу на целой горе халявных патронов.

– Слышь, Иваныч, а давай мы это прямо сейчас проверим! – загорелся новой идеей Ананас. – Вольем мистеру Градуснику в глотку те же полстакана этого рассола и поглядим, что и в каком месте у него «просветлеет»!

– Да я бы с превеликой радостью влил в него не только полстакана, но и полканистры. – Я посмотрел на насторожившегося пленника и с притворным сожалением вздохнул. – Вот только при всей своей паскудности мистер Градусник сказал нам чистую правду. А за правду мы вроде бы обещали даровать ему свободу, разве не так?

– Обижаешь, Иваныч, если думаешь, что я забыл о данном нами слове! – Громила посмотрел на меня с укоризной. – И мы это слово, ясен пень, сдержим, раз уж Цельсий и впрямь не брехал. Но ведь одно другого не отменяет. Сначала мы напоим его «просветлителем», а затем отпустим на все четыре стороны. Все честно, без подвоха. Угостим его на дорожку и пусть проваливает.

– Не стоит переводить дорогостоящий продукт на идиотские забавы, – ответил я напарнику словами того же Цельсия. – А если он снова окажется прав, и «просветлитель» действительно ядовит, что тогда?

– Тогда ему сильно не подфартит. Зато он умрет с мыслью о том, что был с нами честен до самого конца, и что его совесть чиста.

– Чья-чья здесь совесть чиста? – переспросил я, усмехнувшись. – Совесть наркобарона? Да ты безнадежный оптимист, как я погляжу… Ну ладно, хватит на сегодня фантазий и болтовни. Садись в машину и поехали отсюда, а то вон та шайка зомби как-то недобро косится в нашу сторону… А ты… – Я указал пальцем на Цельсия. – Ты свободен, как мы тебе и обещали. И за свою честность ты заслужил бонус. Пройди двести метров в ту сторону, куда мы уедем – и найдешь на обочине оружие и немного патронов.

– Только не бросай меня здесь, Квадро! – взмолился Цельсий, испуганно таращась на копателей, о которых я упомянул. Может быть, я ошибался, и они нас не видели, но Цельсию вовсе так не казалось. – Матерью клянусь, что забуду о всех наших разногласиях и прикажу своим людям, чтобы они никогда тебя не

трогали, только довези меня до Карякино! Там десяток пацанов из Коврова построили небольшую фортецию, где они чинят и заправляют наши и проезжие тачки. Прошу, высади меня там! Вам это нетрудно – вы все равно мимо поедете! Это дальше по дороге, еще километров пятнадцать!

– Ты ему веришь? – спросил я у Панкрата. – В смысле его клятве, а не насчет того, что он сказал про Карякино. Он же матерью поклялся, а это, поди, чего-то да стоит.

– Каждый из этих ублюдков мамой клянется, когда его жареный петух клевать начинает, – пробурчал Ананас. – А какова на самом деле цена его клятвы, только ему известно. Все зависит от того, как его мамаша с ним в детстве обращалась: лупила ежедневно, будто сидорову козу, или по головке гладила и мороженым кормила. Хотя лично мне предложение Цельсия нравится. То, что он здесь перед нами без свидетелей поклялся – это ерунда. Но если он даст нам клятву перед карякинскими пацанами, для которых он как-никак авторитет, тогда она и вправду будет иметь реальный вес.

– Перед кем скажете, перед теми и поклянусь! – пообещал наркобарон, ухватившийся за идею Панкрата, как утопающий за соломинку. – Только не высаживайте меня на этом проклятом холме! Все, баста, навоевались! Отныне я заключаю с вами мир и готов подтвердить это при свидетелях сразу, как только получу такую возможность.

– Вряд ли те пацаны смогут проконтролировать, сдержишь ты свое слово или нет, – заметил я. – Но раз мой напарник подобрел и хочет дать тебе шанс, я, пожалуй, с ним соглашусь. Он гораздо больше меня насмотрелся в жизни на таких типов, как ты. Поэтому ему решать, верить нам тебе или нет… А теперь полезай в машину. Так и быть, довезем тебя до той фортеции. Но если ты задумал устроить нам в Карякино подставу, не забывай: я расторгну наш договор всего за четверть секунды – ровно столько времени мне надо, чтобы всадить тебе пулю между глаз…

Глава 25

Охота на поводыря… И не абы на какого, а на высшего поводыря, приближенного к самой Царице Копателей. И не просто на высшего, а на конкретную фигуру, у которой с недавних пор было имя – Омикрон…

Учитывая, что до сей поры мне не доводилось убивать даже обычных, безымянных копателей-поводырей, можно догадаться, насколько сложную задачу я перед собой поставил.

Маршрут движения Омикрона – вот и вся информация, которой мы располагали. И которой, естественно, нельзя было полностью доверять. Мы так и не выяснили, чей архив с картами и справочными данными был припрятан в тайнике у Ходока. Цельсий не потребовал от нас эти бумаги, а, значит, он о них понятия не имел, и к сделке по обмену «просветлителя» на наркотики они никаким боком не относились. Получить их от «Гегемонии» легально Рустам не мог. Он был мелкой заштатной сошкой, которой не доверили бы на руки стратегический материал такой важности. И украсть его он тоже не мог. Вряд ли Ходока вообще впускали на территорию объектов фонда, не говоря о тамошних хранилищах информации. Возможно, какие-нибудь нечистые на руку «гегемоны» продали ему свою базу данных из-под полы. Или Ходок все-таки добыл ее в другом месте. Но в обоих последних случаях у Рустама должны были возникнуть сомнения в подлинности этих документов, даже если в них упоминались известные ему факты.

Для меня их подлинность доказывал пока единственный факт: однажды наши с Омикроном пути уже пересеклись в то самое время и в том месте, что было отмечено на карте. Одного доказательства было маловато, это верно. Но вскоре, к счастью, появились другие. И когда через неделю после заварухи в Коврове мы с Панкратом вышли на гипотетический «осенний» маршрут однорукого поводыря, уверенность в том, что мы напали на верный след, стала крепнуть в нас день ото дня.

Высший поводырь собирал очередную большую стаю копателей, которую ему предстояло довести до Москвы с наименьшими потерями. По этой причине нам требовалось настичь его как можно раньше – прежде чем он сплотит вокруг себя целую армию. Что было куда проще сказать, нежели сделать. Отыскать армию зомби сможет любой дурак. А вот чтобы найти их маленькую группу, в сопровождении которой Омикрон странствовал поначалу, требовались не только чутье и упорство, но и изрядная доля везения.

Чутья и упорства нам с Панкратом было не занимать. Однако с везением у нас на сей раз как-то не заладилось. Похоже, весь его ресурс мы исчерпали в Коврове, и теперь подогревались лишь на остатках былой удачи. Тех, что еще позволяли нам отбиваться от копателей, с которыми мы то и дело сталкивались, но на погоню за нашей главной целью этого уже не хватало. Она постоянно ускользала от нас, зачастую исчезая едва ли не из-под носа.

Впервые мы вышли на след Омикрона под Угличем. В самом городе не имело смысла расспрашивать об ошивающихся в его окрестностях копателях. Вряд ли наш осторожничающий поводырь отправит своих подопечных на убой под стены городов и фортеций. Нет, он будет обходить укрепленные поселения стороной, добывая пропитание на дорогах посредством засад и ловушек – так, как он остановил и уничтожил мой бродячий цирк.

С куда большей вероятностью нам могли помочь фермеры, чьи угодья лежали вдоль главных дорог, идущих от Углича к Рыбинску и Вологде. Действительно, в здешних краях стаи под командованием поводырей не считались редкостью. А кое-кто из аборигенов даже своими глазами видел издали белобрысого поводыря с одной рукой. Правда, не в нынешнем году. Но тревожные слухи об очередной рыщущей поблизости, «умной» стае зомби появились среди фермеров буквально на днях.

Мог ли это быть наш клиент? Почти наверняка, если он и его стая двигались против течения основного потока бредущих на Москву копателей. И если про этого поводыря слышали здесь и в Рыбинске, но еще не слышали в Вологде, значит, мы были на верном пути.

Обогнав, как мы посчитали, Омикрона, мы устроили почти безостановочный автопробег и достигли вологодских земель. Где нападения «умной» стаи на торговые грузовики и фермерские угодья и впрямь еще не случались. Что ж, нам оставалось лишь немного подождать, когда здесь появятся такие новости. А это непременно случится. Любое нетипичное поведение копателей вызывало массу толков и быстро становилось в округе новостью номер один.

Я был знаком с одним из вологодских связистов, и он пообещал вызвать меня по автомобильной рации сразу, как только в городе заговорят о чем-то подобном. А тем временем я и Панкрат остановились в маленькой фортеции ремесленников за пределами Вологды. Затем чтобы не попасться на глаза шпионам «Гегемонии», которые могли отыскаться где угодно.

Ждать новостей пришлось трое суток. Зато это были именно те новости, которые мы ждали, а не догадки и слухи. Мой знакомый связист сообщил, что пару часов назад в Вологду

вернулся один из двух грузовиков, которые были отправлены этим утром в промысловую артель на берегу Рыбинского водохранилища за свежей рыбой. Второй грузовик перевозчикам пришлось бросить, поскольку у него были проколоты все колеса. Но прокололи их, швырнув из кустов на дорогу доски с гвоздями, вовсе не бандиты, а зомби! Которые неминуемо сожрали бы водителей, если бы те поспешно не пересели к товарищам в первую машину и не удрали на ней обратно.

Случилось это всего в десяти километрах от Вологды, среди развалин деревушки Нагорное. Узнав о происшествии, мы не мешкая рванули туда, но все равно опоздали. Кроме вышеупомянутых грузовика и досок, а также скелетов двух застреленных перевозчиками копателей больше никого и ничего на дороге не обнаружилось. Последних выпотрошили и обглодали свои же собратья, тоже успевшие скрыться к нашему появлению.

Вооружившись до зубов, мы отправились по оставленным на дороге, кровавым отпечаткам ступней, но те вскоре свернули в кювет и затерялись в густом осиннике. Куда мы, естественно, не рискнули соваться. В лесу поводырь мог устроить повторную ловушку на перевозчиков, которые вернутся за грузовиком, когда сочтут, что угроза миновала. Поэтому нам было разумнее отступить, чем пытаться переиграть незнакомого врага в незнакомом месте, когда тот вдобавок диктовал нам свои правила игры. И мы ушли, скрежеща зубами от досады и надеясь, что Омикрон не наблюдал за нами из-за деревьев и не запомнил наши лица.

Дальнейшая наша погоня за ним затянулась на несколько недель. Очевидно, он все же что-то учуял, потому что всегда ускользал от нас, прежде чем мы появлялись там, где он был. Трижды мы его обгоняли, стараясь предугадать, где он окажется со дня на день, чтобы встретить его всеоружии. Черта с два! Однорукий не совался в наши ловушки и все время обходил их стороной. Обходил, хотя, казалось бы, поводырю нельзя было пройти мимо тех мест – крупные свалки, переправы через реки и оживленные трассы, – где он мог найти пропитание для своей стаи.

В режиме такой суматошной гонки мы и наш враг прибыли к Великому Устюгу – предположительно, конечному пункту на «западном» этапе его маршрута. Далее, согласно картам Ходока, Омикрону предстояло свернуть на юг. И взять курс сначала на Котельнич, а затем – на Казань. Увы, но свой шанс разобраться с поводырем ценой наименьшего риска мы безнадежно профукали. К этому дню за ним топали уже как минимум три сотни зомби. И

каждый день к ним примыкали все новые и новые собратья.

После того, как мы упустили Омикрона и под Великим Устюгом, настала пора подбивать промежуточные итоги нашей покамест бесплодной охоты. Итак, что мы делали неправильно и в чем недооценили противника? Мы хотели изловить его, полагаясь лишь на наше знание копательских повадок, и нам это не удалось. Когда обычная стая зомби захватывала грузовик с продуктами или другой источник пищи, она пировала на этом месте порой по нескольку дней. Армия однорукого так не поступала. Она быстро покидала место своего «преступления», унося добычу с собой. А ту добычу, которую ей не удавалось унести, она наскоро объедала прямо там, иногда оставляя не съеденными крупные и лакомые для любого зомби куски.

Что ни говори, а как вожак стаи хищников Омикрон был хорош. И действовал он почти как заправский Наполеон, понимая, насколько важна мобильность и непредсказуемость даже для крупной и сильной армии. Воевать с таким врагом стандартными методами, всячески экономя имеющиеся у нас средства, не вышло. А теперь и подавно не выйдет. Собрав под свои знамена внушительную силу, однорукий может перестать осторожничать и перейдет в контратаку. Чтобы этого избежать, нам потребуется сменить тактику. А также перестать беречь горючее и патроны. В общем – прекратить изматывающую затяжную войну, которую нам теперь не выиграть, и вбухать все наши ресурсы в напористый блицкриг.

Мы преследовали Омикрона, а нас преследовала череда неудач. И все же были в ней редкие обнадеживающие просветы.

Во-первых, теперь мы знали наверняка, что охотимся за одноруким поводырем. Это подтвердили несколько свидетелей, что выжили при нападениях его стаи и, убегая, успели разглядеть ее вожака. А, во-вторых, возле Великого Устюга наш маленький отряд вдруг нежданно-негаданно пополнился добровольцем. Которого мы, естественно, приняли с распростертыми объятьями. Тем более, что этот доброволец был не простым человеком с улицы, а проверенным бойцом, обладающим массой полезных навыков.

Это случилось, когда мы огибали Великий Устюг с юга и пытались вычислить, вдоль какой наезженной дороги наш враг двинется на Котельнич. То, что он может двинуться не на юг, а куда-то еще, было маловероятно. Пока он не отступал от известного нам, своего маршрутного плана, и не было причин думать, что отступит в дальнейшем. А, значит, и наш текущий план надо было вновь согласовывать с маршрутом противника.

Панкрат вел машину, а я изучал карту, упорно не оставляя

попыток вникнуть в ход вражеской мысли. В ней определенно присутствовала логика, но как я ни напрягал мозги, для меня логика Омикрона по сию пору оставалась недоступной.

Я так углубился в этот процесс, что даже не сразу понял, о чем сказал мне напарник.

– Что, прошу прощения? – Я оторвался от бумаг и посмотрел на дорогу.

– Я говорю: глянь-ка вон туда, – повторил Ананас, указав рукой прямо по курсу. – Вон на те развалины, где какой-то идиот вывесил белый флаг. Кому это он, интересно, решил сдаться: бандитам или копателям? Ух ты, а, может, его сама «черная колонна» там прессует?

При упоминании наших опаснейших на сегодня врагов напарник даже сбросил скорость. Затем чтобы в случае угрозы быстро развернуть Большого Вождя на неширокой дороге и рвануть в обратную сторону.

– Да брось, – отмахнулся я, приглядываясь к полощущемуся на холодном октябрьском ветру, большому белому флагу. Мы как раз подъезжали к руинам какой-то деревеньки, где, на первый взгляд, царило полное спокойствие. – Нет там «черной колонны». И никакой войны, похоже, тоже нет. Да и флаг этот явно не парламентерский. Ты посмотри, какой он огромный, и сколько времени ушло на его сооружение! Возвышается метров на десять, а размером с целую простыню.

Похоже, это и была простыня. Неведомый нам любитель размахивать флагами привязал ее к высоченному шесту, который он в свою очередь водрузил на крышу уцелевшего дома по правую сторону от дороги.

Любопытно, зачем этот человек – а, может, и группа таковых, – проделал столь трудоемкую работу? Кому вообще придет в голову добровольно привлекать к себе внимание посреди диких пустошей? Ну ладно, допустим, зомби на развевающийся флаг не отреагируют. Зато бандиты и прочий сброд, что с утра до ночи рыщут по пустошам в поисках добычи, мимо этой деревеньки теперь наверняка не пройдут.

– Хм, а флаг-то, кажись, вовсе даже не белый, – заметил Панкрат, когда мы подъехали ближе. – То есть сам-то он белый, но на нем еще что-то написано или нарисовано. Что-то похожее на череп и кости. Или… О нет! Мать честная!

Сделанное Панкратом открытие так сильно его потрясло, что он тут же ударил по тормозам. И мы остановились посреди дороги, не доехав до границы поселка пару сотен метров.

– Что с тобой такое? – удивился и одновременно насторожился я. И на всякий случай положил на колени пояс с

револьверами, что до этого лежал на полу у меня в ногах.

– Как что? – в свою очередь удивился напарник. – Да ты приглядись получше, Иваныч! Это ведь твой флаг! Вон на нем шляпа нарисована, а под ней – два перекрещенных револьвера!

– Не может быть! – не поверил я. Из-за того, что полотнище развевалось, изображение на нем изгибалось, и было трудно определить, прав Ананас или ему померещилось. – К тому же мой флаг желтого цвета. А этот хоть не чисто-белый, но и определенно не желтый. Хотя… – Я открыл дверцу и высунулся с биноклем наружу, желая рассмотреть стяг не через грязное лобовое стекло. – А ну-ка… Н-да… Действительно – шляпа и револьверы, кто бы мог подумать! Правда, очень уж коряво нарисованные, но это совершенно точно не пиратский «Веселый Роджер».

– Ага, что я тебе говорил! – закивал Панкрат. – Самый настоящий «Веселый Квадро», только намалеванный кривыми руками какого-то бездаря… Интересно, почему ты не сказал мне, что в Великом Устюге у тебя есть поклонники?

– Потому и не сказал, что их нет ни здесь, ни где-либо еще, – ответил я, сдвинув шляпу на лоб и озадаченно почесав макушку. – Зато врагов, знающих о том, как выглядит мой флаг, у нас сегодня хоть отбавляй.

– Считаешь, впереди засада?

– Если так, зачем тогда нашим врагам предупреждать нас об этом?

– Затем чтобы мы удивились, заинтересовались и подъехали к тому дому. Где они, падлы, нас и накроют.

– Интересная гипотеза… Вот только зачем «Гегемонии» заниматься подобными глупостями? Если она вычислила нас, то почему ей не отправить за нами вдогонку парочку вертолетов или истребитель? Которые просто раздербанят нас ракетами с воздуха, и «гегемонам» даже десант высаживать не придется.

– А если это не фонд, а бандиты Цельсия сумели нас вычислить? – высказал новое предположение Ананас.

– Значит, ты считаешь, что он нарушил-таки свою клятву, которую дал нам перед теми автомеханиками из Карякино? – спросил я.

– Клялся-то он вроде бы искренне, но кто эту гниду на самом деле знает, – пожал плечами громила. – Всякое может быть. Курьеры Цельсия, как и шпионы «гегемонов», повсюду шляются. Заметил кто-нибудь из них нас по дороге сюда, связался по рации с боссом, а тот выслал за нами в погоню своих шестерок. Мы гоняемся за поводырем, а они, выходит, за нами – такая вот котовасия… Ну так что надумал? Проедем мимо или все-таки

завернем и осмотрим тот домишко?

– Ни то, ни другое, – решил я, немного помешкав. – Остановимся прямо на трассе – так, чтобы нас заметили из дома, – спрячемся за машиной и если заметим какую-нибудь враждебную активность, то сразу оттуда уедем.

– Добро. Можно и так, – не стал спорить Панкрат. И, стронув Большого Вождя с места, повел его к разрушенной деревне…

От проходящей через деревню трассы до интересующего нас, одноэтажного строения было около сотни метров. Панкрат нарочно остановил джип так, чтобы его заслоняли развалины других домов. Поэтому, если засевшие в том доме, гипотетические враги вздумают нас обстрелять, они смогут сделать это лишь из чердачного окна. На которое Ананас нацелил гранатомет сразу, как только мы покинули машину. Еще они могут обстрелять нас, выбежав из дома. Но это вмиг рассекретит их западню, а мы умчимся прочь еще до того, как они займут позиции снаружи.

Чтобы нас было видно не только с крыши дома, но и из окон первого этажа, я поднял над «гранд чероки» мой вымпел. После чего взял снайперскую винтовку и стал обозревать округу в оптический прицел. Врагам было бы сложно укрыть от наших глаз в руинах свою технику. А если они загнали ее в какой-нибудь уцелевший гараж, им придется сначала ее оттуда выгнать, что я также успею вовремя заметить.

– Вижу движение! – подал голос Панкрат спустя три минуты после того, как мы взялись ненавязчиво привлекать к себе внимание. – Белая тряпка в окне чердака! Кто-то, видать, заметил, что мы расчехлили большую «дуру» и боится, что я сорву с его хибары крышу! Правильно боится, сукин сын! Так что лучше бы ему не дергаться, а выходить с поднятыми руками. Потому как ежели задергается, я за себя не ручаюсь.

Когда я навел прицел винтовки на чердачное окно, человек, который махал нам оттуда белой тряпкой, уже скрылся из виду. Но тряпка так и осталась там висеть, прицепленная к торчащему в оконной раме гвоздю. Это, конечно, могло быть отвлекающей уловкой готовящегося к бою врага, но мне почему-то так не казалось. Сама идея заманить нас в засаду флагом выглядела бы откровенно глупой, ведь это непременно нас насторожит. В то время, как напасть из засады на ничего не подозревающую жертву гораздо удобнее, нежели когда она что-то подозревает и готова дать вооруженный отпор.

Обитатель дома не мог нас слышать. Но тем не менее он поступил в точности так, как советовал ему Панкрат. То есть поспешил выйти на улицу с поднятыми руками. И когда он это

сделал, все наши подозрения к нему тут же как ветром сдуло. Потому что в действительности никакой это был не враг, а самый настоящий друг – Равиндер Сингх собственной персоной!..

Глава 26

– Скажи-ка мне, Иваныч: это тот же самый чертов сикх или новый? – спросил разулыбавшийся до ушей Ананас. – А то я ни хрена не отличу издали одного длиннобородого индуса в чалме от другого!

– Наш Равиндер не индус – он пенджабец! – напомнил я. – И да – это именно он и есть!

– Знаю, что пенджабец, – ответил Панкрат. – Просто я не знаю хороших слов, которые начинаются на «пенд…», и это слово мне тоже малость слух коробит…

Равиндер покинул дом, заодно прихватив свой рюкзачок. Так что ему не пришлось возвращаться за вещами, когда мы, отставив оружие, приветливо замахали ему руками. Замахали, разумеется, молча, дабы на наши крики не сбежались зомби, которые могли шастать в здешних руинах. Сингх тоже о них не забывал и, перейдя на бег, вскоре присоединился к нашей компании. Или, правильнее сказать, «снова присоединился», хотя для нас с Панкратом его возвращение стало полнейшей неожиданностью. Само собой – приятной. Чего в последние недели с нами не случалось, и мы были сейчас не только обрадованы, но и слегка ошарашены.

Расчувствовавшийся Ананас на радостях обнял сикха так, что, казалось, едва не сломал ему своими ручищами позвоночник. Я от столь бурного выражения радости воздержался, ограничившись тем, что просто пожал Сингху руку и похлопал его по плечу. Самого Равиндера такой теплый прием явно смутил. Отчего он, вероятно, даже покраснел – по его смуглому чернобородому лицу трудно было определить это наверняка. Не знаю, возможно, у сикхов, как и у японцев, тоже запрещались рукопожатия и прочие чисто западные жесты вежливости – слишком грубые и фамильярные по меркам утонченного Востока. Но даже если так, для нас пенджабец сделал исключение, не став обижаться на столь панибратское к себе отношение. Тем более, что сам же месяц назад зачислил меня и Панкрата в друзья своей семьи.

– Откуда ты здесь взялся и что все это значит? – поинтересовался я у Равиндера, указав на реющий над поселком флаг.

– Кажется, я поторопился, когда решил вас оставить и отправиться в Москву, – ответил сикх. – По дороге я начал подробнее изучать архив Ходока, что вы мне подарили. И нашел в нем кое-какие важные факты, которые вам необходимо знать при охоте на высшего поводыря.

– И ради этого ты не поленился вернуться, отмахав в противоположную от твоей цели сторону почти тысячу километров? – удивился я.

– Я добрался сюда не пешком, а с попутными торговцами, – просветил нас Равиндер. – Они с радостью взяли на работу временного охранника, который не требовал с них ни оплаты, ни даже еды.

– Да уж, для них это была еще какая выгодная сделка… Но неужели найденные тобой факты и впрямь настолько важные? У нас что, могут возникнуть проблемы, с которыми мы не разберемся при помощи оружия?

– Безусловно, важные! – подтвердил Сингх. – В записях сказано, что за пределами Котлована высшего поводыря все время охраняют четыре берсерка. Они никогда не отходят от него и питаются тем, что приносят им другие копатели из их стаи. Даже если вам повезет избежать встречи со стаей Омикрона или уничтожить ее, к нему самому вы не подберетесь. Он может притвориться и сделать вид, будто это возможно. Но – лишь затем чтобы вы утратили бдительность, подошли ближе и угодили прямо в лапы его телохранителям.

– Что ж, большое спасибо тебе за заботу, – кивнул я. – Действительно, спасибо, без шуток – информация и вправду крайне полезная. Только почему ты подумал, будто мы не готовы ко встрече с подобной угрозой?

– Нет, господин Степан, я вовсе так о вас не думал, – помотал головой Равиндер. – Есть еще одна причина, по которой я осмелился вновь предложить вам свою помощь. В случае, если мы все-таки поймаем Омикрона, я хотел попросить бы вас не убивать его, пока я не задам ему все интересующие меня вопросы.

– Ты полагаешь, он тебя поймет?

– Поймет, ведь он – телепат и умеет читать мысли. Даже если он забыл человеческий язык, он должен по-прежнему воспринимать образы. И по тому, как он станет реагировать на образы, которые я покажу ему в своих мыслях, я определю, что ему известно о моей сестре Шармиле.

– Возможно, есть способ намного проще, – заметил я. И вкратце рассказал Сингху о наших приключениях в Коврове. А также о виновнике этих приключений – «просветлителе», который у нас едва не отобрали тамошние наркобарыги. Вместе с нашими жизнями и вообще со всем, что у нас было.

Само собой, Равиндеру пришлось поверить мне на слово, что средство для временного превращения копателей обратно в людей работает так, как я ему описал. Однако он усомнился в том, что оно окажет воздействие на высшего поводыря.

– В архивах Ходока напрямую об этом не упоминается, – пояснил сикх, – но по косвенным деталям и отсылкам можно догадаться, что поводыри – совершенно особый тип копателей. Или же они вовсе не копатели, а аномальные существа иной природы. Их мозги устроены по-другому, а, значит, лекарство, которое проясняет разум обычному зомби, для поводыря может оказаться безобидной водой. Либо ему надо ввести повышенную дозу, но мне кажется, этот вариант тоже не сработает.

– Ну, чем бы все ни обернулось, у нас хватит «просветлителя», чтобы проверить твою теорию. – Я не стал загадывать наперед, что и как, поскольку это было столь же бессмысленное занятие, как дележ шкуры неубитого медведя.

– Так что насчет моей просьбы, господин Степан? – напомнил Равиндер. – Я понимаю, что сейчас вы не можете мне абсолютно ничего обещать. Но меня устроит и простое ваше согласие. И, разумеется, я готов присоединиться к вам в любом случае, независимо от того, что вы мне скажите.

– Ничего не имею против твоего предложения, – ответил я. – Также, как мы не против того, чтобы ты снова сел за руль нашего Большого Вождя… Кстати, интересную идею ты придумал с флагом. Но почему ты решил, что мы поедем именно этой дорогой?

– Чтобы не бежать следом за вами, я хотел взять фору – обогнать вас, а затем двигаться вам навстречу. Я расспрашивал по пути тех, с кем вы могли встречаться, но опередил вас совсем ненамного. Один перевозчик в Великом Устюге сказал мне, что разговаривал с вами в Тотьме, а она была уже рядом. Вот я и решил, что мне будет проще усесться возле дороги, по которой вы почти наверняка проедете, и подождать, чем рисковать разминуться с вами на подъезде к Великому Устюгу. Тем более, что стая Омикрона тоже должна идти где-то вдоль этой трассы.

– И как долго ты нас здесь дожидаешься?

– Третьи сутки. Я знаю, что вы не ездите по ночам, а, значит, вы просто не могли не заметить мой флаг.

– Умный ты парень, – похвалил сикха Панкрат. – Только очень уж лез на рожон, привлекая наше внимание таким способом, когда у нас завелась целая туча врагов. Хотя ты мог бы сделать гораздо лучше: подрисовать на флаге к револьверам свою саблю! Вот тогда мы еще за километр узнали бы, кто нас ждет в этой деревне, и не стали бы целиться в тебя из гранатомета.

– О чем вы говорите, господин Панкрат? – нахмурился Сингх. – Да, каюсь: эта идея приходила мне в голову. Но разве я был вправе так поступать?

– Что-то я не врублюсь, о каком таком праве ты толкуешь? –

удивился Ананас. – У тебя на это краски не хватило, что ли?

– Но… это же герб господина Степана! – оторопел пенджабец. – Как я мог проявить такое неуважение и самовольно добавить к его гербу что-то еще? Что бы тогда господин Степан обо мне подумал?

– Да, ты умный парень, – повторил Ананас. И, усмехнувшись, добавил. – Но твоя наивность не перестает меня удивлять.

– В смысле? – Сингх захлопал глазами.

– Что я подумал бы? – поспешил я вступиться за вконец стушевавшегося пенджабца. – Я подумал бы, что ты поступил абсолютно правильно, добавив к моему гербу вполне уместную и красивую деталь. Впрочем, сейчас это уже неважно. Ты правильно сделал, что решил вернуться к нам. И мы оба премного благодарны тебе за это. Нет нужды объяснять тебе, что раз мы с тобой встретились здесь – на поворотной точке маршрута Омикрона, – то дела у нас, мягко говоря, идут не ахти. А если начистоту, то все у нас довольно скверно. Пока мы играли с одноруким поводырем в кошки-мышки, он успел обзавестись целой армией. А если добавить к ней тех берсерков, о которых ты рассказал, выходит, что связываться с Омикроном теперь немногим веселее, чем идти в сегодняшнюю Москву, не зная потайных троп. Вот такие, стало быть, пироги… или как там у вас в Пенджабе говорят в подобных случаях?

– Не могу поверить, господин Степан, что у вас не осталось ни одной достойной идеи, как нам разгромить эту армию, – покачал головой Равиндер.

– Да черт бы с ней, с этой армией, – отмахнулся я. – Пускай себе живет – мне нет никакого дела до свиты Омикрона. И до его телохранителей – тоже. Но с берсерками все сложнее, поскольку встречи с ними нам никак не избежать. Мне нужен один только белобрысый калека, и в идеале я готов истратить на него всего одну пулю. Но идеальной охоты у нас уже не получится. Поэтому хочешь не хочешь, придется нам вскорости разворачивать полномасштабные боевые действия.

– Втроем? – осведомился Ананас.

– Трое – это уже не двое, – ответил я. – Трое – это уже, считай, на пятьдесят процентов возросшая огневая мощь и такое же расширение наших тактических возможностей. Теперь, когда Равиндер снова влился в наши ряды, я намерен провернуть одно дельце, которое нам вдвоем было при всем старании не осилить. Очень яркое и очень шумное дельце. Аккурат в твоем стиле.

– Вот это по мне! – оживился Панкрат. – Вот такой Иваныч мне больше по душе, нежели тот, который сидит мрачнее тучи и молча на карту таращится… И когда приступаем?

– А детали не желаешь сначала узнать?

– Ну… Было бы неплохо. Хотя и не обязательно. Покажи, куда бежать и в кого стрелять, а дальше я без тебя разберусь – чай, не маленький.

– Куда бежать, я пока не скажу, поскольку сам этого не знаю. А стрелять тебе придется в него. – Я указал на Равиндера. Который едва отошел от одного удивления, как я бесцеремонно огорошил его новым.

– Чего-чего? – Ананас от такого заявления тоже поневоле растерялся. – Погоди, не спеши, давай по порядку. Я сегодня плохо спал и у меня, похоже, мозги с утреца подтормаживают. Ты сейчас это… того… пошутил или серьезно велел мне пристрелить Равиндера?

– Зачем сразу – «пристрелить»? Я сказал, что тебе придется в него стрелять, но не убивать, – повторил я. – А Равиндеру, соответственно, надо будет стрелять в тебя. Короче говоря, вы будете стрелять друг в друга и устраивать взрывы там, где это потребуется. А я тем временем займусь основной, самой важной работой.

– Да, похоже, не я один сегодня не выспался, – пробурчал Ананас. – Ладно, не скажу, что я в восторге от твоего безумного плана. Но я не покажусь тебе дураком, если все-таки спрошу: на кой, извиняюсь, ляд нам с сикхом надо устраивать весь этот долбанный цирк?

– Задам тебе встречный вопрос: что меньше всего ожидает Омикрон от тех чисторуких, которые преследуют его стаю?

– Ну, блин, и вопросец!.. – Панкрат наморщил лоб и потянулся за сигаретой – верная примета того, что я и впрямь заставил его серьезно напрячь мозги. – Чего не ожидает этот однорукий урод… Чего он от нас не ожидает… Да много чего! Вряд ли он ждет, что мы устроим перед ним стриптиз или пригласим его на пикник…

– Омикрон не ожидает, что мы начнем стрелять друг в друга, – догадался Сингх. – Хотя я все равно плохо понимаю, что нам это даст.

– Насчет пикника господин Панкрат, естественно, пошутил, но в его шутке есть немалая доля правды, – ответил я. – Наш поводырь, судя по его повадкам, не раз имел дело с теми, кто на него охотился, и в свою очередь успел изучить повадки самих охотников. И когда мы перестанем вести себя, как они, тогда-то мы и подманим к себе Омикрона. Все те, кто его в свое время преследовал, вряд ли устраивали между собой перестрелки. Наверняка они даже избегали схваток с бандитами, чтобы лишний раз не привлечь к себе зомби. А, значит, услыхав

неподалеку звуки боя, поводырь решит, что это явно не мы, а другие чисторукие устроили там разборку. Те, которые совершенно точно не знают о присутствии поблизости огромной стаи копателей, а иначе они не воевали бы между собой, а удирали отсюда без оглядки.

– Ну, привлечем мы их внимание, а дальше что? – скептически нахмурился Ананас. – Ты же сам говорил, что однорукий слишком осторожен, чтобы отправлять под пули свою «паству».

– Само собой, он под пули ее не отправит. Но вот от соблазна поживиться свеженькими трупами на поле отгремевшего сражения поводырь не устоит. Поэтому нам надо разыграть все так, чтобы Омикрон поверил – где-то рядом разгорелся и закончился серьезный бой, так что десяток-полтора трупов на том месте наверняка отыщется. И для голодной стаи в три сотни особей такая куча мяса – солидная добыча. А теперь главный вопрос: где будет находиться сам Омикрон после того, как пошлет своих подопечных на пикник?

– Впереди на лихом коне! – осклабился Панкрат.

– Зомби – на коне? Разве такое возможно? Да эти твари сожрут коня сразу, как только он к ним попадет! Причем вместе с седлом и уздечкой! – Сингх воспринял слова Ананаса буквально. Похоже на то, что учась в России, он не успел посмотреть знаменитое кино про Чапаева.

– Это он опять шутит, – пояснил я сикху, кивнув на напарника. – И теперь шутит неправильно. В прошлый раз, когда я встречался с Омикроном, он держался в стороне от устроенной им заварухи, даже несмотря на то, что тогда ему ничего не угрожало. А туда, где отгремела целая канонада, он подавно не сунется. Но и упускать из виду своих копателей он не станет. Его наблюдательная позиция будет где-нибудь неподалеку. И если мы верно рассчитаем ее месторасположение, мы достанем Омикрона.

– И где, по-твоему, это случится? – спросил Панкрат.

– Однорукий любит устраивать охоты на переправах, и скоро он как раз подойдет к реке под названием Юг. Она достаточно широкая, но вблизи от нынешнего маршрута его стаи есть всего один автомобильный мост в местечке под названием Кичменгский Городок. И вряд ли Омикрон откажется от возможности перехватить там пару-тройку грузовиков. Не на самом мосту, разумеется, а где-то на подъездах к нему – затем чтобы избежать вероятной засады. Вот в районе того моста мы и устроим фейерверк. По моим подсчетам, наши копатели доберутся туда послезавтра и еще день они потратят на охоту. Так что у нас в запасе есть три дня на поиск нужного места и на

подготовку к шоу. Полагаю, этого вполне достаточно, ведь нам не придется делать ничего такого, чего мы не делали прежде.

– Прежде я еще ни разу не расстреливал впустую такое количество боеприпасов, – покачал головой Ананас.

– Все когда-то приходится делать в первый раз, – заметил я. – Но все же ты постарайся не увлекаться пальбой в воздух и не забудь приберечь патроны для настоящего боя. Потому что если нам повезет и Омикрон клюнет на приманку, тогда-то и начнется настоящее кино. И нам придется быть очень убедительными, чтобы не сойти на полдороге и заполучить в итоге нашего однорукого Оскара…

Глава 27

Прослушивание шоферской радиоволны было единственным способом узнать о появлении близ Кичменгского Городка крупной стаи копателей. Способ этот был ненадежен, поскольку водители могли заметить вовсе не ту стаю или дать неверную оценку ее численности. Но все равно, получить даже такую сомнительную информацию было лучше, чем не получить ее вовсе, и потому наша рация работала теперь в дежурном режиме.

Несмотря на название, Кичменгский Городок являлся, скорее, большим селом, нежели маленьким городом. Поэтому, как и подавляющее большинство нынешних российских сел, он тоже был заброшен и разорен.

Мы сочли плохой идеей устраивать нашу засаду непосредственно в Кичменгском. Для наблюдения за своей стаей поводырь мог подняться на любую крышу. А их здесь уцелело слишком много, чтобы мы угадали, какая из них приглянется поводырю. Нам требовалось свести для него выбор наблюдательных позиций к минимуму и подыскать себе место за пределами Городка. Такое, которое хорошо просматривалось бы лишь с одной-двух ближайших высотных точек. И до которого взбудораженная стрельбой, стая копателей могла бы легко добраться.

Удачнее всего под наши требования подпадал маленький аэропорт, расположенный к югу от моста, в окрестностях которого должен был объявиться Омикрон. Там имелась лишь одна взлетно-посадочная полоса (ВПП) длиной чуть больше километра, предназначенная для самолетов малой авиации. Да и те вряд ли смогли бы сегодня ею воспользоваться, так как покрытие на ней растрескалось и заросло травой. Маленький аэровокзал и прочие здешние строения пребывали в том же запущенном виде, что и здания в Кичменгском Городке. А после того, что мы планировали натворить в аэропорту, разруха в нем грозила лишь усугубиться.

Окруженный со всех сторон лесом, аэропорт не был виден ни из Городка, ни с проходящего западнее, шоссе. Держать под наблюдением эту территорию можно было только попав непосредственно на нее. Вдобавок аэропорт находился на другом берегу реки, и чтобы достичь его, копателям потребуется сначала ее пересечь. Что им, впрочем, так и так придется делать, поскольку обойти эту преграду у них не получится.

Чтобы никто не мешал нам готовиться ко встрече с Омикроном, аэропорт пришлось сначала очистить от зомби. Их

было немного – всего полдюжины, – и Панкрат с Равиндером управились с ними без меня, при помощи своих тесака и сабли. Дальнейшая наша работа тоже была нешумной, и мы могли слышать, когда по шоссе проезжали грузовики. Всякий раз, как до нас долетали звуки их моторов, я выходил на связь с их водителями. И предупреждал о вероятном появлении к северу от Кичменгского Городка ведомой поводырем, крупной стаи зомби. После чего просил, чтобы перевозчики, которые ее заметят, не забыли оказать мне ответную услугу, сообщив, на каком расстоянии от реки эта стая находится.

Водители благодарили меня за ценную информацию и обещали выполнить мою просьбу, если я все еще буду в зоне досягаемости их передатчиков.

Ночь прошла спокойно. Зато утро началось с хорошей адреналиновой встряски.

Я и Равиндер еще спали, отстояв свои караульные вахты, а несущий последний ночной караул Ананас продолжал извещать об опасности проезжающих по шоссе водителей. Ночью они нас не беспокоили, поскольку, как и мы, тоже отсиживались в каких-нибудь придорожных убежищах. Но с рассветом самые торопливые из них снова вышли в рейсы и взялись ездить мимо нас примерно по одному в полчаса. И вот, переговорив с очередным из них, Панкрат вышел было из машины справить нужду и выкурить сигаретку, как вдруг рация снова ожила.

С Панкратом связался все тот же водитель, сообщивший, что в километре ниже по течению от моста, по которому он как раз проезжал, через реку переплывала стая зомби. Такая большая, что она растянулась на всю ширину реки, а часть ее уже выбралась на противоположный берег. Течение снесло ее еще на полкилометра восточнее, и в ближайшее время эти копатели не представляли угрозы для водителей на шоссе. Но если стая снова повернет в его сторону, она может запросто его блокировать, и в одиночку сквозь нее вряд ли прорвешься.

– Кажись, самое время поднимать шум и гам, – сказал Ананас после того, как разбудил нас и сообщил последние новости. – Вот только если это не наши копатели, а другие, что тогда? Не хотелось бы, чтобы их сбежалось на наш утренник в два или в три раза больше, чем мы ожидаем.

– Готов поспорить, что это Омикрон, – уверенно заключил я. – Переправу такого количества зомби в одном месте мог организовать только поводырь. И раз он перевел стаю через реку, значит, с высокой вероятностью они прибегут в аэропорт с северо-востока. Поэтому не будем тратить время даже на завтрак. Если хотите, перекусывайте на бегу, но обеспечьте мне через пять

минут такую канонаду, чтобы от нее возбудились не только копатели Омикрона, но и мертвые на всех окрестных кладбищах восстали бы из могил…

Зная, на каком расстоянии от нас находится враг, мы могли рассчитать, сколько ему понадобится времени на то, чтобы сюда явиться. Враг дождется окончания «войны», это очевидно. Но ничто не помешает ему выдвинуться в нашем направлении еще до того, как стихнут выстрелы и взрывы. Вот почему я не мог остаться с Ананасом и Сингхом, чтобы поддержать их огнем. Если я не займу свою тактическую позицию до появления копателей – дело труба. Тогда весь этот дорогостоящий фейерверк окажется напрасным, а нам придется впопыхах уносить ноги, оставив все надежды поймать Омикрона в нынешнем году. А до следующей встречи с ним при нашем образе жизни мы можем попросту не дожить…

Какой-то прелюдии к этому светошумовому представлению не требовалось. Напарники просто разошлись по заранее оговоренным местам и взялись палить во все стороны из всех наших скорострельных пушек. Периодически тот и другой швыряли куда-нибудь гранату – так, чтобы ее осколки не задели товарища. Также, как их пули всегда летели в безопасном для обоих направлении. Еще у каждого имелись при себе тротиловые шашки. Но их предстояло использовать не сразу, а во втором, более ослепительном и гремучем акте шоу.

Само собой, что даже взяв в каждую руку по автомату, два человека не могли сымитировать настоящую большую перестрелку. Поэтому на южном краю взлетно-посадочной полосы – как можно дальше от себя и сикха, – Ананас поджег сухую траву, в которой были разбросаны автоматные патроны. Свежий утренний ветерок быстро раздул огненный пал и погнал его на юг, к излучине реки. По мере того, как пламя добиралось до патронов, те взрывались. И добавляли к уже грохочущим автоматным и пулеметным очередям гвалт беспорядочных выстрелов. Которые звучали не так громко, как полноценная оружейная пальба, зато их было много, и их хватало для усиления шумового эффекта. Вдобавок охвативший южную окраину аэропорта пожар был для нас тоже не лишним. Тем более, что к нему должны были вскоре добавиться новые очаги бушующего пламени в самом аэропорту.

Даже шесть мертвых копателей, которых мы прикончили вчера, и те сегодня нам пригодились. Без них наша инсценировка лишилась бы одной важной детали, необходимой для полноты картины – смрада горелой человеческой плоти. Унюхав ее, копатели поспешат сюда с еще большим энтузиазмом. Да и сам

Омикрон лишний раз убедится в том, что его стае найдется, чем здесь поживиться.

К этим мертвецам добавились еще с десяток, когда поднятый нами шум привлек к аэропорту ошивающихся в округе, зомби-одиночек. Так что раздосадованный по поводу того, что ему придется выпустить в воздух столько боеприпасов, Панкрат, надо полагать, слегка утешился тем, что хотя бы малая их часть была использована по прямому назначению. Этих копателей Ананас и Равиндер уложили на взлетно-посадочной полосе, что придало ей должный колорит, а нашему вранью – еще большее правдоподобие.

То усиливая темп стрельбы, то ослабляя его – так, как это обычно бывает в затянувшейся перестрелке, – напарники отвоевали примерно четверть часа. После чего, продолжая усеивать свинцом округу, запалили фитили тротиловых шашек и разбросали их также в заранее оговоренные места. Туда, где уже стояли канистры с бензином и был свален горючий хлам, который мы стаскали еще вчера со всей территории аэропорта.

Четыре взрыва разворотили пару небольших построек и подожгли их. Набитый в них мусор усилил пожары, добавив им огня и дыма. Последний смешался с дымом от горящей травы и быстро накрыл аэропорт едкой черной пеленой. Пока в ней можно было еще хоть что-то разглядеть, Панкрату и Равиндеру следовало заканчивать представление, садиться в джип и убираться прочь подобру-поздорову. Потому что прибежавшей сюда на шум стае предстояло найти лишь пожары да мертвецов, но никак не живых чисторуких. Их к этому времени не должно было здесь быть, поскольку отбиться вдвоем от такой прорвы зомби являлось невозможно при всем старании.

Дабы Большой Вождь не угодил под обстрел, мы загнали его в крайний гараж для служебного транспорта, куда, естественно, наши пули и гранатные осколки не долетали. Когда напарники прекратили творить хаос, вернулись к джипу и выгнали тот из укрытия, они – эх, гулять так гулять! – подожгли и гараж. После чего покатили прочь от аэропорта, имитируя отступление якобы выживших участников мнимого боя…

А что же я?

А я тем временем забрался в диспетчерский узел, что в виде небольшой надстройки располагался на крыше одноэтажного здания аэровокзала. Крыша самого узла являла собой площадку, где были установлены прожектора и антенны и куда вела приделанная к надстройке сбоку, железная лестница. Но мне пока туда было не надо, поскольку сейчас меня больше интересовала диспетчерская. А точнее, имеющиеся в ней шкафы.

Все сколько-нибудь ценное электронное оборудование отсюда давно вынесли мародеры. Но с тяжелыми металлическими шкафами из-под него никто возиться не стал, и они по-прежнему стояли на своих местах. Выбрав самый вместительный из них, я выкинул из него полки и остатки не приглянувшегося мародерам хлама и попробовал в нем спрятаться. Было, конечно, тесновато, и между лопаток мне упиралась какая-то остроугольная железяка, но в целом убежище оказалось подходящим. Я поместился в нем вместе со своими револьверами, двумя гранатами, снайперской винтовкой и «Вепрем», который позаимствовал у Ананаса. И который был наилучшим средством для защиты от зомби на короткой дистанции, поскольку именно такая битва мне в скорости и предстояла.

Вернее, я рассчитывал на то, что она все-таки произойдет. Потому что наилучшего места для наблюдения сразу за всем аэропортом Омикрону было не сыскать. Но если он сюда не явится и решит следить за своей стаей из леса, тогда я достану бинокль и, высмотрев его на лесной опушке, дерзну прикончить негодяя из снайперской винтовки. Только вряд ли он станет излишне осторожничать. Зачем? Все указывало на то, что никакой засады тут нет. Если здесь был поднят такой свирепый шум, значит, те, кто его поднял, не знали о присутствии поблизости огромной стаи копателей. Также никто из чисторуких, даже заклятых врагов, не будет растрачивать такую прорву боеприпасов на войну друг с другом, зная, что на них надвигается целая орда зомби, да еще под командованием поводыря. Каким бы мнительным ни был Омикрон, он не станет шарахаться в кусты, не наблюдая поблизости признаков явной угрозы. А на крайний случай у него имелись телохранители, которые не только не дадут его в обиду, но и сами могут «обидеть» кого угодно, разметав его внутренности по окрестным деревьям.

Как я уже отмечал ранее, шум, который издает приближающаяся стая зомби, нельзя спутать ни с каким другим. А тем более, когда шумит такая крупная стая, как у Омикрона. Я расслышал ее, сидя в диспетчерской, даже за гулом и треском пожаров, что продолжали бушевать в нескольких местах аэропорта. После чего, выглянув украдкой из окна, убедился, что, как минимум, первой своей цели мы достигли. Из леса на взлетно-посадочную полосу надвигалась живая лавина, при виде которой даже у меня, находящегося пока что в относительной безопасности, внутри все похолодело, а по коже побежали мурашки.

Зомби внизу меня не замечали, но если я не хотел попасться на глаза телохранителям поводыря, мне пора было прятаться в

шкаф. Что я и сделал, оставив между его дверцами лишь небольшую щелку, чтобы отчетливее слышать то, что происходит снаружи.

Разбросанные нами повсюду трупы быстро убедили копателей, а также, вероятно, их вожака, что их рейд на это поле отгремевшего боя выдался не напрасным. Теперь они обязательно задержатся здесь на какое-то время, пока не соберут все человеческие останки. А поскольку территория аэропорта была достаточно просторна даже для такой толпы «исследователей», в ближайшие полчаса никто из них не останется без работы.

Когда на первом этаже аэровокзала раздался шум, я тут же затворил дверцы шкафа и замер в полной неподвижности. Сюда могли вторгнуться и обычные копатели, хотя, по всем приметам, в этом краю аэропорта, который «война» не затронула, для них не было ничего интересного. Хватит ли у них ума обыскать шкафы в диспетчерской? Возможно. Но от этих противников я почти наверняка успею отстреляться и удрать, спрыгнув с крыши одноэтажного здания. А вот лобовая стычка с несколькими берсерками не сулила мне ничего хорошего. Впрочем, охотиться на высшего поводыря, не подвергая себя смертельному риску, можно было лишь в теории. На практике же это было, наверное, еще опаснее, чем пытаться разворошить осиное гнездо, не потревожив рой сидящих в нем ос.

То, что в вокзал нагрянули не простые зомби, стало вскоре понятно по нетипичному для них шуму и топоту. При звуках последнего мне сразу вспомнился гигантский берсерк, которого мы с Ананасом прикончили в тайнике Ходока. Только сейчас по первому этажу разгуливал не один такой исполин и даже не двое. Четверо? Как минимум, а то и больше. Был ли сред них Омикрон? Пока неизвестно, но если все же был, он не стал бы так грохотать ногами по полу. Судя по его фотографиям и по тому образу, что отложился у меня в памяти, он тоже был здоровяк. Но этот шум производили не обычные громилы, а явные мутанты весом под три центнера.

Будь Омикрон, например, президентом страны, его телохранители обыскали бы на аэровокзале каждый закуток, перевернули бы каждый ящик и сунули носы в каждую нишу. Но в том-то и дело, что поводыря охраняли не прошедшие специальную подготовку, эксперты по безопасности. И вообще не люди, если на то пошло. Берсерки-стражники отличались от дрессированных животных лишь тем, что острота их нюха и прочих органов чувств оставалась как у людей. На что, собственно, я и рассчитывал. Эти твари вмиг отреагировали бы на шум или на движение, но я был им невиден, неподвижен и даже

старался дышать как можно реже. Хотя последнее было лишь перестраховкой – вряд ли они расслышали бы мое дыхание за тем гвалтом, что долетал сюда из южной части аэропорта.

Телохранители, которые, словно выдрессированные псы, искали пищу лишь по команде своего хозяина, не будут обшаривать шкафы, если не получат такой приказ. А зачем хозяину его отдавать? Неужто ему хочется ждать, пока берсерки перевернут все вверх дном там, где и без них все было уже не раз перевернуто? Чтобы себя обезопасить, он заставит их произвести беглый осмотр помещений, на что у них уйдет от силы пара минут. Этого будет вполне достаточно, чтобы убедиться в отсутствии угрозы, а затем подняться… нет, не в диспетчерскую, где сейчас прятался я. Омикрон проследует еще выше – на крышу надстройки, куда также вела широкая и удобная лестница. И откуда открывался лучший вид на аэропорт, чем из окон диспетчерской.

Лестница, что соединяла ее с первым этажом, загремела и затряслась под шагами могучих ног. Я не имел возможности наблюдать за противниками, так как побоялся, что они могут заметить меня даже через щелку в дверцах шкафа. Поэтому был вынужден ориентироваться в обстановке только по звукам. Гиганты топали с такой силой, что было трудно разобрать, как близко они ко мне подобрались. Но явно недостаточно близко. Возле моего убежища на полу валялось много хлама, который неминуемо затрещал и загремел бы у них под ногами. Но ничего подобного я не слышал, а, значит, пустая диспетчерская берсерков не интересовала.

Так и оказалось. Когда их шаги загрохотали по металлу, стало понятно, что они отправились выше. А когда под ними задрожал бетонный потолок надстройки, можно было не сомневаться, что они достигли цели. Но на крышу выбрались, похоже, не все. Я слышал, как ее сотрясают лишь две пары ног – куда меньше, чем их топотало по первому этажу. Куда же делись остальные берсерки? Я бы предположил, что они, проверив вокзал, остались снаружи приглядывать за тылами, охраняя входы и окна. Такая расстановка сил напоминала поведение осторожного поводыря, и я почти не сомневался, что сам он или уже вошел в здание, или вот-вот войдет.

Мне хотелось утереть взмокшее от пота лицо, но я опасался случайно задеть железную стенку или дверцу шкафа и рассекретить свое убежище. Покинуть его мне предстояло в любом случае, но не сразу. Даже если я заслышу сейчас в диспетчерской шаги, явно не принадлежащие исполину, я не выскочу перед этим копателем с револьверами наизготовку и не

изрешечу его пулями. Потому что после такой «цыганочки с выходом» я сразу же окажусь один против нескольких берсерков, и мне не удрать от них по открытой местности. И в стенах вокзала я против них не выстою. Прежде чем я нанесу свой удар, должно произойти еще одно событие, которое, как хотелось надеяться, ослабит защиту Омикрона и даст мне шанс до него добраться.

Я так и не разобрал, проследовал ли кто-нибудь за двумя первыми гигантами на крышу или нет. Кажется, я все же слышал чьи-то негромкие шаги по полу диспетчерской. Хотя это могли быть и отголоски шумов, что издавала рыщущая снаружи стая. Но если предположить, что перемещения берсерков по вокзалу являло собой рассредоточение охраны перед прибытием босса, то ему полагалось объявиться здесь именно сейчас плюс-минус пара минут.

К счастью, полагаться на один лишь собственный слух мне не приходилось. Скрывшиеся из аэропорта до появления стаи, Панкрат и Равиндер должны были отъехать подальше и, спрятавшись в лесу, наблюдать за аэровокзалом. И как только они заметят однорукого, я об этом очень скоро узнаю. А если его все же здесь не окажется, значит, мне вообще не было никакой нужды рисковать, выпрыгивая из шкафа и нападая на берсерков…

Глава 28

Как ни успокаивал я себе нервы, они все равно были на пределе. Да и стояние в тесном шкафу в неподвижной позе грозило мне затеканием конечностей. Что в данной ситуации могло стать вовсе не мелким неудобством, а серьезной проблемой. Не знаю, что случилось бы с моей выдержкой и мышцами, проторчи я в этом вертикальном «гробу» еще минут десять, если бы не напарники. Все-таки они сумели высмотреть в бинокль на крыше диспетчерской нашего калеку. И, памятуя, на какой раскаленной сковороде я сейчас сижу, ринулись мне на подмогу так быстро, как только смогли.

Повторный выход на сцену Ананаса и Сингха был не таким громким, как их первое сегодняшнее выступление, но достаточно громким, чтобы я смог его расслышать. Ворвавшись на Большом Вожде в аэропорт с севера, они взяли разгон и помчались на полной скорости по взлетно-посадочной полосе, сшибая попадающихся им навстречу копателей. А высунувшийся при этом из люка Панкрат косил вдобавок из пулемета тех из них, до которых сидящий за рулем Равиндер не успевал дотянуться тараном-рассекателем джипа.

Ананас палил направо и налево, но только не по аэровокзалу. Дабы не спугнуть Омикрона, он старательно делал вид, что ему неизвестно о присутствии неподалеку поводыря. Текущей задачей напарников было изображать из себя чокнутых фанатов зомби-сафари, которых сегодня хватало с избытком во всех уголках мира. А особенно в России, где жертв для такой охоты не приходилось выискивать долго.

Сталкивался прежде Омикрон или нет с такими отмороженными на всю голову чисторукими, неизвестно. Но он не мог стерпеть столь наглое уничтожение своей армии, которую он собирал и муштровал вот уже которую неделю кряду. А условия в аэропорту благоприятствовали отнюдь не зомби, а охотникам на них. ВПП была непригодна для самолетов, но носиться по ней туда-сюда на автомобиле получалось без проблем. Тем более – у бывшего раллиста Сингха. На этой широкой и ровной дороге он мог выписывать еще более лихие виражи, почти не теряя скорость при разворотах. А также сшибая в заносе то правым, то левым бортом все новых зомби.

Прекратить это бесчинство было под силу лишь самому поводырю и его верным берсеркам. Послав стае телепатический сигнал не нападать на охотников, а, напротив, всячески избегать их, Омикрон быстро прогнал копателей с ВПП и вывел в бой

главные ударные силы – свою личную гвардию. Не всю, разумеется. Несмотря на внезапное нападение и уже понесенный его армией урон, он ни на миг не забывал и о собственной безопасности. Но я отчетливо расслышал, как один из его телохранителей соскочил с крыши. После чего к нему присоединился один из тех, что сторожил вход в вокзал. Этот великан с грохотом пронесся через первый этаж и, не иначе, выпрыгнул в окно – раздавшийся при этом шум очень напоминал выбивание оконной решетки, что имелись на всех тамошних окнах. А затем до меня донесся тяжелый удаляющийся топот – так, словно на бой с Ананасом и Сингхом спешили не берсерки, а носороги или бегемоты.

Минус два серьезных противника – это уже кое-что. Глупо было надеяться, что однорукий отправит в погоню еще одного своего берсерка, а потому настала пора и мне вступать в игру.

Постаравшись открыть двери шкафа как можно тише, я все равно заставил их предательски скрипнуть. Тут же на первом этаже послышался топот, который быстро приближался к ведущей в диспетчерскую лестнице. Наверху вроде бы мой скрип не расслышали, но это меня не обнадежило. Если между Омикроном и его «псами» установлен постоянный телепатический контакт, берсерк снизу наверняка известит его о подозрительном шуме, и он сразу же пошлет ко мне с крыши второго телохранителя.

Выдрав чеки сразу у двух гранат, я кинул их к подножию лестницы аккурат тогда, когда туда подбежал первый берсерк! Словами не описать, какой это был урод! Размерами он не превосходил гиганта, что сторожил тайник Рустама, но выглядел гораздо страшнее и больше напоминал тролля из кинофильма «Властелин колец», чем просто громадного человека.

Впрочем, ужасаться его чудовищной рожей мне предстояло лишь считанные секунды. Бросив гранаты, я сразу отпрянул от лестничного проема, чтобы меня не посекло осколками. А вот «тролль» не успел сообразить, что это только что со звяканьем прикатилось ему под ноги. Перешагнув через гранаты, он ступил на лестницу, и в этот момент прямо позади него раздались одновременно два взрыва, практически слившиеся в один.

Гранаты были наступательные, поэтому их ударная волна, даже удвоенной мощности, не смогла сбить с ног гиганта весом в три центнера. Но не обратить внимание на впившийся ему в ноги, задницу и спину, сонм осколков он уже не мог. Выгнувшись дугой от боли и взревев, берсерк не удержал равновесие и завалился навзничь. Я снова выглянул в проем, чтобы оценить результат своей контратаки. И заметил, что левая нога «тролля» изогнулась в коленном суставе под неправильным углом – наружу. Очевидно,

несколько осколков раздробили ему сустав и рассекли связки, но других столь же серьезных повреждений я у него, к своей досаде, не разглядел.

Вернее, не успел разглядеть, потому что ведущая на крышу надстройки лестница уже ходила ходуном от топота бегущей к первому берсерку подмоги. Вытаскивая чеки у гранат, я отставил «Вепрь» в сторону. И когда второй гигант возник на пороге диспетчерской, подбирать стоящий в трех шагах позади карабин было уже поздно – чудовищу оставалось сделать лишь шаг, чтобы дотянуться до меня. В этот момент у меня под рукой оказались только револьверы. Которыми я не мешкая и воспользовался.

Будь в сложившейся ситуации хоть капля романтики, я бы сказал, что готовился к этому моменту всю свою жизнь. На самом деле это, конечно, было не так, и я оттачивал свои навыки сначала в цирковой школе, а затем работая в цирковом родео с иной целью – целью банального заработка на пропитание. Но как бы то ни было, не владей я своим ремеслом в совершенстве, мне вряд ли посчастливилось бы выиграть этот поединок с громадным, могучим и живучим противником. Потому что обычный шестизарядный револьвер в руках обычного человека его бы не остановил.

Стрелять берсерку в грудь было бесполезно, и я не стал это даже проверять. Выхватив Бедлам, я за полторы секунды выпустил врагу в голову целый барабан. И вернув разряженный револьвер в кобуру, мгновенно выхватил из другой набедренной кобуры Хаос. Но стрелять не стал, поскольку не сомневался в том, что со столь короткого расстояния шесть пуль сорок пятого калибра начисто снесут врагу голову. Даже такую огромную и твердолобую голову, что держалась на плечах этого «тролля».

Ошибиться являлось невозможно – мало, что ли, я снес копательских голов за последние годы? И тем не менее случилось практически невозможное! Вот это был череп так череп, я вам доложу! Да, мои пули нанесли врагу кое-какой урон, выбив ему правый глаз и оставив у него на лице глубокие отметины, но его голова осталась практически целой! Как и сам он не только устоял на ногах, но и тут же снова ринулся на меня с устрашающим рыком.

Деваться мне было некуда, и смена тактики вряд ли мне чем-то помогла бы. Отскочив назад, я выпустил в ту же цель за то же малое время еще шесть пуль. После чего сменил Хаос на Террор, но опять-таки повременил стрелять сразу. Потому что увидел, как теперь от головы берсерка оторвался целый фрагмент, а сам он остановился, отшагнул назад и зашатался.

– Ну же, падай, сука! Падай, кому говорят! – прокричал я ему,

глядя на вращающую уцелевшим глазом, верхнюю левую половинку вражьей головы. Челюсти берсерка все еще оставались на месте и двигались, правда, нижнюю перекосило набок, отчего она развернулась по отношению к верхней чуть ли не на девяносто градусов.

Немыслимое дело, но гигант и на сей раз не только устоял, но и предпринял третью попытку напасть на меня. Пришлось целиком разрядить в него и Террор. И лишь с третьей попытки и с восемнадцатой пули я наконец сделал то, на что прежде мне хватало двух, максимум трех выстрелов. Голова «тролля» была отстрелена по самую нижнюю челюсть, и он уже не отшагнул, а попятился назад.

Теряя равновесие, он вывалился на площадку той лестницы, по которой сюда спустился. Она была приделана к наружной стене надстройки, и когда обезглавленный исполин врезался спиной в перила, он сломал их и полетел дальше. Но грохнулся не землю, а на крышу вокзала, где – вот ведь живучесть! – отказался умирать спокойно! Яростно скребя ручищами кровлю и оставляя за собой кровавый след, берсерк пополз в ту сторону, откуда доносился шум. Сам он опасности уже не представлял, но от его предсмертных конвульсий крыша содрогалась и грозила обвалиться.

Содрогалась, впрочем, не только она, но и лестница, которую из-за моих гранат не взял штурмом первый берсерк. И сейчас он пытался исправить свою оплошность, решившись на повторную атаку. Из-за поврежденной ноги он не мог ходить, зато ползал так резво, что пока я сносил голову его собрату, он успел вскарабкаться аж до верхних ступенек. Еще немного, и он выползет в диспетчерскую, где на ровном полу уже без труда меня достанет.

Впрочем, этих нескольких секунд мне хватило на то, чтобы вернуть в кобуру разряженный Террор и схватить «Вепрь». Таким оружием сражаться с берсерками было уже не в пример легче. Ананас снабдил меня тремя магазинами, снаряженными патронами с крупной картечью, но для добивания этого покалеченного гиганта мне хватило и одного. Восемь патронов по девять 8,5-миллиметровых дробин в каждом – я выпустил их в голову ползущего ко мне берсерка один за другим с расстояния в пару шагов. На такой короткой дистанции картечины еще не успевали разлететься, так что редко какая из них прошла мимо цели. А те, что в нее попали, справились со своей задачей не хуже револьверных пуль, обратив голову «тролля» в ошметки и разметав их по всей лестнице.

Омикрон! Я разделался с двумя его телохранителями

меньше, чем за минуту, и за это время он вряд ли успел куда-то деться с крыши диспетчерской. Это хорошо. Но теперь, оставшись со мною один на один, он явно не собирался стоять столбом и встречать меня с повинной головой. Что было у него сейчас на уме – бегство или сопротивление, – я понятия не имел. Но так или иначе, мне надо было поспешить разобраться с ним, чтобы он не успел скрыться или подготовиться к бою.

Я не стал тратить драгоценные секунды на смену магазина у ««Вепря» и достал свой последний не разряженный к этой минуте револьвер – Фатум. Поводыри – не берсерки. Их трудно поймать, но убить можно всего одной пулей, а в барабане Фатума их было шесть. Так что если у Омикрона нет при себе оружия, с которым он может уметь обращаться, даже с одним револьвером у меня будет перед ним огневое преимущество.

Я выскочил на лестницу, собираясь взбежать наверх, и в этот момент с настройки спрыгнула рослая, но весьма подвижная фигура с отсутствующей левой рукой. Спрыгнула она не на землю, а на крышу вокзала – туда, куда полминуты назад упал обезглавленный берсерк. Надо понимать, что раз Омикрон решил спуститься вниз в два приема, значит, он побоялся переломать себе конечности. А раз он этого побоялся, то, значит, его должны были пугать и мои пули.

– Стоять! – рявкнул я и, вскинув револьвер, выстрелил однорукому беглецу в культю. Так, чтобы пуля задела его лишь по касательной. Я не забыл о просьбе Равиндера постараться не убивать поводыря до тех пор, пока сикх с ним не пообщается. И не собирался выносить ему мозги, если он сам не вынудит меня к этому.

Омикрон еще не обрел равновесие после прыжка, поэтому ударившая его вскользь пуля вынудила его споткнуться и упасть лицом вниз. Приложился он о железную кровлю довольно-таки крепко. И когда снова смог подняться, я тоже успел соскочить с лестницы на крышу и стоял теперь в трех шагах от него с нацеленным ему в лицо Фатумом.

Если бы эта наша встреча состоялась спустя полгода, год или полтора года после того, как стая однорукого поводыря разорвала Алену, Антошку и почти всех моих товарищей по цирковой арене, он прожил бы у меня не более пяти секунд. Сначала я прострелил бы ему оба колена, затем отстрелил бы двумя выстрелами правую руку, а последнюю пулю вогнал бы промеж глаз. Но с тех пор прошло гораздо больше времени. И сейчас злорадство и гнев хоть и жгли меня изнутри, но уже не застили мне рассудок. В револьвере у меня оставались пять патронов, но я был готов повременить тратить их на Омикрона из уважение к моему другу

Равиндеру. Для которого высший поводырь и впрямь мог оказаться ценным информатором, каким бы там способом Сингх ни намеревался его допрашивать.

Поднявшись на ноги, Омикрон повернулся ко мне лицом и замер на месте. Не знай я, кто передо мной, то, честное слово, никогда не подумал бы, что это – копатель, а не живой человек. Однорукий глядел на меня вполне осмысленным взором, в котором было не больше сумасшествия, чем он мог увидеть в моих сверкающих злобой глазах. Кажется, он совершенно не боялся моего оружия, хотя я наглядно продемонстрировал, что готов без колебаний пустить его в ход. Или это объяснялось тем, что он прочел мои мысли и узнал, как ему надо себя вести, чтобы не спровоцировать меня на выстрел?

– Ты умеешь говорить? – поинтересовался я.

В глазах поводыря вроде бы возникло понимание, но ответом он меня не удостоил. Я спросил то же самое еще раз, громче и четче. Результат остался неизменен. Тогда я решил воспользоваться методом Сингха, о котором он рассказывал мне и Ананасу. Хоть то и вызывало у меня нестерпимую боль, я представил в мыслях образы Алены и Антошки. Затем представил их такими, какими я нашел их после того, как до них добрались копатели Омикрона. А в завершении представил его самого, стоящего на обочине дороги, неподалеку от устроенной им резни, и глядящего на проезжающий мимо автобус, в котором спаслись тогда я и мои немногие товарищи…

…И тут же в голове у меня возник следующий образ, только «автором» его был совершенно точно не я. Потому что мне и в голову не пришло бы вообразить сейчас нечто подобное.

Я увидел тот же самый автобус, только находился не внутри него, а в стороне, на обочине дороги. И в автобусе этом я рассмотрел самого себя, забрызганного кровью и глядящего прямо на меня совершенно безумным взором. Вернее, не на меня, а на Омикрона, ведь это его глазами я наблюдал сейчас ту сцену, о которой сам же ему и напомнил. И это он, выходит, транслировал мне в голову свои воспоминания, поскольку, не понимая моих слов, это мое обращение он все-таки понял.

– Значит, оказывается, ты помнишь и меня, и ту резню! – злорадно усмехнулся я. – Что ж, это хорошо! А теперь – пошел! Вперед! Шевелись!

И я указал ему стволом Фатума на север, собираясь увести пленника за аэровокзал – туда, где нас не смогут заметить его копатели. А чтобы он быстрее меня понял, я продублировал свой приказ мысленно: представил, как я и он подходим к краю крыши и спрыгиваем с нее вниз.

И вновь я получил от Омикрона телепатический ответ. Только этот его ответ, в отличие от первого, мне уже откровенно не понравился.

Возникший у меня перед глазами образ был ярче и выразительнее предыдущего: огромная стая зомби волной накатывает на аэровокзал и в считанные секунды разрывает меня на куски. И ладно, если бы это был только образ! Однорукий посмотрел в южном направлении, и когда я проследил за его взглядом, то увидел… правильно – этих же самых зомби, которые двигались к вокзалу, поспешно сбиваясь на ходу в стаю.

Автомобиль моих играющих в догонялки с берсерками товарищей был в эту минуту на южном краю ВПП. Также, как и берсерки. Но если они получили тот же телепатический приказ бежать на помощь боссу, то они шутя обгонят своих менее расторопных собратьев и примчатся сюда первыми.

Хотя нет, похоже, Омикрон призывал к себе свою армию вовсе не для того, чтобы она его спасла. Как бы ни торопились копатели, я все равно прикончу поводыря раньше, чем они до нас добегут. И он прекрасно знал об этом. Как знал и о том, что ему бессмысленно дергаться, пытаясь убежать или вступить со мной в драку. Я спущу курок еще до того, как однорукий сделает хотя бы шаг. Поэтому он приготовился умереть. Но не просто так, а нанеся мне перед смертью удар возмездия. Да, Омикрон погибнет, но я переживу его совсем ненадолго. Даже если мне повезет удрать от простых копателей, берсерки все равно настигнут меня еще до того, как я добегу до границы аэропорта.

– Так вот что ты задумал! – воскликнул я. – Ну ладно, будь по-твоему! Вот только у меня есть для тебя сюрприз получше!

Не тратя больше время на транслирование поводырю каких-либо образов, я подскочил к нему вплотную и засветил ему револьверной рукояткой по лбу. А когда он упал на спину, я выхватил свободной рукой из-за голенища сапога плоскую бутылочку из-под коньяка, выдернул из нее зубами пробку и, пока Омикрон не очухался, разжал ему стволом револьвера челюсти, а затем вылил содержимое бутылочки прямо ему в глотку. После чего отбросил склянку и крепко зажал врагу ладонью рот и нос, заставив его тем самым волей-неволей проглотить угощение.

Также, как Панкрат напоил близ Коврова «просветлителем» того зомби, так и я поступил сейчас с Омикроном. Разве что я влил в него не полстакана лекарства, а чуть больше – с поправкой на то, что он был все же не рядовым копателем, а высшим. Вряд ли кому-то еще до меня (не считая, возможно, «гегемонов») доводилось поить этой дрянью поводырей. Тем не менее, и на них она действовала превосходно. Когда Омикрон затрясся в

конвульсиях, я оставил его в покое и, отступив на пару шагов, стал дожидаться результата. Помнится, в прошлый на это ушло около тридцати секунд. Хотелось надеяться, что сегодняшний процесс тоже не затянется, потому что стая зомби должна была нагрянуть сюда с минуты на минуту.

На превращение однорукого в человека ушло секунд на пятнадцать больше. Но когда у него прекратились судороги, его первая реакция ничем не отличалась от реакции Семена, который, правда, прожил затем совсем недолго. Сколько должен был протянуть в обличии чисторукого Омикрон, черт бы его знал, да я это и не собирался проверять. Едва его взор мало-мальски прояснился и у него наконец-то прорезался голос, которым он начал задавать вполне ожидаемые вопросы, я снова навел на него револьвер и приказал:

– А ну встать! Немедленно!

И без того напуганный калека беспрекословно подчинился.

– Не стреляйте, прошу вас! – взмолился он. – Я не знаю, что происходит… Где Марта? Что с моими детьми? Мы… Кажется, наш самолет упал, когда мы летели… летели в Ростов…

– Что еще ты помнишь? Отвечай! – потребовал я, посматривая на приближающуюся стаю. Спрашивать у однорукого его имя я не стал – оно было мне даром не нужно. Также меня не волновало, где он потерял руку. Но раз его не удивило ее отсутствие, значит, это случилось еще до той авиакатастрофы, о которой он заикнулся.

– Ничего! Я абсолютно ничего не помню! – ответил Омикрон. – Но я жив! Наш самолет должен был разбиться! Я видел в иллюминатор, как он упал на лес! Все кричали! Было столько криков! Господи, как же много там было криков! Одни крики и больше ничего!

– Сожалею по поводу твоей семьи, – сказал я, беря калеку за рукав и подводя его к краю крыши. Он не сопротивлялся – в таком шокированном состоянии он был не опаснее паралитика. – Я не знаю, что случилось с твоей Мартой и детьми, но наверняка все они погибли. И, поверь, лучше бы ты погиб вместе с ними, и наша встреча никогда бы не состоялась. Хотя у меня еще есть несколько секунд на то, чтобы это исправить. Прощай, Омикрон! Теперь мы с тобой в полном расчете.

– Боюсь, я вас не понимаю… – вытаращив на меня недоуменные глаза, начал было он. Но я сказал ему все, что хотел. А, сказав, изо всех сил толкнул его в спину и сбросил с крыши.

Конечно, он не разбился. И даже не покалечился. Упав с четырехметровой высоты, он удачно приземлился на

полусогнутые ноги, а затем повалился боком на мягкую траву. Только встать с нее Омикрону было уже не суждено. Завидев несущихся к нему, двух гигантских берсерков, он заорал от страха, замахал рукой и заелозил по траве. Действительно, он ничего не помнил о том, кем он был последние несколько лет, а иначе вместо того, чтобы паниковать, он попытался бы вновь подчинить себе этих монстров. Которые, однако, тоже в упор не признали своего бывшего поводыря и хозяина. Теперь он был для них самым обычным человеком, а с обычными людьми у берсерков всегда был разговор короткий…

«Одни крики и больше ничего», – так описал Омикрон мне свои последние воспоминания. Как символично – мои последние воспоминания о нем были точно такие же. Спрыгнув с противоположного края крыши – так, чтобы вокзал заслонил меня от берсерков и от приближающейся стаи копателей, – я бросился наутек с той скоростью, на какую только был способен. Но дикие вопли раздираемого на части Омикрона продолжали преследовать меня до тех пор, пока я не отбежал от вокзала на достаточно большое расстояние. И после этого они еще долго эхом звучали у меня в голове. Эхом, которое будто совесть напоминало мне о том, что, мечтая свести счеты с одноруким злодеем-поводырем, отомстил я в итоге не ему, а совершенно незнакомому и ни в чем не виноватому передо мной человеку…

Глава 29

Панкрат и Равиндер догнали меня на Большом Вожде вскоре после того, как я швырнул «очеловеченного» Омикрона на съедение его бывшим телохранителям и убежал. Добежал я, к слову сказать, аж до северного края взлетно-посадочной полосы. Куда мои напарники примчались сразу после того, как я привлек их внимание пальбой в воздух. Не заметить подаваемые мною сигналы они не могли. К этому моменту все копатели, с которыми они только что воевали, оставили их в покое и бросились к аэровокзалу. То есть ко мне. А раз так, смекнули Ананас и Сингх, значит, сейчас и я рвану оттуда как угорелый, неважно, удалось мне поквитаться с Омикроном или нет…

В общем, все сложилось не то, чтобы хорошо, но и не откровенно плохо. Да, я подвел Равиндера, не сумев доставить ему для его экспериментов высшего поводыря. А также потерял в ходе этой битвы две единицы полезного оружия: карабин Панкрата и нашу снайперскую винтовку. С боеприпасами и взрывчаткой после сегодняшней феерии у нас тоже стало туговато. Чтобы разжиться ими, нам придется сначала поработать на тех, кто ими торгует. Вот только как нам браться за серьезную работу с почти пустыми «пороховницами»? Так что придется сначала перебиваться какой-нибудь мелочевкой, что для таких наемников, как мы, выглядело несолидно. Да только что тут поделаешь? Я заранее знал, что охота на Омикрона – расточительное занятие. И честно предупреждал об этом Панкрата. Но раз ни он, ни я в итоге не пошли на попятную, то, значит, и незачем нам было брюзжать из-за надвигающейся на нас, голодной и малоприбыльной зимы.

Впрочем, имелись во всем этом и хорошие стороны. Однорукий поводырь все-таки получил по заслугам. И поучил не абы как, а согласно классическому принципу возмездия «око за око». Все мы истратили на эту полуторамесячную охоту кроме боеприпасов также немало сил и нервов, но никто из нас в ходе ее не пострадал – и это главное.

Равиндер мог утешиться тем фактом, что все имеющиеся в его архиве данные на Омикрона соответствовали действительности, а, значит, и прочая тамошняя информация наверняка была правдой. Еще он разузнал о том, что высшие поводыри утратили дар речи, но не утратили способность общаться с чисторукими посредством телепатического обмена мысленными образами. И что все поводыри были такими же жертвами Зова, как и прочие копатели. Хотя раньше бытовало

мнение, что на самом деле они могут быть людьми. Теми, что не утратили рассудок, а, напротив, получили от таинственных виновников всепланетного катаклизма дар повелевать зомби. За какие такие заслуги сих избранных личностей посвящали в поводыри, неизвестно, но сегодня мы разоблачили эту гипотезу и отправили ее в мусорную корзину.

А еще Сингх имел полное право забрать часть от нашего с ним совместного трофея – «просветлителя». Который, вероятно, пригодится ему в будущем гораздо больше, чем нам. Также считал и Ананас, хотевший было уступить ему свою долю этого препарата, но пенджабец вежливо отказался. Все-таки сикх странствовал пешком, и таскать с собой несколько литров хоть и полезной, но все равно тяжелой жидкости было для него утомительно.

– Жаль «Вепря» – через какие только передряги мы с ним ни прошли, – сокрушенно вздохнул Панкрат, когда Равиндер увез нас на безопасное расстояние от Кичменгского Городка и все мы перестали тревожно озираться. – Ладно, хоть не напрасно мы им пожертвовали, да и Иванычу он как-никак пригодился… Ну что, Иваныч, надеюсь, теперь-то тебе полегчало?

– Есть немного. Конечно, не так, как оно хотелось бы, но дело определено того стоило, – признался я. У меня в ушах все еще звенел предсмертный вопль принесенного мною в жертву, невинного человека, даром что тот вскоре опять превратился бы в поводыря. Так что до полного облегчения мне было, судя по всему, еще далеко. А, возможно, оно вообще никогда для меня не наступит. Ведь то, что я в конце концов загарпунил своего «белого кита», никак не воскресит всех тех, кого он у меня отнял.

– Это хорошо, – порадовался за меня Ананас. – Полагаю, с этого дня ты станешь чуть-чуть менее занудным, чем раньше, когда у тебя в заднице постоянно свербела эта заноза.

– Я что, действительно кажусь тебе занудой? – удивился я. Сколько мы уже проработали с этим напарником, но он еще ни разу меня так не называл. По крайней мере, в глаза.

– Да есть немного. Так что нынешнее дело определенно того стоило, – ответил мне моими же словами Панкрат, вытрясая из пачки очередную сигарету. – Ну ладно, раз этой проклятой охоте настал конец, куда покатим дальше?

– Отвезем Равиндера туда, куда он нас попросит, – ответил я, устало откидываясь на спинку сиденья. – Или пусть он сам себя отвезет, раз уж он среди нас самый крутой водитель. Больше нам его за помощь, к сожалению, отблагодарить нечем.

– Правильно говоришь, – одобрил мое решение Ананас. – Поможем парню, чем можем – не вопрос! Хоть до самой Москвы

добросим – пусть только скажет. Ежели бы не Равиндер, мы бы с тобой вдвоем такое громкое дело ни в жизнь не провернули бы.

– До Москвы мы при всем старании не доедем, – напомнил я, – но до Подмосковья – можно попробовать. Многие разведчики доезжают на машинах до Фрязино, Ногинска, Жуковского или Подольска, а уже там спешиваются и дальше топают на своих двоих. К тому же, как подсказывает мне интуиция, никаких сюрпризов с нами в дороге случиться не должно.

– С чего вдруг такая уверенность? – усомнился Панкрат.

– С того, что свой лимит по сюрпризам – как приятным, так и приятным, – я в нынешнем году уже выбрал, причем с запасом на будущий, – пояснил я. – Так что если в моей жизни и должен наступить спокойный период, то именно сейчас для этого самое подходящее время. И я намерен использовать его не впустую, а с максимальной пользой – помочь нашему другу Сингху достичь его цели…

Сказав это, я и представить себе не мог, что эти мои слова заденут леди Фортуну за живое, и что очередной ее сюрприз обрушится на нас буквально через несколько секунд.

– Господин Степан! Господин Панкрат! – подал голос скромно отмалчивающийся до этого Равиндер. – Я пробыл в вашей команде лишь пять с половиной суток, но мы с вами так много успели вместе пережить, что я считаю своим долгом кое в чем вам признаться. Но сначала мне придется принести вам извинения, потому что все это время я был с вами не до конца честен…

– Э, нашел перед кем каяться! – отмахнулся Ананас. – Думаешь, мы с Иванычем обо всех наших грехах тебе без утайки рассказывали? Да у каждого из нас за душой столько всякого дерьма водится, что мама не горюй.

– Я имею в виду не те мои секреты, которые касаются только меня, господин Панкрат, – уточнил пенджабец. – Я говорю о том, что не сказал вам, когда должен был это сделать. Особенно после того, как вы безвозмездно передали мне архив Рустама Ходока.

– Ну раз тебе так хочется – что ж, валяй, – не стал я возражать. – Только давай обойдемся без извинений, окей? В чем бы ты сейчас нам ни признался, клянусь, ни я, ни Ананас нисколько на тебя не обидимся. Как-никак, но мы же все-таки друзья, разве нет?

– Хорошо, господин Степан. Как скажите, – кивнул Сингх. И, собравшись с духом, признался: – Я вас обманывал, когда делал вид, что архив Ходока мне незнаком. Вернее, он и правда был мне незнаком. Но я точно знал, кому принадлежат те документы и кто делал фотографии, которые в нем были. А также те фотографии, которые вы видели у меня.

Я озадаченно нахмурился, а Ананас от удивления даже поперхнулся сигаретным дымом.

– Та-а-ак! – протянул он, когда прокашлялся. – А ситуевина и правда становится все интереснее и интереснее!.. Продолжай!

– Начну с того, что на самом деле я не тот, за кого вы меня принимаете, – вновь заговорил сикх. – Да, Царица Копателей – это действительно моя сестра Шармила, которую я собираюсь найти. И – убить, если до этого дойдет. Только я очутился здесь не потому, что кто-то подбросил моей семье фотографии Шармилы. Моя семья вообще ничего не знает об этих фотографиях. Она думает, что я отправился в Россию, чтобы отыскать сестру, если это удастся, и привезти ее домой. О том, что наша Шармила и есть главный копатель, моей семье тоже неизвестно.

– Значит, с тобой вышел на связь вовсе не аноним, а непосредственно автор фотоснимков, – заключил я.

– Не автор, – поправил меня Равиндер, – а те, на кого он работал. Вернее, их представитель. Он и завербовал меня в итоге работать на этих людей.

– На фонд «Гегемония»?! – Впервые на моей памяти напарник дважды поперхнулся дымом одной и той же сигареты.

– Нет, что вы, господин Панкрат! Разумеется, не на фонд! – поспешил успокоить его Сингх. – Я понимаю, почему вы так подумали. Принято считать, что сегодня «Гегемония» – самая могущественная организация на этом полушарии Земли, и только ей по карману вести аэрофотосъемку Котлована, а также составлять маршруты движения высших поводырей. Это логичное предположение, но вы заблуждаетесь. Помимо «Гегемонии» есть еще одна сила, которая на такое способна. Или даже не одна – этого я не знаю. Но раз она все же существует, будет справедливо допустить, что на свете могут существовать и другие, подобные ей силы. Только им, в отличие от «гегемонов», приходится тщательно скрываться, потому что для фонда они – непримиримые враги.

– И кто же они, эти партизаны, у которых хватило средств, чтобы опознать на фото Царицы Копателей гражданку Пенджаба и выйти на связь с ее братом, но которые не могут в открытую противостоять «черным колоннам»? – спросил я.

– Они… то есть мы называем себя Армией Живых, – ответил Равиндер. – И это мы, а не фонд, ищем оружие для борьбы с Зовом. Ну а «Гегемония»… Мы не знаем, чем она занимается на самом деле. Но судя по тому, с какой враждебностью она к нам относится, вы сами можете сделать вывод, какие цели она преследует.

– Авторитетно звучит – «Армия Живых», – покачал головой Ананас. – И как много сегодня таких «живчиков», как ты, в этой вашей Армии?

– Достаточно, чтобы отражать регулярные атаки «черных колонн». Но пока маловато, чтобы объявить ей полномасштабную войну, ведь «Гегемония» при необходимости может привлекать на свою сторону орды копателей. Вспомните хотя бы ту зэд-волну, что обрушилась недавно на Саранск… Вот почему мы хотим для начала попытаться уничтожить цели, достать которые, теоретически, нам по зубам – высших поводырей и Царицу Копателей. Даже если их смерть просто ослабит Зов или тех, кому он служит, это позволит нам выйти из подполья и нанести удар по «черным колоннам». Если же нет – значит, мы больше не будем отвлекаться на второстепенные цели и сосредоточим все наше внимание на главной – «Гегемонии».

– Отлично, – заметил я. – Но раз ты все-таки не герой-одиночка, а солдат целой подпольной армии, значит, когда мы встретили тебя впервые, ты не шел в Москву, к сестре? Потому что армия не послала бы на столь ответственное дело одного-единственного бойца, даже такого подготовленного.

– Ваша правда, – не стал отрицать Сингх. – В Самаре и в Ульяновске я выполнял задание моего командования – вычислял один из маршрутов передвижения крупных стай копателей. Но стая, за которой я следил, похоже, прибилась к зэд-волне, а она обычно прет не разбирая дороги. Поэтому я решил вернуться на нашу базу отчитаться о той работе, которую успел к этому дню проделать. И тут мне дважды повезло: я встретил вас и мне оказалось с вами по пути. А когда вы случайно наткнулись на документы Армии Живых, я и представить себе не мог, что вы преподнесете мне их в подарок.

– А если бы мы тебе их не отдали, что тогда? – поинтересовался Ананас.

– Тогда я доложил бы командованию, что обнаружил по дороге один из наших пропавших архивов, который оказался у ныне погибшего разведчика по прозвищу Ходок, но забрать архив назад у меня не вышло. Вот и все. И это не доставило бы вам никаких проблем. Тактические карты и справочник, которые вы мне отдали, для нас хоть и важны, но они – это лишь одна из множества копий. Наши командиры теряли их в ходе полевых операций уже не раз и не два. И наверняка будут терять еще, ведь мы не планируем вечно отсиживаться в убежищах. Вероятно, именно так Ходок их и раздобыл – нашел их на месте гибели какой-нибудь нашей оперативной группы.

– Так, значит, ты всего лишь притворялся, делая вид, что

обрадован нашей находке и что берешь из нее какие-то новые для себя сведения? – спросил я.

– Вовсе нет, господин Степан. Я действительно был рад изучить архив. Это ведь командирские карты, которые мне – солдату, – никто никогда не показывал. Поэтому я видел их впервые также, как и вы.

– И что же было дальше? Куда ты направился из Краснослободска и почему все-таки вернулся?

– Я добрался до нашей базы под Сасово, где рассказал обо всем, что со мной случилось, и с кем я по дороге встретился. И это я предложил командованию, чтобы оно снова отправило меня к вам на подмогу. Его заинтересовала ваша идея бросить вызов Омикрону и оно желало быть в курсе, что из этого получится. Армии Живых уже доводилось убивать высших поводырей, но всякий раз мы делали это на расстоянии, с помощью мин, гранатометов и снайперских винтовок. Еще ни разу мы не подбирались к высшим поводырям так близко, как вы, господин Степан. И тем более мы не обменивались с ними телепатическими мысленными образами. Поэтому то, что вам сегодня удалось – для нас это очень важное открытие. Добавьте сюда еще «просветлитель», который вы мне дали – бесценный подарок для наших ученых, которые никогда прежде ни с чем подобным не сталкивались. Сами того не желая, вы внесли серьезный вклад в наши научные исследования. И за это я намерен вытребовать для вас у командования достойную награду.

– А вот это уже лишнее, Равиндер. Правда – лишнее… – Я слегка смутился. – Я занимался этим вовсе не за награду, ты же знаешь. Или, если на то пошло, считай, что я принял от вас награду и сразу пожертвовал ее Армии Живых на успех вашего благого дела… Кстати, а кто в конце концов решил завербовать нас: твои боссы, или это была твоя личная инициатива?

– Завербовать? – переспросил Ананас, переведя недоуменный взгляд с сикха на меня.

– А чем он сейчас, по-твоему, занимается, если не зазывает нас под свои знамена? – усмехнулся я. – Или ты думаешь, что образцовый партизан раскрыл бы нам подобные секреты с какой-то иной целью?

– И впрямь малость похоже на вербовку, – кивнул, согласившись со мной, напарник.

– Ну… хм… я бы сказал, что это все-таки дружеское приглашение, а не вербовка… – Теперь настала очередь Сингха испытывать смущение. – Приглашение, которого удостаиваются от Армии Живых только самые достойные и надежные люди. И да – это была моя идея. Я думал об этом всю дорогу от

Краснослободска до Сасово, и решил, что так будет правильно. Я уже поручился за вас перед командирами и всегда поручусь еще, если потребуется. Так что вам остается лишь согласиться с моим предложением или отклонить его.

– Ты знаком с нами всего пять дней, – напомнил я. – Все же столь короткого знакомства недостаточно, чтобы брать на себя ответственность за нас. Мало ли, какими проходимцами мы можем на самом деле оказаться.

– Может быть, по вашим меркам я еще и молод, господин Степан, – ответил на это Равиндер, – но у нас, у сикхов, я уже считаюсь взрослым воином, который знает толк в людях и способен принимать любые ответственные решения. И раз я сказал, что уверен в своем выборе на все сто, значит, я в нем и правда абсолютно уверен.

– Да я, в общем-то, тут с тобой и не спорю, – улыбнулся я. – Но ведь мы – не солдаты, а наемники. То есть люди, не приученные к армейской дисциплине и презирающие законы субординации.

– На сей счет можете тоже не волноваться, – пообещал Равиндер. – Никто в Армии Живых не будет заставлять вас маршировать в ногу, нести караул и беспрекословно подчиняться приказам. Вы продолжите делать то же самое, что делали всегда – кататься по миру и много стрелять, – только теперь у вас будет всего-навсего один наниматель. К тому же вы сами сказали, что впереди у вас – голодная зима и не слишком доходная работа. Однако Армия Живых точно не даст вам помереть с голоду, а трудной, но щедро вознаграждаемой работы у нас в избытке. Поэтому что вы теряете? Просто перезимуйте эту зиму вместе с нами, а дальше поступайте как знаете: возвращайтесь к своему прежнему бизнесу или продолжайте сотрудничать с Армией… Так что вы мне ответите, господин Степан? Господин Панкрат?

– Но в Армии мы не знаем больше никого кроме тебя, – заметил я. – То, что у вас имеются средства на борьбу, это мы уже поняли. Но что вы вообще за люди такие, хотелось бы знать.

– Самые обычные люди со всех концов планеты: солдаты, инженеры, ученые, врачи, рабочие, фермеры, бизнесмены, – пожал плечами Сингх. – Люди, которые хотели бы по мере своих сил и знаний бороться с Зовом и его последствиями, но которые постоянно натыкаются на яростное сопротивление со стороны «Гегемонии». Такие же люди, как я и вы, господин Степан и господин Панкрат.

– Что скажешь, Иваныч? – Ананас посмотрел на меня с таким видом, что я сразу понял: одного новобранца в ряды Армии Живых Сингх уже практически завербовал. – По-моему, парень

дело толкует. Или и правда будем прозябать до весны голодными облезлыми волками, или займемся работенкой, которая не только нам, но и, возможно, миллионам людей в итоге пользу принесет. Хотя бы временно на этих «живчиков» поработаем, а там как масть попрет.

– Ты так не сказал, куда мы можем тебя отвезти, – обратился я к Равиндеру, проигнорировав вопрос напарника. – И не возражай – в какую бы даль ты ни собрался, пешком мы тебя туда не отправим.

– Вообще-то, я собирался вернуться в Сасово, независимо от того, примите вы мое приглашение или нет, – ответил пенджабец, поняв по моему категоричному тону, что спорить со мной на сей счет бесполезно. – Поэтому, если вас не затруднит…

– Что ж, превосходно: в Сасово – значит, в Сасово, – перебил я его. И, поправив шляпу, добавил: – Дотуда примерно три-четыре дня пути, так что время обдумать твое, бесспорно, заманчивое предложение у нас еще есть. А когда доберемся до места, тогда мы и дадим тебе наш окончательный ответ, договорились?… Ну а сейчас, когда мы разделались с нашей главной проблемой, предлагаю найти какую-нибудь заброшенную деревушку, а в ней – маленький неприметный домик, где мы могли бы передохнуть и отоспаться перед дальней дорогой. Надеюсь, никто не возражает?

– Да и пожрать тоже было бы неплохо, – Панкрат облизнулся и мечтательно похлопал себя по брюху. – Только чур сегодня я буду кашеварить, а то у меня за два дня от ядреной сикхской кухни, кажись, вот-вот огонь из глотки повалит так, что мне даже прикуривать не надо будет…

Короче говоря, никто не возражал против передышки. И Большой Вождь, ведомый Равиндером Сингхом, повез нашу компанию на юг, где нас, возможно, ждали не только обед и отдых, но и еще много чего хорошего.

А, возможно, и нет…

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»